

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

DAGESTAN SCIENTIFIC CENTRE OF RAS
INSTITUTE OF HISTORY,
ETHNOGRAPHY AND ARCHAEOLOGY

Albania Caucasica

I

Edited by
Alikber K. ALIKBEROV, Murtazali S. GADJIEV

Moscow
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS
2015

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Albania Caucasica

I

Ответственные редакторы:
А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев

Москва
ИВ РАН
2015

ББК (235.7)71.4

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной национальной культурной автономии
(ФЛНКА)*

Ответственные редакторы: А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев

Редакционная коллегия: А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев,
Ю.А. Ландер, Т.А. Майсақ, В.С. Мирзеханов

A30 Albania Caucasia: Сб. статей. — Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Дагестанский науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. — Институт востоковедения РАН, 2015, — 270 с., ил. — Парал. тит. л. англ. — ISBN 978-5-89282-642-6

Первый выпуск продолжающегося научного издания «Albania Caucasia» — новой площадки международного сотрудничества исследователей — включает в себя избранные материалы, которые были представлены и апробированы на международных форумах «Кавказская Албания и этнокультурное наследие» (Ереван, 2007 г.), «Кавказская Албания и лезгинские народы: историко-культурное наследие и современность» (Москва, 2008 г.) и «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа» (Баку, 2011 г.), а также статьи, написанные специально для этого сборника. В работах авторов из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Франции затрагиваются важнейшие аспекты политической и этнической истории Кавказской Албании, проблемы ее письменности, религии и культуры.

На форзаце: «Карта Колхиды, Иберии, Албании и сопредельных стран» французского картографа XVIII в. Анри Лиебо. Гравёр — Франсуа Байёль / Национальная библиотека Франции (Carte de la Colchide, de l'Ibérie, de l'Albanie et des pays circonvoisins pour servir à l'intelligence de l'histoire romaine / par Henri Liébaux; F. Baillieux sculp., 1729 (Bibliothèque nationale de France).

На титуле: оттиск печати Асвагена, царя Албании (конец IV — начало V в.), с изображением царского знака-нешиана и среднеперсидской надписью (*Gignoux Ph. Intailles sasanides de la collection Piroustan // Monumentum H.S. Nyberg. III (Acta Iranica. 6. Deux Serie). Téhéran-Liège, 1975. p. 17, pl. I, fig. 2.2; Гаджиев М.С. Гемма-печать царя Албании Асвагена // Вестник древней истории. 2003. № 1. С. 102–119).*

ISBN 978-5-89282-642-6

© Институт востоковедения РАН, 2015

© Институт истории, этнографии и археологии
Дагестанского научного центра РАН, 2015

Зазა Николаевич АЛЕКСИДЗЕ

2000-летию города ДЕРБЕНТА,

*80-летию со дня рождения
профессора Зазы Николаевича АЛЕКСИДЗЕ,
ученого-подвижника, своим выдающимся открытием
вдохнувшего новую жизнь в албанистику,*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СОДЕРЖАНИЕ

11 ПРЕДИСЛОВИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

- 16 *Аликбер Калабекович АЛИКБЕРОВ* (МОСКВА)
КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И ЛЕЗГИНСКИЕ НАРОДЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
НОВЫЕ ДИСКУРСЫ
- 28 *Муртазали Серажутдинович ГАДЖИЕВ* (МАХАЧКАЛА)
Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический
и административно-политический аспекты

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- 42 *Giusto TRAINA* (PARIS)
ROMAN REPRESENTATIONS OF CAUCASIAN ALBANIA
- 48 *Генрих Суренович СВАЗЯН* (ЕРЕВАН)
Снова о южной границе Албании (I в. до н. э. — сер. V в. н. э.)
- 57 *Игорь Годович СЕМЕНОВ* (МАХАЧКАЛА)
О времени воцарения в Кавказской Албании Аршакидской династии
- 68 *Муртазали Серажутдинович ГАДЖИЕВ* (МАХАЧКАЛА)
Хронология Аршакидов Албании
- 76 *Рубен Михайлович АБРАМЯН* (МОСКВА)
Материалы по истории Кавказской Албании в фонде Я.Д. Лазарева
в Национальном архиве Армении

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- 81 *Аликбер Калабекович АЛИКБЕРОВ* (МОСКВА)
Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме
как альтернативе койне. Язык письменности и «язык базара»
- 117 *Гошгар Орудж оглы ГОШГАРЛЫ* (БАКУ)
К этнокультурной интерпретации погребений в сырцовых гробницах
на территории Кавказской Албании

- 129 *АЛЕКСАН АКОПОВИЧ АКОПЯН* (ЕРЕВАН)
К хронологии завершения этноконсолидации удинов
и лезгин (период ослабления Арабского халифата)
- 148 *МАХАББАТ ТОФИК ГЫЗЫ ПАШАЕВА* (БАКУ)
Об этнической истории ШАХДАГСКИХ НАРОДОВ
- 154 *АРСЕН ПЕТИКОВИЧ АКОПЯН* (ЕРЕВАН)
К постановке вопроса об этническом облике царства ЛАЙЗАН
- 160 *ГРАНУШ СЕРГЕЕВНА ХАРАТЯН* (ЕРЕВАН)
«Алванские этнонимы» армянских источников
в современной ономастике лезгиноязычных групп

ПИСЬМЕННОСТЬ

- 172 *ЖАН-ПЬЕР МАЭ* (ПАРИЖ)
Месроп Маштоц и АЛБАНСКИЙ АЛФАВИТ
- 177 *МУРТАЗАЛИ СЕРАЖУТДИНОВИЧ ГАДЖИЕВ* (МАХАЧКАЛА)
К интерпретации сведений о создании письменности Кавказской Албании
- 189 *РОМАН ТЕНГИЗОВИЧ ЛОЛУА* (ТБИЛИСИ)
Месроп Маштоц и вопросы генезиса еркатагира и кавказско-албанского письма
- 217 *РУБЕН ХАЧАТУРОВИЧ ТАРУМЯН* (ЕРЕВАН). Влияние приёмов письма
на формирование графем и происхождение агванского алфавита

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

- 236 *ПАРУЙР МАМБРЕЕВИЧ МУРАДЯН* (ЕРЕВАН)
Христианские древности грузино-армяно-дагестанской
контактной зоны в начале XIV века
- 238 *АРМЕН ЮРЬЕВИЧ КАЗАРЯН* (МОСКВА)
АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЛЕКИТЕ И ЕЕ МЕСТО В АРХИТЕКТУРЕ СТРАН ЗАКАВКАЗЬЯ
- 252 *МЕЛЕНИЯ ГУРГЕНОВНА БАЛАЯН* (СТЕПАНАКЕРТ)
Антипрестольный албанский католикосат в Ч'АЛЕТ'Е (XV в.)
- 260 *МУРАТ ДЖАТДАЕВИЧ КАРАКЕТОВ* (МОСКВА)
О гуннском Чопа-Даркунанде из описания албанского епископа VI в.

CONTENTS

11 Foreword

Instead of an Introduction

- 16 *Alikber K. ALIKBEROV* (Moscow)
Caucasian Albania and the Lezgian Peoples: Relevant Issues and New Discourses
- 28 *Murtazali S. GADJIEV* (Makhachkala)
Caucasian Albania and Dagestan: Historico-Geographical
and Politico-Administrative Aspects

Political History

- 42 *Giusto TRAINA* (Paris)
Roman Representations of Caucasian Albania
- 48 *Henrik S. SVAZIAN* (Erevan)
Once Again on the Southern Border of Albania (1st C. BC – mid. 5th C. AD)
- 57 *Igor G. SEMENOV* (Makhachkala)
The Reign of the Arsacid Dynasty in Caucasian Albania
- 68 *Murtazali S. GADJIEV* (Makhachkala)
Chronology of the Arsacids of Albania
- 76 *Ruben M. ABRAMYAN* (Moscow)
Materials on the History of Caucasian Albania in the Collection
of I.D. Lazarev in the National Archive of Armenia

Ethnic History

- 81 *Alikber K. ALIKBEROV* (Moscow)
Peoples and Languages of Caucasian Albania. The Language Continuum
as an Alternative for Koine. Language for Writing and “Language for the Bazaar”
- 117 *Goshgar O. GOSHKARLY* (Baku)
Towards an Ethnocultural Interpretation of the Burials in Mud Brick Tombs
on the Territory of Caucasian Albania
- 129 *Alexan A. HAKOBYAN* (Erevan)
A Chronology of the Process of Consolidation of Udis and Lezgins
(During the Decline of the Arab Caliphate)

- 148 *Mahabbat T. PASHAEVA* (Baku)
On the Ethnic History of the “Shahdagh Peoples”
- 154 *Arsen P. HAKOBYAN* (Erevan)
Towards the Problem of Ethnic Appearance of Layzan Kingdom
- 160 *Hranush S. KHARATYAN* (Erevan)
“The Alvan Ethnonyms” from Armenian Sources
in the Modern Onomastics of Lezgian-speaking Groups

Alphabet

- 172 *Jean-Pierre MAHÉ* (Paris)
Mesrop Mashtots and Albanian Alphabet
- 177 *Murtazali S. GADJIEV* (Makhachkala)
On the Interpretation of Information about Creation
of a Caucasian Albanian Writing System
- 189 *Roman T. LOLUA* (Tbilisi)
Mesrop Mashtots and Problem of Genesis of Erkatagir
and Caucasian-Albanian Alphabet
- 217 *Ruben Kh. TARUMIAN* (Erevan).
The Influence of Writing Methods on the Formation of Graphemes
and the Origin of the Aghvan Alphabet

Religion and Culture

- 236 *Paruyr M. MURADYAN* (Erevan)
Christian Antiquity in the Georgian-Armenian-Dagestani Contact Zone
at the Beginning of the 14th Century
- 238 *Armen Yu. KAZARYAN* (Moscow)
The Albanian Church in Lekit and its Place in the Architecture of Transcaucasia
- 252 *Melania G. BALAYAN* (Stepanokert)
The Anti-throne Albanian Catholicosate in Ch’alet’ (XV Century)
- 260 *Murat Dj. KARAKETOV* (Moscow)
On Hunni Choppa-Darkunand, from a Description
by a 6th Century Albanian Bishop

Предисловие

Уважаемый читатель! Вы держите в руках первый выпуск академического издания «Albania Caucasia», по замыслу его редколлегии — новой площадки международного сотрудничества профессиональных ученых-албанистов и специалистов из смежных научных дисциплин. Появление этого издания отражает значительно возросший в последние десятилетия научный и общественный интерес к истории и культуре древнейшего государственного образования на Восточном Кавказе, известного в исторической литературе под названием Кавказская Албания.

Небывалое внимание к тысячелетней истории Кавказской Албании в наши дни вызвано не только значительным ростом национального самосознания народов Дагестана и Азербайджана, их интереса к своему прошлому, но и недавним открытием мирового значения — обнаружением в 1996 г. профессором З.Н. Алексидзе памятников письменной культуры на албанском языке в библиотеке монастыря Св. Екатерины на Синае. Начиная с 2001 г. прошло уже более десятка научных форумов, состоявшихся в Баку, Ереване, Москве, посвященных различным аспектам истории Кавказской Албании. В этих кон-

ференциях принимали участие ученые (историки, лингвисты, археологи, архитекторы, этнографы, культурологи) не только из стран бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Грузия, Россия), но и дальнего зарубежья (Австрия, Германия, Италия, Франция, Швейцария, Япония и др.), что отражает немалый интерес к истории и культуре этого государства античного и раннесредневекового периодов. По известным причинам в советское время не было проведено ни одной международной или всесоюзной конференции по Кавказской Албании, хотя такие попытки имели место. Так, в 1980-х гг. Институт истории АН СССР в лице его директора, чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева, академические интересы которого распространялись в том числе и на Кавказ, предложил организовать такую конференцию, но диаметрально противоположные взгляды ряда ведущих ученых-кавказоведов на многие узловые вопросы, политизация (уже тогда) научных проблем, связанных с историей Кавказской Албании, не позволили исследователям собраться вместе и обсудить важнейшие проблемы истории народов Кавказа.

Развал СССР привел к разрушению исключительной монополии государства на региональную историю, одним из следствий которой стала, в частности, война историографий на Кавказе. В национальных школах исторической науки начались и продолжаются ожесточенные споры об этническом облике и административно-государственной принадлежности тех или иных территорий. Достаточно сказать, что ни один из научных форумов последних полутора десятилетий, посвященных проблемам Кавказской Албании и проходивших на высоком организационном уровне, не избежал в определенной степени этноцентризма и политизации истории в той или иной форме.

Вместе с тем каждая научная конференция по албанистике, где бы она ни проводилась, давала новые знания, становилась заметной вехой на пути к освещению истории этого древнего государства, к поиску ответов на сложные научные вопросы. В ходе обсуждений не только зарождались плодотворные научные дискуссии, но и в достаточной степени проявлялся «накал страстей», обнажавший всю противоречивость и остроту, казалось бы, сугубо научных проблем, касающихся «давно минувших дней».

В случае с историей Кавказской Албании события прошлого оказываются злободневными и чрезвычайно актуальными в сегодняшней общественно-политической жизни, они

«выплескиваются» в нашу новейшую историю порой с диаметрально противоположными по своему значению оценками и выводами. Тенденция использования истории в политических целях, запрос на выполнение историками «в национальных интересах» негласного политического заказа также сохраняется. Ситуация усугубляется вторжением в научный дискурс национал-ориентированных интеллектуалов, которые, не будучи, как правило, профессиональными историками, тем не менее оказывают существенное влияние на формирование общественного знания и мнения.

Данный выпуск включает в себя избранные материалы, которые были представлены и апробированы на трех международных форумах — «Кавказская Албания и этнокультурное наследие» (Ереван, 2007 г.), «Кавказская Албания и лезгинские народы: историко-культурное наследие и современность» (Москва, 2008 г.) и «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа» (Баку, 2011 г.). Составители сборника приложили максимум усилий для того, чтобы избежать политизации научных проблем, относящихся к истории Кавказской Албании, и потому пригласили все заинтересованные стороны к открытому научному диалогу. Мы исходим из аксиомы, что политика не должна диктовать исторической науке свои оценки и пожелания, какими бы благими целями она ни прикрывалась, хотя и понимаем, что эта задача порой трудна и не всегда выполнима по ряду объективных и субъективных причин. Но это единственный путь, по которому надо двигаться в научном поиске. С другой стороны, мы всегда рады предоставить трибуну не только обоснованным аргументам и доводам, но и столь же веским контраргументам. И в этом сборнике читатель обнаружит, что некоторые авторы не только полемизируют друг с другом, но и представляют противоположные точки зрения. Порождать плодотворную дискуссию, а не ограничивать ее, но в рамках исключительно научного дискурса, — одна из целей данного издания.

Основным критерием отбора статей для сборника послужило наличие в них оригинальных и содержательных выводов и аргументов, основанных на анализе аутентичных исторических источников. Такой подход позволил нам оставить за пределами сборника политически ангажированные статьи; за редким исключением — статьи, опубликованные в других изданиях; статьи, повторяющие известный материал, либо недостаточно хорошо аргументированные; наконец, околонучные опусы,

в которых доводы авторов основаны, как правило, на их субъективных мнениях и оценках или довольно сомнительных данных.

Несомненно, история Кавказской Албании заслуживает того, чтобы быть изученной объективно и всесторонне, без домыслов и, тем более, намеренных фальсификаций, которые время от времени появляются под влиянием тех или иных современных общественно-политических процессов. Мы также отдаем себе отчет в том, что в современных условиях вряд ли удастся полностью освободить историю Кавказской Албании от использования ее в качестве «служанки» региональной политики, однако нужно укреплять те, зачастую тернистые, пути и тропы, которые ведут к истине, к достоверному знанию об историческом прошлом кавказских народов. Об этом, кстати, говорилось и на всех без исключения прошедших форумах по албанистике.

Редакционная коллегия и ответственные редакторы-составители настоящего издания надеются, что данный выпуск не будет первым и последним, а за ним последуют новые. Мы приглашаем к участию в научном издании «Albania Caucasica» всех коллег, заинтересованных в беспристрастном освещении научных проблем современной албанистики и в продвижении объективной научной дискуссии по истории и культуре Кавказской Албании.

А.К. Аликберов (ИВ РАН), М.С. Гаджиев (ИИАЭ ДНЦ РАН)

Вместо введения

А.К. Аликберов,

руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа
и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук (Москва)

Кавказская Албания и лезгинские народы: актуальные проблемы, новые дискурсы

Аннотация: Долгожданная публикация результатов исследований кавказско-албанских палимпсестов сделала возможной не только инвентаризацию наиболее актуальных проблем, связанных с историей Кавказской Албании, но и выявление новых дискурсов в этой области знаний. В статье поднимается вопрос о причинах политической ангажированности проблематики Кавказской Албании, затрагивается проблема «исключительных прав» на ее этнокультурное наследие, рассказывается о значении новых кавказско-албанских письменных источников для изучения истории и языков современных лезгинских народов, а также некоторых аспектов их этнокультурной идентичности, наконец, обозначаются перспективы албанистики как самостоятельной научной дисциплины.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Восточный Кавказ, лезгинские народы, албанские палимпсесты, Лекционарий, албанистика.*

Открытие двух кавказско-албанских рукописей в монастыре Св. Екатерины на Синайском полуострове (Египет), совершенное З.Н. Алексидзе, стало, без преувеличения, переломной вехой в истории изучения Кавказской Албании, а также автохтонных народов Восточного Кавказа. Данному событию предшествовали достаточно драматические обстоятельства, которые описаны в научной литературе, прежде всего — в первом томе международной публикации этих рукописей¹. Поскольку данный сборник посвя-

¹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. Edited by Jost Gippert, Wolfgang Schulze, Zaza Alexidze, Jean-Pierre Mahé. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2008. P. xx–xi. См. также: Майсак Т.А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из синайского монастыря // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 90–91.

щен 80-летию со дня рождения Зазы Николаевича, будет уместно еще раз отметить наиболее важные этапы этого открытия, опираясь на материал упомянутой публикации, разбавив его информацией, полученной непосредственно от юбиляра.

30 ноября 1971 г. в церкви Св. Георгия на территории монастыря Св. Екатерины произошел пожар. В мае 1975 г. во время работ по ремонту и реконструкции монахи обнаружили под алтарем церкви замурованный склеп, в котором было спрятано более 1100 манускриптов. Большинство рукописей, написанных на пергаменте, оказались греческими, остальные — арабскими, сирийскими, эфиопскими, славянскими и грузинскими.

Из-за схожести начертаний буквенных знаков православные монахи-греки поначалу приняли 142 новооткрытые рукописи за армянские, но при более внимательном изучении алфавитов допустили, что они могут быть и грузинскими. Последнее предположение было полностью подтверждено Патриархом Грузии Илией II, который посетил монастырь в 1984 г. Соответственно, вместе с 85 ранее известными грузинскими кодексами библиотеки фонд грузинских рукописей монастыря составил 227 единиц.

В 1990 г. для каталогизации и микрофильмирования грузинских рукописей в монастырь были приглашены специалисты Института рукописей им. К.С. Кекелидзе Академии наук Грузии во главе с директором института, проф. З.Н. Алексидзе. Грузинские ученые за отведенное им короткое время инвентаризировали находки, снабдив их самыми общими описаниями. Выявление такого числа средневековых текстов всегда знаменательно, но ничего не предвещало неожиданностей. Правда, в одном из грузинских палимпсестов нового синайского собрания под инвентарным номером Sin. Geo. № 13 был зафиксирован еле различимый нижний слой текста, написанного на неизвестном алфавите. Вследствие плохой видимости этот алфавит первоначально был принят за эфиопский.

Во время второй поездки, в 1994 г., грузинские археографы перешли от кодикологической работы к восстановлению отдельных рукописей и их сборников (кодексов), чтению фрагментов грузинских текстов на рукописных страницах, разрушенных в различной степени, их идентификации. Тогда же было установлено, что 15 рукописей из грузинской коллекции практически «окаменели», т.е. зацементировались. В один из последних дней командировки З.Н. Алексидзе обратил внимание на то, что на уголках страниц одного из палимпсестов под инвентарным номером Sin. Geo. № 55 под верхним слоем грузинского текста явственно проявился нижний слой с буквами, стилистически похожими на армянские и грузинские, но не идентифицируемыми ни с одними из них. Оказалось, что буквы этого алфавита идентичны с теми, что были выявлены на нижнем слое палимпсеста Sin. Geo. № 13, но, в отличие от них, были гораздо более ясными. По рассказу самого исследователя, виной тому был пожар: нижний текст стал

проявляться из-под верхнего из-за термического воздействия на пергамент и «окаменелости».

Сопоставив неизвестные письма со всеми известными алфавитами, в том числе албанским алфавитом из Матенадарана и албанской эпиграфикой Азербайджана, исследователь идентифицировал тексты как кавказско-албанские. Для этого пришлось самостоятельно, не имея никакого специального оборудования кроме фонаря, пытаться разобрать текст на про-свет, стараясь вычленив максимальное число буквенных знаков и их сочетаний. Такая работа проводилась во время командировки З.Н. Алексидзе в 1996 г. По признанию ученого, в результате этой командировки зрение у него заметно ухудшилось, но зато появился материал, который позволил начать работу по расшифровке кавказско-албанского текста. По существу, это был настоящий научный подвиг. На основе полученного с таким трудом материала удалось уточнить значения многих букв кавказско-албанского алфавита и уверенно установить наиболее употребительные сокращения, такие как «Бог» и «Иисус Христос». Уже через год появилась первая публикация о синайских находках, ставшая подлинной научной сенсацией¹.

В 2000 г. в рамках масштабного проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена (Volkswagen Stiftung), в монастыре были сделаны ультрафиолетовые фотографии рукописей, которые оказались единым кодексом. Было установлено, что на 242 страницах кодекса содержится текст на кавказско-албанском языке, из которых 126 страниц, написанных более крупными буквами, представляли собой текст Лекционария, а 112 страниц — Евангелие от Иоанна. Текст на четырех страницах безвозвратно утерян. Кроме того, нижний слой содержал также небольшие фрагменты текстов на армянском, сирийском и грузинском языках. Полученные снимки позволили начать планомерную работу по расшифровке кавказско-албанского текста.

Ключом к расшифровке оказалась кодикология грузинских и армянских палимпсестов. Поскольку большая часть новооткрытых грузинских рукописей имели литургический характер, у З.Н. Алексидзе возникла мысль о том, что и албанский манускрипт мог представлять собой Лекционарий — сборник годовых литургических чтений². В грузинских и армянских лекционариях заголовки библейских фрагментов написаны более мелкими буквами. Сопоставление с ними заголовков из кавказско-албанского палимпсеста Sin. Geo. № 55 позволило дать транскрипцию нескольких десятков таких заголовков, идентифицировать имена апостолов и евангелистов, выявить чис-

¹ Алексидзе З.Н. К открытию письменности Кавказской Албании // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 80. Geburtstag. Berlin, 1997.

² Alexidze Z. Discovery and Decipherment of Caucasian Albanian Writing // Sacartvelos Mecnierebota Erovnuli Akademiis Moambe / Bulletin of the Georgian Academy of Sciences. 175/1, 2007. P. 161–167.

ловые обозначения апостольских посланий и священных имен. Сравнивая библейские топонимы и имена с соответствующими армянскими, грузинскими и удинскими словами, удалось установить значения всех букв и расшифрована значительная часть рукописи.

Большой объем работы по чтению и переводу палимпсестов, а также их анализу выполнили Йост Гипперт, Вольфганг Шульце и Жан-Пьер Маэ. Й. Гипперт и В. Шульце завершили расшифровку текста, начатую З.Н. Алексидзе. Кроме того, В. Шульце составил словарь морфем кавказско-албанского языка и опубликовал лингвистический анализ отрывка из 2-го послания к Коринфянам. В 2004 г. при помощи специального оборудования были сделаны мультиспектральные фотоснимки всех листов манускрипта и началась работа над изданием текстов¹.

Первый том "The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai" (317 стр.) вышел в свет в серии "Monumenta Palaeographica Medii Aevi. Series Ibero-Caucasica" в 2008 г. под редакцией Й. Гипперта, В. Шульце, З.Н. Алексидзе и Ж.-П. Маэ². Он включает в себя введение З.Н. Алексидзе и Ж.-П. Маэ и семь разделов, написанных Й. Гиппертом и В. Шульце.

Введение посвящено истории Кавказской Албании с особым акцентом на происхождение и судьбу албанской письменности.

Раздел 1 является кодикологическим: в нем как раз рассказывается об открытии рукописей, их оцифровке, приводятся описания структуры и содержание рукописей отдельно по слоям: верхнему — грузинскому и нижнему — албанскому.

Раздел 2 — лингвистический, в нем исследуются фонология, морфология и синтаксис кавказско-албанского языка, его место в существующей системе классификации языков.

Раздел 3 содержит латинскую транскрипцию албанского текста и перевод на английский язык фрагментов Библии. Из книг Нового Завета это: рукопись Евангелия (Евангелие от Иоанна); рукопись Лекционария (включает в себя отрывки из Евангелий от Матфея, Марка и Луки, Деяний святых апостолов, Соборных посланий и Посланий Павла). Из книг Ветхого Завета: Книга пророка Исайи; Псалмы (фрагменты).

Раздел 4 представляют различные указатели — именные, географические, терминологические и др.

Второй том издания (267 стр.), продолжая нумерацию разделов первого тома, включает разделы 5, 6 и 7. В них детально описаны сами тексты, приво-

¹ Подробнее об этом см: The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. xx–xi; *Майсак Т.А.* К публикации кавказско-албанских палимпсестов из синайского монастыря. С. 90–91.

² The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. 2008.

дятся их фотографии и переводы¹. Для восстановления лагун в рукописях исследователи использовали конъектуры, выделив их отдельно в транскрибированном тексте.

Принципиально важный вывод, к которому пришли исследователи албанских палимпсестов в результате дешифровки текстов, заключается, в частности, в том, что **«лезгинский характер» кавказско-албанского языка «находится за пределами всяких сомнений»**². Что конкретно они имеют в виду под лезгинским характером языка, детально описано ниже в нашем специальном исследовании о народах и языках Кавказской Албании, которое вошло в данный сборник. К лезгинским языкам, кроме собственно лезгинского, относятся удинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, будухский, крызский и арчинский. Исследователи албанских палимпсестов не только подтвердили высказанный еще А.Г. Абрамяном³ тезис о том, что в основе кавказско-албанской письменности лежит один из языков лезгинской группы, но и уточнили этот вопрос, определив язык палимпсестов как наиболее близкий к современному удинскому (см. ниже). Тем самым была поставлена точка на спекуляциях по этой теме. Если выводы А.Г. Абрамяна и его последователей оспаривались как гипотеза, то результаты исследований кавказско-албанских палимпсестов не оставляют простора даже для изоощренной фантазии.

Появление надежно атрибутированных источников кавказско-албанской письменности создает благоприятные условия для обсуждения многих спорных аспектов истории Кавказской Албании, но оно вряд ли снизит конфронтационность в этой области знаний, поскольку история кавказско-албанских племен тесно связана с проблемами этногенеза и этнической карты Восточного Кавказа, исторической принадлежности тех или иных территорий. В различной степени проблематика темы затрагивает Азербайджан, непризнанную Нагорно-Карабахскую Республику, Армению, восточные районы Грузии (Кахетию), южные области России, точнее — Дагестан. История Кавказской Албании до сих пор чрезвычайно современна, хотя до публикации албанских текстов кавказские албаны оставались в определенной степени таким же загадочным фантомом, как и хазары: несмотря на обилие сведений письменных источников о них, споры относительно их происхождения, племенного состава и этнической принадлежности никогда не прекращались.

Особую остроту дискуссиям по Кавказской Албании придает неразрешенность ситуации вокруг нагорно-карабахского конфликта. Вероятно,

¹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahe. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2008.

² Ibid. P. II–65.

³ Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964.

стоило бы отделять академические, в частности источниковедческие и исторические, аспекты темы от идеологических и политологических, а также от проблематики этнологии, социологии истории и культуры с ее детерминантом проблемы идентичности. Выведение политических аспектов проблематики, которая на Южном Кавказе все еще сохраняет свою злободневность, за скобки основной темы, возможно, позволило бы несколько снизить эмоциональный градус общественных дискуссий, основанных на противоположных исходных посылах, и деполитизировать изучаемую научную тему, сместив акценты с изучения политической и этнической истории на комплексное изучение новооткрытых албанских текстов. Истории Кавказской Албании долгое время не везло, не повезло и теперь, в постсоветское время: результаты исследований в данной области сразу становятся аргументами в руках сил, вовлеченных в карабахский конфликт (ср.: политизацию раскопок городища в Арцахе, идентифицируемого некоторыми исследователями с Тигранокертом, с последующими выводами). Многие исследователи и поныне остаются заложниками этой ситуации, несмотря на то, что, как показывает мировой опыт решения подобных конфликтов, исторические аргументы никогда не оказывались решающими в реальной политике. К сожалению, везде, где кавказско-албанские штудии неразрывно связаны с местной историей, научные исследования все еще продолжают оставаться под влиянием властей и общественности.

В истории Кавказской Албании можно выделить ряд проблем, которые в наибольшей степени искажаются в угоду политическим интересам. Проблема этнической принадлежности албан имеет невероятную общественно-политическую остроту прежде всего из-за этнокультурного наследия Кавказской Албании. В Азербайджане эту тему актуализируют не только продолжающиеся дискуссии об исторической принадлежности территории Нагорного Карабаха, но и объективные трудности в формировании этнической и гражданской идентичности сложного по своему составу азербайджанского народа.

Некоторые азербайджанские авторы, не являющиеся специалистами-историками, неправомочно ставят знак равенства между кавказскими албанами и современными азербайджанцами, видя себя их «прямыми потомками», что, конечно же, не отражает исторических реалий. При этом необходимо признать, и на это неоднократно указывали исследователи, что кавказско-албанские племена сыграли немаловажную роль в этногенезе и формировании азербайджанского народа. Впрочем, подобным образом поступают и некоторые представители лезгинской интеллигенции: культивируемое ими прямое сопоставление кавказских албан с современными лезгинами точно так же неправомерно с исторической точки зрения.

Вторая важная, актуализированная и крайне политизированная проблема связана с определением границ Кавказской Албании, особенно

южных рубежей этого политического образования. Условно ее можно назвать проблемой правобережья, поскольку Нагорный Карабах (Арцах), значительная часть которого именовалась Цавдек и коренных жителей которого (цавдеев) Мовсес Хоренаци недвусмысленно относил к албанским племенам, находился именно на правобережье Куры. Большинство армянских исследователей настаивает на том, что территория Албании не распространялась южнее Куры (за исключением в основном периода после раздела 387 г. марзбанства и Михранидов), причем они акцентируют внимание не только на границе политической, но особенно — этнической: по их мнению, река Кура была границей двух различных этнических общностей. Тем самым, в частности, отрицается сам факт кавказско-албанского происхождения автохтонов некоторых исторических областей правобережья. В свою очередь, азербайджанские исследователи порой значительно сдвигают на юг политические и этнические границы Кавказской Албании.

Учитывая то обстоятельство, что международный статус Нагорного Карабаха до сих пор не определен, можно не сомневаться в том, что обе указанные проблемы останутся чрезвычайно актуальными в ближайшей перспективе. Посему, полагаем, до полной деполитизации истории Кавказской Албании все еще очень далеко. Тем не менее очевидно, исследователи должны в полной мере учитывать причины, которые политизируют историю, и относиться к этому с некоторым пониманием.

Признавая кавказских албан близкими по происхождению и языку восточнокавказскими племенами, многие исследователи, тем не менее, стараются сегодня избегать даже упоминания о лезгинских или в целом дагестанских народах, замалчивать их этническую, этнокультурную сопричастность. Такой подход, обусловленный общественно-политическими условиями, в которых оказались исследователи, можно считать меньшим из зол, но он объективно упрощает задачу реализации определенного политического заказа.

С точки зрения исторического детерминизма невозможно говорить об исключительных правах какого-то одного из современных народов — азербайджанского или лезгинского и даже удинского — на этнокультурное наследие Кавказской Албании. Это тем более справедливо по отношению к конфедерации, каковой по своей сути и была Кавказская Албания. Благодаря сохранившимся письменным источникам мы более или менее точно знаем, какие именно племена создавали эту страну, на каких языках они разговаривали и что с ними происходило на протяжении столетий. Термин «албаны», как представляется, был не только обозначением конкретной этнической общности, но и собирательным названием многих народов, населявших Кавказскую Албанию. Поэтому трудно найти оправдания для категорических суждений по проблематике Кавказской Албании, основанных на непомерном преувеличении одних фактов и приумножении, а то и

замалчивании других. Намеренные искажения, алогичные интерпретации, многократно повторяемые, как мантры, мнения, часто имеющие весьма слабую аргументацию, — все это как раз и является признаком политической ангажированности исследователя, его желания доказать свой тезис любой ценой. Никто не спорит, что гуманитарная наука должна служить обществу, но какая же польза для общества от науки, если она вместо объективного описания истории будет предлагать мифические, искаженные представления о прошлом?

Постановка вопроса об этнокультурном наследии Кавказской Албании, безусловно, имеет право на существование, однако это совсем другая, гораздо более широкая научная проблема. Широкая настолько, насколько были сложными и многообразными процессы этнической истории народов Кавказа, история которых так или иначе была связана с этим государством. Признавая преемственность культуры древней Албании и средневекового Аррана (а не признавать такую преемственность невозможно), в то же самое время нельзя отрицать, что к этнокультурному наследию этого древнего государства в той или иной степени должны были иметь отношение все народы, находившиеся в зоне тесных контактов с албанами (разумеется, в различной степени), — даже с учетом той значительной трансформации, которую это наследие испытало под влиянием последующих процессов исламизации и деэтнизации коренного населения.

Почему сегодня очень важно именно таким образом ставить наиболее дискутируемый вопрос об этнокультурном наследии Кавказской Албании, а не попытаться, прикрываясь благовидным предлогом «вернуть народу его историю», заявить об исключительных правах лезгинских народов на албанское наследие? Тем более что наиболее авторитетные представители двух крупнейших школ албанистики, азербайджанской и армянской, до сих пор находящиеся в жесткой конфронтации друг с другом по вопросу о происхождении албан, согласились не только с мнением мировой научной общественности, в том числе и исследователей кавказско-албанских палимпсестов, но и друг с другом: одни из них прямо пишут о лезгинских народах как «прямых предках» албан¹, другие — относят их к албанскому этносу².

Во-первых, при изучении истории простые линейные подходы не выдерживают строгой научной критики, поскольку они в полной мере не учитывают сложную диалектику исторических процессов, общественную эволюцию с ее фактором межплеменного и межэтнического взаимодей-

¹ Акопян А.А., Мурадян М.М., Юзбашян К.Н. К изучению истории Кавказской Албании (по поводу книги Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (3 в. до н. э. — VIII в. н. э.)») // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ереван, 1991. Т. I. С. 323.

² Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. С. 627.

твия, внутренних противоречий и внешних влияний, а также имевшие место диффузии, предполагавшие вытеснение одной культуры другой, иначе говоря, разрывы в преемственности исторической традиции. Поэтому одно дело — этническое происхождение, а совершенно другое — исключительные права на наследие. По нашему мнению, этнокультурное наследие Кавказской Албании по праву принадлежит всем тем народам, которые, с одной стороны, входили в состав этого государственного образования, с другой стороны, этногенез которых происходил с участием албанского этнического компонента/субстрата, но ровно в той степени, в какой этот компонент/субстрат принимал участие в формировании каждого из них. Процессы миксации и ассимиляции были объективным историческим явлением, хотя и основанным на субъективных интересах большой массы конкретных людей, осознанно и чаще всего добровольно делавших свой выбор в пользу той или иной идентичности — политической, этнической или религиозной. С другой стороны, этносы — не только биологический, но и социокультурный феномен, этот фактор также необходимо учитывать при анализе данной проблемы.

Во-вторых, из-за своей весьма трагической судьбы албанское культурное наследие с его древней письменностью, автокефальной церковной традицией, претендовавшей на апостольское происхождение, множеством храмов не только на Восточном Кавказе, но и в Иерусалиме, образовательными центрами и оригинальной книжной культурой, памятниками архитектуры и археологии и т.д. заслуживает к себе, как мне представляется, гораздо более деликатного, бережного отношения. А между тем хотя бы частичная деидеологизация кавказско-албанской проблематики позволила бы перейти к практическому решению актуальных научных проблем. Без широкого международного участия исчерпывающее решение этих проблем невозможно.

Разделенность советской академической науки на региональные научные школы, исследовавшие проблемы истории в строго определенных географических рамках своих «республик», привела к парадоксальной ситуации, когда историческое прошлое дагестанских, в том числе лезгинских, народов изучалось почти исключительно в рамках сегодняшних административных границ Дагестана. В качестве объекта исторического анализа в основном рассматривались территории, политические образования, а не народы, которые, собственно, и творили историю. Тем самым единый исторический процесс на Восточном Кавказе искусственно разрывался на части. Возвращение к парадигме субъектности народов в истории позволяет **рассматривать историю Кавказской Албании в качестве составной части истории не только азербайджанского, но прежде всего лезгинских (а в широком смысле — дагестанских) народов.** Тем

самым мы обозначаем один из важнейших ключевых дискурсов в тематике албанистических исследований.

При изучении истории Кавказской Албании нельзя игнорировать и существование проблемы исторической памяти, которая формирует отношение народа к собственной истории. В современных условиях историческая память, опирающаяся не только на научные данные, но и на мифологию, может выражаться очень по-разному — от реставрации храмов и воссоздания христианских общин до использования древней топонимики в качестве названий культурных мероприятий и коммерческих предприятий, а кавказско-албанской геральдики и элементов письменности — в символике общественных организаций и движений. В последнем случае, связанном с широкой общественной дискуссией по поводу правомерности использования знака-*нешана* царя Албании Асвагена в современной символике, актуализировались такие сутобо научные проблемы, как суверенитет Кавказской Албании, степень зависимости албанской династии Аршакидов от власти Сасанидов, происхождение кавказско-албанской символики и др.

Но еще более непредсказуемым и интересным представляется то мощное культурное влияние, которое албанистические штудии оказывают на сложные общественные процессы на Северном Кавказе. Распространение информации об этих исследованиях представляется чрезвычайно важным и целесообразным, поскольку оно позволяет воспитывать толерантность и мультикультурализм в мусульманской среде, позволяя народам, населяющим Восточный Кавказ (лезгинскому, табасаранскому, цахурскому, рутульскому и др.), знать свои корни, богатую событиями историю и культуру, имевшую собственную оригинальную письменность, ощущать сопричастность с древнехристианскими традициями, воспринимать восточное христианство в качестве составной части своего исторического культурного наследия. Эти исследования также позволяют обратить внимание общественности на проблемы развития небольшого в настоящее время удинского народа Азербайджана (около 5000 чел.), рассеянного и по России (около 5000 чел.), Грузии, Армении. Удины — единственный из всех албанских народов, сохранивший не только свое древнее этническое название (ути), но и христианскую веру.

Сегодня в России идет сложный процесс гармонизации различных идентичностей — этнической, религиозной, культурной, исторической и гражданской. Предполагается, что приоритет гражданской идентичности не должен противоречить другим формам идентичности, иначе неизбежен внутренний личностный конфликт, который, как известно, может оказывать разрушительное воздействие на формирование человека. Проблема гармонизации идентичностей характерна для всех постсоветских стран, находящихся в процессе все еще продолжающейся общественной трансформации. Ясно, что в первую очередь необходимо изучать историю наро-

дов вместо истории территорий, однако для гармоничного гражданского воспитания не менее важно вписывать историю народа в историю страны, в которой этот народ живет. Подобная постановка вопроса позволяет ввести в российскую историческую науку еще один тематический дискурс, до сих пор мало осознаваемый и артикулируемый. Речь идет о необходимости рассматривать **историю Кавказской Албании как часть истории России**, а не только Азербайджана, Армении и Грузии.

Выявление кавказско-албанских рукописей дало мощный импульс для дальнейшего развития албанистики. Изучение различных исследовательских аспектов (лингвистических, археографических, исторических, культурологических и др.), связанных с этим открытием, потребует усилий многих ученых. С другой стороны, публикация письменных источников уже сейчас закладывает твердый фундамент для дальнейших албанистических штудий, позволяя специалистам перейти на качественно новый уровень исследований. Предметный диапазон этих исследований очень широк — это не только история и культура, но и археография, сравнительно-историческое языкознание, история христианства и библеистика, доктрины и религиозная практика Албанской церкви и мн. др. Это означает, что албанистика становится многопрофильной отраслью знания. **Обретение большого объема аутентичной источниковедческой базы, как нарративного, так и археологического характера, позволяет албанистике претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины**, теснейшим образом связанной с кавказоведением, арменистикой, иранистикой, арабистикой.

Благодаря синайским находкам мы можем с несравненно большей надежностью интерпретировать сведения средневековых арабо-мусульманских источников, часть из которых восходит к более ранним сасанидским текстам. Доказано, например, что текст Лекционария восходит к более древней, чем греческая Септуагинта (VII в.), редакции Евангелия, составленной на арамейском или сирийском. Так или иначе, эти изменения делают Албанский Лекционарий одной из жемчужин мировой библеистики.

Наконец, изучение албанских палимпсестов позволяет историкам не только установить в свете новых данных **новые исторические факты и расширить горизонты исследований, но и уточнить и переосмыслить известные события и явления, а также многие концепции**. Но еще большие возможности открываются перед лингвистами, которые получили в свое распоряжение объемную **базу данных лексических единиц (приблизительно 5400 символов¹) и грамматических структур древней формы одного из лезгинских языков**, причем в виде переводов известных сакральных текстов, что в значительной степени упрощает задачу их семан-

¹ Gippert J., Schulze W. Some Remarks on the Caucasian Albanian Palimpsests // Iran and the Caucasus. 2007. № 11. P. 207.

тического анализа. Совершенно новые горизонты открываются для изучения не только исторического языка кавказско-албанской письменности, его текстологии и палеографии, но и современных лезгинских языков, проблем дагестанского сравнительно-исторического языкознания, включая вопросы глоттохронологии. Дело в том, что, по мнению Й. Гипперта и В. Шульце, кавказско-албанский язык с фонологической и лексической точек зрения «сохранил исконно лезгинские (более точно: восточносамурские) признаки намного лучше, чем современный удинский»¹.

Значение албанских палимпсестов Синайской обители трудно переоценить. Они обозначили начало нового этапа в изучении древней и ранне-средневековой истории народов Восточного Кавказа. Результаты сложной и высокотехнологичной работы по визуализации текста стали доступны для дальнейшего изучения, в научном обороте оказался большой объем изображений рукописного текста. Большой труд, исследовательское чутье и талант З.Н. Алексидзе и его коллег, особенно Й. Гипперта и В. Шульце, позволили расшифровать древний текст и подготовить к изданию две уникальные кавказско-албанские рукописи. Однако основная работа, быть может, менее масштабная, но от этого не менее важная, требующая большего времени, скрупулезности и внимания, еще впереди.

Caucasian Albania and the Lezgian Peoples: Relevant Issues and New Discourses

Abstract: The long-awaited publication of Caucasian Albanian palimpsests has made possible not only an inventory of the most pressing problems related to the history of Caucasian Albania, but also to identify new discourses in the area. The article raises the question of the causes of the political engagement perspective of Caucasian Albania, addresses the issue of “exclusive rights” to its ethnic and cultural heritage, and describes the importance of the new Caucasian Albanian written sources for the study of history and languages of contemporary Lezgian peoples, as well as some aspects of their ethno-cultural identity. Finally, it indicates prospects of Caucasian-Albanian Studies as a distinctive discipline.

Key words: *Caucasian Albania, the Eastern Caucasus, Lezgian peoples, Albanian palimpsests, Albanian Lectionarium, Caucasian-Albanian Studies.*

Alikber A. ALIKBEROV,

PhD, Head of the Centre for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies,
Institute of Oriental Studies (Moscow)

¹ Gippert J., Schulze W. Some Remarks on the Caucasian Albanian Palimpsests. P. 207. Интернет-версию этой статьи см.: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/personal/jg/pdf/jg2007g.pdf>

М.С. Гаджиев,

заместитель председателя Дагестанского научного центра РАН, заведующий
Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
доктор исторических наук, профессор

Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно- политический аспекты

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы исторической географии и этнополитической системы Кавказской Албании. Автор выделяет три уровня понятия «Кавказская Албания»: узкое (как территория исторического расселения албан), расширительное (как наименование конкретного государственного образования) и широкое (как обозначение этнокультурного и географического региона, обнимающего большую часть Восточного Кавказа). Автор показывает конфедеративный характер политической системы Кавказской Албании.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Дагестан, историческая география, этнополитическая система, конфедерация.*

Вынесенная в название проблема «Кавказская Албания и Дагестан» не нова и включает несколько взаимосвязанных аспектов, среди которых выделяются три основных: историко-географический, административно-политический и этнокультурный. К различным аспектам проблемы, и прежде всего — к историко-географическому, касательно местоположения населенных пунктов и идентификации рек Албании обращались уже с начала XVIII в. Высказанные точки зрения опирались на список городов и деревень Кавказской Албании, приведенный Клавдием Птолемеем (II в. н. э.) в главе 11 книги V его «Географии». Названные им 29 населенных пунктов (городов и селений) расположены Птолемеем в нескольких геоморфологически замкнутых, обособленных реками географических (а вероятно, этногеографических) зонах Кавказской Албании.

Относительно локализации древних гидронимов Кавказской Албании, приведенных Птолемеем — рек Соана (Σοάνα), Геррос (Γέρρος), Кайсий (Καίσιος), Албан (Ἀλβανος), Кюр (Κύρος) и безымянной — в исторической литературе высказано большое количество мнений, порой взаимоисключающих и противоречивых, остроумных и голословных. Отсутствие единой точки зрения среди исследователей о местоположении птолемеевых рек и населенных пунктов Албании (за исключением реки Кюр и города Хабала, соответствующих Куре и городищу Чухур-Кабала), начиная с труда А.-К.-А. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» (1841)¹ и известной статьи А. Яновского «О древней Кавказской Албании» (1846)², более 150 лет назад положивших начало албанистике, остается и в настоящее время. Достаточно указать несколько примеров. Так, реку Соану принимали за Терек³, Сулак⁴, Самур⁵, Сумгаит⁶; реку Герр — за Терек⁷, Аксай⁸; Улучай⁹, Гюльгерычай¹⁰, Геокчай¹¹, Пирсагат¹²; реку Кайсий идентифицировали с Койсу (Сулак)¹³, Манасом¹⁴, Самуром¹⁵, Турианчаем¹⁶, Геокчаем или Гирдыманчаем¹⁷; реку Албан — с Самуром¹⁸, Сумгаитом¹⁹, Адджиганчаем²⁰.

¹ Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указ. З.М. Буниятова. Баку, 1991.

² Яновский А. О древней Кавказской Албании // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. Ч. 52. Отд. 2.

³ Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. 1937. Т. I. С. 135.

⁴ Ковалевский С.А. Лик Каспия (Палеогеография моря в четвертичное время). Баку–М., 1933. С. 104.

⁵ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). Баку, 1974. С. 99.

⁶ Яновский А.О. О древней Кавказской Албании. С. 97, 120.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании. С. 135; Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1961. С. 25.

⁹ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 104.

¹⁰ Пикуль М.И. Письменные источники о племенах и этнических группах на территории Дагестана в эпоху раннего железа. 1961 // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 22. С. 90; Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.). Махачкала, 1996. С. 209.

¹¹ Яновский А.О. О древней Кавказской Албании. С. 99; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 338.

¹² Муравьев С.В. Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 131.

¹³ Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании. С. 135.

¹⁴ Яновский А.О. О древней Кавказской Албании. С. 99; Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам. С. 18.

¹⁵ Ковалевский С.А. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Т. 85. Вып. 1. С. 104; Давудов О.М. Проблема северной границы Кавказской Албании и локализация племен на территории Северо-Восточного Кавказа // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала. 1975. С. 209.

¹⁶ Яновский А. О. О древней Кавказской Албании. С. 97.

¹⁷ Муравьев С.В. Птолемеева карта Кавказской Албании (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 131.

¹⁸ Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам. С. 18; Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании. С. 136; Исаков М.И. Исчезнувший город в Дагестане // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 156.

¹⁹ Ковалевский С.А. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия. С. 104.

²⁰ Яновский А.О. О древней Кавказской Албании. С. 97.

В зависимости от той или иной локализации рек часть населенных пунктов Албании помещалась на территории Дагестана. Высказывались мнения и о тождестве некоторых городов Албании, упомянутых Птолемеем, с конкретными памятниками Дагестана. Так, например, В.Н. Татищев, а за ним С.М. Броневский, позже А.-К.-А. Бакиханов предположительно связывали с Дербентом птолемееву Албану (Ἰαλβανα)¹, отождествляя реки Албан и Кайсий, в междуречье которых она находилась, соответственно с Самуром и Манасом. С.М. Броневский также полагал, что населенный пункт Хадаха (Кадака) локализуется в Кайтаге², по всей видимости намекая на созвучное название селения Хадага (Хадаги) в нижнем Кайтаге, где, замечу, ныне выявлены, но еще не исследованы могильники албано-сарматского и раннесредневекового времени и крупное городище домонгольской поры. Различные мнения, существовавшие в зарубежной и российской литературе к концу XIX в. по вопросу локализации гидронимов и ойконимов Кавказской Албании, приводит в своем труде Б.А. Дорн³.

С Дербентом идентифицировал С.А. Ковалевский птолемееву Гелду (Γέλδα) на основании сообщения Страбона (*Strabo. Geogr.*, XI. 5.1) о расселении к северу от албанов племени гелов, имя которых и носил их главный город, и предложенных соответствий реки Герр — Уллучаю, реки Кайсий — Самуру⁴. Эту точку зрения поддерживают А.А. Кудрявцев⁵, Д.А. Халилов⁶, И.А. Бабаев⁷, О.М. Давудов⁸. Близкой версии придерживался Т. Кисслинг — автор ряда статей об Албании в «Энциклопедии» Паули–Виссова–Кролла, помещавший Гелду в 300 стадиях (ок. 55 км) к северу от Самура и севернее Дербента⁹.

Иную точку зрения о местоположении Гелды (как и большинства ойконимов и гидронимов Албании) предлагает С.В. Муравьев, исходя из своей гипотезы о высокой трансгрессии Каспия в эллинистический период,

¹ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 159; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 338; Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам. С. 18.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 310.

³ Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875. С. 333–351.

⁴ Ковалевский С.А. Лик Каспия. С. 104; Он же. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия. С. 33–34.

⁵ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 61–62.

⁶ Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.). Баку, 1985. С. 169, 232, сн. 27.

⁷ Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. — III в. н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1985. С. 6.

⁸ Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.). С. 228.

⁹ Kiessling Th. Gelda // Wissowa Pauly. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. hrsg. von Kroll. Bd. XIII. Stuttgart, 1894. S. 987, 1273.

и помещающий этот город «недалеко от совр. населенных пунктов Гягли или Гейляр Даг», в междуречье Пирсагата и Ахсу, южнее Шемахи¹.

Р.М. Магомедов, придерживаясь точки зрения С.В. Юшкова относительно границ Кавказской Албании и идентификации ее гидронимов, предполагает, что на территории Дагестана находились города Телайба (Τέλαιβα) (за устьем Терека), Гелда (возможно, за устьем Аксяя) и Албана (вероятно, за устьем Самура)². Подобного мнения придерживался Д.М. Атаев, который размещал упомянутые албанские города в приморской части Дагестана, между реками Сулак и Самур³. Эту точку зрения поддерживал В.Г. Котович⁴, ее принимает и М.Р. Гасанов⁵.

Более осторожен в отождествлении албанских городов Э. Кеттенхофен, отмечающий, что Дербент «должен быть одним из четырех приморских городов Кавказской Албании, упомянутых Птолемеем...; однако конкретная идентификация с руинами Гайтары, Албаны, Гелды или Телайбы гипотетична»⁶.

В своем географическом описании Албании Птолемей делит ее территорию на пять зон, естественно-географическими рубежами которых выступают называемые им реки Восточного Кавказа. Причем в четырех таких районах он особо выделяет по одному городу и называет иные населенные пункты. В междуречье р. Соана, пограничной с Азиатской Сарматией, и р. Герр — это город Телайба и населенный пункт Тилбис, в междуречье Герра и Кайсия — город Гелда и пункты Тиавна и Табилака, в междуречье Кайсия и Албана — город Албана и пункты Хабала, Хобота, Бозиата, Мисия, Хадаха, Алам, в междуречье Албана и Кюра — город Гайтара и 11 населенных пунктов и, наконец, между анонимной рекой, впадающей в Кюр, и границей с Иберией — еще 5 населенных пунктов (*Ptol. Geogr.*, V.1. 1–6).

Обращает внимание то, что в отмеченных четырех зонах Албании, примыкающих к Каспию, выделенные города — Телайба, Гелда, Албана, Гайтара — оказываются на примерно равноудаленном друг от друга расстоянии и наиболее близкорасположенными к морскому побережью, что, по всей видимости, отражает историческую реальность и подчеркивает их торгово-экономическую значимость, привязанность к меж-

¹ Муравьев С.В. Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия. С. 140.

² Магомедов М.Г. История Дагестана древнейших времен до конца XIX века. С. 25.

³ История Дагестана / Гл. ред. Г.Д. Даниялов. М., 1967. Т. I. С. 111.

⁴ Котович В.Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 92.

⁵ Гасанов М.Р. Дагестан в составе Кавказской Албании (некоторые вопросы социально-экономической и политической истории). Махачкала, 1995. С. 13; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. / Отв. ред. М.Г. Шигабуудинов. Махачкала, 1997. С. 46.

⁶ Kettenhofen E. Darband // Encyclopædia Iranica. Ed. by Ehsan Yarshater. Vol. VII. Costa Mesa, California, 1996. P. 13.

дународному Прикаспийскому пути. В этой связи заметим, что и ряд крупных городищ Северо-Восточного Кавказа — Джанахар, Дербент, Урцеки, Махачкалинское — также расположены на приблизительно равном расстоянии на Прикаспийской равнине или тяготеют к ней. Причем три городища из названных находятся в (или вблизи) географически выгодных, стратегически важных местах западного Прикаспия — Махачкалинском, Избербашском и Дербентском дефиле. Это в контексте значительной активизации и роста значимости международной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия с эллинистического времени определяет эти и другие приморские городища как немаловажные торговые и административные центры и обозначает роль торговли в их формировании и развитии. Вместе с тем при современном уровне археологической изученности названных городищ и вообще поселенческих памятников региона идентифицировать их с какими-либо вышеупомянутыми городами, приведенными в списке Птолемея, не представляется возможным.

С проблемой локализации древних городов на территории Северо-Восточного Кавказа неразрывно связана проблема северной административно-политической границы Албании в античный период. Граница Албании в раннесредневековый период, по крайней мере с 440-х гг., обозначена соответствующими оборонительными линиями, а именно Дербентской фортификационной системой. Хотя в отдельные времена в зависимости от военно-политической обстановки и она подвергалась некоторым изменениям. Иначе обстоит ситуация с обозначением северных рубежей Албании в предшествующий античный или албано-сарматский период. Эта проблема имеет уже не только историко-географический аспект, но связана с этнополитической и этнокультурной историей региона.

Согласно сведениям древних авторов северным соседом Кавказской Албании являлась Азиатская Сарматия, представлявшая собой обширный историко-географический регион и культурно-историческую область, с многочисленными оседлыми и кочевыми племенами. Эта территория являлась составной частью зоны евразийских степей и развивалась под исторической доминантой ираноязычных номадов. Западная граница Азиатской Сарматии, проходившая по реке Танаис (совр. р. Дон), выступала и границей между Европой и Азией (*Strabo*. 11.1. 1,5; *Plin. Nat. Hist.* 3.3; *Dionis. Per.* 14–22). Южная граница Сарматии проходила по Главному Кавказскому хребту. По словам Страбона, Кавказ «возвышается над обоими морями — Понтийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера — Сарматские равнины» (*Strabo*. XI.2.15). Более конкретные координаты кавказской границы Азиатской Сарматии приводит Клавдий Птолемей. Таковыми у него предстают устье реки Коракс (совр. р. Кодор) на границе с Колхидой, затем Сарматские ворота (лат. *Sarmaticae portae*, др.-греч. Σαρματικάι πύλαι) на

границе с Иберией, идентифицируемые с Дарьяльским ущельем, и далее Керавнские горы и устье реки Соана на границе с Албанией (*Ptol.* V.8.5; V.8.9; V.11.1; *Strabo.* XI.4.1). В зависимости от локализации гор Керавна и реки Соаны исследователями и определялись северные рубежи Албании — ее граница с Азиатской Сарматией.

Правда, необходимо отметить, что Клавдию Птолемею было известно двое Сарматских ворот. Первые из них, западные, расположенные в Кавказских горах, имеют координаты 77° – 47° (*Ptol.* V.8.5). В этой же точке сходятся границы Иберии, Албании и Азиатской Сарматии (*Ptol.* V.8.5; V.10.1), что позволяет идентифицировать эти ворота с Дарьяльским проходом. Вторые ворота с аналогичным названием располагались, по Птолемею, точнее, в точке с координатами 81° – $48^{\circ}30'$, на стыке Кавказских и Керавнских гор (*Ptol.* V.8.9), и их следует отождествлять с одним из кавказских перевалов (Кодор, Ятодак, Харам?) на стыке Грузии, Дагестана и Чечни.

Под Керавнскими горами традиционно понимаются северные отроги Большого Кавказа¹. При более близком отождествлении гор Керавна наблюдаются некоторые расхождения во мнениях исследователей, но в целом они единодушны, идентифицируя их с северо-восточными отрогами Главного Кавказского хребта, а именно с цепью хребтов Снегового (Диклос-мта), Андийского и Салатау². Такая идентификация подкрепляется и тем, что Птолемей помещает на стыке гор Кавказа и Керавна кавказские племена тушин и дидойцев-цезов — «между горою Кавказом и Керавнскими горами [обитают] туски и дидуры» (*Ptol.* V.8.17–25), — которые и ныне занимают территории в данной зоне на границе Дагестана, Грузии и Чечни. Важно и то, что согласно Птолемею Кавказские горы имеют крайние координаты 75° – 47° и 85° – 48° , а Керавнские — $82^{\circ}30'$ – $49^{\circ}30'$ и 84° – 52° , т.е. вторая горная система имеет по отношению к первой северо-восточное расположение и направление, что отражает реальную орографическую картину.

¹ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 152, 154.

² Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. С. 324; *Tomaschek W.* Albania // *Wissowa Pauly. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft.* hrsg. von Kroll. Bd. I. Stuttgart, 1894. S. 1303–1304; *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.–Л., 1959. С. 194, примеч. 1; *Виноградов В.Б., Чокаев К.З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Грозный, 1966. С. 63; *Алиев К.* Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 97; *Давудов О.М.* Проблема северной границы Кавказской Албании и локализация племен на территории Северо-Восточного Кавказа. С. 62; *Акопян А.А.* Албания–Адуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 33–34; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 83; *Гумба Г.Д.* Расселение вайнахских племен по «Ашхарпауци» («Армянская география» VII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988. С. 13–14; *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 117–119.

Идентификация Керавнских гор — рубежа между Азиатской Сарматией и Кавказской Албанией (*Ptol.* V.8.9; *Strabo.* XI.4.1) — с северо-восточными хребтами Большого Кавказа выступает существенным доводом в пользу отождествления птолемеевой Соаны, являвшейся пограничной рекой между Сарматией и Албанией (*Ptol.* V.8.5; V.11.1), и к северу от которой протекали реки Алонта (совр. р. Терек), Удон (совр. р. Кума) и Ра (совр. р. Волга) (*Ptol.* 5.8.6) с Сулаком.

Не вдаваясь в историографию вопроса, отмечу, что сейчас идентификация этих северных рубежей Албании, известных нам по сведениям Птолемея и Страбона, подкрепляется и археологическими данными. Масштабные археологические исследования в нижнем междуречье Сулака и Терека, проведенные в сер. 1980-х гг. и в последние годы, показали, что эта территория в среднесарматский и позднесарматский периоды являлась зоной, входившей в ареал сарматской (шире — сармато-аланской) культуры¹. К северу от низовий Сулака располагаются многочисленные курганные некрополи, насчитывающие тысячи насыпей, тогда как к югу от Сулака их количество в значительной степени сокращается — насыпи составляют или относительно небольшие курганные группы (Сафарали 1 и 2), или одиночные курганы. Эти археологические факты указывают на Сулак как порубежную реку, которая выступает южной границей сарматской этнокультурной общности, а в этнополитическом аспекте, следуя за информацией античных авторов, — границей Азиатской Сарматии с Кавказской Албанией.

Здесь исследователи выходят на важный и сложный вопрос о вхождении значительной части Северо-Восточного Кавказа в состав Албанского государства. Если принимать информацию Птолемея и Страбона как соответствующую действительности, указанная выше локализация и идентификация Керавнских гор и реки Соаны соответственно с северо-восточными отрогами Большого Кавказа и рекой Сулак позволяет включать практически весь исторический Дагестан в состав Кавказской Албании. Так и делает значительная группа исследователей, стремясь показать непосредственную причастность современных территорий и населяющих их народов к древнейшему государственному образованию на Восточном Кавказе. При этом некоторые исследователи² формирование раннесредневековых государс-

¹ *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков н. э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007; *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы Нижнего Сулака. Могильник Львовский Первый // Труды Дагестанской экспедиции. Т. I: Материалы и исследования по археологии России. М., 2000. № 2; *Они же.* Курганы Нижнего Сулака. Могильник Львовский Первый: Труды Дагестанской экспедиции. Т. II: Материалы и исследования по археологии России. М., 2001. № 4; *Они же.* Курганы Нижнего Сулака. Могильник Львовский Шестой // Труды Дагестанской экспедиции. Т. III: Материалы и исследования по археологии России. М., 2004. № 5.

² См., напр.: *Магомедов М.Г.* История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века.

твенных образований Дагестана (Серир, Гумик, Хайдак и др.) связывают с распадом огромного единого государства Кавказской Албании под ударами раннесредневековых кочевых племен — гуннов, савир, барсил, хазар. Однако такой взгляд на проблему соотношения Албании и раннегосударственных образований на территории Дагестана кажется упрощенным, не соответствующим данным источников и не учитывающим важные реалии того времени, прежде всего — уровень и состояние государственного развития Кавказской Албании, этнокультурные и географические особенности Восточнокавказского региона. И здесь мы сталкиваемся не только с вопросом территориальных рамок Албании античного времени, но с проблемой государственного и административно-политического устройства Албании.

Кавказская Албания античной поры являла собой раннегосударственное образование, развивавшееся под влиянием переднеазиатских обществ (и в значительной степени — Парфянского государства), со сложившейся государственностью, классовой, сословно-правовой структурой и административной системой, в сферу военно-политических и экономических интересов которых был включен и Восточный Кавказ. Как полиэтническое раннегосударственное образование, оно несло соответствующее наследие потестарной организации и основывалось на этнополитических традициях. Страбон сообщает о многоплеменном разноязычном составе Албании и отмечает произошедший к его времени процесс административно-политической консолидации: «Ныне у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем. Языков же (т.е. племен. — М. Г.) у них 26...» (*Strabo*. 11. 4. 6.). Оценивая это свидетельство как реальное, мы вправе говорить о своего рода конфедеративном устройстве Кавказской Албании, базирующемся на предгосударственных этнопотестарных структурах, на тесных экономических, политических, культурных, религиозных связях, на определенной этнолингвистической общности населения различных областей Восточного Кавказа.

По этому поводу есть и иные указания древних авторов. Так, Плутарх (45–127 гг.), описывая закавказскую кампанию 66–65 гг. до н. э. римского полководца Гнея Помпея, в одном случае говорит о «царе албан» в единственном числе (*Pompr.* XXXV), а в другом — об «албанских царях» во множественном числе (*Moral.* 324A). Павел Оросий (IV в. н. э.), касаясь этих же событий, сообщает о «войске вождей албанского царя Орода» (*Oros.* VI.4.8). Очевидно, что под упоминаемыми «албанскими царями» («басилевсами», «рексами»), а также гегемонами и префектами следует понимать высшую знать, правителей различных этнополитических раннегосударственных образований и областей, составивших Албанскую конфедерацию, ее административно-территориальные единицы. Греко-римские источники в качестве таких областей называют собственно Албанию, Каспиану (арм. Каспк), Отену (арм. Утик), Камбисену (арм. Камбечан), Лупению — Лепон

(арм. Лпинк) и др. Можно полагать, что царь Албании выступал в роли *primus inter pares* («первый среди равных»). Такое положение, по всей видимости, не было стабильным и в различные исторические периоды в силу определенных политических причин изменялось или в сторону укрепления царской власти, ее централизации в периоды подъема, усиления центростремительных тенденций, или же — наоборот — в сторону ослабления вплоть до выделения отдельных областей в полностью самостоятельные государственные образования, когда центробежные стремления брали верх.

Отмечу, что конфедерация как объединение различных, как правило этнополитических, организаций, была характерна и для Парфянского государства, оказывавшего существенное влияние на развитие Албании и включавшего, по данным Плиния Старшего, восемнадцать царств, правители которых позже именовались «царями племен». В конце I — начале III в. н. э. у власти в Парфии нередко находились одновременно два (а иногда и три) враждующих правителя, каждый из которых носил пышную царскую титулатуру, чеканил свою монету и т.д.¹ Обращу внимание, что и Аршакиды (IV — начало VI в.), и Михраниды (628–705 гг.) Албании являлись представителями могущественных знатных парфянских родов.

Также и для раннесредневекового периода мы располагаем свидетельствами нарративных источников, демонстрирующих в определенной степени конфедеративный характер Албанского государства. В трудах древнеармянских писателей V в. и в иных источниках кроме собственно царей Албании упоминаются Багад (сер. III в. н. э.) — государь (*хвадаи*) Дзора (Чор? — район Дербента), Рэгэс (сер. III в.) — царь лпинов (бассейн Алазани и Иори), Санесан — царь маскутов (нач. IV в.), Вурк (сер. V в.) — брат царя лпинов, Шергир (371 г.) — царь леков (районы Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана), царь Баласакана (сер. V в. н. э., зона Апшерона и Мильской степи) — т.е. правители этнополитических областей, входивших в состав Албанского государства. В сочинении армянского писателя Егишэ (V в. н. э.) в связи с восстаниями 450–451 гг. и 459–462 гг. фигурируют «одиннадцать горских царей», под которыми подразумеваются правители лпинов и чигбов, областей Ват, Гав, Глуар, Хрсан, Хечматак, Пасх, Посх, Пюкван, Таваспаран, Хибиован, расположенных преимущественно на территории Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Некоторые из этих областей именуются «странами» (арм. *ашхарх*), они имели определенные границы, в т.ч. с собственно Албанией, были в значительной степени автономны, а иногда выходили из состава Албанского государства, и их правители проводили порой противоположную центральной власти политику (например, во время событий 330-х гг., 450-х гг.). Эти исторические данные позволяют говорить как о конфедеративном характере государс-

¹ Зеймаль Е.В. Парфия и Греко-Бактрийское царство // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983. С. 468–470.

твенно-политического и административно-территориального устройства Кавказской Албании, так и о географическом и культурно-историческом смысле понятия «Албания»¹. Характер административно-политического устройства Албании и значение отдельных входивших в ее состав областей нашли отражение и в существовавшей титулатуре патриархов Албанской церкви — «Великий католикос Албании и Баласакана» (нач. VI в.), «католикос Албании, Лпинии и Чора» (с 552 г.).

Следует отметить особо высокий административно-политический статус Баласакана и Лпинии (арм. *Лпинк*) в середине V в. — их высокое положение в иерархии государственных образований Кавказа неоднократно подчеркнуто Егишэ (V в.), который в своих перечнях закавказских стран помещает их вслед за Арменией, Иберией и Албанией². С другой стороны, судя по фразам Егишэ («страна лпинов и чилбов», «войско лпинов и чилбов»³), в состав Лпинии входила и «страна чилбов» (арм. *ашхарх чилбк*). Но, по информации Каланкатуаци (I, 23), уже в 480-х гг., когда в правление Вачагана III Благочестивого происходило укрепление центральной власти в Албании, «страна чилбов» числится в составе Албании — наместником-*гордзакалом* там был Хочкорик, незаконнорожденный сын албанского царя Асвагена⁴. Подобным образом и Баласакан, по данным Корюна (17), предстает в начале V в. при царе Асвагене областью в составе Албании, а в середине V в., по сведениям Егишэ, — фактически независимым государственным образованием. А в правление последнего аршакидского царя Албании Вачагана III Благочестивого (ок. 485–510), по всей видимости, на фоне антииранской антизороастрийской политики (вероятно, длившейся до конца V в. — до выхода на кавказскую политическую арену савиров) вновь усилились центристские тенденции и процесс «собирания земель».

Захария Ритор для начала VI в. знает на Восточном Кавказе кроме христианского Арана (Албания; ср.-перс. *Ārān*, груз. *Рани*, араб. *Арран*) и языческий Базгун, единодушно идентифицируемый исследователями с арм. *Баласакан* (араб. *Баласаджан*, ср.-перс. *Баласаган). Но, с другой стороны, для этого времени мы знаем единую церковно-административную единицу, воспроизведенную в титуле главы христианской церкви («Великий католикос Албании и Баласакана») и, по всей видимости, отражающую административно-политическое деление и, безусловно, высокий полити-

¹ Гаджиев М.С. Государство и право Кавказской Албании: Учебное пособие для студентов исторического и юридического факультетов вузов. Махачкала, 2006. С. 20–22.

² Егишэ. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И.А. Орбели; примеч. К.Н. Юзбашьяна Ереван, 1971. С. 30, 59–60.

³ Там же. С. 92, 117.

⁴ Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбашьяна. Сличение с критич. и ред. С.А. Авакяна. Ереван, 1984. С. 53.

ческий статус Баласакана¹. Кроме того, в это время на территории Албании и Восточного Кавказа в целом существовали и другие этнополитические образования, правителей которых наделил высокими титулами в сер. VI в. шаханшах Хосров I Ануширван (531–579) (см. ниже).

Коренным образом ситуация изменилась, очевидно, с VI в., после ликвидации (около 510 г.) в Албании царской власти династии Аршакидов и превращения ее в наместничество Сасанидского Ирана во главе с *марзбаном/ канарангом* и в результате начатых при шаханшахе Каваде I (488–496, 498–531) и завершенных в правление Хосрова I Ануширвана административно-политических реформ. К этому заключению приводят данные «Армянской географии» VII в. («Ашхарһацуйц») об административно-территориальном делении Сасанидского государства VI–VII вв. и сведения арабских авторов о реформах Хосрова I и образовании восточнокавказских шахств. По данным «Армянской географии», в состав иранской провинции Кавказская сторона (перс. *кустак-и Капкох*) вошли 13 стран-шахров: Адурбадаган, Армения, Иберия, Албания, Баласакан, Сисакан и др.²

Кроме того, по данным Масуди, Баладзори, Ибн ал-Факиха, Ибн Хордадбега, Исфакани, в правление Хосрова I на месте этнополитических областей Албанского государства и в других районах Восточного Кавказа были учреждены шахства, правители которых были утверждены в их владениях и звании, наделены знаками отличия (*халатами-каба*) и высоким титулом *шах* (ср.-перс. MLK' = *šah*): Либан-шах, Джурджан-шах, Ширван-шах, Лиран-шах, Хурсан-шах, Табасаран-шах, Филан-шах и т.д. Так было закреплено фактическое разделение бывшего Албанского государства (после ликвидации царской власти в нач. VI в.) на небольшие самостоятельные «княжества».

Подаренные Хосровом Ануширваном правителям Восточного Кавказа «халаты» с изображениями различных животных (Исфакани) соответствовали их социальному статусу и административному рангу, подчеркивали их высокое политическое, в немалой степени автономное, положение, отраженное и в пожалованном этим владельцам титуле «шах». А.И. Колесников, исследуя административно-территориальную структуру позднесасанидского Ирана, пришел к выводу, что утверждение за марзбанами и некоторыми из спахбедов Ираншахра титула «шах» являлось признанием значительной самостоятельности пограничных правителей³. Это заключение с полным правом можно распространить и на восточнокавказских владельцев. Наделение правителей небольших, но стратегически важных

¹ Гаджиев М.С. Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.–Магнитогорск, 2004.

² Еремян С.Т. Армения по «Ашхарһацуйц». Ереван, 1963 (на арм. яз.).

³ Колесников А.И. Иран в начале VII века. Л., 1970. С. 55.

государственных образований Восточного Кавказа титулом «шах» отразило их традиционно автономное положение и находилось в полном соответствии с нормами позднесасанидской номенклатурно-иерархической практики, нашедшими отражение, в частности, в предписании «Письма Тансара»: «И никого, кто не из нашего рода, шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей и аранов (т.е. албанов. — М. Г.), и областей Запада и Хорезма»¹.

Вышесказанное позволяет полагать, что в трудах античных и ранне-средневековых авторов понятие «Албания» имело три уровня, или значения.

Первое, узкое, — как территория исторического обитания, расселения собственно албан. При этом мы категорически должны отбросить взгляды некоторых исследователей, согласно которым собственно племени/народа, носившего имя «албаны», не существовало и этот этноним имеет сугубо собирательный характер, покрывая многочисленные родственные племена, населявшие Кавказскую Албанию. Письменные источники не оставляют никаких сомнений в существовании собственно албан.

Второе, расширительное, значение — название конкретного государственного образования на территории Азербайджана и Южного Дагестана, имевшего в определенной степени конфедеративный характер, по крайней мере в позднеантичный период и в период правления династии Аршакидов (IV — начало VI в. н. э.), и включавшего не только территорию расселения собственно албан, но и другие этнополитические области Восточного Кавказа, обладавшие зачастую значительной автономностью.

И, наконец, третье, широкое значение, нашедшее яркое отражение в труде Клавдия Птолемея, — это обозначение обширного этнокультурного и географического региона, объемлющего значительную территорию Восточного Кавказа вплоть до северо-восточных отрогов Большого Кавказа (Керавнские горы) и реки Сулак (река Соана). Подобный смысл позднее вкладывался и в название «Дагестан», под которым понималась географическая, этнокультурная область на северо-востоке Кавказа и которое приобрело административно-политическое значение только в XIX в. с образованием Дагестанской области в составе Российской империи.

Сказанное исключает понимание Албании как обширного централизованного, единого государства, занимавшего огромную территорию Восточного Кавказа от Аракса и Куры до Сулака. Мы должны оценивать Албанию (в узком и расширительном понимании) именно как государственную систему, как определенный политический институт и социокультурный организм, следуя выработанным взглядам на определение и характер государства как института, обладающего рядом известных существенных признаков.

¹ Цит. по: Колесников А.И. Иран в начале VII века. С. 20; Гаджиев М.С. Гемма-печать царя Албании Асвагена // Вестник древней истории. 2003. № 1. С. 118.

Албания не являлась столь сильным государственно-политическим образованием, не обладала таким мощным государственно-административным аппаратом, способным контролировать обширную, географически сложную и этнически пеструю территорию Восточного Кавказа. И очевидно, что южные районы Дагестана (прежде всего Чор, Лакз, царство маскутов, страна чилбов, Лпинк) входили на правах федератов, автономий в состав Албанского государства, а на остальной территории Северо-Восточного Кавказа в албано-сарматский период складывались самостоятельные политические образования, приуроченные к определенным этногеографическим территориям и объединенные у древних авторов (Клавдий Птолемей) собирательным этнокультурным и географическим понятием «Албания». Наименования этих ранних государственных объединений поздней Античности нам неизвестны, но, по всей видимости, они связаны с теми государственными структурами, названия которых начинают упоминаться в письменных источниках в раннесредневековый период (Хайдак, Сарир, Туман, Табасаран, Зерехгеран и др.). Албано-сарматский период в истории Дагестана характеризуется активно протекавшими взаимосвязанными процессами формирования и развития раннеклассового общества и государства¹.

Caucasian Albania and Dagestan: Historico-Geographical and Politico-Administrative Aspects

Abstract: The issues of historical geography and the ethno-political system of Caucasian Albania are considered in the article. The author establishes three levels of the concept “Caucasian Albania”: narrow (as the territory of historical dwelling of Albanians), broad (as the name of concrete state formation) and wide (as designation of the ethnocultural and geographical region covering the most part of East Caucasus). The author insists on the confederative character of the political system of Caucasian Albania.

Key words: *Caucasian Albania, Dagestan, historical geography, ethno-political system, confederation.*

Murtazali S. GADJIEV,

Dr., Prof., Head of Department of Archaeology, Institute of History,
Archaeology and Ethnography,
Dagestan Centre of RAS (Makhachkala)

¹ Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.

Политическая история

G. Traina,

Prof., Université Paris-Sorbonne

Roman Representations of Caucasian Albania

Abstract: The author offers a critical investigation of the image of Caucasian Albania seen through Roman eyes. Particular attention is paid to “Geography” by Strabo associated with evidence given by Posidonius of Apamea, and Theophanes of Miletus. The text of the *cursus honorum* of Neratius Pansa from Saepinum is used.

Key words: *Caucasian Albania, Roma, Lp’ink’, Strabo, Plutarch, Armenia, Iberia, Pompey, Tigran the Great.*

The ancient history of Caucasian Albania has been the object of some excellent works, among which the most important are the pioneer, and still useful monograph of Kamila Trever, and the thorough examination of the written evidence by Aleksan Hakobyan¹. Despite the high level of the research, the specialists of the ancient world are unable to cope with this important subject, essentially for linguistic reasons: in fact, only a few ancient historians can read Russian and Armenian. Even though a young Italian scholar, Marco Bais, has recently synthesized the progress of the research it is still difficult to integrate the scientific achievements on Caucasian Albania within a more general context². But there is another implication: historiography on Albania in antiquity only considers the historical positive value of classical witnesses. We lack a critical investigation of the image of Albania seen through Roman eyes³.

¹ *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. до н. э.; *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

² *Bais M.* Albania caucasica. Ethnos, storia, territorio attraverso le fonti greche, latine e armenie. Milano, 2001; see also my review in: *Le Muséon*. 2002. 115. P. 228–237.

³ See: *Whittaker C.R.* Mental Maps and Frontiers. Seeing like a Roman // *Rome and Its Frontiers. The Dynamics of Empire*. L.–N.Y.: Routledge, 2004. P. 63–87.

As is well known, the most ancient source on Albania is the *Geography* of Strabo of Amaseia, written during the early first century¹. According to several scholars, Strabo collected the materials for his description of the country from sources related to Pompey's expedition, at the time of the last Mithridatic war, namely Posidonius of Apamea and Theophanes of Mitylene. Nevertheless, it will be reasonable to propose at least an author somewhat later, that is Quintus Dellius, a general of Mark Antony who left his own account of the Oriental campaign of 37–36 BC².

Strabo's account of the Albanians is in Book XI, which includes a description of the Caucasus and Central Asia. Yet he had already mentioned the Albanians in the excursus at the end of Book VI, which is a general description of *imperium Romanum* at the end of Augustus' principate:

“As for the Armenians, and the peoples who are situated above Colchis, both Albanians and Iberians, they require the presence only of men to lead them, and are excellent subjects, but because the Romans are engrossed by other affairs, they make attempts at revolution — as it is the case with all the peoples who live beyond the Ister in the neighborhood of the Euxine, except those in the region of the Bosphorus and the Nomads, for the people of the Bosphorus are in subjection, whereas the Nomads, on account of their lack of intercourse with others, are of no use for anything and only require watching” (VI, 4, 3, tr. Loeb).

Strabo distinguishes the nomads, tribes without an identity, from *ethnē* as the Armenians, the Albanians, and the Iberians. He develops this conception, which is somewhat artificial, from Hellenistic ethnography. However, despite this methodological schematization, we know from comparative ethnology that Strabo's account of the Albanians can be generally trusted. Moreover, the presence of Rome (and of Parthia) was actually highlighting the existence of the Caucasian peoples (XI, 6, 4)³. But this passage shows the consideration of the whole Caucasus according to Augustus' policy: here the Albanians and the Iberians, that is, the kingdoms of Albania and Iberia, are cited together, just as we find them in the accounts of other historians of the first century, such as Livy (in the *Periochae*), Velleius Paterculus, and Josephus.

¹ Nicolai R., Traina G. Strabone. Geografia. Il Caucaso e l'Asia minore. Libri XI–XII. Milano, 2000; see recently: Bais M. The Southern Border of Caucasian Albania (1st B.C.–2nd A.D.): Calling up the Sources // Bazmavēp. 2005. 153. P. 331–345. (Who partly holds the old-fashioned argument of Strabo's unreliability. The most recent critical edition is now: Radt S. Strabons Geographika. Bd. 3. Buch IX–XIII: Text und Übersetzung. Göttingen, 2004.

² See: Nicolai R. Strabone e la campagna partica di Antonio. Critica delle fonti e critica del testo // Ed. G. Traina. Studi sull'XI libro dei Geographika di Strabone. Galatina (Lecce, Italy), 2001. P. 95–126.

³ Thélamon F. Amazones et Gargaréens: la disjunction des masculins et des féminines au Caucase // Mélanges Pierre Lévêque. 7. Anthropologie et société. P., 1993. P. 319–338, 325.

This logic is not different from that of Strabo's Book XI. Actually, the Geographer separates the peoples of Subcaucasia in two blocks: Iberia/Albania, and Armenia. Iberia and Albania are described in paragraphs 3 and 4, before the accounts on the Amazons, the Caspian Sea, and Central Asia. Following a geographical logic, Strabo then describes Media and Armenia, which closes Book XI; next Book, XII, will consider central-east Anatolia.

The decision to consider Armenia as a separate entity is due to the greater importance of this kingdom. Such a difference is echoed in the *Res gestae divi Augusti*, where the king of Armenia is given a more important consideration than "the kings of the Albanians, Hiberians and Medes." On the other hand, Strabo points at the "subversive activities", expressed by the verb *neōterizō*, which we find in Zonaras/Dio Cass. LV, 10, 8 to describe the crisis of 2 BC, when the Armenians refused to accept the king imposed by Augustus, the Median Artawazd¹.

But the separation of the Armenian highlands from the Iberians and the Albanians was not merely a historical topos: actually, Roman generals considered the Iberian and the Albanians as a unitary strategic sector. A passage of Strabo (XI, 14, 15) where the city of Tigranokerta is put "near Iberia" puzzled the philologists. The editors of Strabo proposed several corrections of the preserved text *kai polin ektize plēsion tēs Ibērias metaxy tautēs kai tou kata ton Eufratēn zeugmatos*, changing the name of Iberia according to their commonsense: therefore, the name of Iberia has been changed in Nisibis, Assyria, or even Armenia. More prudently, Radt preserves the name of Iberia in his text, adding the *cruces desperationis*². Sir Ronald Syme is the only scholar who tried to explain the name of Iberia in Strabo's passage on Tigranokerta. According to him, in this context, Iberia was a geopolitical denomination of Subcaucasia³. But this is not necessary, since we know of the existence of other foundations by Tigran called Tigranokerta. In his passage on Tigranokerta (actually referred to the more famous foundation in Mesopotamia), Strabo may have added a geographical information concerning a different Tigranokerta, located in the eastern part of the empire of Tigran the Great: archaeological evidence of this site seems now to be proved by the first issues of the expedition directed by Hamlet Petrosyan⁴. If this hypothesis is correct, then we have more evidence of the constant connection of Albania and Iberia. This tie originated from the very beginning of Roman presence in the Caucasus, and explains Pompey's strategy in 65 BC. Instead of chasing Mithridates, who fled from Anatolia to the Bosporus,

¹ For a general account see: *Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran. I. De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt 9.1. B.-N.Y., 1976. P. 71–194.*

² See both text and apparatus criticus in: *Radt S. Strabons Geographika. P. 400.*

³ *Syme R. Anatolica. Studies in Strabo. Ed. by A. Birley. Oxf., 1995. P. 63.*

⁴ *Archaeological Research in Tigranakert (Artsakh) // AIEA Newsletter. Association Internationale des Etudes Arméniennes (International Association for Armenian Studies). 2008. No. 42. P. 31–38.*

he decided to control the whole of the Caucasus. Since such a decision could have been considered unsound to a great part of the Senate, Pompey developed his own propaganda. As the Iberians and the Albanians were not regarded as fierce enemies, he insisted on the mythological background of the region, and especially highlighted the tradition of the Amazons. At XI, 4, Strabo puts the Albanians in a sort of an intermediary position between nomadic and civilised life: although they are “more inclined to the shepherd’s life and closer akin to the nomadic people”, they are not “wild”, and “only moderately warlike” (XI, 4, 1). Even though they fight like the Armenians, “both on foot and on horseback, both in light armour and in full armour”, the Albanians “take no forethought for war or for government or farming” (XI, 4, 4). Pompey had to be aware of this inclination, when he decided to occupy their land instead of chasing Mithridates. The Albanians could eventually gather a reasonably large army, as both Strabo and Plutarch say. On the other hand, he had to justify his choice at least in ideological terms, so he exploited the ethnographic traditions on the Amazons, which gave him a mythological background in order to justify the deployment of Roman troops to a less dangerous strategic sector, as witnessed by Plutarch’s *Life of Pompey*.

The ‘shepherd attitude’ of the Albanians is highlighted by the authors who “have made expeditions there together”. Strabo’s sources remember a people leading a “Cyclopeian” mode of life. (XI, 4, 2), exploiting a land so extraordinarily rich and fertile, that they did not have to develop particular skills. On the other hand, Albanians (and their dogs) love hunting; but in this case too, they did not develop a particular skill. They add to this basic attitude their engagement (XI, 4, 5). In a way, they were considered barbarians. In 2 AD, king Tigran of Armenia was killed in a military operation against some “barbarians”: perhaps they can be considered as tribes making up part of the Albanian kingdom. After all, according to Strabo, the ethnogenesis of the Albanians was recent. Formerly they had a “king”, for each of the 26 groups composing the tribes, distinguished “according to their several languages” (XI, 4, 6). One of the most important ethnic groups of Albania was no doubt the *Lp’ink’*, *Lupenii* according to Pliny *nat.* VI 29. This name was actually removed from classic geography, as we know from the Greek writer Abydenos, now lost, but fragments of whom are preserved by Eusebios and Movsēs Xorenac’i II ⁸¹. The latter (*FHG* IV f.8; *FGrHist* 715 f.1, see Eus. *Chron.* I, p. 58 s.) reports the attack by Nebuchanedzzar *i Libiac’woc’ ew i Veriac’woc’ ašxarh*, that is “over the land of the Libyans and of the Verians (Iberians)”. This tradition goes back to the *Indikà* of Megasthenes, and is also recorded by Josephus (*Ant. Iud.* 10.227: *katastrepsasthai gar auton fēsi Libyēs tēn pollēn kath’Ibērian*). But, in the context of MX 2.8, the fragment of Abydenos

⁸¹ Topchyan A. The Problem of the Greek Sources of Movsēs Xorenac’i’s History of Armenia. Leuven, 2006.

refers to the mythical origins of the Gugarac'ik', and follows immediately his account on the origins of the Albanians. Xorenac'i prefers the variant *Libiac'woc'*, to the *lectio faciliior*, *Libēac'woc'* we find in the Armenian version of Eusebius (*Libēac'woc' ew yIberac'woc'*)¹.

However, at the time Strabo was writing, only one king was ruling the Albanians. The ancient sources keep mentioning the Albanians together with the Iberians, as does Strabo in Book VI; yet Strabo's ethnographic construction gives both peoples a different evaluation. "Perhaps a people of this kind", he says of the Albanians, "have no need for a sea" (XI, 4, 3), which is not the case of the Iberians, more sensible to a Hellenic way of life.

Roman understatement of the Albanian military force can possibly explain why Plutarch (*Pomp.* 45, 2) does not mention the Albanian king Oroises, as Appian does, in the account of Pompey's triumph of 62 BC. According to Trever, both Albanians and Iberians were considered as lesser enemies; moreover, they had not lost their land as Mithridates and Tigran had. But Pompey knew very well the importance of putting together the kingdoms of the Caucasus. Ancient historians too often forget that Armenia was not merely a "buffer state" between Rome and Iran, as could suggest a superficial and modernistic analysis of the sources. The example of Tigran the Great was too recent, and the only way to prevent his successors from taking a steady position in the Caucasus was to change the dynastic balance, and to endorse the position of the axis Albania-Iberia as an alternative. This axis is attested, at least in Roman accounts, until the reign of Hadrian. For example, in his short text attesting his expedition against the Alans, Arrian of Nicomedia says that he swept away the Alans from Armenia, then put in order the Iberians and the Albanians. The same can be said of the Flavian policy: according to a recent reconstruction the fragment D of the *cursus honorum* of Neratius Pansa from Saepinum (*Année Épigraphique* 1968, n° 145) can be integrated as *[leg(atus) Aug(usti) exercit]us qui in A[lbaniam]] et Hiberiam missus est*, which gives new evidence to the military interpretation of the situation². The later policy of the Parthian Empire resulted in the Albanian people definitely coming under Iranian control.

¹ See: Traina G. Due note sull'identità politica nel Caucaso antico / Ed. C. Bearzot, F. Landucci, G. Zecchini. Gli stati territoriali nel mondo antico. Milano, 2003. P. 317-326.

² Migliorati G. L'incarico militare di M. Hirrius Fronto Neratius Pansa e gli interessi militari romani in area caucasica / Ed. A. Valvo, G. Manzoni. Analecta Brixiana. Milano, 2004.

Римские представления о Кавказской Албании

Аннотация: Автор предлагает критический анализ сведений письменных источников по Кавказской Албании, восходящих к римлянам. Особое внимание уделяется источникам «Географии» Страбона, связанным со свидетельствами древнегреческого философа Посидония из Апамеи, жившего в Риме, и историка Феофана из Милитены, друга Помпея. Привлекается эпиграфический материал, содержащийся в посвянительной надписи римского консула Нерация Пансы.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Рим, Ли'инк', Страбон, Плутарх, Армения, Иберия, Помпей, Тигран Великий.*

Джусто ТРАИНА,
профессор, Университет Сорбонны (Париж)

Г.С. Связян,

ведущий научный сотрудник Института истории НАН РА,
доктор исторических наук, профессор (Ереван)

Снова о южной границе Албании (I в. до н. э. — сер. V в. н. э.)

Аннотация: Анализ информации греко-римских и древнеармянских источников приводит к убеждению, согласно которому река Кура являлась южной границей страны Кавказской Албании в античный и раннесредневековый периоды, до середины V в. Ситуация изменилась только после упразднения Аршакидского царства Армении и создания в Закавказье трех марзпанств державы Сасанидов под теми же названиями — Армения, Иверия и Албания (Аран).

Ключевые слова: Албания, Аран, граница по Куре, граница по Араксу, Арцах, Утик, Страбон, Мовсес Хоренаци, Мовсес Каланкатуаци, Фавстос Бузанд.

Науке давно известно, что границы страны Албании совершенно определенно показаны в сочинениях крупнейших географов Древнего мира — Страбона, Плиния Старшего и Клавдия Птолемея, сообщения которых подтверждаются и дополняются другими античными и армянскими историками и географами.

Согласно сообщению Страбона, «албанцы... живут между иберийцами и Каспийским морем, на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберийцами. Что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами (потому что эти горы возвышаются над равнинами и называются, в особенности их части, что у моря, Кераунийскими горами), а последнюю сторону образует Армения, граничащая с ней» (*Strabo*. XI, IV, 1). Армения же, согласно Страбону, граничила с Албанией до того места, где «впадают в море (Каспийское. — Г. С.) реки Кир и Аракс» (*Strabo*. XI, I, 5), т.е. до устья этих рек. По свидетельству Плиния Старшего, «всю равнину, начиная от реки Кира (а Суго usque) (т.е. к северу. — Г. С.)¹, заселяет племя Албанцев,

¹ Ср.: Муравьев С.Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 157.

а затем — Иверов, которые отделены от первых рекою Оказаном (Алазани. — Г. С.), текущую с Кавказских гор» (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 29). Клавдий Птолемей описывает Албанию современной ему эпохи в тех же границах: «Албания граничит с севера с описанной частью Сарматии, с запада — Иверией..., с юга — частью Великой Армении, идущей от границы с Иверией до Гирканского моря к устью реки Кира» (*Ptol.* V, 11, 1). Кроме этих сообщений о границах Албании они попутно обращались и к описанию разных вопросов истории страны, и в связи с этим, вновь отмечая те же границы, придавали географическому охвату Албании четкую определенность. По разным поводам те же границы Албании отмечают также Плутарх и Аппиан, Дион Кассий и Асиний Квадрат, Стефан Византийский и др.

После греко-римских авторов о границах Албании сообщают армянские историки. Первым из них является Фавстос Бузанд, который, повествуя о событиях IV в., южной границей Албании называет реку Куру¹. Однако более ясное представление о границах Албании дает «Ашхарнацуйц» (VII в.), согласно которому «Адуанк (т.е. Албания. — Г. С.) [находится] к востоку от Иверии, граничит с Сарматией по Кавказскому хребту и простирается до границы Армении по реке Куре»², или «расскажем о собственно стране Адуанк, которая расположена между великой рекой Курой и горой Кавказа»³.

Проблемой географических границ Албании занимались многие исследователи, которые, несмотря на то, что ссылаются на сведения упомянутых источников, тем не менее по сей день не пришли к общему заключению. При этом расхождения наблюдаются как в вопросе территориального охвата, так и времени сложения границ Албании. Особенно острые разногласия вызвал вопрос о ее южной границе, которую источники, начиная со Страбона, т.е. с I в. до н. э., и до сер. V в. н. э. неизменно считали проходившей по р. Куре. О Куре как границе между Арменией и Албанией уже упоминалось в вышеприведенных сведениях Страбона и Плиния Старшего. Кроме того, Страбон выражает эту мысль и в других своих сообщениях. Например, говоря об области Сакасена (гавар Шакашен в провинции Утик), географ сообщает, что она граничит с Албанией и границей между ними является река Кура: «За этой равниной, — пишет Страбон, имея в виду равнину Аракса, — идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Курой» (*Strabo.* XI, XIV, 4). Принимая реку Куру в качестве границы между этой областью Армении⁴ и Албанией, Страбон фактически считает эту реку

¹ История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгияна. Ереван, 1953. С. 15, 162.

² «Ашхарнацуйц» Мовсэса Хоренаци, Венеция, 1881 (на арм. яз). С. 28; Аноним (VII век). «Ашхарнацуйц» / Науч.-критич. текст А. Акопяна // *hАндэс Амсорей*. Вена–Ереван, 2013 (на арм. яз.). С. 121.

³ «Ашхарнацуйц» Мовсэса Хоренаци. С. 29; Аноним (VII век). «Ашхарнацуйц». С. 122.

⁴ То, что упомянутая область была армянской и составляла неотъемлемую часть Армении, он свидетельствует многократно (*Strab.* II, I, 14; XI, VII, 2; XI, VIII, 4).

границей между этими странами. Плиний Старший в свою очередь перечисляя с севера на юг племена, обитавшие на западном берегу Каспийского моря, и отмечая, что албанцы, «расселившиеся по Кавказским горам, доходят, как сказано, до реки Кира, составляющей границу Армении и Иверии» (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 9), тем самым подтверждает вышеприведенную мысль о том, что южной границей Албании была р. Кура. То, что последняя была границей между Арменией и Албанией, после Страбона и Плиния вполне определенно сообщает Клавдий Птолемей: «Кир, который течет по всей Иверии и Албании, отделяя от них Армению» (*Ptol. V*, 11, 3), и продолжает: «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир» (*Ptol. V*, 12, 1), и, наконец, говорит об армянских областях, заключающихся «между реками Евфратом, Киrom и Араксом» (*Ptol. V*, 12, 3).

Эти сведения о реке Кура как пограничной реке между Арменией и Албанией обосновываются также сообщениями Плутарха, из которых следует, что албанцы при нападении на Помпея зимой 66–65 гг. до н. э. перешли Куру (*Plut. Pomp.*, XXXIV). Так дважды поступал и Помпей — он переходил реку Куру, чтобы напасть на албанцев (*Plut. Pomp.*, XXXV). Кстати, как раз эту часть Куры албанцы перекрыли частоколом, чтобы воспрепятствовать вторжению римлян в Албанию (*Plut. Pomp.*, XXXV). Дион Кассий вспоминает обитавших к северу (*ὑπέρ* — выше) от Куры албанцев (*Dio Cass.* XXXVI, 54, 1), а это означает, что Кура являлась южной границей албанцев. Повествуя о первой стычке римлян с албанцами, Дион Кассий сообщает, что Помпей разгромил албанцев как раз у переправы через реку Куру, куда они пришли для ее перекрытия, боясь вторжения римлян в Албанию. В этой связи Дион Кассий делает еще одно интересное замечание, из которого следует, что собственно страна албанцев находилась за Курой. Так, рассказывая, что этим наступлением албанцы вызвали гнев Помпея, историк пишет, что римскому полководцу «очень хотелось отомстить им вторжением в их собственную землю (здесь и ниже выделено мной. — Г. С.)» (*Dio Cass.* XXXVI, 54, 4,5), но он не смог это предпринять вследствие наступающей зимы и остался зимовать в области Анаитис и у реки Куры. А так как область Анаитис (или Аспис), по сведениям того же историка, находилась в Армении (*Dio Cass.* XXXVI, 48, 1), то, значит, и «собственная земля» албанцев находилась за ее пределами, т.е. за Курой. Наконец, и Стефан Византийский, ссылаясь на Асиния Квадрата, правобережье Куры рассматривает как место обитания оваринов и отенцев, заселявших значительную часть Армении (*Steph. Byz. Ethnika*, s. v. Ωβαρηνή, Ωτηνή)¹.

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890. С. 270–271.

Уже было сказано, что Фавстос Бузанд считал границей между Арменией и Албанией реку Куру. По его свидетельству, она являлась северной границей Армении в течение всего IV в., и этот факт отражал существовавшую на протяжении предыдущих веков историческую действительность. Повествуя о вторжении в Армению северных кочевых племен во главе с царем маскутов Санесаном в 330-х гг., Бузанд сообщает, что они, перейдя Куру, оказались в Армении: «Перешел свою границу, — пишет Бузанд о Санесане, — большую реку Куру и наводнил армянскую страну»¹. В другом месте, уже говоря о периоде, последовавшем за армяно-персидскими войнами 60–70-х гг. IV в., историк повествует о том, что спарапет армянских войск Мушег Мамиконян сражался против союзника Сасанидского Ирана Албании, отвоевал захваченные им гавары Армении и «...реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше»². Также согласно «Ашхархацуйц», граница проходила между Арменией и Албанией по реке Куру.

Таким образом, известия античных и армянских историков и географов, живших и творивших с I в. до н. э. до сер. V в. н. э., приводят к бесспорному убеждению, что в течение всего этого времени южной границей Албании была река Кура. Этот факт принимают многие исследователи: А. Яновский, С. Юшков, С. Еремян, А. Мнацаканян, Б. Улубабян, А.П. Новосельцев, В. Томашек, А. Акопян и др.³ К.В. Тревер находит, что Кура была границей между Арменией и Албанией еще раньше — со II в. до н. э.⁴, К. Алиев — только со II в. н. э.⁵. Согласно последнему, до этого южная граница Албании проходила по реке Аракс⁶. Аракс для всех времен южной границей Албании считает Ф. Мамедова. Более того, безосновательно перенося «ретроспективно» сообщения источников на III в. до н. э., она полагает, что Албания еще с указанного века якобы не только покрывала территорию между Главным Кавказским хребтом и р. Аракс, но и на севере простирала сферу своего влияния вплоть до р. Сулак и далее⁷.

¹ История Армении Фавстоса Бузанда. С. 15.

² Там же. С. 62.

³ Яновский А. О древней Кавказской Албании // Т. 52. Ч. 2. С. 97; Tomaszek W. Albania // Wissowa Pauly. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. hrsg. von Kroll. Bd. I. Stuttgart, 1894. S. 1303; Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании. С. 132, 133; Еремян С.Т. Атлас к книге «История армянского народа». Ереван, 1952; Мнацаканян А. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969. С. 18–33; Улубабян Б. О границах древнего Агванка // Вестник Ереванского университета. 1979. № 1. С. 113–114 (на арм. яз.); Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1979. С. 10–18; Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 21–27.

⁴ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 58.

⁵ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 122.

⁶ Там же. С. 90, 122 и сл.

⁷ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). Баку, 1986. С. 144, карта № 1.

Считая реку Куру границей между Великой Арменией и Албанией со II в. до н. э., К.В. Тревер связывала ее с завоевательной политикой Армении. Согласно ее мнению, еще в начале II в. до н. э. армянский царь Арташес (189–160) в процессе своей деятельности, направленной на объединение страны, якобы отнял у Албании входившие в ее состав области Утик, Арцах, Пайтаракан и гавар Шакашен, которые, «будучи раздроблены... не могли воспрепятствовать захвату их земель», и «с той поры пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру»¹. Она отмечала, что эта «аннексированная» территория до IV в. н. э. оставалась в составе Армении и лишь после этого объединилась с Албанией². Для подтверждения своего мнения К.В. Тревер ссылалась на известное сообщение Страбона о завоевании земель Арташесом у соседних стран³. Однако ссылка на это сообщение некорректна. Страбон, поименно перечисляя страны, подвергшиеся завоеваниям, и захваченные области (*Strabo*. XI, XIV, 5), вообще не касается ни Албании, ни областей, названных К.В. Тревер. Это мнение опровергается и информацией, содержащейся в сказании о Ерванде и Арташесе, приведенном Мовсесом Хоренаци: «В области Утик Еруанда застаёт весть о том, что персидский царь собрал большую рать под начальством Смбата, чтобы, напав на тебя, возвести молодого Арташеса на положенное ему царство»⁴. Уже то обстоятельство, что, согласно сказанию, представители разных армянских царских родов свой династический спор решают в Утике, показывает, что эта область, а тем более расположенная южнее область Арцах являлись задолго до Арташеса неотъемлемыми частями Армении эпохи Ервандидов (VI–III до нашей эры).

Мнение К. Алиева о Куре как границе между Арменией и Албанией только во II в. н. э. опирается на бесосновательные, произвольные толкования известий античных авторов. Например, сообщение Страбона, согласно которому «река Аракс течет до границ Албании» (*Strabo*. XI, XIV, 4), из которого следует только то, что Аракс не является границей Албании, а всего лишь течет до ее границы, К. Алиев переводит иначе: «Аракс течет в пределы Албании»⁵. Тем самым он пытается создать впечатление, что якобы Страбон считает Аракс рекой, протекающей по территории Албании. Тем не менее под давлением сообщений источников он вынужден признать, что р. Кура являлась границей между Арменией и Албанией, но лишь во II в. н. э. По его мнению, точка зрения, по которой р. Кура являлась южной границей Албании до II в. н. э., — результат неверных переводов соответ-

¹ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 58.

² Там же, примеч. 8.

³ Там же. С. 58.

⁴ История Армении Моисея Хоренского / Пер. с др.-арм. яз., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990. С. 95–96.

⁵ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 114.

ствующих сообщений античных авторов, которые и исправляет на свой лад. Он пишет, что в переводе В.В. Латышева сообщение Плиния («всю равнину, начиная от реки Куры, заселяет племя албанцев») вырвано из контекста и создает иллюзию, будто бы албанцы проживали, начиная от Куры, тогда как на самом деле, согласно К. Алиеву, из контекста следует, что албанские и иберские племена обитали «вплоть до всей равнины Кюр»¹, т.е. албанцы занимали и правобережье, и левобережье Куры. Основываясь на этих своих «корректурах», он объявляет: «Данные Страбона, Плиния и Птолемея свидетельствуют о том, что территория Кавказской Албании разделилась на две части, на области, расположенные к северу от Куры, и на области, находящиеся южнее Куры и входившие до этого в состав Албании»². Однако эти переводы некорректны, предвзяты, противоречат сущности сообщений античных авторов, в отличие, например, от русского перевода В.В. Латышева и английского, приведенного параллельно с греческим оригиналом (“All the plain from the Kur onward is occupied by the race of the Albani”)³. Высказывая свое несогласие с теми исследователями, которые южной границей Албании ранее II в. считают р. Куру, исследователь заключает, что эта река являлась границей между двумя странами только во II в.⁴

Другой исследователь, Ф. Мамедова, находит свидетельство Фавстоса Бузанда о Куре как границе между Албанией и Арменией и об Утике, Арцахе, Шакашене, Гардманадзоре и Пайтаракане как армянских областях преувеличенными и тенденциозными⁵. Она объявляет противоречивыми и исторически неверными многочисленными сообщения античных и армянских историков о том, что р. Аракс являлась одной из рек Армении, а также сведения Страбона, Плутарха, Плиния Старшего, Аппиана и Диона Кассия о Куре как о границе между Арменией и Албанией. По Ф. Мамедовой, исторически неверными являются сообщения Страбона, в которых Сакасена, Араксена и Орхистена фигурируют как провинции (области) Армении. По ее мнению, «их информация носила случайный и противоречивый характер и вполне могла быть неточной»⁶. Как считает Ф. Мамедова, р. Кура рассматривалась в качестве границы Армении и Албании вследствие не критичного подхода исследователей к свидетельствам указанных авторов, без попытки выявления их достоверности, из-за игнорирования сообщений

¹ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 88.

² Там же. С. 121. Такое мнение неожиданно повторяется и грузинским историком Т. Папуашвили, который считает, что рекой Курой Албания разделялась на две части: левобережную и правобережную (Папуашвили Т.Т. Вопросы истории Эрети. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.). С. 5.

³ Plin. Nat. Hist. VI, 11 (Loeb Classical Library. L., 1947. P. 359).

⁴ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). С. 122.

⁵ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 45, 46, 53, 119, 124, 145–146.

⁶ Там же. С. 120, 146.

Мовсеса Каланкатуаци¹. Это требование она объясняет тем, что в основе сообщений античных авторов лежат сведения плохо знавших географию Южного Кавказа Эратосфена, Патрокла и участников Кавказского похода Помпея, особенно последних, «чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании»². Однако обвинения Ф. Мамедовой в адрес античных авторов беспочвенны. В основе описания Албании и особенно сообщений Страбона лежат не сведения Эратосфена, Патрокла или случайных спутников походов Помпея, а данные компетентных людей: это в основном военные дневники и отчеты участника и очевидца походов Помпея военного, политического и государственного деятеля Феофана Митиленского³, которые были государственно-официальными докладными записками, достоверными документами. Как таковые, они содержали в определенные достоверные сведения не только по вопросу границ Албании, но и о ее социально-экономической и политической жизни, поскольку римских завоевателей именно в этом аспекте интересовали подлежащие завоеванию страны. Увлекаясь поисками противоречий в сообщениях Страбона (и других авторов), Ф. Мамедова представляет критическое отношение Страбона к своим источникам, в частности к Посидонию (*Strabo*. XI, I, 6), как факт, подчеркивающий противоречивость его сообщений⁴. Между тем критический взгляд Страбона на источники демонстрирует аналитический подход Страбона к используемым им сведениям. Страбон вследствие тщательного отбора широко использовал сведения Феофана Митиленского, которые никак нельзя считать случайной информацией. Значит, не может быть сомнения, что в основе сообщений Страбона лежали данные надежных, достоверных источников, на которых базировалось знание античного мира об Албании I в. до н. э. — I в. н. э.

Отрицая подлинность сообщений античных и армянских авторов о Куре, как границе между Арменией и Албанией, Ф. Мамедова ссылается на Мовсеса Каланкатуаци и Мовсеса Хоренаци, хорошо знавших регион и якобы проводивших границу Албании на юге по р. Аракс. При этом опирается на те их сообщения, в которых приводится информация о назначении царем Валаршаком наместником в северо-восточных областях легендарного Арана и о передаче ему территории «от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракерт»⁵. Ни у одного серьезного исследователя не возникло, да и

¹ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 119.

² Там же. С. 120.

³ Связан Г.С. Источники Страбона о Кавказской Албании // Историко-филологический журнал. Ереван, 1978. № 1 (на арм. яз.). С. 95–104.

⁴ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 119.

⁵ История Армении Моисея Хоренского. С. 64.

сейчас не возникает сомнения, что это сообщение Хоренаци и его последователя Мовсеса Каланкатуаци (или Дасхуранци)¹ относится к произошедшим в Армении преобразованиям, приведшим к созданию нового армянского наместничества на северо-востоке страны. Уже то обстоятельство, что армянский царь образовывал новые нахарарства «вдоль границ армянской речи»², не оставляет места для предположения, что Аран мог унаследовать неармянские территории. Но Ф. Мамедова (как и некоторые другие авторы) видит в этом сообщении не только свидетельство об Араксе как о южной границе Албании, но и объявляет легендарного Арана первым правителем Албании и предком албанцев³. Проходя на юге по р. Аракс, на западе — у крепости Хнаракерт, территория Арана на севере, как отмечает Хоренаци, ограничивалась р. Курой⁴. То есть его власть не распространялась на левобережье Куры, где располагалась известная у армянских авторов «Собственно страна Албания». Таким образом, на юге до р. Аракс доходила не территория «Собственно Албании», а владения Арана, которые были отделены от Албании р. Курой, что делает беспочвенным их отождествление. По той же логике, Аран не мог быть прародителем албанских племен, обитавших к северу от Куры. Таким образом, владение Арана, которое армянские историки называют Адуанком (Албанией), в отличие от «Собственно страны Албания», включало территорию, которая на севере была ограничена р. Курой, на юго-востоке — р. Аракс, юго-западе — Арцахскими горами, северо-западе — крепостью Хнаракерт, составляя треугольник, который включал окраинные области Армении — Утик и Арцах.

Доказательством того, что действительно владением Арана являлся эта территория, служит то обстоятельство, что те же самые историки считают произошедшими от него лишь княжеские роды, обитавшие в этом треугольнике — утийцев, гардманцев, цавдейцев и гаргарейцев. Как видим, «Албания» (Адуанк') армянских историков по своим географическим границам отнюдь не соответствует «Албании» греко-римских источников. Так что сообщения Хоренаци и Каланкатуаци о границах владений Арана не могут служить основой для доведения границы собственно Албании до Аракса, а, наоборот, служат свидетельством того, что южной границей «Собственно страны Албания» была р. Кура.

Отметим, однако, что в определенный исторический отрезок политическая граница Албании доходила до Аракса. Как повествует Фавстос Бузанд, воспользовавшись тяжелым положением Армении, последовавшим

¹ Мовсес Каланкатуаци. История страны Адуанк. С. 25.

² История Армении Моисея Хоренского. С. 63.

³ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 101 и сл. См. также: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в. н.э. С. 46, 144 и сл.

⁴ История Армении Моисея Хоренского. С. 63–64.

после армяно-персидских войн 50–60-х гг. IV в., Албания, которая выступала союзником Сасанидского Ирана, напала на Армению и захватила гавары Ути-Арандзнак, Шакашен и Гардман провинции Утик, а также гавар Кохт в Северном Арцахе. Повествуя об этом и перечисляя гавары, захваченные Албанией, Бузанд в их числе отмечает также «и сопредельные им гавары»¹, давая основание для предположения о том, что Албания завоевала также и другие гавары северо-восточных окраин Армении. Так в 360-х гг. южная граница Албании простерлась за р. Куру. Однако такое положение сохранялось недолго, и уже в 370-х гг. спарапет Мушег Мамиконян смог отвоевать отторгнутые от Армении гавары, восстановить прежнее положение и вновь сделать Куру границей между двумя странами: «Пошел войною (Мушег Мамиконян. — Г. С.) на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ими были захвачены, — Утик, Шакашен и Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше»².

Таким образом, анализ сообщений античных и древнеармянских авторов приводит к убеждению, что р. Кура являлась южной границей Кавказской Албании в античный и в начале раннесредневекового периода.

Once Again on the Southern Border of Albania (1st C. BC – mid. 5th C. AD)

Abstract: The analysis of the information from Greco-Roman and ancient Armenian sources leads us to the conviction that the Kura river was the southern border of Caucasian Albania in the Ancient and the Early Medieval periods up to the first half of the 5th century. The situation changed only after the Arsacid Kingdom of Armenia was abolished and three new marzpanats of the Sasanid Empire appeared. They had the same names – Armenia, Iberia and Albania (Aran).

Key words: *Albania, Aran, Kura, Arax, Artcakh, Strabo, Khorenazi, Kalankatwazi, Buzand.*

Henrik S. SVAZIAN,

Prof., Leading Researcher, Institute of History, National Academy
of Sciences, Republic of Armenia (Erevan)

¹ История Армении Фавстоса Бузанда. С. 162.

² Там же.

И.Г. Семенов,

старший научный сотрудник отдела древней
и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН, доктор исторических наук (Махачкала)

О времени воцарения в Кавказской Албании Аршакидской династии

Аннотация: Статья посвящена хронологии династии албанских царей-Аршакидов. Автор предлагает новое толкование ряда исторических данных, связанных с конкретными представителями династии, рассматривает сложные взаимоотношения Сасанидов с албанскими Аршакидами и маскутской ветвью этой династии.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Аршакиды, Сасаниды, Урнайр, Санесан, Шаргир.*

Библиография, посвященная различным вопросам истории Кавказской Албании, очень обширна, но вопрос о времени воцарения в этой стране Аршакидской династии до сих пор не становился темой специального исследования: кавказоведы, как правило, ограничивались высказыванием различных мнений по данной теме, не приводя при этом никакого обоснования. Так, в одной из работ К.В. Тревер было высказано мнение о том, что воцарение Аршакидов в Албании относится к I в. н. э.¹ Это предположение, не имевшее никакой аргументации, было принято К. Тумановым и Ф.Дж. Мамедовой². Однако впоследствии сама К.В. Тревер в своей фундаментальной работе, посвященной истории и культуре Кавказской Албании³,

¹ Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.–Л., 1953. С. 145.

² Toumanoff C. The Albanian Royal succession // Le Museon. Revue d'études Orientales 97, fasc. 1–2. Louvain, 1984. P. 87; Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 58, 122, 184, 185; Она же. О некоторых вопросах исторической географии Албании I в. до н. э. — VIII в. // Историческая география Азербайджана. Баку, 1987. С. 15.

³ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э.

к этому предположению уже не возвращалась и обошла данный вопрос стороной.

Другая точка зрения на этот счет была высказана Р.Б. Геюшевым. По его мнению, воцарение Аршакидской династии в Албании должно относиться к 298 г. — сразу после заключения Нисибинского договора между Ираном и Византией¹. Однако и это предположение не имеет веских доводов.

И, наконец, необходимо отметить точку зрения С.Т. Еремяна, относившего возникновение Аршакидского правления в Албании к IV в. н. э.², и также никак не обосновывавшего свое предположение.

Для решения данного вопроса первостепенное значение имеет присутствие в приводимом в «Истории страны Алуанк» списке албанских Аршакидов имени царя Урнаира (Вачаган I Храбрый, Вачэ I, Урнаир, Вачаган II и т.д.³), о котором в связи с событиями 371 г. упоминается также автором эпического сборника *Бузандаран патмут'юнк'* (V в.)⁴, известном в историографии как Фавст Бузанд⁵. Основываясь на указанном списке Аршакидских царей и опираясь на указанную отправную дату — 371 г., можно утверждать, что воцарение самого первого из них — Вачагана I Храброго — должно относиться ко времени никак не ранее первой пол. IV в. Таким образом, можно полагать, что древнейшие албанские цари (Оройс/Ород, Зобер), упоминаемые античными авторами в связи с событиями I в. до н. э. — первой пол. I в. н. э., имели не аршакидское, а иное, скорее всего, местное происхождение. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если бы албанские цари, правившие в эту эпоху, являлись Аршакидами, то вряд ли этот факт мог бы остаться незамеченным античными авторами.

Из надписи шаханшаха Нарсе (293–298) следует, что в конце III в. восточнокавказские владения Сасанидского государства находились в состоянии политической раздробленности⁶, и говорить о существовании в этот период единого Албанского царства не приходится. С другой стороны, есть основания полагать, что во второй пол. III — первой пол. IV в. одним из наиболее влиятельных восточнокавказских владетелей являлся маскутский аршакидский царь.

Сведения о Маскутском государстве сохранились в сочинении Фавста Бузанда, причем он упоминает только об одном маскутском аршакидском

¹ Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку, 1984. С. 15.

² См.: Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958. С. 311, 314.

³ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. 1.15.

⁴ История Армении Фавстоса Бузанда. 5.4–5.

⁵ О названии сочинения *Вузандаран патмут'юнк'* и имени *Фавстос Бузанд* см.: Периханян А.Г. О первоначальном названии труда, приписываемого Фавсту // Международная конференция по средневековой армянской литературе, Ереван, 15–19 сентября 1986 г.: Тез. докл. Ереван, 1986. С. 154–155.

⁶ Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. С. 11–12.

царе — Санесане, правившем в 330-х гг.¹ Но несколько раньше о царе маскутов сообщается в надписи Нарсе, составленной в 293 г.²

По данным Фавста Бузанда, Санесан казнил епископа Григория (около 336 г.), проповедовавшего христианство в Стране маскутов³. «История страны Алуанк» дополняет сообщение Бузанда сведениями о том, что епископу Григорию удалось обратить в христианство несколько тысяч маскутов, в т.ч. и сыновей самого Санесана, которые приняли христианские имена — Мовсес, Даниел и Елиа. Санесан потребовал от них отречения от христианства, но, получив отказ, предал их казни⁴.

Далее, как следует из повествования Фавста Бузанда, Санесан по приказу шаханшаха Шапура II (309–379) организовал и возглавил нападение отрядов восточнокавказских народов на Армению. Почти год войско Санесана удерживало столицу Армении — город Валаршапат, но затем армянская армия, скрытно выдвинувшись к городу, внезапным ударом выбила оттуда маскутов и у скалы Ошакан нанесла им окончательное поражение. Среди погибших у Ошакана был и царь Санесан⁵.

По всей видимости, в рассматриваемый период лидерство маскутов в политической жизни Восточного Кавказа определялось главным образом высокой знатностью их царской династии, являвшейся ветвью Аршакидского рода. Именно это обстоятельство позволило Санесану объединить вокруг себя остальных восточнокавказских владетелей и повести их в поход на Армению⁶.

¹ История Армении Фавстоса Бузанда. 4.6–7. Некоторое время в историографии была принята точка зрения К.В. Тревер, отождествлявшей маскутского царя Санесана с мятежником Санатруком (Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 188–197. См. также: Мамедов Т.М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV–VII вв.). Баку, 1977. С. 77; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 33 сл.; Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. до н. э.). С. 98, 172, сл.), который в начале 30-х гг. IV в. попытался с помощью персов воцариться в Армении (История Армении Моисея Хоренского / Пер. Эмина Н.О. М., 1893. 3.2–4; Мовсэс Каланкатуацци. История страны Алуанк. 1.14), однако Б.-А. Арутюняном и М.С. Гаджиевым было показано, что это два разных исторических лица (Арутюнян Б.А. Поход мазкутского царя Санесана на Армению // Вестник общественных наук. Ереван, 1981. 6. С. 65–77 (на арм. яз.); Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III–V вв.: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1982. С. 140–143. См. также: Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 108; Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (1-е тысячелетие новой эры). Казань, 1994. С. 153–156).

² Humbach H., Skjaervø P.O. The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt.2. Synoptic Tables. Wiesbaden, 1980. VI. H3; Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–IV вв. Проблемы этно-культурной и социально-экономической истории. Баку, 1983. С. 28, 53, 54.

³ История Армении Фавстоса Бузанда. 4.6. См. также: Мовсэс Каланкатуацци. История страны Алуанк. 1.14.

⁴ Мовсэс Каланкатуацци. История страны Алуанк. 2.5.

⁵ История Армении Фавстоса Бузанда. 4.7. См. также: История Армении Моисея Хоренского. 3.9.

⁶ Данные Фавста Бузанда не содержат прямого указания на то, что в правление Санесана весь Восточный Кавказ входил в состав Маскутского царства, но все же А.А. Акопяном был сделан вывод

После гибели Санесана маскутские аршакидские цари в источниках уже не упоминаются, не упоминается и сам титул «царь маскутов». С другой стороны, с 359 г. в источниках начинают фигурировать албанские цари, причем как ведущие владетели на Восточном Кавказе. Не вызывает сомнений, что это был уже аршакидский царь, т.к. выше был сделан вывод о том, что правление Аршакидов в Албании начинается приблизительно в этот период. Таким образом, новое возвышение Албанского государства начинается с момента воцарения там одной из ветвей Аршакидской династии. С другой стороны, тот факт, что правление Аршакидов в Албании начинается не позднее 359 г., т.е. уже вскоре после гибели сыновей Санесана, а затем и его самого, может говорить о том, что албанские Аршакиды, вероятно, принадлежали к той же ветви Аршакидского рода, что и Санесан, и что албанские аршакидские цари в определенной степени являлись преемниками маскутских аршакидских царей.

На первый взгляд данному предположению противоречат следующие показания источников:

1. По данным послания армянского католикоса Гюта Араһезаци к Вачэ II, албанский царь Урнаир был современником армянского царя Трдата III (298–330) и вместе с ним принял крещение от Григория Просветителя¹.

2. В житийном варианте сочинения Агафангела, так называемом «Житии Григория Просветителя» (сохранилось только в греческом переводе, армянский оригинал которого исследователи относят к V в.²), сказано

о том, что в составе этого государства была объединена территория «между Курой, Каспийским морем, Дербентской линией гор [? — И. С.] и Кавказским хребтом с его продолжением по Лянгабизской гряде, то есть охватывала всю восточную половину античной Албании» (Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 104). Б.А. Арутюнян полагал, что власть Санесана распространялась и на территорию «Собственно Албании» (Арутюнян Б.А. Поход маскутского царя Санесана на Армению. С. 77). Подобное же мнение было высказано и мной (Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (1-е тысячелетие новой эры). С. 17, 19). С.А. Яценко пошел еще дальше и неправомочно включил в состав государства Санесана также весь Дагестан и Центральный Кавказ и примыкающие к нему степные районы вплоть до низовий Волги (Яценко С.А. «Бывшие массагеты» на новой родине — в Западном Прикаспии (II–IV вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир–М., 1998. С. 91, рис. 2). Полагаю, что все эти точки зрения несостоятельны; для того чтобы убедиться в этом, достаточно процитировать соответствующее место из сочинения Фавста Бузанда: «В то время маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал все войска, — гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов, и глуаров, гутаров, шичбов, и чилбов, и баласичев, и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал» (История Армении Фавстоса Бузанда. 4.7). Здесь не сказано о том, что Санесан повелевал этими племенами — он повелевал лишь войсками, набранными из этих племен.

¹ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. 1.11.

² Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 65; Ацициани Н.К. Источниковедческие проблемы распространения христианства на Кавказе (Цикл «Жития Григория Просветителя»): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1989. С. 7, 8, 17.

о том, что Трдат III пригласил к себе царей Лазики, Иберии и Албании и вместе с ними принял крещение от Григория Просветителя¹.

3. В основном тексте сочинения Агафангела сообщается, что Григорий Просветитель и армянский царь Трдат III распространили христианство до Кавказского хребта и до северной границы маскутов².

Однако анализ всех данных, связанных с миссионерской деятельностью Григория Просветителя, привел Н.К. Апциаури к выводу о том, что распространение христианства при Григории Просветителе ограничилось территорией Большой Армении и не затронуло соседние страны — Картли и Албанию; легенда же о том, что деятельность Григория Просветителя была распространена и на другие страны, появилась позднее³. Иначе говоря, сообщения о прибытии албанского царя Урнаира к Трдату III лишены исторической основы.

Несколько раньше этот вопрос был рассмотрен А.А. Акопяном. В своих рассуждениях он опирался на вывод К.А. Каграманяна о том, что главы 1.16–26 «Истории страны Алуанк» представляют собой отдельное сочинение — «Повесть о Вачагане», составленную автором V века, являвшимся современником Вачагана III Благочестивого и очевидцем проводившихся им в Албании политических и религиозных преобразований; позднее данное сочинение было включено в состав «Истории страны Алуанк»⁴. Как замечает А.А. Акопян, в «Повести о Вачагане», подробно рассказывающей о тех подвижниках, которые способствовали распространению христианства в Албании, имя царя Урнаира не упоминается вовсе. Это позволяет говорить о том, что легенда об Урнаире как о царе, крещенном Григорием Просветителем, появилась довольно поздно (после V в.). А.А. Акопян полагает, что она была создана после Партавского собора 704 г., когда Албанская церковь предприняла попытку выйти из-под юрисдикции армянского католикосата, и, таким образом, у последнего возникла необходимость исторического обоснования идеи единства обеих церквей. Первоначальный вид этой легенды представлен в послании армянского католикоса Гюта Араһезаци к царю Вачэ II. В нем, в частности, сказано, что Урнаир получил крещение от Григория Просветителя и что именно Григорий Просветитель направил в Албанию первого епископа. Последнее должно было явиться основанием для того, чтобы албанские католикосы и

¹ Garitte G. Documents pour l'étude du livri d'Agathange. Rome, 1946. P. 72, 97, 99.

² Agathangelos. History of the Armenians / Transl. and Comm. by R.W. Thomson. Albany, N.Y., 1976. § 842.

³ Апциаури Н.К. Источниковедческие проблемы распространения христианства на Кавказе. С. 10–18.

⁴ Каграманян К.А. Источники «Истории страны Агванк»: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1973. С. 22; Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 178–189.

впредь получали рукоположение от армянских католикосов, преемников Григория Просветителя. Позднее, в X в., на основании этой легенды была скомпилирована одна из глав «Истории страны Алуанк» (1.9), но там она была использована уже с противоположной целью — для обоснования самостоятельности Албанской церкви¹.

Справедливость построений А.А. Акопяна подтверждается еще одним обстоятельством: в главе 1.9 «Истории страны Алуанк» говорится, в частности, о том, что после смерти царя Урнаира албанцы просили себе в католикосы Григория, внука Григория Просветителя, и армянский царь Трдат III удовлетворил их просьбу. Если следовать этому указанию, то Урнаир должен был умереть еще до того, как Григорий, внук Григория Просветителя, стал епископом Картли и Албании, т.е. до 330 г. (дата смерти Трдата III), а между тем достоверные данные об Урнаире относятся к 371 г. Это позволяет считать, что сообщения главы 1.9 действительно основаны на легенде, изложенной в послании Гюта Араһезаци к Вачэ II.

Наконец, можно указать еще и на другое противоречие, которое неизбежно возникает в том случае, если принять сообщение главы 1.9 «Истории страны Алуанк» как достоверное: царь Урнаир должен был бы править как минимум с 313 по 371 г. Так, например, и считает Ф.Дж. Мамедова². Однако сомнение вызывает не столько возможность такого длительного правления Урнаира, сколько то, что в 371 г., во время Дзиравакской битвы, он вел в бой албанское войско, а потом еще имел силы спастись бегством с места сражения³. Это может говорить о том, что в 371 г. Урнаир был вовсе не старым, в преклонных годах человеком, а скорее зрелым, полным сил мужчиной.

Все эти факты позволяют принять гипотезу А.А. Акопяна и согласиться с его мнением о том, что Урнаир воцарился в Албании незадолго до 371 г. — в 60-х гг. IV в.⁴

Р.Б. Геюшевым было выдвинуто предположение о том, что в Албании правили два царя под именем Урнаир: один из них правил до 330 г., а другой около 371 г.⁵ Однако данная точка зрения не опирается на данные источников. Так, в приводимом «Историей страны Алуанк» списке аршакидских царей Албании имя Урнаира упоминается только один раз: Вачаган Храбрый, Вачэ, Урнаир, Вачаган, Мирхаван, Сатой, Асай, Есвален, Вачэ, Вачаган Благочестивый⁶.

¹ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 181–184.

² Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 186, 261, примеч. 48.

³ См.: История Армении Фавстоса Бузанда. 5.50.

⁴ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 107.

⁵ Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. С. 29.

⁶ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. 1.15.

Как уже говорилось, опираясь на данные этого списка, можно утверждать, что Вачаган Храбрый едва ли мог воцариться в Албании ранее первой пол. IV в. Этот хронологический период приблизительно совпадает со временем гибели сыновей Санесана и его самого около (337 г.¹). А тот факт, что в более поздний период маскутские аршакидские цари перестают упоминаться в источниках (вплоть до периода правления шаханшаха Хосрова I (531–579)), позволяет считать вполне вероятным то, что после гибели Санесана шаханшах Шапур II упразднил трон маскутских царей и стал сажать представителей маскутской ветви Аршакидского рода уже на албанский трон. Иначе говоря, Аршакидский трон на Восточном Кавказе мог быть перенесен из Страны маскутов в собственно албанские районы, хотя, разумеется, под властью нового албанского царя могло сохраниться и владение его предшественников — Страна маскутов. В последнем случае становится объяснимым, почему Елишэ, рассказывая о восстании албанского царя Вачэ II, называет в числе его соратников одиннадцать горских царей и особо говорит о маскутском войске, не упоминая при этом о маскутском царе².

Таким образом, можно считать вполне вероятным, что Вачаган I Храбрый, который фигурирует первым в приводимом «Историей страны Алуанк» списке албанских аршакидских царей, был очень близким родственником Санесана.

В связи с этим предположением необходимо принять во внимание, что в IV в. Сасаниды нигде не создавали новых царских тронов и уж тем более аршакидских, напротив, в данный период в Сасанидском государстве имела место прямо противоположная тенденция — к упразднению малых царств. Это делает предположение о перенесении аршакидского трона из Страны маскутов в собственно албанскую область более вероятным. Именно с последним событием и можно связывать новое усиление Албанского царства.

Сама «История страны Алуанк» не упоминает о родстве Санесана с последующими албанскими царями, но это можно объяснить нежеланием албанского автора каким-либо образом связывать албанскую Аршакидскую династию с последним (?) маскутским царем, так как, во-первых, по приказу Санесана был убит епископ Григорий, во-вторых, Санесан приказал убить также своих сыновей, равно как и других маскутов, отказавшихся отречься от христианства, в-третьих, Санесан был организатором нападения восточнокавказских племен на Армению, страну, духовно близкую Албании.

По всей видимости, Аршакидский трон в Стране маскутов служил опорой власти Сасанидов в Западном Прикаспии и основой сасанидской

¹ Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа. С. 12.

² Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. с др.-арм. И.А. Орбели. Примеч. К.Н. Юзбашьяна. Ереван, 1971. С. 169. Далее: Елишэ.

системы обороны в этом крае¹, но с поражением у Ошакана мощь маскутской армии значительно ослабла. Этим обстоятельством успели воспользоваться какие-то северокавказские кочевники, которые, по словам Мовсеса Хоренаци, в период правления армянского царя Тирана (342–350) поселились в Албании и в течение четырех лет совершали набеги на соседние армянские области. Только с помощью шаханшаха Шапура II армянскому царю удалось избавить свою страну от этих набегов². Мовсес Хоренаци не сообщает о том, каким именно образом Шапур II помог Тирану, но очевидно, что действия сасанидского шаханшаха против кочевников были вызваны тем, что кочевники действовали в его восточнокавказских владениях. Вероятно, именно тогда, приблизительно в 350 г., Шапур II и посадил на албанский трон Вачагана I Храброго.

Вероятно, шаханшах Шапур II рассчитывал на то, что Вачагану I Храброму как представителю очень знатного и древнего царского рода удастся сплотить вокруг себя других восточнокавказских правителей и благодаря этому надежно прикрыть границу Сасанидского государства в Западном Прикаспии. Кроме того, учитывая, что в последующий более чем столетний период первостепенную роль на Восточном Кавказе играли именно албанские цари, можно предположить, что Шапур II подчинил их власти и некоторых других восточнокавказских владетелей. Впрочем, последние сохранили некоторую самостоятельность, что придавало Албанскому государству характер конфедерации³.

Предлагаемой гипотезе, казалось бы, противоречат данные главы 1.14 «Истории страны Алуанк» из которых следует, что один из албанских аршакидских царей — Вачэ II — был современником маскутского царя Санесана. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не более чем анахронизм.

Глава 1.14 начинается с рассказа о подвижнической деятельности Григория Просветителя, его сыновей Аристахэса и Вртанэса, и внуков — Иусика и Григория. Последний в пятнадцать лет был назначен епископом Иверии и Албании и во время своей проповеднической деятельности построил в албанском городе Цри церковь и поставил там священником Даниела. Вскоре после этого епископ Григорий прибыл к маскутскому царю

¹ О сасанидской системе обороны на Кавказе см.: Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа. С. 5, 13, 26.

² История Армении Моисея Хоренского. 3.12.

³ На конфедеративное устройство Албанского Аршакидского царства было указано Р.Х. Хьюсеном и М.С. Гаджиевым (*Hewsen R.H. Ethno History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians // Classical Armenian Culture: Influence and Creativity. Chico, Cal., 1982. 4. С. 27–40; Гаджиев М.С. Липиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (Этногенетические исследования). Махачкала, 1998. С. 12; Он же. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. С. 240).*

Санесану, а некоторое время спустя был убит маскутами на поле Ватнеан. Вслед за этим маскутский царь Санесан отправился в поход на Армению, но там все его войско было перебито армянскими князьями.

«В то самое время, — повествуется далее в «Истории страны Алуанк», — укрепленный город Цри восстал против царя Алуанка и подчинился персидскому царю». Албанцы (в тексте — пейоративное библейское «аргесцы», но речь идет именно об албанах¹) взяли город и арестовали священника Даниела, а также находившегося вместе с ним отрока-чилба, принявшего христианство. Албанцы стали уговаривать чилба отречься от христианства, но тот отказался. Тогда албанцы обезглавили обоих. «Некие сирийские иноки, подобрав их [тела], увезли в село hАку. Там похоронили их в могиле и на том месте построили монастырь. По сей день, говорят, там находятся мощи блаженных.

Случилось это при храбром Вачэ, царе Алуанка. И до царствования Вачагана Третьего Благочестивого, царя Алуанка, сына hАзкерта, брата Вачэ, царя святого, пресвятые мощи блаженных мучеников были сокрыты там. Ибо от храброго Вачагана до Вачэ в Алуанке было девять царей. Десятым по счету царем Алуанка был боголюбивый царь Вачаган Благочестивый».

Таким образом, из данных источника выясняется, что к моменту гибели маскутского царя Санесана (около 337 г.) в собственно Албании был свой царь, что, впрочем, не является неожиданностью, однако это не мог быть Вачэ II (именно он занимает девятую позицию в приводимом в «Истории страны Алуанк» списке албанских аршакидских царей), т.к. последний правил не в IV в., а в сер. V в.² Можно было бы предположить, что в источнике «Истории страны Алуанк» шла речь о Вачэ I, а не о Вачэ II, однако, если бы это было так, то его имя стояло бы в той части текста, где и упоминается албанский царь («...город Цри восстал против царя Алуанка...»), но поскольку оно там отсутствует, то представляется маловероятным, что оно наличествовало в источнике «Истории страны Алуанк», а разъяснение в самом конце главы 1.14 о том, что «случилось это при храбром Вачэ, царе Алуанка», выглядит как позднейшая вставка. К такому же выводу, но несколько иным путем пришел и А.А. Акопян, по мнению которого текст главы 1.14 является частью «Повести о Вачагане», а рассматриваемая хронологическая привязка — это не что иное, как очень поздняя вставка³.

Таким образом, данные главы 1.14 «Истории страны Алуанк» не дают основания усомниться в предлагаемой в настоящей статье гипотезе, согласно которой аршакидское правление в Албании начинается вскоре после того, как оно прерывается в Стране маскутов.

¹ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 244–245.

² Там же. С. 180.

³ Там же.

Впервые правитель Албанского Аршакидского государства упоминается под 359 г., когда перед началом битвы персов и римлян у г. Амида (в Месопотамии) албанский царь был замечен в свите Шапура II¹.

Некоторые сведения об Албанском Аршакидском царстве можно почерпнуть из рассказов Фавста Бузанда и Мовсеса Хоренаци о событиях 371 г. К этому времени борьба между Ираном и Римской империей за верховенство над Арменией обострилась до предела. Армянский царь Пап (369–374) строго придерживался ориентации на Рим, и, когда в 371 г. иранская армия пересекла границу Армянского царства, он выступил против нее совместно с римской армией.

Иранские и римско-армянские войска вступили в соприкосновение друг с другом на Дзиравском поле. Согласно сведениям Фавста Бузанда, в составе армии шаханшаха Шапура II находился албанский царь Урнаир², а по сообщению Мовсеса Хоренаци, на стороне персов сражался и «храбрый Шергир, царь леков»³. Упоминание царя леков может говорить о том, что небольшие владения, учрежденные на Восточном Кавказе еще в III в. (некоторые из них упомянуты в надписи Нарсе), продолжали сохраняться довольно долго⁴.

До Дзиравской битвы, еще в 368 г., правители северо-восточных областей Армянского царства, население которых составляли преимущественно албанцы, отступились от армянского царя Аршака II (350–368) и перешли в подданство к шаханшаху. Шапур II передал их владения под власть Урнаира⁵, однако на Дзиравском поле ирано-албанская армия потерпела поражение, и вслед за этим армянская армия вернула под контроль своего царя северо-восточные области государства. Граница между Армянским и Албанским царствами снова пролегла по Куре⁶.

Несмотря на поражение на Дзиравском поле Албания продолжала оставаться верным союзником Ирана. Этому не мешало и начавшееся при царе Урнаире распространение христианства среди албан. Урнаир и сам принял христианство⁷; христианами были и все его преемники. С другой стороны, это обстоятельство не способствовало сближению Албании с Арменией, поскольку с 368 г. в отношениях между этими странами появился спорный вопрос — проблема лежавших к югу от р. Куры областей,

¹ См. сообщение Аммиана Марцеллина: *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Edidit W. Seyfarth. Lpz., 1978. 18.6.

² История Армении Фавстоса Бузанда. 4.7.

³ История Армении Моисея Хоренского. 3.37.

⁴ В связи с событиями 450 г. Елишэ упоминает о лпинском и баласаканском царях (*Египше*. О Вардане и войне армянской. Гл. 3).

⁵ История Армении Фавстоса Бузанда. 5.51–52.

⁶ Там же.

⁷ История Армении Моисея Хоренского. 2.11.

имевших албанское население. Эти территории издавна (вероятно, со времени завоеваний Тиграна II или ранее) входили в состав Армянского царства, но, передав управление ими Урнайру, Шапур II дал повод ему и его преемникам считать эти земли своими и этим еще больше «привязал» к себе албанского царя.

Вскоре после 387 г., когда Армянское царство будет разделено между Римом и Ираном, северо-восточные области снова будут отторгнуты от Армении и включены в состав Албанского царства¹. После этого «центр тяжести» политической жизни Албанского государства переместится на правобережье Куры².

The Reign of the Arsacid Dynasty in Caucasian Albania

Abstract: This article is devoted to the history of the dynasty of Albanian kings, the Arsacids. The author offers a new interpretation of a number of historical data related to specific members of the dynasty, and considers the complex relationship of Sassanids with Albanian Arsacids and Maskut branch of the dynasty.

Key words: *Caucasian Albania, Arsacids, Sasanides, Urnayr, Sanesan, Shargir.*

Igor G. SEMENOV,

Senior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Centre of the RAS (Makhachkala)

¹ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908. С. 1–27, 230.

² Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Древние государства Восточной Европы [1998]. М., 2002. С. 438.

М.С. Гаджиев,

заместитель председателя Дагестанского научного центра РАН, заведующий
Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
доктор исторических наук, профессор (Махачкала)

Хронология Аршакидов Албании

Аннотация: В противовес устоявшимся мнениям автор обосновывает начало правления династии Аршакидов в Кавказской Албании в начале IV века и связывает их воцарение с Нисибинским мирным договором 298 г. На основании анализа сведений Каланкатуаци автор датирует время правления первого царя Вачагана I Храброго около 300 — около 336, определяет время правления других албанских царей вплоть до последнего царя Вачагана III Благочестивого (около 485 — около 510).

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Аршакиды, Сасаниды*

Вопрос о времени восхождения новой династии — династии Аршакидов — на престол Кавказской Албании является дискуссионным. Исследователи (М.И. Броссе, С.Т. Еремян, К.В. Тревер, К.Л. Туманов, Н.А. Акинян, Б.А. Улубаян, Ф.Дж. Мамедова, Р.Б. Геюшев, Т.М. Мамедов, И.Г. Семенов и др.¹) неоднократно обращались к данной проблеме. В целом исследователи придерживаются двух противоположных точек зрения.

Согласно первой из них (К.В. Тревер, Ф.Дж. Мамедова и др.) боковая ветвь династии парфянских Аршакидов в лице Вачагана I начала править в Албании в I в. н. э. При этом, однако, не учитывается, например, тот факт, что третий царь (Урнаир) новой династии правил уже в IV в. и участвовал в Дзиравском сражении в 371 г. Столь огромный хронологический разрыв, конечно же, невозможен. Полагать же, что в списке албанских Аршакидов, приведенном Мовсесом Каланкатуаци², были пропущены какие-то цари

¹ Краткий обзор мнений см.: Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 168–171; а также в статье И.Г. Семенова в данном сборнике.

² Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. С. 39 (I.15).

(кроме названного в списке вторым Вачэ I), правившие в период между Вачаганом I и Урнайром, у нас нет никаких оснований. Датировка прихода к власти Аршакидов в Албании I веком н. э. опирается не на исторические факты, приводимые в источниках, а на факт установления их власти в это время в Армении и Иберии, на чем делается вывод (основанный на принципе аналогии) и об утверждении их в Албании. Между тем список царей Кавказской Албании из династии Аршакидов, сомневаться в хронологической последовательности и преемственности правления которых у нас нет никаких оснований, а также имеющиеся конкретные событийные даты, связанные с теми или иными албанскими царями, категорически не позволяют принимать версию о воцарении Аршакидов в Албании в I в.

По второй версии (М.И. Броссе, С.Т. Еремян и др.) Аршакиды воцарились в Албании в начале IV в., при этом первым царем якобы был Санатрук, неверно идентифицировавшийся с царем маскутов, а в реальности являвшийся видным армянским нахараром из царского рода Аршакуни, владельцем Пайтакарана (возможно, «бдешхом со стороны маскутов», фигурирующим у Агатангелоса), вступившим после смерти царя Трдата III ок. 330 г. в борьбу за трон Армении с законным наследником Хосровом II. Согласно этой точке зрения маскутский царь, упоминающийся в связи с событиями 330-х гг., положил начало как маскутскому правлению в Албании, так и самой Аршакидской династии Албании. Это мнение, высказанное историками и опирающееся фактически только на указание Фавстоса Бузанда о том, что царь маскутов вторгся в Албанию и был родом Аршакуни, не находит своего археологического подтверждения. Между тем в данном случае массовые материалы археологии, фиксирующие пребывание на северо-востоке Албании к югу от Дербентского прохода родственных аланам ираноязычных маскутов и находящие соответствие в этих нарративных источниках, имеют первостепенное значение и противоречат точке зрения о маскутском происхождении династии албанских Аршакидов. Говоря об археологических материалах, я имею в виду тысячи курганов, датируемых сер. IV — сер. V в. и сосредоточенных в приморской части Южного Дагестана в междуречье Рубаса, Гюльгеры-чая и Самура (курганые могильники Паласа-сырт, Сугют, Донгуз-ноур, Кухмазкунт). Они имеют в своей погребальной обрядности два культурных компонента: с одной стороны, они фиксируют самую тесную и прямую связь с погребальными памятниками аланской культуры центральных районов Северного Кавказа (катакомбы типа I — с Т-образным расположением входной и погребальной камер), с другой — генетически связаны с погребальными обрядовыми традициями среднесарматской культуры (катакомбы типа IV — с Н-образным расположением входной и погребальной камер, подбойные и ямные захоронения), в частности, курганных некрополей Северного Дагестана (Львовские могильники, за исключением некрополя

Львовский VI, на котором преобладают катакомбы типа I)¹. Так как целью данной статьи не является анализ этих археологических данных в контексте существующей точки зрения о маскутском происхождении Аршакидов Албании, я предполагаю вернуться к этой теме в специальной статье.

Обе названные версии не имеют под собой серьезной аргументации и не подкреплены сведениями письменных источников и их анализом. Хотя решение проблемы датировки воцарения Аршакидов в Кавказской Албании содержится в информации, которую приводит Мовсес Каланкатуацци.

Первым царем новой династии, как известно из списка албанских Аршакидов Мовсеса Каланкатуацци, был Вачаган I Храбрый. Ответ на вопрос о приблизительном времени его воцарения и, следовательно, утверждения на престоле Албании династии Аршакидов дает информация, приводимая Каланкатуацци в главе 14 книги I при освещении событий 330-х гг. Описывая восстание в это время в городе-крепости Цри, албанский историк сообщает: «Случилось это при храбром Вачэ, царе Алуанка (Албании. — М. Г.). И до царствования Вачагана Третьего Благочестивого, царя Алуанка, сына hАзкерта, брата Вачэ, царя святого, пресвятые мощи блаженных мучеников (Захарии и Панталеона. — М. Г.) были сокрыты там. Ибо от храброго Вачагана до Вачэ в Алуанке было девять царей. Десятым по счету царем Алуанка был боголюбивый царь Вачаган Благочестивый»². В следующей главе Каланкатуацци уже дает перечень этих десяти албанских царей династии Аршакидов. Некоторые исследователи полагают, что данный пассаж является поздней интерполяцией, исходя из того, что видят в упомянутом храбром Вачэ не албанского царя Вачэ I, а Вачэ II, правившего значительно позднее — около 450–462 гг.³ К.Дж. Даусетт в своем переводе специально обратил на это внимание, чтобы не создать путаницы в понимании текста, и указал в скобках римскую цифру II при втором упоминании имени Вачэ во второй раз в данном пассаже⁴. Кстати, в переводе Даусетта пояснение «сына Иездигерда, брата Вачэ» отсутствует.

Действительно, из приведенного пассажа может возникнуть предположение, что здесь речь идет о Вачэ II, а не Вачэ I, который взошел на трон после Вачагана I и при котором произошли описываемые события. Но Каланкатуацци, дабы у читателя не возникло недопонимания, поясняет, что мощи блаженных мучеников Захарии (отца Иоанна Крестителя)

¹ Гаджиев М.С., Малашев В.Ю. Об этнокультурной принадлежности курганных могильников IV–V вв. Южного Дагестана // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа // XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 231–233.

² Мовсес Каланкатуацци. История страны Алуанк. С. 45–47 (I.19).

³ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 180.

⁴ The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. L., 1961. P. 24.

и Панталеона были сокрыты до царствования Вачагана III Благочестивого (около 484–510), сына шаханшаха Йездигерда II (439–457), брата Вачэ (т.е. Вачэ II), подчеркивая тем самым, что мощи подвижников Христа хранились на протяжении длительного времени (около 150 лет). Далее в своем повествовании в главе 19 Каланкатуаци рассказывает о чудесном явлении в правление Вачагана III в церкви города Цри мощей этих блаженных мучеников, местонахождение которых было забыто¹. И, конечно же, если бы в рассматриваемом пассаже речь шла о Вачэ II, который правил в 450-х — начале 460-х гг., то весьма странным выглядит то, что за столь короткий период времени (около 20 лет) верующие позабыли о том, где находятся мощи особо почитаемых святых христианской церкви.

Предпринимаемая иногда также попытка датировать события в городе Цри (восстание против албанского царя и последовавшие события) периодом правления Вачэ II, а не Вачэ I на основании рассмотренного указания албанского историка является несостоятельной по следующей причине. Погибший при взятии персами города Цри Даниел являлся, как сообщает Каланкатуаци, учеником просветителя Албании епископа Григориса, который оставил его там «служителем и блюстителем мучеников Христа»². Григорис же вел проповедническую деятельность в Цри, а затем среди маскутов в 330-х гг. и, естественно, в данном рассказе речь идет о событиях 330-х гг., а не рубежа 450–460-х гг. Это же подтверждает то, что Каланкатуаци ясно подразумевал в вышеприведенном отрывке Вачэ I, а не Вачэ II, царствовавшего в 440-х — нач. 460-х гг.

Наконец, следует указать еще на одно хронологическое свидетельство Каланкатуаци. В главе 5 книги II он повествует: «Во времена царя Алуанка Вачагана и епископа Амараса Гарника на этой горе (гора Дизапайт. — М. Г.) появились люди. Имена их следующие: св. Мовсэс, св. Даниел, св. Елиа. Это были сыновья царя маскутов Санесана, [бывшие] ученики святого Григориса. Вместе с ними [были] и три тысячи восемьсот семьдесят мужей. [Укрываясь от преследования], все они поспешили поселиться на горе Дизапайт и жили там, питаясь только травами. Преследуя их, сюда пришел Санесан и предал их мечу девятого числа месяца навасарда (июль. — М. Г.)»³. Здесь мы имеем прямое указание на то, что в период проповеднической деятельности епископа Григориса среди маскутов и последующих событий 330-х гг. царем Албании являлся Вачаган. Связывая это сообщение с предыдущим хронологическим указанием Каланкатуаци, мы можем констатировать также, что примерно в середине 330-х гг. в Албании на смену царю Вачагану I пришел царь Вачэ I, которому впоследствии наследовал царь Урнаир, женившийся

¹ Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. С. 37 (I.14).

² Там же. С. 45–47 (I.19).

³ Там же. С. 71 (II.5).

на дочери шаханшаха Шапура II (309–379). Восшествие на престол Албании Урнайра должно было произойти не ранее 340-х гг., принимая во внимание его участие в Дзиравской битве 371 г. Учитывая, что Шапур II был возведен на трон Сасанидского Ирана, будучи еще ребенком¹, а его дочь должна была достигнуть брачного возраста, то примерная дата утверждения Урнайра царем Албании может быть условно определена как 350 г.

Приведенная информация не оставляет сомнений в том, что в начале IV в. в Албании начала править династия Аршакидов. Вместе с тем эти сведения категорически отвергают предлагающуюся необоснованную версию о маскутском происхождении Аршакидской династии Албании и ее мнимом основателе Санатруке, который абсолютно неверно идентифицировался с царем маскутов Санесаном. Как давно уже было показано, нахарар Санатрук и царь маскутов Санесан — это различные исторические личности; события, связанные с именами Санатрука и Санесана, происходили не только в одно и то же время, но и, как явствует из письменных источников, имели между собой, как и сами эти действующие лица, прямую, непосредственную связь². Это, а также определенное созвучие имен породило неверное мнение об идентичности этих политических деятелей.

Восшествие новой династии — династии Аршакидов — на престол Албании в рассматриваемый период должно было быть связано с важнейшими политическими событиями на Кавказе в целом и в Албании в частности. На мой взгляд, это было так или иначе связано с событиями конца III в., а именно с кардинальным изменением политической ситуации на Кавказе в результате «позорного» для Ирана Нисибинского договора 298 г., заключенного между шаханшахом Нарсе и императором Галерием сроком на 40 лет, по которому Иран понес значительные территориальные потери, отказался от притязаний на закавказские страны, а Армения и Иберия переходили под покровительство Римской империи. В результате Сасаниды почти на 40 лет фактически ушли с кавказской политической арены.

Можно с полным основанием полагать, что именно это и предоставило возможность Риму посадить на трон Албании своего ставленника — представителя династии Аршакидов и тем самым укрепить свое политическое присутствие не только в Армении и Иберии, но и в Албании. Далее, в кон-

¹ Согласно ат-Табари, шаханшах Шапур II начал править, когда был еще ребенком, и «romei и тюрки», воспользовавшись этим, захватили приграничные территории Ирана (*Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leuden, 1879. S. 53. См.: Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 42–43; Он же. Древний и средневековый Иран: Очерки истории культуры. М., 1987. С. 227).*

² Арутюнян Б.А. Поход мазкутского царя Санесана на Армению. С. 65–77. Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III–V вв. С. 14.

тексте событий 330-х гг., когда окрепший Иран предпринял возвращение на политическую арену Кавказа и вмешательство во внутривосточные дела Армении, обусловленные борьбой двух претендентов за трон после смерти царя Трдата III, мы видим, что царь Албании (Вачаган, или Вачэ) занимал очевидно проримскую, проармянскую позицию (на что указывают инспирированное Ираном восстание в городе Цри против албанского царя и переход его в подчинение шаханшаха), хотя большая часть албанского нахарарства, согласно сведениям письменных источников, держалась проиранской ориентации и поддержала сасанидского претендента (князя Санатрука Аршакуни) на армянский трон. Очевидно, в Албании в этот период сложилась внутривосточная ситуация, подобная Армении, где одна часть аристократических родов придерживалась проиранской позиции, другая — проримской. Вместе с тем по крайней мере со времени правления царя Урнаира, мы можем говорить об установившихся тесных династических связях между Аршакидами Албании и Сасанидами Ирана, которые стали традиционными и продолжались вплоть до ликвидации царской власти в Албании в начале VI в.¹ Так, царь Урнаир был мужем дочери шаханшаха Шапура II (309–379); царь Асваген — сыном сестры шаханшаха Шапура III (383–388) — дочери Шапура II и, вероятно, сыном Урнаира; царь Вачэ II являлся племянником шаханшаха Йездигерда II (439–457), сыном албанского царя (по всей видимости, Асвагена) и сасанидской царевны, дочери Йездигерда II, племянником (или братом) шаханшахов Ормизда (457–459) и Пероза (459–484), был женат на племяннице (или сестре) шаханшаха Пероза; наконец, царь Вачаган III был «из детей царских», сыном (или племянником) Йездигерда II и братом (или племянником) Вачэ II.

Наблюдающаяся некоторая «путаница» в степени родства — брат или племянник — находит объяснение в форме браков, практиковавшихся среди высшей знати Сасанидского Ирана. Упомянутый албанский царь Вачэ II, будучи племянником Йездигерда II (т.е. сыном сестры) и шаха Пероза (т.е. сыном его сестры, которая являлась и сестрой Йездигерда II, т.е. Пероз был женат на своей тете — сестре Йездигерда II), женился на племяннице Пероза, т.е. на своей родной или двоюродной сестре. Наряду с династическими и имущественными соображениями здесь играли роль и зороастрийские установки. Подобные браки (брата с сестрой, отца с дочерью, матери с сыном и т.д.), являвшиеся крайней формой выражения принципа эндогамии, были обычны в среде высшей знати Ирана и, очевидно,

¹ Гаджиев М.С. Гемма-печать царя Албании Асвагена. С. 104.

стран Закавказья¹ и расценивались, согласно зороастрийским нормам, как акт высшего благочестия, искупающий смертный грех и ведущий в рай².

Каждый следующий после Урнайра правитель Албании фактически являлся ближайшим родственником Сасанидов, будучи сыном иранской принцессы, впоследствии женившимся на своей кузине по материнской (сасанидской) линии. Это и позволяет именовать правящий дом Кавказской Албании аршакидо-сасанидским. Имеющиеся по брачно-династическим связям Сасанидов Ирана и Аршакидов Албании данные также служат еще одним источником для установления относительных дат правления албанских царей.

Время правления последнего царя Кавказской Албании из династии Аршакидов по перечню Каланкатуаци — Вачагана III Благочестивого — традиционно относят к концу V — началу VI в. Начало его правления около 485 г. обосновывается началом правления в Иране шаханшаха Валарша (484–488 г.), с позволения которого он был возведен на трон, временем заключения Нуарсакского договора (ок. 485 г.) и созыва Алуэнского собора (ок. 488 г.). Время прекращения его царствования и ликвидации Аршакидской династии в Албании приходится на начало VI в. Захарий Ритор, рассказывая об осаде города-крепости Амида сасанидскими войсками, сообщает о том, что после взятия города в январе 503 г. персидское войско начало его грабить, захватывать пленных, а «одну церковь... переполненную народом, выпросил у царя и спас один христианский царек из земли Аран» (*Zachar. Rhetor.* 7. 4). Речь, несомненно, идет о Вачагане III. На это указывает не только наименование Аран, являвшееся одним из названий Албании (ср.-перс. *Āgān*, груз. Рани, араб. ар-Ран), но и дальнейшая информация Захарии Ритора об этой стране, которая числится в числе христианских стран Кавказа, наряду с Арменией и Гурзаном (Грузией), и в которой «есть царь, подчиненный персидскому царю» (*Zachar. Rhetor.* 12. 4). Это последняя по времени достоверная информация о последнем царе Албании из династии Аршакидов.

¹ Мовсес Хоренаци (V в.) объяснял приверженность закавказской знати этим бракам «алчностью в отношении наследственных долей в отцовском наследстве». — История Армении Моисея Хоренского. III, 20. См.: *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С. 225). Закавказские церкви, придерживаясь церковного права, вели борьбу с зороастрийским правом в семейно-брачной сфере. Это нашло отражение, в частности, в канонах Алуэнского (488 г.) и Партавского (704 г.) соборов (*Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963. С. 468; *Мамедова Ф.Дж.* «История албан» Моисея Каланкатуаци как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977. С. 170; *Гаджиев М.С.* К изучению права Кавказской Албании // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. М.–Магнитогорск, 2006. С. 249). Известно, что Албанская церковь во главе с католикосом Микаэлом (705–742) прокляла род албанского князя-ишхана Варазо, женившегося на двоюродной сестре, а иберийского католикоса Талилу, благословившего этот брак, предала анафеме (*Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк. С. 157. (III,13)).

² *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. С. 65.

Исходя из определенной выше даты утверждения Аршакидов на престоле Албании и списка аршакидских царей Албании Каланкатуаци, а также опираясь и на другие свидетельства письменных источников, в которых отражены событийные даты, связанные с теми или иными царями (как, например, создание при царе Асвагене кавказско-албанской письменности ок. 420 г., восстание царя Вачэ II ок. 457–462 г., воцарение Вачагана III ок. 485 г.), можно определить примерные годы их правления:

- 1) Вачаган I Храбрый: ок. 300 — ок. 336 г.;
- 2) Вачэ I: ок. 336 — ок. 350 г.;
- 3) Урнаир: ок. 350 — ок. 375 г.;
- 4) Вачаган II: ок. 375–385 г.;
- 5) Мерхаван: ок. 385–395 г.;
- 6) Сато: ок. 395–ок. 405 г.;
- 7) Асай: ок. 405–ок. 415 г.;
- 8) Асваген: ок. 415–ок. 440 г.;
- 9) Вачэ II: ок. 440–462 г.;
- 10) Вачаган III Благочестивый: ок. 485–ок. 510 г.

A Chronology of the Arsacids of Albania

Abstract: As opposed to established opinions, the author proves the beginning of the reign of Arsacid dynasty in the Caucasian Albania at the beginning of the 4th century AD and connects their accession with the Nisibin peace treaty of 298. Based on Kalankatuaci/Dacxuranci's information the author dates the time of the reign of the first king Wachagan I c. 300 – c. 336, and defines the time of reigns of other Albanian kings up to the last king, Wachagan III (c. 485 – c. 510).

.Key words: *Caucasian Albania, Arsacids, Sasanides*

Murtazali S. GADJIEV,

Dr., Prof., Head of Department of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Centre of RAS (Makhachkala)

Р.М. Абрамян,

независимый исследователь (Москва)

Материалы по истории Кавказской Албании в фонде Я.Д. Лазарева в Национальном архиве Армении

Аннотация: В статье приводится информация о содержании именного фонда Я.Д. Лазарева (№ 42) Национального архива Армении. Фонд состоит из 84 архивных дел, которые в той или иной мере связаны с историей, языками и культурой народов Восточного Кавказа, включая историю Кавказской Албании.

Ключевые слова: *Яков Давидович Лазарев, Кавказская Албания, Дагестан, лезгины, Дербенд-наме.*

Яков (Акоп) Давидович Лазарев (Лазарян, Газарян) родился в 1822 г. в Шуше в старинной, но обедневшей дворянской семье. Род Лазаревых ведет свое происхождение от Мелик-Айказянов, правивших в XV–XVII вв. меликством Кашатаг в Зангезуре. По мнению большинства исследователей, генеалогия кашатагских меликов, в свою очередь, восходит к средневековой княжеской династии Прошянов (Хахбакянов).

Наиболее известным представителем рода правителей Кашатага является Мелик-Айказ (1551–1621). Странник персидской ориентации, в годы османской оккупации он был вынужден бежать в Исфахан. Позже принимал активное участие в боях за освобождение Нахичевана, Карабаха, Гянджи и других областей Восточного Закавказья. Победа Ирана способствовала укреплению власти Мелика-Айказа. Следует предположить, что в это время границы его владений весьма расширились и ему подчинились также области Малого Сюника и Кафана. 1609 годом датирован фирман шаха Аббаса I о запрете кому-либо причинять беспокойство «лучшему из христиан мелику Гуштасифа Айказу». Мелик-Айказ не только объединил армянские военные силы Сюника и Арцаха, но также содействовал и культурному строительству. В обширной оде, посвященной истории основания пустыни Аранц в Татеве (автор Нерсес Мокаци), имеются интересные сведе-

ния, касающиеся как внешних достоинств, так и военной, общественной и просветительской деятельности мелика.

Во второй пол. XVII в. Кашатагское меликство ослабло и сошло с политической арены. Под внешним давлением некоторые потомки рода приняли ислам.

Часть Мелик-Айказянов переселилась в Карабах, основав Джрабердское меликство (XVII–XIX вв.). Из этой ветви происходит Мелик Аллахкули Мелик-Исраэлян, который, по словам Мирзы Юсуфа Нерсесова (Овсеп Нерсисянц), «проявил большую храбрость, сражаясь в войске Надир-шаха против турок под командованием Абдаллаха Кёпрулу-оглы, после чего шах повелел называть его не меликом, но Аллахкули-султаном».

К еще одной ветви рода принадлежал дед Я.Д. Лазарева, Ахназар, сын Гаспар-аги, героически погибший в неравном бою с войсками персидского Ага-Мамад-шаха. Малолетний сын Ахназара — Давид жил в Нухе (Шеки) у родственников. Позже, женившись на дочери знатного шушинца Агабека Калантарова, переехал в Шушу, где у него родились дети Бабаджан, Ованес (Иван), Акоп (Яков) и дочь Арзу-хатун. Согласно эпитафии, «Давид Лазарянц Мелик-Айказянц из рода Мелика Айказа и Бахатур-бека» умер в 1823 г. на 30-м году жизни.

Старший из братьев Лазаревых — Бабаджан Давидович (1818–1872), избрав административную службу, дослужился до чина надворного советника. По всей видимости, Бабаджан Давидович также интересовался историей — в 1870 г. им был составлен очерк истории бакинских ханов.

Наиболее известным представителем этого поколения Лазаревых является средний брат — генерал-адъютант Иван Давыдович (17.XI.1820–14.VIII.1879). Его жизни и деятельности специальный очерк посвятил историк кавказских войн В.А. Потто, близко знавший все семейство Лазаревых.

Единственная сестра братьев Лазаревых — Арзу-хатун была замужем за шушинцем Карапетом Мелик-Шахназаряном.

Яков (Акоп) Давыдович Лазарев (1822–1903), завершив обучение в Дворянском полку, поступил на службу прапорщиком в Финляндский линейный № 8 батальон в 1841 г. В 1842 г. он по просьбе матери был переведен в 16-й гренадерский Мингрельский полк, а в 1844 г. — в 84-й пехотный Ширванский полк. Произведен в подпоручики в 1845 г. и в поручики — в 1848 г. За отличие во время экспедиции 1852 г. против горцев был произведен в штабс-капитаны. В 1854 г. он был прикомандирован к 82-му пехотному Дагестанскому полку. За проявленное отличие при взятии Уркараха (Дагестан) в 1854 г. был произведен в капитаны, а за отличие в экспедиции 1859 г. — произведен в майоры. За усердную службу и труды, понесенные во время экспедиции 1861 г. в Терской области, Я.Д. Лазарев был награжден орденом Св. Анны 3 ст. (1863 г.), был также удостоен награды за проявленное отличие в ноябре 1854 г. на Араканском спуске (Дагестан) и в память войны

1877–1878 гг. с Турцией. Высочайшим приказом о военных чинах 12 мая 1881 г. Я.Д. Лазарев уволен от службы по болезни полковником, с мундиром и пенсией полного оклада.

Военную службу Яков Давидович совмещал с общественной деятельностью и историческими исследованиями. Им опубликован целый ряд работ, посвященных положению армян в Турции, армяно-турецким и армяно-курдским отношениям.

Во время службы в Дагестане Я.Д. Лазарев заинтересовался также историей и этнографией местных народов. По словам В. Потто «Яков (Лазарев. — Р. А.), полковник в отставке, известен как историк, посвятивший себя исследованию древних памятников Дагестана и Северного Кавказа». Однако, в отличие от исследований Якова Давидовича по армянскому вопросу, его кавказоведческие работы так никогда и не были опубликованы.

В Национальном архиве Армении (НАА) хранится именной фонд Я.Д. Лазарева (№ 42). В фонде содержится 84 архивных дела, охватывающих документы за период 1813–1903 гг.

Дела сгруппированы в четыре раздела:

- личные и служебные документы членов семьи Лазаревых;
- исторические исследования Якова Давидовича;
- служебная и семейная переписка;
- материалы других лиц, собранные Яковом Давидовичем.

Для рассматриваемой темы наибольший интерес представляют документы второго раздела, содержащие такие рукописи Я.Д. Лазарева, как «Исследования по истории Меликов Карабаха» (дело № 19, 20 л.); «Черновые заметки по истории древней Албании» (дело № 29, 60 л.); «Краткий сравнительный словарь корней языков лезгинских племен и черновые заметки по их лингвистике» (дело № 30, 27 л.); «Исследования по древней истории Дагестана» (дела № 31–34, возможно, варианты одной рукописи); «Об одном из вновь покоренных племен Дагестана» (дело № 35); «Об обычаях и языке кавказских горцев» (дело № 36, 13 л.); «О восстании лезгинов в Грузии» (дело № 37, 2 л.); «История Дагестана древнего периода» (дело № 41). Кроме того, в рассматриваемом фонде хранится несколько рукописей русского и армянского переводов сочинения Мирзы Хайдара Визирова «Дербенд-наме» (дела № 77–80) переписанные в 1850-х гг. Эти материалы практически не изучены специалистами и, как представляется, они должны заинтересовать исследователей — историков, этнографов, языковедов. Исключение составляет введенный в научный оборот русский перевод рукописи Мирзы Хайдара Визирова «Дербенд-наме» с комментариями¹.

¹ Гаджиев В.Г. «Дербенд-наме» Мирзы Везирова // Вопросы истории Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1975. С. 284–294.

Materials on the History of Caucasian Albania in the Collection of I.D. Lazarev in the National Archive of Armenia

Abstract: The article provides information about the content of the Fund of Iakov D. Lazarev (№ 42) held in the National Archive of Armenia. The Fund consists of 84 archives which are to some extent related to the history, language and culture of the peoples of the Eastern Caucasus, including the history of Caucasian Albania.

Key words: *Iakov Davidovich Lazarev, Caucasian Albania, Dagestan, the Lezgians, Derbend-nameh.*

Ruben M. ABRAMYAN,
Independent Researcher (Moscow)

Этническая история

А.К. Аликберов,
руководитель Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук (Москва)

Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и «язык базара»

Аннотация: Наиболее дискуссионная в албанистике тема о народах и языках Кавказской Албании исследуется на основе комплексного анализа разнородных данных на стыке нескольких научных дисциплин — источниковедения, истории, языкознания, исторической лингвистики. Автор выделяет две основные группы языков в Кавказской Албании — арранскую и лакзанскую, вводит в научный оборот гипотезу о языковом континууме как альтернативе койне, определяет роль и значение каждого из языков в Албанской конфедерации.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, албаны, Арран, Лакз, Ширван, Утик, утии, леки, гаргары, лезгинские народы, лезгинский язык, удинский язык, койне, «язык базара», Хай-Агванк', Барда'а.*

Методологические аспекты исследования

Вопрос об «этническом составе», или «этнической принадлежности», населения Кавказской Албании является одним из наиболее дискуссионных в албанистике. Обращение к обширной и довольно разноречивой историографии темы еще больше запутывает читателя, но при этом выявляет характерную закономерность: обсуждения по теме велись почти исключительно в плоскости истории современных народов. Такой подход неизбежно породил дискурс о «прямых потомках» кавказских албан и наследниках кавказско-албанской культуры, что мы, собственно, и наблюдаем в новейшей историографии. Так, например, А.А. Акопян, М.М. Мурадян и К.Н. Юзбашян назвали «современные лезгиноязычные народности Юго-

Восточного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана (лезгины, удины, табасаранцы, цахуры, рутульцы, агульцы, крызы, будуги и хиналутцы)» «прямыми потомками собственно албанских племен»¹. Ф.Дж. Мамедова считает, что наряду с удинами «к албанскому этносу относятся и лезгины, леги, цахуры-лпины, хыналутцы, крызы, алпаны, рутульцы, будухи»².

Прямое сопоставление древних и современных народов без учета конкретно-исторических условий, особенностей их эволюции и закономерностей исторического развития невольно допускает взгляд на народность как на застывший, статичный организм, лишенный динамики изменения, трансформации, становления во времени, собственной эволюции. Однако такое в принципе невозможно: на протяжении истории у народов и народностей менялись типы хозяйства, уклад жизни, формы политической организации, религия, материальная и духовная культура, обычаи и традиции, правовые установки, морально-этические нормы. Менялись базовые ценности, идентичность, самоназвание, восприятие и границы своего «мира», народа/народности, страны. От эпохи к эпохе менялись также и языки, и не только за счет заимствований: они распадались на близкородственные диалекты, которые с течением времени все больше отдалялись друг от друга, приводя к формированию новых языков. Носители этих обособившихся языков воспринимали себя как отдельные народы. В ходе тесной племенной и этнической консолидации происходил и обратный процесс: возникала потребность в универсальной системе вербальной коммуникации, что приводило к возникновению наддиалектного общенародного языка. Мало того, в рамках определенной этнической общности происходил даже процесс смены языка, причем не в рамках одной языковой группы (в данном случае восточнокавказской), а переход на язык иной языковой семьи или группы (тюркской, индоевропейской, картвельской).

С другой стороны, возникает вопрос, можно ли называть кавказских албан этносом, имея в виду доарабский период истории Кавказа или даже период активной исламизации, как это предлагает Ф.Дж. Мамедова?³ Если говорить о концептуальных трактовках, то строгие критерии принципа историзма не позволяют называть родо-племенные общности древности этносами и говорить об их этническом происхождении, тем более что теории этногенеза во многом еще противоречивы, а само понятие этноса до сих пор не имеет общепринятой дефиниции. Последнее признавал и сам Л.Н. Гумилев, автор пассионарной теории этногенеза, хотя именно с его

¹ Акоюн А.А., Мурадян М.М., Юзбашян К.Н. К изучению истории Кавказской Албании (по поводу книги Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.)»). С. 323.

² Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. С. 627.

³ Там же. С. 3.

легкой руки расхожие определения этноса, прочно утвердившись в околонаучной среде, постепенно начинают проникать и в глоссарий научных исследований¹.

Противоположная крайность, которая неизбежно ведет к трайбализму, заключается в некритическом использовании категорий рода и племени. В связи с этим возникает другой, не менее сложный вопрос: до какого исторического момента или переходного периода народы Кавказской Албании можно называть племенами — стадии союза племен, или протогосударственного объединения с фактически независимыми общинами самоуправляемых раннегосударственных этнополитических образований, возникших на базе потестарных структур, или одного из этапов формирования централизованного, пусть и конфедеративного, государства, но с официальной государственной религией с автокефальной церковной традицией, претендовавшей на апостольское происхождение?

Как показывает опыт сравнительно-исторических штудий, использование понятийного аппарата новой и новейшей истории при изучении древней и средневековой истории не всегда оправдано вследствие серьезных различий в реальном содержании исторического процесса на разных стадиях общественной эволюции. Родо-племенные общности, союзы племен, протогосударственные объединения и древние государства невозможно адекватно описывать с помощью терминологии описания народов и государств современного типа — смешиваются и вследствие этого искажаются смыслы, не учитываются в полной мере условия и специфика различных по своей природе исторических явлений, на раннюю, архаичную почву переносятся поздние, более развитые образы и семантика. Решение указанной методологической проблемы, комплексной по своей природе, требует специальных исследований со стороны профессиональных этнологов и методологов истории, однако специфика темы требует хотя бы предварительного семантического разграничения используемых категорий.

Различные марксистские, цивилизационные, конструктивистские, неопозитивистские, мир-системные и другие подходы и толкования теории этногенеза, как и теории нации (в том числе этнонации, политической нации и др.), придали обсуждаемым терминам неоднозначную и противоречивую коннотацию, включающую в себя как многочисленные исторические, так и современные интерпретации². Если в подобной ситуации во

¹ Гумилев Л.Н. О термине «этнос»: Доклад на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г. // Доклады Географического общества СССР. Вып. 3. 1967. С. 3–5.

² Подробнее об этом см., напр.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2009; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. См. также: Eriksen Th.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L., 1993; Anderson B. Imagined Communities. L., 1983; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell, 1987; James P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. L., 1996;

избежание терминологической путаницы Л.Н. Гумилев предпочитал называть народности этносами¹, то мы предлагаем поступить как раз наоборот: вернуться к нейтральной категории «народ». Во-первых, потому, что она свободна от концептуализации, и потому коэффициент искажения смыслов здесь минимальный. Во-вторых, как раз к этой категории апеллируют термины «этнос» и «нация» в их исходном значении, обозначающем надродовую форму социальной организации, основанную на отношениях биологического родства.

В переводе с древнегреческого *ἔθνος* — это народ, связанный общностью происхождения, языка, территории и т.д. Латинский термин *natio* в Античности обозначал не только «народ», но и «государство», подразумеваемая народы, имеющие собственную государственность. Иначе говоря, мы можем использовать производные определения «этнический» и «национальный», только четко очертив их семантические границы — в первоначальном, неконцептуальном значении основных терминов, понимая под этничностью принадлежность к народу, а под национальностью — принадлежность к стране. Апеллируя к понятию «народ», мы освобождаем себя от необходимости проводить четкие разграничительные линии между племенами и этносами и тем самым обходим стороной сложные и не до конца исследованные проблемы этногенеза современных народов Кавказа, в котором принимал участие (в разной степени) в том числе и автохтонный восточнокавказский субстрат.

Определения «народа», так же как и дефиниции «племени», «этноса» и «нации», которые в различных случаях стоят за категорией «народ», включают в себя не только наличие общей территории, в том числе исторической, но и общность языка. Для небольших государственных образований, которые не были империями, понятие *natio* предполагало также и общность происхождения, и племенное родство, что в принципе означало одно и то же. Народы Кавказской Албании были объединены общей территорией, государственностью, административно-политическими институтами, автокефальной государственной религией (применительно, по крайней мере, к раннесредневековой эпохе), собственной церковной традицией, государственной идеологией, народными обычаями, материальной и духовной культурой, в том числе письменной, правовыми нормами и установлениями, системой этических представлений. Для каждого из указанных условий непреложным является тот факт, что если не общность языка, то хотя бы наличие достаточно широкого, массового общения между

Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997; Smith A.D. Myths and memories of the Nation. Oxf., 1999; Gat A. Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism, Cambridge, 2013.

¹ Гумилев Л.Н. О термине «этнос». С. 3.

людьми представляет собой важнейшее условие существования единого государства и тем более его эффективного управления из одного центра.

Другим не менее значимым методологическим аспектом проблемы является тесная историческая взаимосвязь между такими понятиями, как «народ», «племя», с одной стороны, и «язык», «наречие» — с другой. Язык нередко подразумевает речь как коммуникативную систему, связывающую людей, соединяющую их в народ или племя, а также сам народ, племя². Иначе говоря, если мы установим языки Кавказской Албании, мы получим также представление и о населявших ее народах, и наоборот.

В неразрывной связи с категориями народа и языка исследователи рассматривают также и категорию власти, прежде всего — политической³. Древнехристианское государство, каковым была Кавказская Албания в период своего наивысшего развития в качестве независимого политического субъекта, — это единство трех важнейших компонентов: разноплеменного албанского народа, царской власти и албанской церкви, причем первая категория включает в себя все албанские племенные группы и их языки. Дивергенция языков — всегда результат процессов дальнейшего обособления отдельных племенных групп, составлявших народ Кавказской Албании, вследствие воздействия центробежных сил, общественно-политических, конфессиональных и многих иных причин, включая также и естественно-географические условия.

Постановка проблемы

Говоря о проблеме общего языка и сложностях межплеменного взаимодействия в Кавказской Албании, авторы авторитетного многотомного издания «История Древнего мира» подчеркивали, что «Сасаниды разрушали христианские церкви, насильственно насаждая зороастризм... Литературный алванский язык и тем более алванский общенародный язык *койне* так и не создались. Напротив, распространялся не только среднеиудейский, но (за счет сасанидских переселенцев с юга) и среднеперсидский язык (остатком этих переселенцев является народность татов)»⁴.

Таким образом, утверждается, что в Кавказской Албании общенародный язык так и не появился по разным причинам, прежде всего — из-за диалектного многообразия и распространения других языков. В данной публикации мы попытаемся ответить на вопрос о том, каким же образом в

² Ср.: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, // И назовёт меня всяк сущий в ней **язык**» (А.С. Пушкин).

³ См. об этом: Seidner S.S. Ethnicity, Language, and Power from a Psycholinguistic Perspective. Bruxelles, 1982.

⁴ История Древнего мира. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Т. 3. Упадок древних обществ. 2-е изд. М., 1983. С. 213.

таким случае осуществлялось межплеменное взаимодействие в Кавказской Албании, как различные племена общались друг с другом — сначала на стадии их консолидации, затем в процессе строительства общего государства. И какую роль играл каждый из языков, в том числе письменный кавказско-албанский?

И. Гипперт, В. Шульце, З.Н. Алексидзе и Ж.-П. Маэ, исследовавшие албанские палимпсесты, подразумевают под кавказско-албанским (КА) «литургический и, возможно, административный язык», который преобладал в Кавказской Албании в христианский период (между IV–VIII вв. н. э.). «Это не обязательно означает, — подчеркивают исследователи, — что КА был единственным “официальным” языком, используемым в Кавказской Албании»¹.

Армянский историк V в. Корюн сообщает, что албанский епископ и царь, «и они — оба равные, <...> издали приказ привезти из разных *гаваров* и местностей владычества своего детей для обучения письменности <...> И когда это приказание на деле было претворено в жизнь и завершено, блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, празднобродящие и суровые люди страны Алуанк вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях»². Другой армянский историк, Гевонд, живший в VIII в., сообщает о том, что «та же самая книга — Евангелие на всех языках хранилось цело, невредимо», и что «чудесное и спасительное богоучение» преподавалось и на албанском языке³.

Теперь не остается сомнений в том, что именно источники понимали под албанским языком: это был язык, зафиксированный в албанских палимпсестах, как раз он и доминировал в литургической и отчасти административной сферах жизни Албании в V–VIII вв. При этом, подчеркивают исследователи, «ничего не известно об остальных языках Кавказской Албании», хотя можно уверенно говорить о распространении как минимум двух групп языков, к которым относятся «автохтонные восточнокавказские (предки таких современных языков, как лезгинский, цахурский, рутульский, крызский и будухский) и среднеперсидский (особенно северо-западный персидский), тесно связанный с парфянским...»⁴. После сасанидской аннексии Албании, а также в предшествовавший период, когда влияние Сасанидского Ирана на Кавказ было особенно сильным, среднеперсидс-

¹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahe. Vrepols, 2008. P. II–65.

² Корюн. Житие Маштоца / Пер. Ш.В. Смбацяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. Ереван, 1962. С. 107.

³ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. К. Патканова. СПб., 1862. Гл. 14.

⁴ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II–65.

кий язык как раз и был, как на это указывает множество фактов, наиболее важным среди языков международного общения. Как подчеркивал М.С. Гаджиев на основе изучения гемм-печатей царя Албании Асвагена и Великого католикоса Албании и Баласакана, династических связей албанских Аршакидов и Сасанидов, среднеперсидские язык и письмо играли значительную роль «как среди албанской знати, так и среди высшего духовенства страны»¹.

Признание того, что о других языках Кавказской Албании, кроме албанского, ничего не известно, само по себе довольно показательное. Оно фиксирует крайне слабую изученность данной темы в зарубежной и отечественной историографии, в том числе вследствие недостаточности данных исторических источников. После публикации текстов албанских палимпсестов исследования в области исторической социолингвистики заметно активизировались, в научный оборот был введен значительный объем неизвестных ранее лексических единиц кавказско-албанского языка. В связи с этим историки получили возможность привлекать в качестве дополнительного источника также и сравнительно надежный (с учетом качества используемых методик, основанных на глоттохронологии) материал исторической лингвистики. Наконец, немаловажным источниковедческим аспектом для изучения проблемы народов и языков Кавказской Албании является накопленный объем исторической информации о современном расселении коренных народов Восточного Кавказа, а также происходивших процессах миграций, колонизации, миксации, ассимиляции и деэтнизации на данной территории.

Начальный этап консолидации албанских племен, приведший к образованию союза родственных племен, а затем и зарождению древнейшего государства на Восточном Кавказе, одни исследователи датируют в пределах IV в. до н. э.², другие — более поздним временем вплоть до начала I в. до н. э. Масштабы и географические рамки процессов межплеменной консолидации того времени неизвестны. Ясно лишь, что эти процессы имели продолжительный характер и были обусловлены объективной потребностью албанских племен в объединении, как в силу внутренних причин, прежде всего социально-экономического характера, так и из-за воздействия многочисленных внешних факторов (усилившиеся международные тор-

¹ Гаджиев М.С. Гемма-печать царя Албании Асвагена. С. 118; Он же. Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви. С. 474.

² Во всяком случае, в IV в. до н. э. албаны принимали участие в битве при Гавгамелах, выступая на стороне ахеменидского царя Дария против Александра Великого. См.: Арриан. Поход Александра, III, 8, 11 / Пер. М.Е. Сергеев. М.—Л., 1962.

гово-экономические связи, влияние зоны цивилизации на сопредельные территории, военные угрозы и др.)¹.

Важнейшим условием образования племенных союзов является если не единство, то общность языков, такое их родство, которое обеспечивало бы достаточную степень взаимопонимания на широком общественном уровне. В развитии институтов государства наличие какой-либо упорядоченной системы коммуникации имело исключительное значение. На сегодняшний день господствующим в исторической науке является мнение, согласно которому албаны представляли собой близкие по происхождению и языку восточнокавказские племена — автохтоны кавказского происхождения². Кроме того, по крайней мере культурная близость в сфере материальной и духовной культуры определенных регионов Кавказской Албании хорошо прослеживается и на археологическом материале (работы Дж.А. Халилова, И.А. Бабаева, Ф.Л. Османова, Г.О. Гошгарлы, М.С. Гаджиева и др. археологов). На каких же языках общались албаны и какие народы входили в конгломерат албанских племен?

Источниковедческий анализ

Ключом к пониманию языковой ситуации в Кавказской Албании на одном из ранних этапов ее развития является известная информация, содержащаяся в «Географии» Страбона (64 г. до н. э. — 24 г. н. э.). Раздел источника, посвященный Кавказской Албании, содержит следующие сведения:

«Διαφέρουσι δὲ καὶ οἱ βασιλεῖς: νυνὶ μὲν οὖν εἷς ἅπαντων ἄρχει, πρότερον δὲ καὶ καθ' ἑκάστην γλῶτταν ἰδίᾳ ἐβασίλευοντο ἕκαστοι. γλῶτται δ' εἰσὶν ἕξ καὶ ἑικοσι αὐτοῖς διὰ τὸ μὴ εὐεπίμικτον πρὸς ἀλλήλους». (*Strabo. Geogr. XI, 4, 6*).

Перевод: «Их цари отличаются друг от друга; в настоящее время один царь управляет всеми племенами. В прежние времена **каждое племя** (выделено мной. — А. А.) управлялось царем, который говорил на особом

¹ Гаджиев М.С. Государство и право Кавказской Албании // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. Т. I. До присоединения к России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М., 2009. С. 29; Р. Вейнхольд и Д. Тренде перечисляют военные и политические угрозы албанам со стороны северных кочевников, римлян, персов и византийцев, которые способствовали их сплочению (*Weinhold R., Treide D. Die Völkerschaften des Kaukasus im Altertum nach verschiedenen antiken Autoren vom 6. Jahrhundert v. u. Zeitrechnung bis zum 2. Jahrh. n. u. Z. Ethnographisch-archäologische Forschungen. В., 1953. Bd. 1. Цит. по: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 40*).

² См.: Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского ФАН СССР. Вып. 4. Тбилиси, 1938. С. 1–62; Dumézil G. Une chrétienté disparue. Les Albanais du Caucase // *Mélanges asiatiques*. 1940–1941. P. 232; Гукасян В. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII–IX вв.» // Известия АН АЗССР. № 4. Сер.: Ист., филос. и права. Баку, 1968. С. 117; Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. С. 615; и др.

языке своего племени. Они говорят на двадцати шести **языках**, поэтому у них нет легкого способа для взаимосвязи и общения друг с другом»¹.

Указанное сообщение Страбона многократно использовалось в научной и околонучной литературе для обоснования мнения об «этническом» многообразии Кавказской Албании. По этой причине лаконичный, но информативный и стилистически неоднозначный фрагмент текста греческого географа, одной фразой описывающий разные эпохи, заслуживает особого внимания. В сообщении дважды используется греческое слово γλῶσσα — *глотта*, которое, как известно, имеет по крайней мере два значения: это и язык, и наречие, диалект, говор².

Несомненно, в первой части сообщения слово *глотта* применяется для обозначения языка. Здесь прямо указывается на то, что разделение на племена имело в своей основе языковые различия, царей было столько, сколько и племен. Во второй части сообщения то же самое слово *глотта* используется с числительным 26. Это слово можно перевести и как «язык», тогда в предшествующий период истории Албании должно было быть соответственно 26 племен и 26 царей. С другой стороны, между количеством племен (по числу царей) в первой части сообщения и числом 26 во второй части нет прямой корреляции. Племен могло быть немного, например, пять или десять, а диалектов, или наречий, — 26 или около того (если эта цифра обозначает порядок, а не точное число). В отличие от большого числа языков и наречий в Албании, в исторических источниках упоминается гораздо меньше народов, населявших ее. Одни греко-римские источники пишут об албанах и леках/легах/гелах, другие — об утиях и леках/легах или перечисляют три группы племен и, соответственно, языков: албан, утиев и леков/легов. Древнеармянские авторы, в частности Мовсес Хоренаци, добавляют к этим трем группам племен также цавдеев, которых они называют народами, очевидно, подразумевая близость диалектов/языков внутри этой группы. Отдельно упоминаются также дупении/лпины, сильвы/чилбы, гаргари/гаргары и некоторые другие племена.

¹ Предлагаемая версия перевода древнегреческого текста учитывает авторитетный перевод Страбона на английский язык: "Their kings differ from one another; at present one king governs all the tribes. Formerly each tribe was governed by a king, who spoke the peculiar language of each. They speak six and twenty languages from the want of mutual intercourse and communication with one another". Цит. по: The Geography of Strabo. Literally Translated, with Notes, in Three Volumes (ed. H.C. Hamilton, Esq., W. Falconer, M.A.). L., 1903. Этот перевод использован также и издателями албанских палимпсестов, см.: The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II-65. В переводе Г.А. Стратановского; под общей редакцией проф. С.Л. Утченко (*Страбон. География*. М., 1964) начало сообщения звучит иначе: «Их цари также замечательны. Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем. Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношения друг с другом».

² В языкознании наречие и диалект имеют разные определения, наречие — более широкое явление, охватывает совокупность диалектов.

Мовсес Хоренаци называл язык, который лег в основу албанской письменности, говором. Кроме того, некоторые исследователи переводят слово *глотта* во второй части сообщения Страбона как «наречие»¹. Поэтому предлагаем, как представляется, более точный перевод обсуждаемого фрагмента текста Страбона: «В прежние времена **каждое племя** (выделено нами. — А. А.) управлялось царем, который говорил на особом **языке** своего племени. Они говорят на двадцати шести **наречиях**, поэтому у них нет легкого способа для взаимосвязи и общения друг с другом».

Конечно, можно вместо «наречия» использовать слово «язык», которое мало что меняет, тем более что в то время не было лингвистического разделения на языки и наречия: принципиальным был сам факт взаимопонимания. Однако для выявления реального содержания текста источника важно установить истинный смысл каждого слова. Вместе с тем указание Страбона на отсутствие «легкости» в общении между этими племенами может указывать на достаточное различие/расхождение по крайней мере части из этих 26 языков/наречий.

Семантически такое же употребление терминов «племя» и «язык» в двух разных, но следующих друг за другом предложениях находит подтверждение совершенно в другой языковой среде — арабской. Арабо-мусульманские авторы называли многочисленные наречия и диалекты горцев Восточного Кавказа языками. Ал-Истахри насчитал **более 70 языков (!)** у горцев, проживавших в горах за Дербентом:

الممتد المتصل بباب الأبواب نيفا وسبعين أمة لكل أمة لغة لا مجاورهم وكانت
الأكاسرة كثيرة الاهتمام بهذا الثغر لا يفترون عن في مصالحه

Перевод: «Говорят, что на вершинах гор, простирающихся по соседству с Баб ал-абвабом, живет более семидесяти различных племен, и у каждого племени в этом пограничье особый язык, так что они не понимают друг друга»².

Ясно, что ал-Истахри подразумевал не только языки, но и обособившиеся диалекты, как они и классифицируются в современном языкознании, поскольку такого числа языков в горах за Дербентом нет даже на сегодняшний день и тем более не могло быть в X в., учитывая процесс языковой дивергенции. Далекое не все эти «племена» не понимали друг друга в то время, поскольку и сегодня у многих народов и субэтнических групп

¹ См.: Ямпольский З.И. Две заметки к трактовке Страбонова текста об азербайджанской Албании // Известия Азербайджанского ФАН СССР. 1942. № 7. С. 74.

² *Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae. Auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Edidit M.J. de Goeje. Editio secunda. Lugduni Batavorum. Apud E.J. Brill, 1927. P. 185.*

Дагестана внутри языков сохраняется довольно высокая степень взаимопонимания, обусловленная не только благодаря общим заимствованиям из персидского, арабского, тюркского и русского языков.

Далее, из текста «Географии» Страбона выясняется, что общение между племенами было затруднено, но какое-то межплеменное общение все же существовало! Иными словами, выражение «у них нет легкого способа общения друг с другом» вовсе не означает, что у них вообще нет общения друг с другом. Оно указывает лишь на определенные затруднения в общении, а не на непроницаемые языковые барьеры. Таким образом, указывая на определенные сложности в общении, Страбон одновременно с этим указывает на сам факт существования вербальной коммуникации у албанских племен.

Особенностью межплеменного взаимодействия в древности и Средневековье являлось преобладание системы трансграничных для местных племен социальных связей, механизм которой во многом обеспечивал потребности общения в условиях языкового и диалектного многообразия. Для достаточно полного обеспечения такой потребности принципиально необходимо наличие по крайней мере следующих трех условий: 1) племена, образующие племенной союз, а затем и государственное образование, должны были иметь возможность вербальной коммуникации; 2) эти племена должны были быть экономически тесно связаны и взаимозависимы друг от друга¹; 3) наконец, на территории союза племен, другого раннеполитического образования и тем более государства критически важно наличие городов, которые обеспечивали бы не только их тесное взаимодействие на межродовых, клановых и межплеменных уровнях социальной организации, но и существование и развитие городской культуры. Эти особые условия, которые, как считают археологи, в Кавказской Албании имели место², а также существование локальных «языков базара» для жителей соседних областей могли заменить потребность в наддиалектном, общенародном языке, обусловить би- и трилингвизм (что наблюдалось и наблюдается у

¹ Геоморфологическая ситуация Кавказской Албании обусловила активность хозяйственно-экономической системы «равнины–горы» в условиях развития торговли и торговых связей, отгонного животноводства, хозяйственной специализации горных и равнинных районов (Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. С. 198–199, 202–203; см. также: Он же. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997).

² Археологи датируют первые крупные поселения на этой территории в пределах IV–II вв. до н. э. (см.: Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. — III в. н. э. Баку, 1990; Османов Ф. История и культура Кавказской Албании IV до н. э. — III в. н. э. (на основании археологических материалов). Баку, 2006). При этом наибольшее число поселений зафиксировано на территории, которая позже стала называться Ширваном (см.: Османов Ф. История и культура Кавказской Албании IV в. до н. э. — III в. н. э. С. 19). Самые ранние из сохранившихся письменных свидетельств о городах Албании относятся к рубежу эр (Plin. Nat. hist. VI, 10, 29; Ptol. Geogr., V, 11, 2–6; Strabo. Geogr. XI, 7, 1).

народов Дагестана, в особенности у мужской части населения как наиболее подвижной). Для более детального изучения данного вопроса необходимо обратиться к аутентичным источникам, прежде всего — к историческим и историко-географическим сочинениям, а также данным сравнительно-исторического языкознания, репрезентативность и возможности верификации которых значительно возросли после публикации результатов исследования албанских палимпсестов из Синайской обители.

Принципиально важный вывод, к которому пришли исследователи албанских палимпсестов, заключается в том, что «лезгинский характер КА находится за пределами всяких сомнений»¹. Под определением «лезгинский» исследователи понимают группу, включающую в настоящее время «девять восточнокавказских языков», которые были распространены от северных районов бассейна реки Самур в Южном Дагестане до южных склонов Большого Кавказского хребта². Речь идет, как можно понять из приведенных в издании таблиц, об удинском, лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском, цахурском, крызском, будухском и арчинском языках, без хиналугского. Судя по сравнительным таблицам, приведенным авторами грамматического очерка, «одна треть лексики КА в текстах палимпсестов имеет хорошие параллели в современном удинском. Другие термины могут быть отнесены к другим восточнокавказским языкам. Пока почти одна треть лексики КА не имеет надежных этимологий»³. Этот язык, таким образом, не есть собственно удинский, хотя является и самым близким к нему (41 параллель из 74). Из других восточнокавказских языков к КА ближе всего агульский (31 параллель) и потом только собственно лезгинский и табасаранский (по 21 параллели)⁴. Этот самостоятельный язык, представленный в палимпсестах, вероятнее всего, и есть албанский, или гаргарский, как его обозначал Хоренаци. Вместе с «протоудинским» он составляет, как представляется авторам, группу арранских языков (в издании обозначено как Old Udi⁵).

Согласно В. Шульце и Й. Гипперту, группа, включающая в себя кавказско-албанский и протоудинский языки, составляет вместе с агульским, лезгинским и табасаранским группу восточносамурских языков (Eastern Samur languages)⁶. Помимо восточносамурской группы они включают в лезгинские языки еще две группы — западносамурскую (рутульский и

¹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II-65.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. II-74.

⁵ Некоторые исследователи прямо сопоставляют староудинский с кавказско-албанским языком. См.: Климов Г. А. Агванский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999. С. 459.

⁶ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II-65.

цахурский) и южносамурскую (крызский и будухский), а также отдельный арчинский язык.

Смелая гипотеза В. Шульце с отнесением албанского к восточнолезгинским (или восточносамурским) языкам, т.е. к одной ветви с собственно лезгинским, которую он последовательно защищает в каждой своей публикации, противоречит не только исследованиям последних лет, но и традиционной классификации лезгинских языков. Иначе говоря, на материале новооткрытых албанских текстов В. Шульце пришел к выводу о необходимости полностью пересмотреть существующую классификацию лезгинских языков, однако пока еще недостаточно серьезно обосновал свою гипотезу, чтобы добиться ее признания среди коллег. Лингвистические исследования последних лет предлагают серьезную коррекцию этой схемы, разделяя лезгинские языки на две ветви — удинскую и самурскую, с выделением арчинского как отдельного языка лезгинской группы (см. ниже). Важный вывод, который в настоящее время является господствующим, заключается в том, что удинский язык «занимает отдельное место среди лезгинских, не проявляя специфической близости ни к одному другому языку группы»¹.

Средневековые арабо-персидские источники, значение которых для изучения истории Восточного Кавказа трудно переоценить, не только суммарно объединяют родственные языки на всей этой территории, но и отчетливо делят их на две **основные группы языков — арранскую и лакзанскую**. Первая группа представлена арранским языком (*الرائية* *ар-ранийя*), вторая — лакзанскими языками (*اللکزانية* *ал-лакзанийя*). Они соответствуют, как нам представляется, двум основным группам албанских племен — албанам/утиям и лекам/легам античных греко-римских источников, соответствующим арранам и лакзам средневековых арабо-персидских источников.

Сведения об арранском языке, который был основным языком общения в округе бывшей албанской столицы Партава (*би-навахи Барза'а*), содержатся в сочинениях мусульманских авторов. Так, ал-Истахри, писавший в первой половине X в., рассказывая о распространении арабского и персидского языков на Кавказе и использовании в Дабиле и вокруг него армянского языка, заявляет:

ونواحي برذعة لسانهم الرائية

«В стране Барза'а говорят на арранском»².

Эту информацию подтверждает также ал-Мукаддаси, живший во второй половине того же столетия. При этом, судя по дополнениям, видно, что

¹ См.: Майсак Т.А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из синайского монастыря. Т. 6. С. 103.

² *Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae. Auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 192.*

это не простой пересказ из книги ал-Истахри. Так, например, отмечая некоторую грубоватость языка народов этой части Кавказа (*ва-лайса лисанихим би-хусн*), ал-Мукаддаси пишет:

وبارمينية يتكلمون بلارمينية وبالران بالرانية

«В Армении говорят по-армянски, а в Арране — по-аррански»¹.

Ибн Хаукал, рассказывая о распространении в регионе персидского и арабского языков, поясняет, что «мало кто говорит по-арабски, а, кроме того, говорящие по-персидски не понимают по-арабски. Чисто по-арабски говорят купцы, владельцы поместий, а для многих групп населения в окраинах Армении и прилежащих стран существуют другие языки, как армянский — для жителей Дабилы и области его, а жители Барда'а говорят по-аррански»². Об арранском языке в самом Арране сообщает хроника сирийского автора, известного как Псевдо-Захарий Ритор, который поясняет, что Арран населяет верующий народ со своим языком³.

О лакзанских языках писали многие арабские авторы, но только Закарийя ал-Казвини сообщил о факте существования в XII в. письменных текстов на одном из этих языков, переведенных с арабского, по мусульманскому праву (*фикху*)⁴.

Тут необходимы некоторые пояснения.

1) Одни исследователи считают, что под словом *نواح* *навах* (ед. ч. *нахийа*), означающим «сторона», «район», речь может идти о небольшой округе Барда'а, древнего Партавы, который в этот период включал в себя сам город и его окрестности⁵, а другие под ним понимают весь Арран⁶. Однокоренной термин *نحو* *нахв* может иметь и более широкую коннота-

¹ Descriptio Imperii Moslemici, auctore Shams ad-din Abu Abdallah Ibn Ahmed Ibn abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Moqaddasi. Edidit M.J. de Goeje. Editio secunda. Lugduni Batavorum, apud E.J. Brill. 1906. P. 378.

² Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi)... «Liber imaginis terrae». Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1939. P. 355.

³ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941. С. 165.

⁴ Zakarija Ben Muhammed el-Cazwini's Kosmographie. Zweiter Theil. Kitab asar al-bilad. Die Denkmäler der Länder. Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und den Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1847. S. 405; 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва-'аджа'иб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] «памятниках» и чудеса царя могучего») / Изд. текст, пер., предисл., примеч. и прил. З.М. Буниятова. М., 1971. Факсимиле арабского текста: Л. 70а.

⁵ Marquart J. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. В., 1891. S. 117; Еремян С.Т. Политическая история Албании III—VII вв. // Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958. С. 327. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 310; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 29.

⁶ См. дискуссию на эту тему: Ганалаян А.Т., Хачикян Л.С., Тер-Гевондян А.Н. Об очередных «размышлениях» З.М. Буниятова // К освящению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ереван, 1991. С. 330. Статья написана в ответ на публикацию: Бу-

цию — «край», «местность». Однако мы видим, что разные арабские источники дают различную географическую привязку арранского языка: Ибн Хаукал говорит только о городе, ал-Истахри — об округе Барда'а, а ал-Мукаддаси — обо всем Арране. Таким образом, даже с учетом всех приведенных коннотаций термина сфера применения арранского языка не выходила за пределы территории средневекового Аррана на левобережье Куры, а также некоторых районов правобережья в районе Барда'а. Сказанное означает вполне определенную географическую привязку арранского языка для X в.: ясно, что в более древние времена ареал его распространения был гораздо шире.

В X в. город Барда'а давно уже не был административным центром Аррана, более того, он находился за пределами собственно Аррана, поскольку оказался на территории «Армянского Агванка» (*Hay-Aghuank'*) на правобережье Куры; о двух Арранах (الرائين — *ар-Ранайн*) писал и Ибн Хаукал, перечисляя их вместе с Азербайджаном и Арменией в качестве отдельных политических образований¹. Мовсес Каланкатуаци также различает исторические и административно-политические области Утик', Алуанк', Лпинк' и др.², размещая столицу Албании город Партав в *гаваре* Утик' (греч. *Отена*)³. Тем не менее указанные данные мало проясняют культурно-языковую ситуацию в этой части региона. Понятно, что албанский язык в Барда'а продолжал существовать, несмотря на его отрыв от общественно-политических и этнокультурных процессов в левобережном Арране, мощную волну исламизации и арабизации города, а также предшествовавшую волну арменизации и все еще продолжающегося влияния иранского этнического компонента. Не случайно одни из ворот Барда'а назывались Курдскими (см. ниже).

2) Мусульманские авторы говорят об арранском языке в единственном числе (*ал-лисану-хум ар-ранийя*), хотя местные источники подчеркивают этническую разнородность Аррана. Мовсес Каланкатуаци упоминает четыре племени арранского происхождения: «От его [Арана] сына, произошли племена Утийского, Гардманского, Цавдейского, Гаргарского княжеств»⁴. Соответственно, следует полагать, что на арранских языках говорили жители названных исторических областей. Форма единственного числа по отношению к арранским языкам может свидетельствовать о сравнительном единстве, близости этих языков, об их различиях на уровне диалектов. Й. Гипперт и В. Шульц и вовсе сводят древнеудинский к гаргарскому, поскольку, согласно Каланкатуаци (вслед за Хоренаци),

нятов З.М. Размышления по поводу книги А.Р. Тер-Гевондян «Армения и Арабский халифат» // Известия АН Азерб. ССР. Сер.: История, философия и право. 1977. № 4. С. 115–116.

¹ Opus geographicum auctore Ibn Naukal. S. 255.

² Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. I. Гл. XXVIII.

³ Там же. Кн. 2. Гл. XXXIV.

⁴ Там же. Кн. I. Гл. IV.

именно гаргарский язык лег в основу албанской письменности¹. Однако характеристика гаргарского языка как «гортанного, резкого, варварского и грубого», данная Каланкатуаци, в одинаковой степени может быть отнесена ко всем арранским языкам вследствие их близкого родства, так что это обстоятельство не может служить доказательством в пользу отождествления гаргарского языка с утийским (древнеудинским). Кроме того, как заметил Ю.А. Ландер, любезно ознакомившийся с рукописью данной статьи, к X в. древнеудинский мог быть мелким языком, не слишком заметным для арабского наблюдателя.

3) Мовсес Хоренаци, труд которого значительно позднее использовал Каланкатуаци, различал не четыре, а пять арранских народов, произошедших от этнарха Арана: албаны, гаргары, утии, цавдеи и гардманцы (см. ниже). Следовательно, источник заставляет нас поверить в то, что на ранних этапах консолидации албанами/арранами могло называться отдельное племя, которое впоследствии дало свое имя союзу албанских племен. Кроме того, столь явное разграничение этнонимов «албан» и «гаргар» позволяет допустить мысль о том, что собирательное название конгломерата родственных племен не совпадало с языком письменности: в качестве последнего был, вероятно, использован один из языков арранской группы, а именно — гаргарский (подобно тому, как впоследствии при создании лезгинского литературного языка выбор пал на гюнейский диалект).

4) О лакзанских языках арабские источники пишут во множественном числе (араб. *лугат* — «языки»). Такое написание подтверждается и историческим нарративом источников, которые прямо и недвусмысленно сообщают о племенном многообразии лакзов, которые сначала имели одного общего царя с титулом *хирсан-шах*, облеченного в царское одеяние в виде шелкового халата (*каба*) с рисунками, на котором был изображен медведь (ср.-перс. *хирс*)². Затем, после арабского завоевания части региона, когда наступает период углубления политической раздробленности, на этой территории средневековые мусульманские сочинения фиксируют наличие некоторого числа царей Лакза (*мулук ал-Лакз*)³. Сведения о царях Лакза (имеются в виду правители отдельных этнополитических образований на данной территории) сопровождается информацией о переносе столицы Лакза из Билистана (совр. Ахты?) в Захур (совр. Цахур)⁴. Вопрос о том,

¹ Gippert J., Schulze W. Some Remarks on the Caucasian Albanian Palimpsests // Iran and the Caucasus. 2007. № 11.

² О сасанидской титулатуре правителей Кавказа см.: Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М., 2003. С. 75–179.

³ Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. Hrsg. von F. Wustenfeld. I–IV. Lpz., 1866–1873. S. 405.

⁴ Zakariya Ben Muhammed el-Cazwini's Kosmographie. P. 405.

в какой степени лезгинский и цахурский языки были взаимопонимаемы в VII–VIII вв., остается открытым.

Определение *ал-лакзанийи* конструктивно содержит в себе форму множественного числа, поскольку *-ан-* является суффиксом мн. ч. в среднеперсидском языке. В арабский язык название страны лакзов перешло в двух формах — единственном (*Лакз*) и множественном (*Лакзан*). Форма ед. ч. этого определения — *ал-лакзийи*.

5) Противопоставление Арана (Рана) и Лека (Лекана) в качестве этнархов двух основных этнических массивов Кавказской Албании само по себе показательно. Сложно сказать, можно ли считать обозначение арранами и лакзами в качестве мифических прародителей своих народов не одного, а разных этнархов — Арана и Лека (Лекана), отражением объективного процесса продолжавшегося языкового и этнокультурного размежевания двух наиболее крупных этнических общностей Кавказской Албании. Более мелкие этнические группы на этой территории также начали возводить свое происхождение не к общим этнархам, а к своим собственным: Леонти Мровели приводит их имена: Бардос (район Партава?), Эрос (район Эрети?) и Мовакан¹. Наблюдаемое в грузинской исторической традиции разделение массива населения Албании по этнархам (а точнее — по этнополитическим областям!) на Эроса, Бардоса, Мовакана, вероятно, отражает не только конфедеративный характер политического устройства Албании, но и существовавшее разделение внутри арранского (албанского) этноязыкового массива, подобно тому, как и в армянской исторической традиции мы наблюдаем пять ветвей от единого этнарха Арана.

6) Средневековые грузинские источники, проводя различие между Эрети (северо-западной частью Аррана — араб. Шакки), собственно Арраном (Рани) и Лекети, понимают под *леками* все дагестанские народы, возводя их происхождение к другому общему этнарху — Леку (Лекану). Леонти Мровели еще выделяет такие отдельные области, как Мовакан и Барда (Партав), поскольку к X в. они также были обособлены. В качестве самоназвания этноним *лак/лек* сохранили только лезгины (с метатезой *лак-з/лек-з* в *лез-г*) и лакцы (*лак*). Арабы вслед за Сасанидами использовали этот эпоним не только для обозначения лезгинских земель по обе стороны реки Самур, но и как этнический маркер, обозначающий все лезгинские народы, кроме арранских. После ликвидации Кавказской Албании в начале VIII в. название Арран, судя по данным арабских источников, закрепилось только за территориями, где проживали носители арранских языков, т.е. территорией между Ширваном, Муганом, Арменией, Кабалой, Шакки (Эрети) и Кахети.

¹ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 21.

7) С лакзанскими языками картина представляется более ясной, вследствие того, что все они сохранились и потому сравнительно лучше изучены, как, впрочем, и удинский. В рамках данного исследования достаточно отметить то, что общее определение *ал-лакзанийя* подчеркивает их типологическое родство между собой, а слово *лугат* — их диалектное, а возможно, и языковое многообразие.

8) Мы можем быть уверены в сравнительной надежности средневековых арабских историков и географов, особенно в тех случаях, когда они опирались на информацию, полученную непосредственно от местных жителей. Так, в первой половине X в. ал-Истахри довольно точно посчитал общее число языков и диалектов, которое не противоречит современным оценкам, — свыше 70. В первой половине XII в. Абу Хамид ал-Гарнати¹ перечислил филанский², закаланский, хайдакский, зирихкаранский языки, которые могут быть сопоставлены с основными диалектами даргинского языка — урахинским, акушинским, кайтагским, кубачинским; некоторые исследователи считают их отдельными языками даргинской языковой группы³. Поэтому нет никаких оснований считать факт использования формы множественного числа случайностью или прихотью средневекового автора. Когда речь заходит об отдельных языках, например, арабском или персидском, множественное число никогда не используется, только единственное. Поэтому мы можем полагать, что под *ал-лугат ал-лакзанийя* подразумевается не один, а все «лакзанские» языки, имеющие родство внутри своей языковой группы.

В тексте ал-Мукаддаси мы также находим информацию о письменности народов Восточного Кавказа. Так, рассуждая об особых языках в Армении и Арране, он утверждает буквально следующее:

وفارسيتهم مفهومه تقارب الخراسانية في الحروف

¹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 26.

² Не совсем ясно, какой именно язык подразумевается над филанским. На определенном этапе правитель Сарира носит титул *филан-шах*, однако ал-Гарнати также упоминает наряду с филанским и сарирский язык. По коннотации местного исторического сочинения «Дарбанд-нама», согласно которому страна Филан называлась *Тавйак* — «Горная страна» (подробнее об этом см.: Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). С. 134–141), филанский можно объяснить как язык горцев. Поскольку ал-Гарнати также упоминает лакзанский, гумикский и табаланский (табасаранский?) и поименно перечисляет именно даргинские диалекты, то под филанским может скрываться либо урахинский, либо акушинский языки/диалекты.

³ Koryakov Yu.B. Atlas of Caucasian Languages, with Language Guide. M., 2002. (Linguarium Atlas of the Languages of the World. Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences).

Перевод: «А их персидский язык понятный, он своими буквами похож на хорасанский»¹.

Н.А. Караулов, не придав особого значения слову **الحروف** *ал-хуруф* в конце предложения, обозначающему буквенные знаки, перевел этот текст следующим образом: «Когда они говорят по-персидски, то их можно понимать, а их персидский язык кое в чем напоминает хурасанский»². А между тем в предложении отчетливо выделяется два семантических ядра: в первой части говорится о том, что их персидский язык понятен, а во второй — что графически, т.е. своим алфавитом, он близок к хорасанскому. Признавая очевидный факт распространения в Армении и Арране среднеперсидского (*парсик*) письма наряду с местными алфавитами, следует иметь в виду, что арабским автором местные алфавиты могли восприниматься похожими на среднеперсидское письмо, которое в X в. использовалось на периферии активно исламизировавшегося иранского мира, прежде всего — в Хорасане. С другой стороны, учитывая особенности графики перечисленных систем письма, вероятность такого отождествления не столь велика.

Историко-лингвистические данные³

Новейшие данные сравнительно-исторического языкознания существенным образом подкрепляют вывод о существовании в Кавказской Албании двух основных групп языков, которые в арабских источниках называются арранскими и лакзанскими. Основываясь на репрезентативной лексико-статистической базе данных международного научного проекта “The Global Lexicostatistical Database”⁴, А.С. Касьян выделяет три самостоятельные подгруппы лезгинских языков — удинско-кавказско-албанскую, арчинскую и узколезгинскую (по определению А.С. Касьяна), или самурскую. Узколезгинская подгруппа делится на три ветви: 1) западно-лезгинскую (цахурский и рутульский языки); 2) южнолезгинскую (крызский и будухский языки); 3) восточнолезгинскую (лезгинский, табасаранский и агульский языки)⁵. При этом российский лингвист критикует В. Шульце, который объ-

¹ Descriptio Imperii Moslemici, auctore Shams ad-din Abu Abdallah Ibn Ahmed Ibn abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Moqaddasi. Edidit M.J. de Goeje. Editio secunda. Lugduni Batavorum, apud E.J. Brill. 1906. P. 378.

² Караулов Н.А. Сведения арабских писателей X и XI веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. XXXVIII. С. 3–4.

³ Выражаю свою искреннюю признательность лингвистам Т.А. Майсаку, Ю.А. Ландеру и А.С. Касьяну, любезно согласившимся просмотреть текст настоящей публикации и сделавшим ценные замечания.

⁴ См.: <http://starling.rinet.ru/new100/main.htm>

⁵ Касьян А.С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ) // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. 2014, № 11. Материалы

единил удинско-кавказско-албанскую ветвь с агульским, табасаранским и собственно лезгинским языками в один восточнолезгинский кластер¹, ссылаясь на низкое качество его лексических списков и отсутствие каких-либо формальных аргументов в пользу предложенной немецким исследователем филогенетической классификации².

Для более предметного описания хронологии сложных и разновекторных процессов развития и дивергенции родственных языков на Восточном Кавказе трудно обойтись без привлечения данных глоттохронологии. Используя этот метод, С.А. Старостин пришел к заключению, что распад кавказской семьи языков, ныне называемой северокавказской, на восточнокавказские, или нахско-дагестанские и западнокавказские, или абхазо-адыгские языки произошел примерно в середине VI или начале V тыс. до нашей эры³. В восточнокавказской семье И.М. Дьяконов и С.А. Старостин выделяли следующие ветви: 1) восточную, или лезгино-даргинскую; 2) лакскую; 3) центральную, или аваро-андо-цезскую; 4) западную, или нахскую; 5) хуррито-урартские языки⁴.

Восточная, или лезгино-даргинская, ветвь делится на лезгинскую и даргинскую группы языков, и также к этой ветви относится хиналутский язык⁵. В «Атласе кавказских языков» Ю.Б. Корякова, где классификация во многом основана на лексикостатистике С.А. Старостина, в число южнодагестанских языков включены не только лезгинские языки, но и все языки даргинской ветви и даже южные диалекты лакского (*Lezgifc & southern outliers of Lak & Dargwic*)⁶.

Сопоставляя лингвистические данные с археологическими материалами, М.Е. Алексеев пришел к выводу о том, что восточнокавказские языки разделились на нахскую и дагестанскую ветви в конце III тыс. до н. э.⁷ Начало выделения протолезгинского языка А.С. Касьян относит ко II тыс. до н. э.,

---

международной конференции «Сравнительно-историческое языкознание в XXI веке: проблемы и перспективы» памяти С.А. Старостина (Москва, РГГУ, 20–22 марта 2013 г.). М., 2014. С. 63–80. Подробнее см.: *Kassian A* (2015). Towards a Formal Genealogical Classification of the Lezgian Languages (North Caucasus): Testing Various Phylogenetic Methods on Lexical Data. *PLoS ONE* 10(2): e0116950. doi:10.1371/journal.pone.0116950

¹ *Schulze W*. Towards a History of Udi // *International Journal of Diachronic Linguistics*. 2005. Vol. 1. P. 55–91; *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. P. II-65–75.

² *Касьян А.С.* К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ) С. 76.

³ *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // *Древняя Анатолия*. М., 1985. С. 90.

⁴ *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 164–165.

⁵ *Там же*. С. 164–165.

⁶ *Koryakov Yu.B.* Atlas of Caucasian Languages, with Language Guide.

⁷ *Алексеев М.Е.* Нахско-дагестанские языки // *Языки мира: Кавказские языки*. М., 1999. С. 156–157.

приводя в качестве условной даты 1720 г. до н. э.¹ В. Шульце датирует выделение лезгинских языков из протолезгинского началом II тыс. до н. э., когда, по его мнению, часть носителей этого языка, жившая на территории современного Азербайджана, перешла Кавказский хребет и населила северную часть Восточного Кавказа вплоть до района Дербента, древнего Чора (Tzour or Çolay) и «Албанских ворот» (Ἀλβάνιαι πύλαι), включая бассейн реки Самур². Другие исследователи датируют разделение лакско-даргинской ветви, распад пралезгинской языковой общности на кавказско-албанскую/удинскую и лезгинскую ветви, а также, предположительно, обособление хиналугского языка в пределах I тыс. до н. э.³

Что касается процессов размежевания внутри группы лезгинских языков, то, по мнению А.С. Касьяна, все дистантные методы предполагают «последовательные бифуркации с отделением сначала удинской ветви, затем арчинской и соответствующим обособлением узколезгинского (самурского) праязыка»⁴. Первой, как полагают, еще в IX в. до н. э. выделилась кавказско-албанская ветвь, затем, в VI в. до н. э. — арчинский язык, и затем, в III в. до н. э., — шахдагские языки (крызский и будухский)⁵.

С распадом узколезгинской, или самурской, ветви языков, ситуация не столь ясна. Так, модифицированный метод ближайших соседей, разработанный С.А. Старостиным для лексико-статистического анализа и реализованный в программе Starling, указывает «на первое отделение западнолезгинской ветви и последующую бифуркацию на южнолезгинскую и восточнолезгинскую ветви»⁶. В то же самое время другой метод указывает на первое отделение южнолезгинской ветви, а третий — восточнолезгинской ветви. Хронологические оценки этих бифуркаций, при расчетной дистанции 300 лет, показывают, что выделение современных языков лезгинской группы из отдельных протоязыков, восходящих к пралезгинскому, происходило на протяжении от I в. н. э. примерно до середины XVII в.⁷

Условия родо-племенного и этнического многообразия, имевшие место и в Кавказской Албании, неизбежно порождали сложные языковые

¹ Касьян А.С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ). С. 66.

² Schulze W. Towards a History of Udi // International Journal of Diachronic Linguistics. 2005. Vol. 1. P. 55–91.

³ См., напр.: <http://www.garshin.ru/linguistics/languages/dene-caucasian/north-caucasian/east-caucasian/nakh-daghestani.html>

⁴ Касьян А.С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ). С. 66.

⁵ См.: <http://www.garshin.ru/linguistics/languages/dene-caucasian/north-caucasian/east-caucasian/nakh-daghestani.html>

⁶ Касьян А.С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ). С. 66.

⁷ Там же. С. 67.

ситуации. Чаще всего в таких условиях социальная коммуникация осуществлялась благодаря такому интересному феномену, как диалектная цепь. В этом случае один язык через систему диалектов плавно переходил в другой язык. На границах распространения родственных языков диалектный континуум мог переходить в языковой, создавая, таким образом, общее языковое пространство, языковую непрерывность. Сложные языковые ситуации приводили к образованию вертикального континуума, на верхних уровнях которого располагался, например, литургический и/или официальный язык, на средних — общеразговорное койне, наддиалектная форма устной речи, или неофициальный «язык базара», который имел практическое, утилитарное значение, на нижних — языки общения внутри семьи, рода, сельской общины¹. В условиях отсутствия жесткой централизации власти и тесного взаимодействия племен языковая непрерывность могла сосуществовать с общенародным языком койне, а в случае отсутствия такого языка — заменить его, выполняя интегративные функции в пределах своего этнокультурного ареала. Такая ситуация характерна и для лезгинских народов, где языки соседних этнических групп сравнительно более взаимопонимаемы по периметру их контактов, в то время как отдаленные друг от друга этнические группы при общении сталкиваются с языковым барьером.

Наиболее распространенный язык/диалект первой группы, арранской, который лег в основу письменного албанского, представленного в рукописных текстах как язык албанских палимпсестов, согласно схеме, предложенной В. Шульце и Й. Гиппертом, ближе всего к ниджскому диалекту удинского языка, а со стороны лакзанских языков обнаруживает наибольшую близость к агульскому. Исследователи сочли вероятным, что кавказско-албанский язык имел «сестринские диалекты, от которых произошли ниджский и варташенский диалекты»². Соответственно, древнеудинский, восходящий к пралезгинскому, выделяется в качестве общего родителя обоих диалектов современного удинского, а также собственно кавказско-албанского языка³. Если это действительно так, то арранские языки были диалектами, которые действительно гораздо меньше отличались друг от друга, чем лакзанские языки, особенно на ранних этапах Кавказской Албании. Возможно, именно поэтому об арранском языке мусульманские авторы всегда пишут в единственном числе (см. об этом выше).

Мы уже говорили о возможных, хотя и незначительных, диалектных различиях арранского языка в районе Барда'а на правом берегу р. Куры и в левобережном Арране; ряд исследователей полагает, что население Арцаха

¹ См.: *Cruse D.A. Lexical Semantics. Cambridge, 1986. P. 71.*

² *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II-78.*

³ Там же.

и Утик'а, до того, как утратило собственный язык и арменизировалось, было родственно албанским племенам левобережья¹, представляя собой отдельное племя; не исключено, что этим племенем как раз были «таинственные» цавдеи (см. об этом ниже). Большинство их оппонентов, не отвергая такую точку зрения, настаивает на сосуществовании на данной территории армянского языка и армянской культуры вследствие долгого пребывания этой части Албании в составе Армении².

Опираясь только на источниковедческий материал, без общей картины сравнительно-лингвистических наблюдений по диалектологии кавказско-албанского и удинского языков, вышедших из протоудинского корня, невозможно определить ареал распространения диалекта, который лег в основу письменного (литературного) языка Кавказской Албании. Лингвистический анализ затруднен из-за того, что к настоящему времени большинство арранских языков и диалектов исчезло, сохранились только два живых диалекта удинского языка, и еще один, условно говоря, «гаргарский» (кавказско-албанский / собственно арранский) — язык албанских палимпсестов и эпиграфических текстов.

Лакзанские языки определенно включали в себя следующие праязыки, как их называют лингвисты: протолезгинский, прототабасаранский, протоцахурский, проторутульский, протоагульский, протокрызский, протобудухский, возможно, также и хиналугский (некоторые лингвисты относят хиналугский язык к самостоятельной ветви нахско-дагестанской семьи, в которую входит только этот язык). Пралезгинский язык, носители которого составляли большую часть населения Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана, представлял собой основной язык группы лакзанских языков. Но какую же роль в Кавказской Албании в целом мог играть этот язык?

К вопросу об общенародном «языке базара»

Небольшую зацепку о роли основного из лакзанских языков в Кавказской Албании дают арабские авторы X в. Абу Исхак ал-Истахри в своей книге «ал-Масалик ва-л-мамалик», написанной в 930 г., так описывает крупнейший рынок Барда'а:

¹ *Март Н.Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. 1916. № 15. С. 1379–1408; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарарского строя. С. 230; *Орбели И.А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1968. С. 214; *Еремян С.Т.* Политическая история Албании III–VII вв. С. 304; *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре. IV в. до н. э. – VII в. н. э. С. 46 и др.

² См.: *Ганалатян А.Т., Хачикян Л.С., Тер-Гевондян А.Н.* Об очередных «размышлениях» З.М. Бунятова // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Т. 1. Ереван, 1991. С. 337–339.

و على باب بردعة يسمّى باب الكراد سوق يسمّى الكركي مقدار فرسخ في فرسخ
يجتمع فيه الناس كل يوم احد وينتابه الناس من كل مكان حتى من العراق وهو اكبر من
سوق كولسره وقد غلب على هذا اليوم لدوامه اسم الكركي حتى ان كثيراً منهم إذا أيام
الجمعة قال السبت والكركي والاثنين والثلاثاء حتى يعد أيام الجمعة¹

Перевод: «Около ворот Барза'а, называемых “Вратами курдов”, находится рынок, который называется “ал-Куркийу”, он занимает *фарсах* в квадрате. На него каждый день собирается народ, и стекаются сюда люди из всевозможных стран вплоть до Ирака. И он больше рынка “Кул-сара”. Название рынка “ал-Куркийу” заменило собой название этого дня [недели] по причине того, что рынок постоянно открывался в этот день, так что часто жители, считая дни недели, говорят: “суббота, ал-куркийу, понедельник, вторник” (*ас-сабату, ал-куркийу, ал-иснайну, ас-саласату*), пока не досчитают все дни [недели]».

Де Гуге, издавший текст ал-Истахри, поясняет, что другая рукопись этого сочинения, обозначенная им как список D, а вслед за ним и Йакут ал-Хамави вместо *Кул-сара* дают вариант *Кур-сара*. Кроме того, в списке D этот топоним приводится и в форме *Ку-сара*. Рынок в Барда'а, возможно, сопоставляется с рынком в другом городе, известном в арабских источниках как Кусайр (совр. Кусары)². Ибн Хаукал называет этот рынок *Кур-сара*³.

Восторгаясь обилием шелков и одежды на крытых рынках Албании/Аррана, Ибн Хаукал также сообщает, что по воскресеньям «жители этой области и других округов» съезжались на большой рынок, называемый ал-Куркийу, поэтому они так называли воскресный день: «...суббота, ал-Куркийу, понедельник»⁴.

Арабское по форме название *الكُرْكِيّ* ал-куркийу — неарабского происхождения. Основываясь, видимо, на диакритических знаках и огласовках в доступных ему рукописях сочинений ал-Истахри, Ибн Хаукала и ал-Мукаддаси, де Гуге предложил чтение *ал-Куркийу*. Как показывает опыт изучения средневековых арабских рукописей, в случае с неизвестными позднему переписчику топонимами огласовки ставятся произвольно, если только эти огласовки не содержатся в автографе сочинения. В первой части слова *ал-Куркийу* ясно проглядывается греч. *Κυρακι* — «господний день».

¹ *Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae. Auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 183–184.*

² См.: *Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae. Auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. P. 183 (note).*

³ *Opus geographicum auctore Ibn Haukal. P. 338.*

⁴ Там же. P. 338–339.

Что касается второй части названия *ал-Куркийу*, тут не все так просто. Если это стандартная форма именительного падежа единственного числа имени с определенным артиклем, которая без артикля дает форму *куркийун*, то это одна ситуация. Если же за этой специально выделенной огласовкой стоит отдельное слово, то ситуация совсем иная. В этом случае во второй части слова может читаться лезг. *югъ* — «день», а не удинский *гъи*, хотя в Барда'а говорили на языке, близком удинскому, а не лезгинскому (ср.: удин. *са гъи* / лезг. *са югъ* «один день»; кавказ.-алб. *sa ği* «один день»). Полная форма этого названия, которая реконструируется как лезг. *Кираки югъ*, находит прямые аналогии с арм. *Кираки ор* — «воскресный день». Понятно, что привязка воскресенья к базару повсеместна: и сегодня лезгины в повседневном обиходе называют воскресенье *базар югъ* (на литературном — *базардин югъ*).

Резюмируя сказанное, отметим, что арабские авторы X в. сравнивают рынок Барда'а с рынком Курсара/Кусара, подчеркивая, что это два самых больших рынка на Восточном Кавказе. Доподлинно неизвестно, где именно находился рынок Курсара/Кусара — в крупном населенном пункте в Северо-Восточном Азербайджане, который впоследствии упоминается в арабских источниках как Кусайр (совр. Кусары), или в Дербенте, где действительно был один из самых крупных рынков этой части региона, или же еще где-нибудь на Восточном Кавказе. В любом случае один из двух самых крупных рынков находился в зоне расселения лакзов, а другой — арранов.

Не совсем ясно, однако, почему рынок, расположенный так далеко от Лакза (Лакзана), в южной части исторического Аррана, имеет лакзанскую, а не арранскую форму названия. Является ли этот факт достаточным основанием для вывода о том, что лакзанский язык мог иметь некоторое хождение в Арране, как арранский имел среди лакзов? Конечно, кажется странным, что на рынке в Барда'а говорили на лакзанском, в то время как вся округа говорила на арранском и армянском, а иноземные купцы — на арабском и персидском. С другой стороны, где еще лакзы могли сосредоточиться в городе Барда'а, как не на базаре?

В условиях разделения труда и повсеместного усиления торговых и ремесленных гильдий именно трансграничная торговля становилась основной формой экономического взаимодействия и регионального развития. Рассказы арабских авторов о рынке в Барда'а, так же как и базаре в Баб ал-абвабе (Дербенте), сопровождаются упоминаниями торговых рядов (*ас-суфуф*) и торговой специализации. Ясно, что шелка и многие другие товары отсюда отправлялись дальше на север. Поэтому лакзов на рынке в Барда'а не так уж и трудно себе представить: было бы странно, если бы их там не было. Таким образом, если ответ утвердительный, то основной из лакзанских языков, вероятнее всего, тот язык, из которого вышел современный лезгинский,

вполне мог играть роль «языка базара» и использоваться для повседневного общения в определенных сферах социальной коммуникации.

В. Шульце и Й. Гипперт приводят сравнительный анализ 100 слов из списка базисной лексики (т. наз. списка Сводеша) лезгинских языков¹. Приведенная лексика, к сожалению, не учитывает диалектные вариации внутри лезгинской группы, для того чтобы прояснить звенья диалектных цепей на территории расселения албанских племен. Так, например, утверждается, что местоимение «я» на пралезгинском звучало как $z^e(n)$ / $z^w e(n)$, кавказско-албанском — *зоу* / *zow*, на удинском звучит как *зу* / *zu*; на восточносамурских языках: на собственно лезгинском — *зун* / *zun*, агульском — *зун* / *zun*, табасаранском — *изу* / *izu*, *узү* / *uzu*; на западносамурских языках: рутульском *зы* / *zə*, цахурском *зы* / *zə*; на южносамурских языках: крызском — *зен* / *zen*, будухском — *зен* / *zen*; на арчинском языке — *зон* / *zon*. На хиналугском языке, принадлежность которого к лезгинским языкам в настоящее время оспаривается, это местоимение звучит так же, как в западносамурских — *зы* / *zə*².

Более глубокий фонетический анализ указанного местоимения обнаруживает, что обобщенная картина диалектных форм не вполне соответствует реальной ситуации. Например, только в собственно лезгинском языке на уровне диалектов фиксируются локальные варианты, совпадающие с вариантами пралезгинского и группы арранских языков, например: z^o / $z^w o$ в ахтынском диалекте, *зу* / *zu* — в яркинском диалекте. Даже внутри небольшого рутульского языка наблюдается диалектное разнообразие: в ихрекском диалекте — *зы* / *zə*, шиназском — редуцированный *з* / *z*, хновском — *зе* / *ze*.

В научной литературе приводятся и другие критические замечания, в частности, к использованному В. Шульце и Й. Гиппертом методу «фонетического сходства» (*phonetic resemblance*). Так, Т.А. Майсак в своей рецензии на публикацию этих текстов отметил, что «сходными с удинским местоимением *зу* “я” признаются агульское и лезгинское *zun* и табасаранское *izu*, но не слова других языков, звучащие как *zə*, *zən*, *zon*»³. По этой причине он назвал этот метод поверхностным и крайне сомнительным для уточнения генетической классификации: «Само понятие фонетического сходства никак не формализуется авторами, и в ряде случаев трактовка когнатов как “сходных” или “несходных” выглядит произвольной»⁴.

Безусловно, на основании возможного значения одного слога строить надежные гипотезы нельзя, но в данном случае в пользу приведенных дан-

¹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. II-66–74.

² Там же. P. II-66.

³ Майсак Т.А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из синайского монастыря. С. 102.

⁴ Там же.

ных имеется дополнительное подтверждение в виде важного источниковедческого аспекта, а именно большого этнокультурного значения двух самых крупных языков Кавказской Албании — кавказско-албанского и собственно лакзанского. За каждым из этих языков стоял отдельный субъект албанской конфедерации, своя политическая элита и институты, экономические интересы, определенная социальная иерархия. Поэтому представляется вполне логичным, что письменность Кавказской Албании могла быть создана на основе наиболее распространенного языка арранской группы, восходящего к протоудиинскому, а язык базара — сложиться на основе древнелезгинского, наиболее распространенного языка лакзанской группы.

Исторические аспекты темы

На рубеже XI–XII вв. в Захуре (Цахуре), столице Лакза, была построена *мадраса* ан-Низамийа, в которой, как утверждает Йакут ал-Хамави, арабомусульманские книги переводились «на лакзанский язык»¹. Переводы имели утилитарную цель расширить географию распространения ислама среди лакзов, обеспечить проникновение исламских идей в горные районы Северо-Восточного Кавказа. Соответственно, переводная литература должна была использовать известный всем алфавит — иначе переводы не имели бы смысла.

В свете информации о создании письменных памятников на лакзанском языке известное сообщение Мовсеса Хоренаци о гаргарском говоре, на основе которого была создана письменность Кавказской Албании, приобретает новые смыслы: 1) Хоренаци мог отождествить письменный язык с языком базара, что в свете открытых и дешифрованных синайских рукописей исключается; 2) гаргары — это общее наименование, точнее — собирательное самоназвание всех албанских племен; 3) албанский алфавит мог использоваться и для передачи лакзанских языков; 4) гаргарский язык как раз и был тем диалектом арранской языковой ветви, который лег в основу письменности; 5) арабская графика могла быть приспособлена к лакзанскому языку, подобно тому как в Позднее Средневековье и Новое время создавались тексты на дагестанских языках, написанные арабским письмом (*аджам*).

На стороне предпоследнего предположения — информация Хоренаци о народе гаргар, который он упоминает отдельно наряду с албанами, утиями и др. К этому предположению склоняется М.С. Гаджиев, который со ссылкой на Мовсеса Хоренаци и на основе связи языка синайских палимп-

¹ Zakarija Ben Muhammed el-Cazwini's Kosmographie. P. 405. Информацию ал-Казвини подтверждает и 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви: 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва-'аджа'иб ал-малик ал-каххар. Л. 70а.

сестов с удинским предполагает близкое родство албан, гаргар, утиев, цавдеев и гардманцев, происходящих от одного этнарха. Это подразумевает и их близкое языковое родство. По его мнению, когда в начале V в. возникла потребность выбора литературного языка при создании албанской письменности, был выбран гаргарский диалект, подобно тому, как в начале XX в. в процессе создания новой письменности в основу литературного лезгинского языка лег гюнейский диалект, аварского — хунзахский, даргинского — акушинский диалект¹.

Страбон определенно локализует «гаргарейцев» на территории Дагестана. Со ссылкой на «других писателей, тоже прекрасно знакомых с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат)», он пишет, что гаргарейцы живут в соседстве с амазонками «в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (*Strabo. Geogr. XI, 5, 1*), т.е. там, где Феофан, побывавший в Албании, размещал леков и гелов. При этом сами албаны жили «между иберами и Каспийским морем; на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберами. Что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами <...>, а последнюю сторону образует Армения, граничащая с ней» (*Strabo. Geogr. XI, 4, 1*).

Армянские источники, которые гораздо лучше были знакомы с этнической картой Восточного Кавказа, нежели греческие авторы, помещали гаргаров в бассейне реки Куры, т.е. в сердцевине Кавказской Албании. Более того, они упоминали на данной территории Гаргарское княжество, Гаргарскую равнину, непосредственно связанные с древним этнонимом², который отложился и в гидрониме Гаргар. Если это так, то гаргарский диалект был срединным для арранских языков — а это очень важное обстоятельство в свете концепта языкового континуума. Не исключено, что выбор гаргарского в качестве языка письменности был обусловлен тем, что албанский священник и «даровитый переводчик» Бениамин, с помощью которого «и милостью Христа» Месроп Маштоц «успешно взвесил, расставил и уточнил» албанскую письменность³, мог быть носителем гаргарского диалекта арранского языка (по Корюну, «родом албанин» — *Վրդվիւ զգրչիւ*).

Кавказская Албания не была унитарным государством, она изначально являлась конфедерацией этнополитических структур родственных племен. Как и в любой другой конфедерации, наиболее крупные племена становились ядром межплеменной консолидации в своем географическом ареале:

¹ Гаджиев М.С. Из истории создания кавказско-албанской письменности: некоторые спорные моменты // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2005, № 2. С. 49–58. См. также его статью «К интерпретации сведений о создании письменности Кавказской Албании» в настоящем сборнике.

² См., напр.: Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. I. Гл. XXVIII.

³ Корюн. Житие Маштоца. С. 105–106.

леки — на северо-восточных отрогах южной части Большого Кавказского хребта, албаны — на границе с ними, но южнее и западнее. Именно албаны, в силу их численного (и военного?) превосходства и большей племенной/языковой однородности, стали ведущими в процессах консолидации родственных племен и образования государства. Некоторые исследователи считают, что изначально албанами называлось только одно из 26 племен, которое инициировало объединение племен в союз, и по этой причине имя «албаны» стало распространяться и на другие родственные племена¹. Это довольно распространенное явление. В некоторые периоды истории внутри албанской конфедерации сохранялась и политическая обособленность албанов и леков, некогда отдельных союзов племен. Кроме того, понятие Албанского государства в раннесредневековый период включало в себя те области, на которые распространялась юрисдикция албанской церкви².

Приводя список *нахвбедов* (ср.: арм. *нахатет* — «первейший»), среднеперсидская надпись из Пайкули сообщает о том, что в 293 г. в числе тех, кто прибыл на коронацию *шаханшаха* Нарсе, был и «государь», «князь» или «князек» (*xwaday*) Лака³. Тот факт, что сасанидский текст отдельно упоминает правителя леков, явно свидетельствует о том, что во второй половине III в. албаны и леки сохраняли определенную степень самостоятельности в своих действиях, в том числе и во внешней политике.

Описывая один из эпизодов войны между Ираном и Византией во второй половине IV в., Мовсес Хоренаци не только рассказывает об участии леков и албан в одном из важных сражений, но и отдельно упоминает их царей, выступивших вместе на стороне Ирана в качестве союзников против объединенного войска армян и ромеев: «Но лишь обе стороны (персы и греки. — А. А.) столкнулись, сверху их осенило облако, и навстречу персам с нашей стороны подул сильный ветер. В сумятице битвы Спандарат Камсаракан натолкнулся на большой отряд, в котором находился храбрый **Шергир, царь леков** (здесь и далее выделено нами. — А. А.), твердо державшийся во главе центра боевого строя. Напав на отряд, Спандарат рассек его, опрокинул и обратил в бегство и поверг храбреца на землю, словно пораженного молнией. Так все греческие и армянские войска, получив поддержку свыше, покрыли все поле трупами неприятелей и, обратив всех оставшихся в бегство, пустились в преследование. Вместе с ними вытеснили с поля битвы и **Урнайра, царя Алвании**, израненного Мушелом, сыном Васака Мамиконеана»⁴. Эту историю повторяет и Мовсес

¹ См., напр.: *Hewsen R.H. Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians // Samuelian Th.J. (ed.). Classical Armenian Culture: Influences and Creativity. Pennsylvania, 1982.*

² *Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 141.*

³ *Humbach H., Skjærvø P.O. The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt 3.1. Restored Text and Transl. by Prods O. Skjærvø. Wiesbaden, 1983. P. 73.*

⁴ *История Армении Моисея Хоренского / Пер. с др.-арм. Н. Эмина. Кн. 3. СПб., 1893. Гл. 37.*

Каланкатуаци¹. Иными словами, будучи в составе конфедеративного государства, леки, которых в раннем Средневековье стали называть лакзами, выступали одновременно и вместе с албанами, и под началом своего собственного правителя. Вопрос о степени самостоятельности различных частей конфедерации от центральной власти, как и вопрос о степени влияния на верховную власть в Кавказской Албании со стороны третьих сил, прежде всего Сасанидов, требует дальнейших исследований².

В начале VI в. после ликвидации царской власти в Кавказской Албании, а затем во время административно-территориальных реформ Хосрова I Ануширвана (531–579), как хорошо известно, были переутверждены права местных династов — правителей этнополитических образований, ранее входивших, очевидно, в состав Албанской конфедерации. Об этом сообщает ряд арабских авторов IX–X вв. По существу, это была легимитизация сасанидского сюзеренитета на Восточном Кавказе, а также повышение статуса местных владетелей, которые сами становились шахами, с условием признания верховной власти «царя царей» — шаханшаха Хосрова I. Однако такое положение, как представляется, продлилось недолго — ровно до тех пор, пока Хосров II не позволил Михранидам восстановить центральную власть в Кавказской Албании.

Описывая обстоятельства прихода к власти династии Михранидов, Мовсес Каланкатуаци сообщает о том, что Хосров II (591–628) отдал Албанию своему родственнику Михрану со словами: «Бери себе во владение столько, сколько сумеют пройти ноги твои»³. Для того чтобы добиться своей цели и захватить власть в Албании, Михран «с коварной целью призвал к себе двенадцать мужей из [местной] знати, истребил всех мечом и завладел страной»⁴. Если текст говорит о местных правителях, новоявленных «шахах»⁵, то можно предположить, что на территории Кавказской Албании во второй половине VI в. после упразднения власти Аршакидов существовало 12 отдельных политических образований, которые нужно было подчинить центральной власти.

После ликвидации Кавказской Албании около 705 г. и ее включения в состав Арабского халифата на этих землях источники фиксируют чуть больше десятка отдельных владений. Из них старое среднеперсидское название государства сохранили собственно Арран и армянский Арран (*Hay-Aghuank'*), а также часть Аррана, оказавшаяся под влиянием

¹ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. I. Гл. 13.

² См. статью М.С. Гаджиева «Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты» в настоящем сборнике.

³ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. 2. Гл. XVII.

⁴ Там же.

⁵ В переводе К. Патканьяна они названы «предводителями». См.: История Агван Моисея Каганкатуаци, писателя X века / Пер. с арм., предисл. К. Патканьяна. СПб., 1861.

Грузии — груз. Эрети (Шакки арабских источников), которая, по мнению М.С. Гаджиева, соответствует области Лпинк' армянских источников¹. Бывшая столица Албании Кабала вместе с округой стала самостоятельным владением. Наиболее крупным политическим образованием на этой территории стал Ширван, возникший в зоне наиболее активного взаимодействия арранов и лакзов.

Арабы отличали не только арранское население от лакзанского, но и выделяли, как уже отмечалось, два Аррана (*ар-Ранайн*) — очевидно, собственно Арран и Хай Агванк' (*Нау-Агхуанк'*). Информацию о составе албанских племенных групп Хай Агванк'а в древности дает Мовсес Хоренаци, разумеется, в дискурсе истории Армении: «Говорят, из его (Арана) наследников происходило население утийцев, и княжества Гардманцев, Цавдейцев и Гугарцев»². Все эти области располагались на правом берегу Куры, на территории Арцаха, кроме Гугарк'а (греч. Гогарена), лежавшего к западу от Ути³. Не вдаваясь в сложную, остродискуссионную и политизированную проблему этнического состава Арцаха средневековой поры, хочу обратить внимание на то, что мы не можем игнорировать это свидетельство Хоренаци, относящееся к древности, к начальному периоду консолидации албанских племен и, очевидно, отражающее этнокультурное единство перечисленных племен.

Территория северо-восточных областей Албании, а именно — известных по арабским и иным источникам раннесредневековых областей Хирсан, Лайзан/Лиран, Маскат, Вардан, Лакз, Табарсаран и Чор (Дербенд, араб. *Баб ал-абваб*), была заселена разноплеменными лакзами в широком понимании этнонима, т.е. носителями лакзанских языков. Из них Лайзан/Лиран, Вардан и Хирсан со временем становятся частью Ширвана. По мнению В.Ф. Минорского, Хирсан «был частью территории лакзов, уже включенной в Ширван». На основе изучения рукописей он так пишет о Хирсане и Вардане: «Мы видели, что территория лакзов постепенно уменьшалась, пока не была поглощена Ширваном при амире Фарибурзе. Уже в более ранний период Мас'уди в своем Мурудж <...> говорит, что Мухаммад б. Йазид <...> присоединил два древних княжества, которые в печатном издании ошибочно именуется Хорасан-шах и Задан-шах. Эти названия надо восстановить как Хурсан и Вардан. В том, что Мас'уди упоминает их вместе, можно видеть указание на то, что они лежали близко друг от друга. Нет сомнения

¹ Подробнее см.: Гаджиев М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность). С. 14–32.

² История Армении Моисея Хоренского. Кн. 2. Гл. 8.

³ См.: Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. с др.-арм. и коммент. К.П. Патканова. СПб., 1877.

и в том, что эти “царства” относились к территории лакзов»¹. Сколько еще владений лакзов вошло в состав Ширвана, пока неизвестно.

Арабо-мусульманские авторы стали применять собирательное имя «лакзы» для обозначения народов на территории современных Северного Азербайджана и Южного Дагестана, говоривших на лакзанских языках, но уже имевших своих царей и политические образования. Так, например, Маскат (область Мюшкюр в Северном Азербайджане) в то время представлял собой отдельное от Лакза территориальное владение со своим правителем (*малик*), но его жителей «Та’рих ал-Баб» Маммуса ал-Лакзи, жившего в XI в., называет лакзами. То же относится и к другим княжествам, таким как Хирсан и Вардан, жители которых, по мнению В.Ф. Минорского, также были лакзами². Одно время *хирсан-шах* был титулом правителя Лакза. При этом «в списке назначений Ануширвана» ал-Балазури упоминает Лакз, Хирсан и Маскат/Маскут отдельно друг от друга³. Таким образом, определение *лакзы* в арабских источниках определенно выступает в качестве этнонима, а не политонима.

Вследствие своего географического положения и ряда других факторов «царства», населенные арранами (носителями арранских языков), подверглись большей ассимиляции, чем владения лакзов, представлявшие географически более обособленные этнополитические образования со своим особым языком и культурой. Поэтому лакзы в большей степени продолжали сохранять свою самобытность, несмотря на усилившиеся в X–XI вв. процессы исламизации, в то время как арранское население «размывалось» не только в городах, но и в сельской местности вследствие процессов арменизации, тюркизации и других факторов.

По сообщениям источников, еще в конце XIII в. в армянском Арране (*Hay-Aghuank’*), включавшем в себя и город Барда’а с округой, наряду с армянским письмом местное население продолжало пользоваться албанским письмом. Так, армянский историк Гетум, описывая Армянское царство, пишет, что у армян было два алфавита: «имеют письмена армянские, а также те, что называли *алуэм* (т.е. *алуан/агван*)»⁴. Таким образом, арменизированные албаны воспринимались средневековым историком в качестве армян, поскольку жили они среди преобладавшего к этому времени армянского населения. Было бы абсурдно отрицать принадлежность албанского письма албанам и считать, что албанским письмом пользовались армяне,

¹ См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 115.

² Там же.

³ *Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djahir al-Beladsori, quem edidit M.J. de Goeje. Leiden, 1866. P. 196.*

⁴ Анасян А.С. Новая концепция в албанистике // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ереван, 1991. С. 139–140.

в то время как армянское письмо было в этот период гораздо более распространённым. Скорее наоборот — как раз арменизовавшиеся албаны должны были писать на армянском языке: насколько можно судить по эпиграфическим памятникам и нарративным источникам того времени, культурная среда в Хай-Агванк'е была как раз преимущественно армяноязычной. Например, в X в. Мовсес Каланкатуаци писал историю албан, но писал он ее, согласно господствующему в науке мнению, именно на армянском языке; по мнению К.В. Тревер, «автор, уроженец сел. Каланкатуик в области Утик', был по происхождению либо утийцем (албаном), писавшим на армянском языке, либо армянином, что весьма возможно», вследствие арменизации в этот период Арцаха и большей части Утик'а¹.

С точки зрения культуры Средневековья, принципиально важное значение имело не то, на каком языке писал и мыслил автор, в данном случае — Мовсес Каланкатуаци, а то, откуда он был родом. Эту информацию мы узнаем от самого автора, который, говоря об области Утик', добавляет: «...откуда происхожу и я»². Как известно, идентичность, в том числе этническая, не всегда связана только со знанием родного языка, она всегда гораздо шире и сложнее, как мы это видим на примере современных этнических процессов. Тем более что многие исследователи считают «Историю Албании» компилятивным сочинением, с хронологически различными (VI–X вв.) фрагментами текстов, написанными в разное время двумя Мовсесами — Дасхураци и Каланкатуаци, так что авторство этого ценного исторического источника приписывается двум разным людям³. Что касается Мовсеса Каланкатуаци, непосредственно имевшего дело с редактированием и дописыванием сочинения в X в., то Я.А. Манандян, издавший текст «Истории албан» по ранней эчмиадзинской рукописи 1289 г., называл его Моисеем Утийским (Moses den Utier)⁴.

Судя по ряду признаков, Мовсес Каланкатуаци, очевидно, считал себя в большей степени утийцем и албанином: 1) когда невольно или намеренно противопоставлял албанскую церковную традицию армянской, подчеркивая независимое, апостольское происхождение албанской церкви и называя ее «нашей, Восточного края, церковью»⁵, хотя характеристика Хай-Агванк'а

¹ См.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 9.
² Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. 2. Гл. XI.

³ См.: The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Translated by C.J.F. Dowsett. L., 1961; История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века; Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Детальный источниковедческий анализ этого материала см.: Мамедова Ф. «История албан» Моисея Каланкатуаци как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. С. 9–32. См. также: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 12–14.

⁴ Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte. Untersuchungen über Moses den Utier (Kalan'katuaci). Lpz., 1897.

⁵ Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. I. Гл. VII.

как Восточного края выдает в нем армянскую, а не албанскую точку зрения на географическую номенклатуру; 2) когда называл древних албанских царей «нашими»: «Царь наш Урнайр просил у святого Григора, чтобы [впредь] его святым рукоположением был назначен епископ над его страной», хотя и подчеркивал при этом свое расположение к Армении: «И по сей день, следуя установившемуся порядку, они, Армения и Алуанк, пребывают в единодушном братстве и нерушимом союзе»¹. Конечно, здесь необходимо иметь в виду явную политическую подоплеку текста, однако в контексте последующих событий церковной истории албан гораздо важнее сам факт сохранения албанской идентичности, отличной от армянской. К примеру, в XIV в. Гандзасар стал резиденцией албанского католикосата, а сам храм был построен в 1216–1238 гг. и освящен в 1240 г. как церковь Гасан-Джалалянов. Албанская идентичность существенной части арменизированного населения правобережной Албании, как можно судить по данным источникам, сохранялась на протяжении всего Средневековья вплоть до Нового времени.

Заключение

Утверждение власти Сельджукидов на Восточном Кавказе сопровождалось мощной идеологической обработкой местного населения. В отличие от Армении и Грузии, на территории бывшего албанского государства отсутствовала централизованная власть, существовали немалочисленные феодальные владения, что способствовало, как представляется, активному освоению этой территории тюрками-огузами. Многие династии местных правителей были пресечены, власть в столицах, в том числе в Джанзе (совр. Гянджа) и Баб ал-аббабе (совр. Дербент), оказалась в руках родственников или ставленников Сельджукидов, которые продолжили и активную политику исламизации. При этом Сельджукиды не ограничились строительством *мадрасы* ан-Низамийа — учебного заведения университетского типа — только в Захуре, столице Лакза. Практически в то же самое время, в конце XI в., еще одна *мадраса* ан-Низамийа была построена в Джанзе, столице Аррана — в новом мусульманском квартале города с крепостью (резиденцией арабского наместника Мухаммада б. Халида) и мечетью². Учебные заведения такого типа в столицах Аррана и Лакза были единственными на Кавказе, сведений о других ан-Низамийа в этом регионе в источниках пока не известны.

¹ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. I. Гл. IX.

² Му'дхам ас-сафар ли-л-хафиз Аби Тахир Ахмад б. Мухаммад ас-Силафи. Тахкик 'Абдаллах ал-Баруди. Дар ал-фикр, 1993. С. 349. См. также: Аликберов А.К. Мусульманская культура и образование в Баб ал-аббабе, Ширване и Арране в XI–XII вв. по сведениям «Му'дхам ас-сафар» Абу Тахира ас-Силафи // Дагестан и мусульманский Восток: Сб. статей / Отв. ред. А.К. Аликберов и В.О. Бобровников. М., 2010. С. 74–75.

Выбор административных центров Аррана и Лакза для строительства учебных заведений ан-Низамийа подтверждает тезис о существовании двух крупных этнополитических и этнокультурных центров на Восточном Кавказе, который стал важным стратегическим пландармом не только для Сасанидского Ирана и Арабского халифата, но и Сельджукской империи¹. Говоря о причинах выбора Джанзы для строительства крупнейшей в округе соборной мечети и *мадрасы* ан-Низамийа, Абу Тахир ас-Силафи связывал это с фактом посещения Аррана великим сельджукским султаном, вероятно, Малик-шахом². Религиозно-политическое и этнокультурное освоение этой территории укрепляло господствующее положение завоевателей, позволяло им управлять большей частью Кавказа.

На протяжении всей истории Кавказской Албании фактор языкового континуума продолжал играть важную роль. Вместе с тем основные языки албанской конфедерации — «литературный» (точнее, литургический) письменный, который приходилось изучать специально в образовательных целях, и обиходный «язык базара», который должен был сложиться в процессе интенсивных торговых отношений внутри этой конфедерации, перекрывали потребность местных народов в общенародном языке койне. И каждый из этих двух основных языков был, по всей видимости, центральным для своего ареала, своей группы близкородственных языков, понимаемым по всему периметру окружавших их диалектов.

В большей степени прояснить картину языковых взаимодействий на Восточном Кавказе могли бы исторические карты языков и диалектов. В связи с объективной недостаточностью источниковедческой базы, а также очевидными успехами лингвистов в этой области, среди историков существенно возросла потребность в данных сравнительно-исторической лингвистики. Считая, что гипотеза о восточнолезгинской принадлежности удинского языка нуждается в более серьезном обосновании, Т.А. Майсак предложил не ограничиться сравнением только лишь кавказско-албанского / удинского языка с прочими лезгинскими, а предпринять «попар-

¹ Мусульмане сначала сделали Джанзу административным центром всех своих кавказских владений, а затем устроили здесь наследственные поместья. Вероятно, «известные поместья, которые и до сих пор называются Халидийат», по имени отца арабского наместника на Кавказе, были пожалованы Мухаммаду б. Халиду халифом ал-Мутаваккилем около 245/895 г., когда он уходил с должности наместника Арминийи. «Та'рих ал-Баб» поясняет, что именно в обмен на получение наследственных прав на Джанзу и поместья Мухаммад б. Халид добровольно отказался от своей высокой должности. См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 47, 158.

² В «Му'джем ас-сафар» ас-Силафи (ум. в 1080 г.) говорится о памятном месте, связанном с пребыванием в Джанзе сельджукского султана. Прежде всего здесь отстроили большую пятничную мечеть, куда приезжали известные люди. В другом фрагменте текста сообщается о прибытии в Арран знаменитого Ибн Макулы: «Амир Абу Наср Ибн Макула ал-Хафиз ал-Багдади посетил соборную мечеть пограничной области (*джамии'а сагр*) из-за того, что султан со своим вазирем дошли до Арранийа». См.: Му'джем ас-сафар ли-л-хафиз Аби Тахир Ахмад б. Мухаммад ас-Силафи. С. 131.

ное сравнение всех языков группы со всеми — не исключено, что в таком случае классификация приняла бы существенно иной вид (другим в таком случае могло оказаться и положение праудинского языка на генетическом древе)»¹. В случае, если гипотеза В. Шульце, над которой ученый планирует продолжить работу в рамках специального исследования, изменит существующую классификацию лезгинских языков, предложенная нами схема о взаимодействии двух основных языков Кавказской Албании получит дополнительную аргументацию. Оставляя этот вопрос открытым, отметим, что с учетом дальнейших исследований албанских палимпсестов сложившиеся на сегодня представления о взаимодействии различных групп родственных языков и, соответственно, народов Кавказской Албании могут быть уточнены и скорректированы.

Peoples and Languages of Caucasian Albania. The Language Continuum as an Alternative for Koine. Language for Writing and “Language for the Bazaar”

Abstract: One of the controversial issues about the peoples and languages of Caucasian Albania is considered on the basis of a comprehensive study of heterogeneous data at the intersection of several disciplines — Source study, History, Linguistics, Historical linguistics. The author identifies two main language groups in the Caucasian Albania — Arraniya and Lakzaniya, proposes a hypothesis of linguistic continuum as an alternative to Koine, and defines the role and importance of each of the languages in the Albanian Confederation.

Key words: *Caucasian Albania, Albanians, Arran, Lakz, Shirwan, Utik, Uties, Leks, Gargars, Lezghian peoples, Lezghian languages, Udi language, Koine, «language of bazaar», Hay-Aguan’k, Barda’a.*

Alikber K. ALIKBEROV,

PhD, Head of the Centre for Central Asian,
Caucasian and Volga-Urals Studies,
Institute of Oriental Studies (Moscow)

¹ Майсак Т.А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из синайского монастыря. С. 103.

Г.О. Гошгарлы,
заведующий отделом «Археологическая служба»
Института археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана,
кандидат исторических наук (Баку)

К этнокультурной интерпретации погребений в сырцовых гробницах на территории Кавказской Албании

Аннотация: В статье рассматривается специфический обряд погребения в сырцовых гробницах, известный на территории Кавказской Албании на некрополе I в. до н. э. — I в. н. э. близ города Гянджи. Автор приходит к выводу, что данный некрополь оставлен, по всей видимости, мигрантами с территории Парфии, где это обряд захоронения в сырцовых гробницах был распространен, и связывает его появление на территории Кавказской Албании с политической и торговой активностью Парфии на Восточном Кавказе. В нескольких захоронениях этого некрополя был фиксирован обряд захоронения с «оболом Харона», когда в рот умершему клалась монета.

Ключевые слова: *Восточный Кавказ, Кавказская Албания, Парфия, сырцовые гробницы, «обол Харона».*

Среди многочисленных и типологически разнообразных захоронений античного периода, исследованных в разное время на территории исторической Кавказской Албании, представлены и погребения в сырцовых гробницах. Впервые гробницы, представляющие собой грунтовые ямы, обложенные сырцовыми кирпичами, были выявлены и исследованы в 1903 г. Г.О. Розендорфом на могильнике около Гянджи¹. В 1905 г. В.А. Скиндер

¹ *Розендорф Г.О.* Раскопки Г.О. Розендорфа // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906. С. 86–108.

на этом же некрополе исследовал еще несколько могил¹. В 1937–1938 гг. Я.И. Гуммель раскопал здесь еще 19 сырцовых гробниц². Таким образом в целом на данном могильнике было раскопано 41 погребение в сырцовых гробницах.

Захоронения в сырцовых гробницах характеризуются вытянутым на спине положением погребенного, со скрещенными на животе руками³. Но встречаются и могилы, в которых скелет находился в сильно скорченном положении на левом или правом боку⁴, в сидячем положении⁵, а также парные захоронения⁶. Таким образом, на могильнике представлены различные положения погребенного (что может указывать на отсутствие единой канонизированной позы) при доминировании вытянутого труположения и близком сходстве погребальной конструкции.

Могилы располагались группами и имели кургановидные насыпи высотой до 2 м⁷. Подкурганые гробницы сооружались в грунтовых ямах и были сложены из сырцовых кирпичей с большой примесью соломы и различных размеров (40 x 40 x 12, 44 x 44 x 11, 45 x 45 x 12, 50 x 50 x 12 см); при этом использовались и половинчатые кирпичи⁸. Гробницы имели длину от 1,5 до 2 м при ширине 0,4–0,45 м и глубине от 0,6 до 1,0 м. Устойчивая ориентация погребальной камеры отсутствовала, хотя преобладало широтное направление с востока на запад⁹.

Строгих конструктивно-архитектурных принципов сооружения гробниц не было. По мнению Я.И. Гуммеля, каждая гробница в архитектурном отношении представляла собой нечто новое. Он выделял около 20 типов конструкций, различающихся типом кладок боковых стен и перекрытия¹⁰. К. Алиев, опубликовавший 12 сырцовых могил, раскопанных Я.И. Гуммелем, отмечает еще 6 новых типов конструкций¹¹. По мнению Я.И. Гуммеля, такое обилие конструктивных особенностей в сооружении этих гробниц свидетельствует о высоком уровне строительного искусства¹². К. Алиев видит в этом многообразии доказательство «относительно сложной погребальной

¹ Скандер В.А. Опыт археологической разведки. Пятигорск, 1906. С. 5–32.

² Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку, 1940. С. 145–160.

³ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка // Советская археология. 1940. Т. VI. С. 294–295.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 году // Материальная культура Азербайджана. Т. VII. Баку, 1973. С. 242.

⁶ Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 156–157.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 233.

⁹ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 293.

¹⁰ Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 150–151.

¹¹ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 241.

¹² Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 152.

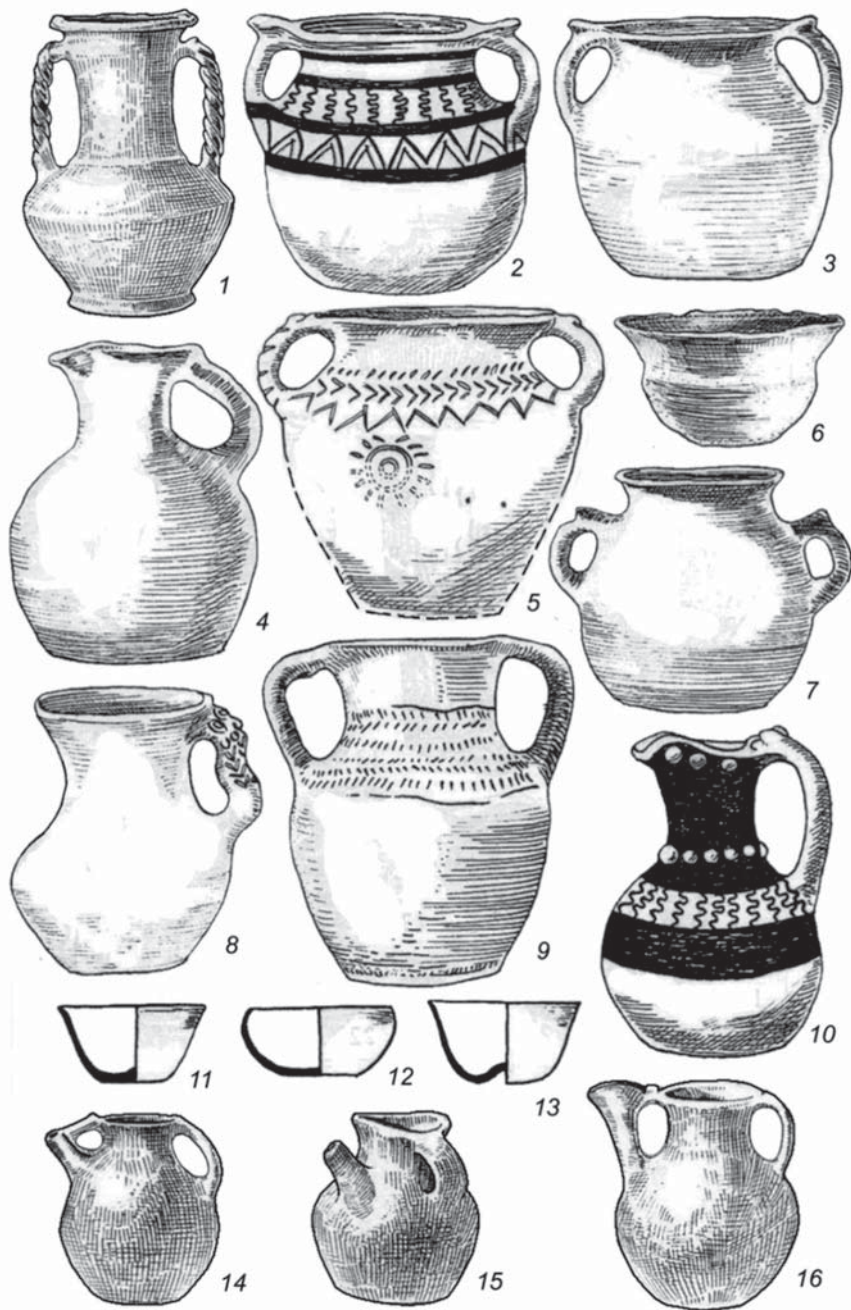

Рис. 1. Керамические сосуды из Гянджинского могильника

архитектуры, являющейся в какой-то мере отражением жилой архитектуры древних азербайджанцев»¹. Эти выводы Я.И. Гуммеля и К. Алиева не могут считаться бесспорными. Сырцовый кирпич, как известно, — один из самых древних строительных материалов, широко применявшийся с древнейших времен и по сей день, он не может служить свидетельством «высокого развития строительного искусства»². Говорить об этом в связи с многочисленностью типов конструктивных различий тоже не приходится. Здесь уместно говорить скорее об отсутствии выработанного стандарта, а не о сложной погребальной архитектуре. На мой взгляд, это разнообразие свидетельствует об ином явлении, о чем речь пойдет ниже.

Погребальный инвентарь в сырцовых погребениях небогатый. Это один-два керамических сосуда, но, несмотря на их немногочисленность, они представлены типологическим многообразием. Среди них присутствуют крупные двуручные широкогорлые кувшины (рис. 1,9), узкогорлые кувшины-ойнохой со сливом (рис. 1,4). Часто встречаются большие двуручные горшки (рис. 1,2,3,5,7). Обычно крупные сосуды были накрыты маленькими чашечками-фиалами, иногда с плоским дном, а иногда с вдавленным омфалом на дне (рис. 1,6,11–13). Во многих могилах встречаются и так называемые «чайники» — кувшинчики с носиками (рис. 1,14–16). Интересен найденный В.А. Скиндером двуручный сосуд с витыми ручками, покрытый ярко-зеленой поливой (рис. 1,1), иногда именуемый «парфянской амфорой». Он представляет собой характерный образец парфянской глазурованной керамики Месопотамии рубежа эр, важнейшими центрами производства которой были Селевкия на Тигре и Дура-Европос³.

За исключением данного сосуда вся остальная керамика из сырцовых гробниц, по сути, повторяет распространенные образцы керамики Кавказской Албании из грунтовых кувшинных погребений, каменных ящиков, срубных и катакомбных захоронений. Вся керамика сделана вручную, но отличается хорошим качеством. Помимо керамики в погребениях встречаются разнообразные бронзовые украшения и бусы. Только в некоторых могилах выявлены остатки деформированных железных ножей. В одном погребении был найден железный нож с костяной ручкой⁴, а еще в одном — железный меч⁵.

¹ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 241, 242.

² Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 151.

³ Debevoise N.C. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939; Toll N. The Green Glazed Pottery // Excavation at Dura-Europos. Final report. Vol. IV. Pt. I. Fasc. 1. New Haven, 1943; Haerinck E. La céramique en Iran pendant la période parthe (ca. 250 av. J. C. à ca. 225 après J. C.). Typologie, chronologie et distribution // Iranica Antiqua. Suppl. 2. Ghent, 1983; Vogelsang W. Parthian-Period Pottery from Iran // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 1985. Bd. 18. S. 157–172.

⁴ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 235.

⁵ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 296.

Важнейшими находками в сырцовых гробницах, выступающих хронологическими индикаторами и позволившими точно датировать эти погребения и выдвинуть ряд предположений, являются монеты. Всего найдено три монеты, которые были обнаружены в захоронениях с вытянутым на спине положением погребенного под его нижней челюстью. Одна монета из раскопок Г.О. Розендорфа не попала в руки специалистов, не была идентифицирована и точных сведений о ней нет. Сохранился только сам факт ее находки в отчете Г.О. Розендорфа. Но две другие монеты из раскопок Я.И. Гуммеля были определены Е.А. Пахомовым. Это монеты парфянских правителей Фраата III (70–57 гг. до н. э.) и Орода (57–38 гг. до н. э.), которые позволили датировать сырцовые гробницы рубежом эр¹.

Следует заметить, что в последующие годы при исследовании различных некрополей античного периода на территории Азербайджана находили монеты, иногда даже в руке погребенного², но обряд положения монеты в рот погребенного долгое время был зафиксирован лишь в указанных сырцовых гробницах. И только в 2006 г. в Джагилабадском районе в предгорьях Талыша при исследовании античного могильника с грунтовыми погребениями у сел. Джафарханлы было вскрыто погребение, в котором под челюстью погребенного также была выявлена монета — серебряная драхма парфянского царя Митридата II (ок. 123–88 гг. до н. э.)³.

Материалы из сырцовых погребений, как и сам этот тип погребального сооружения, неоднократно привлекались исследователями при освещении тех или иных вопросов истории и археологии Кавказской Албании античного времени. Впервые общую характеристику этих материалов дала Т.С. Пассек. В статье, посвященной Джафарханскому могильнику, она отмечала, что здесь наряду с грунтовыми могилами и погребениями в глиняных сосудах обнаружена «кладка из обожженных кирпичей, по-видимому, погребения в так называемых сырцовых могилах»⁴. Но при последующих раскопках исследовательницы на этом могильнике сырцовые гробницы здесь не были обнаружены. Но так как могильный инвентарь из грунтовых и кувшинных погребений Джафархана, особенно керамика, типологически были идентичны керамике сырцовых могил, Т.С. Пассек широко привлекла для обобщающих исторических выводов материалы из раскопок Я.И. Гуммеля и Г.О. Розендорфа. Это, видимо, ввело в заблуждение

¹ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 296.

² Расулова М.М. Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н. э. — III в. н. э. Баку, 2008. С. 98–99.

³ Алекперов А.И. Античный некрополь Гылыджылы у села Джафарханлы Джагилабадского района // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 118–119.

⁴ Пассек Т.С. Джафарханский могильник // Вестник древней истории. 1946. № 2.

последующих исследователей, и О.Ш. Исмизаде позднее писал, что «сырцовые гробницы встречаются также в Муганской степи, на территории Джафарханского могильника и в Мингечауре»¹. При этом он ссылаясь на Т.С. Пассек. Вслед за О.Ш. Исмизаде и Дж.А. Халилов утверждал, что сырцовые могилы известны в Ханларском районе и в Мильской степи, имея в виду могильники Джафархан и Мингечаур².

Однако погребений в сырцовых гробницах в Джафарханском могильнике не было выявлено. Несостоятельным является и ссылка авторов на сырцовые могилы Мингечаура, исследованные Р.М. Ваидовым³. Здесь речь идет о раннесредневековых христианских погребениях, не имеющих генетической связи с античными сырцовыми гробницами возле Гянджи. Мингечаурские погребения по своей конструкции, размерам, положению костяка резко отличаются от гянджинских. Между этими могильниками существует и значительный хронологический разрыв в более чем пять столетий, и если гянджинские погребения являются, по сути, языческими погребениями и иными быть не могли, то мингечаурские захоронения совершены по христианскому обряду. В последних совершенно отсутствует погребальный инвентарь за исключением отдельных предметов украшений (браслет, кольцо, бусина) в некоторых могилах, что допускается раннехристианской погребальной обрядностью⁴. Но тиражирование идеи, согласно которой сырцовые могилы были распространены в Кавказской Албании, привело последующих исследователей и, в частности, К. Алиева к мысли о том, что «население этой части древней Кавказской Албании в основном погребало своих покойников в сырцовых гробницах»⁵. Так, сырцовые гробницы, известные на территории античной Кавказской Албании только в одном могильнике, функционировавшем всего один-два века, постепенно стали расцениваться как один из основных видов погребальных сооружений, что абсолютно не соответствует реальной картине.

Вне всякого сомнения, Гянджинский могильник оставлен оседло-земледельческим населением. Об этом свидетельствует и характер погребального инвентаря, и размеры самого могильника, рядом с которым, по сообщению Я.И. Гуммеля, находилось крупное поселение, уничтоженное в результате сельскохозяйственных работ⁶. Но вопрос об этнокультурной принадлежности данного могильника и о том, принадлежал ли рассматриваемый тип погребального сооружения местному автохтонному насе-

¹ Исмизаде О.Ш. Ялойлутапинская культура. Баку, 1956. С. 69.

² Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.). С. 103.

³ Ваидов Р.М. Мингечаур в III–VIII вв. Баку, 1961 (на азерб. яз.). С. 128–137.

⁴ Гошгарлы Г.О. Кишский могильник (традиция и инновация) // History of Caucasus. The Scientific-Public Almanac. Baku, 2002. С. 54–56.

⁵ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 242.

⁶ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 296–297.

лению или же в данном случае мы имеем дело с мигрантами, требует специального рассмотрения.

Мысль о том, что носителями обряда захоронения в сырцовых гробницах на территории Кавказской Албании были не аборигены, а мигранты, первым высказал еще Г.О. Розендорф¹. Большое значение этому вопросу придавал и Я.И. Гуммель, который отмечал: «Возникает вопрос, является ли носителем данной культуры коренное местное население района Гянджа-чая, оставившее нам в более древнюю эпоху бронзы многочисленные курганы и каменные ящики, или же мы имеем дело с какой-нибудь из иноземных колоний, например, греко-римской, которых в ту эпоху много было на Черноморском побережье»². Исследователь привел ряд доводов по обеим версиям. В пользу местного происхождения этого некрополя, по мнению Я.И. Гуммеля, свидетельствует наличие захоронений в скорченной и сидячей позе, характер погребального инвентаря и, в частности, керамической посуды, имеющей много общего с керамикой кувшинных погребений и грунтовых могил типа Ялойлутепе³. В пользу второй версии, по Я.И. Гуммелю, указывает сам факт единичности такого могильника на всем Кавказе и наличие в некоторых могилах парфянских монет и привозного янтаря⁴. В одной из других своих работ исследователь отстаивал мысль о том, что этот могильник свидетельствует о наличии греко-римской колонии⁵, но окончательных выводов Я.И. Гуммель по данному вопросу не сформулировал.

Первым идею о том, что носителем обряда сырцовых погребений было автохтонное население, в частности одно из албанских племен, проживавших на данной территории, выдвинул О.Ш. Исмизаде. При этом он ссылается на Я.И. Гуммеля, который якобы считал носителей культуры сырцовых погребений коренным местным населением⁶. Доказательств своего вывода О.Ш. Исмизаде не приводит, за исключением того факта, что инвентарь этих могил (особенно керамика) имеет много общего с погребальным инвентарем из грунтовых погребений со скорченными костяками и из кувшинных погребений⁷. К.В. Тревер, проявляя осторожность в данном вопросе, отмечала, что у Я.И. Гуммеля можно встретить высказывания в пользу и местного происхождения данного типа погребений, и принадлежности

¹ Розендорф Г.О. Раскопки Г.О. Розендорфа. С. 97.

² Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 159.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же.

⁵ Гуммель Я.И. Краеведческий музей Ханларского района. Баку, 1939. С. 12.

⁶ Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. С. 69.

⁷ Там же. С. 68.

этого могильника «греко-римской колонии»¹. По мнению К.В. Тревер, сырцовые могилы в Азербайджане относятся к тому типу погребений, которые пока в силу недостаточности фактологического материала «...нельзя сблизать с определенными племенами или группами населения»². В своей статье, посвященной сырцовым гробницам, К. Алиев хотя прямо и не указал на их местное происхождение, но косвенно присоединился к точке зрения О.Ш. Исмизаде, утверждая, что погребальная архитектура сырцовых могил в какой-то мере отражает жилую архитектуру древних азербайджанцев³. Осторожную позицию в данном вопросе занимал и Дж.А. Халилов, по мнению которого «о принадлежности и происхождении сырцовых гробниц на основании наличного материала, добытого из обследованных памятников, предположить что-либо конкретное пока трудно»⁴.

Действительно, если исходить из характера погребального инвентаря, как часто поступали исследователи, рассматривая сырцовые гробницы, то к конкретным выводам прийти трудно, так как в целом их археологический вещевой материал идентичен материалу других погребальных комплексов рубежа эр Кавказской Албании. Думается, что ответ надо искать в другой плоскости.

Так, К.В. Тревер обратила внимание на то, что «у Страбона после перечня племен, живущих на Каспийском побережье (албаны, каспии, гелы, утии, анариаки и др.), читаем: “...говорят... что айнианы в Утии построили город со стенами, который называется Айниана, и что там можно увидеть и греческое вооружение, и бронзовые сосуды, и гробницы”»⁵. Далее, развивая этот тезис, К.В. Тревер замечала, что «айнианы — это фессалийское племя, и, следовательно, из текста Страбона можно было бы заключить, что на территории Утии обитали греческие переселенцы»⁶.

В вышеприведенном пассаже из сочинения Страбона речь идет и о гробницах, хотя и не уточняется, что это за гробницы. Не исключено, что это именно сырцовые гробницы. Следует помнить, что Я.И. Гуммель сообщал и о крупном поселении, расположенном рядом с могильником и, к сожалению, полностью уничтоженном в результате выравнивания территории под виноградники⁷.

¹ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 167–168.

² Там же. С. 176.

³ Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 г. С. 241–242.

⁴ Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. (IV в. до н. э. — III в. н. э.) С. 106.

⁵ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 143.

⁶ Там же.

⁷ Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 293–294.

В пользу того, что, скорее всего, мы все-таки имеем дело с греко-парфянской колонией, существовавшей на территории Кавказской Албании, могут свидетельствовать, на мой взгляд, следующие факты. Во-первых, как уже отмечалось, на сегодня это фактически единственный некрополь с таким типом погребальных сооружений в Азербайджане и вообще на всей территории Кавказской Албании. Во-вторых, сырцовые гробницы как погребальная конструкция не имеют здесь исторических корней, и этот тип погребального сооружения не известен по раскопкам других немалочисленных некрополей предшествующих эпох на территории Кавказской Албании. В то же время сырцовые гробницы, синхронные рассматриваемым, имели широкое распространение в парфянскую эпоху на территории Малой и Центральной Азии, Ирана, Месопотамии. Это был один из основных типов погребальных сооружений в Парфии. Б.А. Литвинский, детально исследовавший погребальные памятники Парфии, указывал на широкое распространение здесь этого типа погребальных сооружений¹. Так, например, сырцовые гробницы рубежа эр были выявлены в Вавилоне, Ашуре, Ктесифоне, Иорган-тепе, Дура-Европос². При этом исследователи обращали внимание на то, что в парфянскую эпоху в Бактрии, Иране и Месопотамии наблюдается такое же разнообразие типов кладки из сырцовых, а иногда и обожженных кирпичей. Здесь также имели место погребения одиночные и редко парные; положение погребенного также разнообразное (вытянутое, скорченное на левом или правом боку), а ориентация неустойчивая.

Рассматривая сырцовые могилы парфянского периода, исследователи неизменно отмечают глубокие местные корни погребальной архитектуры такого типа³. Так, утопленные в землю склепы из сырцовых и обожженных кирпичей имели широкое распространение в ассирийский и нововавилонский периоды⁴. По мнению исследователей, в парфянскую эпоху так хоронили своих покойников осевшие и образовавшие в Парфии немалочисленные колонии греки. Так, Б.И. Литвинский и А.В. Седов отмечают, что «идея помещения покойников в заглубленные в землю кирпичные склепы-саркофаги была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии...»⁵.

Особо следует отметить такую встреченную в нескольких захоронениях деталь погребальной обрядности Гянджинского некрополя, как находки под нижней челюстью погребенного монеты. Это единственный на территории Кавказской Албании могильник, в котором встречается

¹ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах // Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983. С. 81–122.

² Там же. С. 100–102.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 113–114.

⁵ Там же. С. 104.

данная показательная деталь погребального обряда (положение в рот усопшему монеты). Зафиксированная аналогичная деталь в единственном грунтовом погребении Джафарханского могильника (Джалилабадский район Азербайджанской Республики) на границе Кавказской Албании с Атропатеной ситуации не меняет.

Положение монеты в рот усопшему — это хорошо известная деталь греческого погребального обряда, известная в литературе под названием «обол Харона» и получившая в эллинистический период определенное распространение и на Востоке. Согласно греческим религиозно-мифологическим представлениям, после смерти душу человека брал за руку бог Гермес и вел ее к реке Стикс. Перевозчик Харон переправлял души на другой берег Стикса в своей лодке. Ему полагалось заплатить за услугу в перевозе в царство мертвых — Аид, поэтому умершему в рот заранее вкладывали медную или серебряную монетку — обол.

В IV–III вв. до н. э. эта деталь погребальной обрядности зафиксирована на Боспоре¹, в Парфии (Южная Туркмения, Иран, Месопотамия), Бактрии и Согде², т.е. в регионах, где, как известно, существовало много греческих поселений³. Там в немалом количестве открыты погребения последних веков до н. э., в том числе и погребения в сырцовых гробницах, в которых под нижней челюстью покойника находилась монета.

Вопрос возникновения этого элемента погребального обряда на территории Ирана и Центральной Азии рассматривался в ряде научных работ, и исследователи неоднократно отмечали, что этот обычай попал на Восток из Греции в эллинистическую эпоху и получил здесь в парфянскую эпоху широкое распространение в среде эллинизированного населения⁴.

В ахеменидский период ни в Бактрии, ни на Кавказе, ни в Иране и в других соседних регионах эта существенная деталь погребальной обрядности, насколько мне известно, не зафиксирована. Она появилась в Центральной Азии, Иране, Месопотамии, на Южном Кавказе только в период эллинизма. Этот греческий по происхождению обряд можно было встретить на Востоке спустя более чем столетие после падения власти греков⁵. Вместе с тем при широком распространении этого элемента погребального обряда и религиозных представлений в Парфии, как отмечала Г.А. Пугаченкова,

¹ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М., 1956. С. 130.

² Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 119–120.

³ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

⁴ Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1950, № 15. С. 177; Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. М., 1972. С. 113–118; Пугаченкова Г.А. О культурах Бактрии в свете археологии // Вестник древней истории. 1974, № 3. С. 133; Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 160–165; Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. С.119.

⁵ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. С.199.

он не стал обязательным для погребений эпохи эллинизма на Востоке¹. Но по справедливому замечанию Б.А. Литвинского, и в самой Греции этот обычай в структуре погребальной обрядности никогда не был обязательным². Отмечу также, что захоронения под курганами и в грунтовых ямах, обложенных сырцовыми кирпичами, подобные Гянджинскому некрополю, встречаются и у эллинского населения Боспора³.

Исследователи неоднократно указывали на обряд «обол Харона», нашедший археологическое отражение в погребениях, как на свидетельство распространения элементов эллинистической культуры в албанской среде, забывая при этом, что это не элемент материальной культуры, который действительно относительно легко приживается в быту в русле политических, экономических и культурных связей и что хорошо археологически прослеживается в керамике, украшениях, деталях костюма и т.д. Но в сфере духовной культуры, и в частности в религиозной идеологии, отражением которой являются погребальные памятники, дело обстоит сложнее. Чтобы какая-то часть автохтонного населения Кавказской Албании ввела в систему своих религиозных представлений показательную деталь погребальной обрядности и, в частности, такой греческий обычай, как сопровождение умершего «оболом Харона», требовалось существенное и продолжительное влияние греческой и эллинистической духовной культуры, которое внесло бы серьезные изменения в систему религиозно-мировоззренческих представлений и погребальной идеологии местного населения. Но имеющиеся археологические материалы и данные письменных источников не позволяют говорить о таком сильном влиянии эллинистической культуры на население Кавказской Албании.

Вышесказанное позволяет констатировать, что фиксация в Кавказской Албании на рубеже двух эр погребального обряда в сырцовых гробницах и эпизодически сопутствующего ему обычая положения покойнику «обола Харона» связана, по всей видимости, с появлением здесь мигрантов — носителей этого обряда, являвшихся выходцами с территории Парфии. Чем было вызвано их появление в пределах Кавказской Албании?

Общеизвестно, что на рубеже эр Рим и Парфия вели острую борьбу за гегемонию в Передней Азии и на Южном Кавказе, за контроль над важными международными торговыми трассами. Можно полагать, что в целях усиления своих позиций парфянские цари проводили, как ранее Ахемениды и Селевкиды, а позднее Сасаниды, колонизационную политику и, очевидно, переселяли в пределы Южного Кавказа, в том числе и в

¹ Пугаченкова Г.А. О культурах Бактрии в свете археологии. С. 133.

² Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. С.199.

³ Долгоруков В.С. Курганы Боспора // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 97.

Кавказскую Албанию, население из различных областей своего государства. Как известно, это была распространенная практика. С этим, по всей видимости, и связано появление в Кавказской Албании новых, до этого неизвестных, типов погребений, в том числе и сырцовых гробниц, имевших на территории Парфии вековые традиции, и обычая сопровождения умершего «оболом Харона». Вместе с тем, появление этих новаций в погребальной обрядности на территории Кавказской Албании следует связывать и с усилением торгово-экономических связей Албании с Парфией, с активизацией на рубеже эр международной торговли по Прикаспийскому пути в контексте известного сообщения Страбона (*Strabo*. XI, 5, 8) о караванной торговле аорсов¹. В этом случае логичным будет предполагать появление иноземных поселений-факторий на территории Кавказской Албании.

Towards an Ethnocultural Interpretation of the Burials in Mud Brick Tombs on the Territory of Caucasian Albania

Abstract: The article deals with the specific burial rite in the mud-bricks tombs, known in the territory of Caucasian Albania in the necropolis of the 1st C. BC – 1st C. AD near the town of Ganja. The author concludes that the cemetery probably belonged to migrants from Parthia, where burials in the mud-bricks tombs were widespread, and links its emergence in Caucasian Albania with the political and commercial activity of Parthia in the Eastern Caucasus. The burial rite with “Charon’s obol”, when a coin was placed in the mouth of the deceased, was recorded in a few graves of the necropolis.

Key words: *Eastern Caucasus, Caucasian Albania, Parthia, mud-bricks tombs, Charon’s obol.*

Goshgar O. GOSHGARLY,

PhD, Head of the “Archeological Service”

Department of the Institute of Archeology
and Ethnography, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku)

¹ Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. С. 90–96.

А.А. Акопян,

к.и.н., старший научный сотрудник,
заведующий отделом Христианского Востока
Института востоковедения НАН РА (Ереван)

К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата)

Аннотация: Новый анализ античных и средневековых источников по этнической истории Кавказской Албании показывает, что процесс консолидации удинов и лезгин завершился в период ослабления Арабского халифата (IX–XI вв.). Кроме них свою этническую самобытность сохранили 8 других древнеалбанских племен (табасаранцы, цахуры, рутулы, агулы, крызы и т. д.), число которых Страбон доводит до 26. Термин «албанцы» оставался политонимом и обозначал все христианское население страны под названием «Албания», которое после 428 г. включало и собственно албанские племена севернее реки Куры, и армян — южнее Куры.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, удины, лезгины, этноконсолидация, эндоэтноним, политоним, Страбон, Мовсэс Хоренаци, Мовсэс Дасхуранци, Йовһаннэс Драсханакертци.*

Рассмотрение отдельных фаз этнической консолидации населения Кавказской Албании и ее племенных составляющих в Античности и раннем Средневековье имеет решающее значение для определения степени этнокультурной преемственности на Северо-Восточном Кавказе и выявления этнического прошлого современных лезгиноязычных народов Южного Дагестана и северных районов Азербайджанской Республики. По словам Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 21–25 г. н. э.), вероятнее всего восходящим к легионерам римского полководца Гнея Помпея, которые в 65 г. до н. э. вторглись из Северной Армении в Албанию (они прошли по ней немалое расстояние от пограничного с Иверией района Камбисены по направлению к Каспийскому морю), население образовавшегося в самом начале I в. до н. э. единого царства этой восточнокавказской страны состояло из 26 раз-

ноязычных племен (*Strab.* XI, 4, 5). Но к сожалению, ни Страбон, ни другие античные авторы не дают систематического обзора албанских этнонимов. Поэтому лишь на основании сопоставления мест обитания известных из источников племенных этносов с границами Албанского царства можно составить подлинное представление о некоторых из 26 албанских племен.

Пограничная линия Албании на северо-востоке определяется вполне однозначно на основе предложенной нами интерпретации указания Корнелия Тацита (кон. I в. н. э.) о Дербентском проходе («проход между морем и концом *Албанских гор*»), как о границе Албанского царства с сарматами (*Tac. Ann.* VI, 33)¹. Более того, в разделе об Албании в вышедшей недавно коллективной монографии нами аргументирована гипотеза, что уже в III в. до н. э. Дербентский проход представлялся северо-восточным пограничным рубежом страны «албанцев»². В самом деле, свидетельство селевкидского стратига Патрокла, впервые обследовавшего в начале III в. до н. э. Каспийское побережье со стороны моря, содержит — в том виде, в каком оно сохранилось у Страбона и Плиния в передаче Эратосфена — известное противоречие: незначительному на самом деле кадусийскому побережью приписывается протяженность в целых 5000 стадий, а албанскому — всего лишь в 300–400 (*Strab.* XI, 6, 1; 7, 1; 7, 3; *Plin. Nat. Hist.* VI, 36). Однако если мы допустим, что указанные цифры изначально имели обратную последовательность, а до Эратосфена дошел текст перипла, искаженный неким переписчиком, то получится, что береговая полоса «албанцев» в 5000 или 4900 стадий, отмеренная Патроком от устья Куры, доходила до района Дербента, поскольку именно это расстояние соразмерно протяженности южного берега моря (за кадусиями до Гиркании), рассчитанной в перипле в 4800–4900 стадий.

Данные греко-римских, армянских и грузинских источников позволяют определить, что одним из племен Кавказской Албании в Античности и раннем Средневековье были *леги* — *леки* (предки современных лезгин), проживавшие в бассейне р. Самура. Первые сведения об этом племени передают Страбон и Плутарх (I–II вв. н. э.). Страбон указывает и на свой источник — Феофана Митиленского («В горах над Албанией, по рассказам, живут амазонки. Феофан, участвовавший в походе с Помпеем и побывавший у албанцев, говорит, что между амазонками и албанцами живут скифские племена *гелы* и *леги* и что там течет река Мермодаль — между этими и амазонками»: *Strab.* XI, 5, 1). В рассказе Плутарха о том же албанском походе Помпея читаем: «Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую

¹ Ср.: Акоюн А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 35–36. Здесь и далее во всех цитатах курсив автора статьи.

² История сопредельных с Арменией стран: В 4 т. Т. I. Древний период. Ереван, 2013 (на арм. яз.). С. 514–515.

к Каспийскому морю, но не рядом с албанцами, ибо между ними живут еще *гелы и леги*» (*Plut. Rom. XXXV*). Указывая на совпадения в обоих рассказах, ученые признают, что и Плутарх пользовался сведениями того же Феофана Митиленского¹. Возможные сомнения в историчности *гелов и легов*, упомянутых рядом с мифическими амазонками, рассеиваются благодаря сведениям Клавдия Птолемея (сер. II в. н. э.). Согласно его данным к северо-востоку от античной Албании были известны реки *Герр*, *Соана*, *Алонта* и *Удон*, впадавшие в Каспий, и соответствующие им племена *герров*, *исондов*, *олондов* и *удов* (*Ptol. Geogr. V, 8, 12; 8, 23*). Однако, помещая их на карту по координатам географа, мы обнаруживаем, что река *Герр* и племя *герров* оказываются на территории самой Албании, на северо-востоке страны. Специалисты на этом основании допускают, что *герры* Птолемея и *гелы* Страбона и Плутарха (Феофана Митиленского) — один и тот же народ, в той или иной мере ставший известным античным информаторам. С ним в литературе гипотетически связываются также названия упомянутых Птолемеем албанских городов *Гелда* и **Гелайба* [<Телайба>] (*Ptol. Geogr. V, 11, 2*)². Выдвигалось предположение, что этноним *гелы* не обозначает отдельное племя, а является лишь формой названия *легов* античных авторов (=леки раннесредневековых армянских и грузинских источников), образовавшейся в результате метатезы³.

Хотя Страбон и сообщает о 26 албанских племенах (вероятно, на основании информации Феофана Митиленского), в античной литературе кроме *легов (гелов)* упомянуты еще только *лупении* и *сильвы* у Плиния Старшего (*Plin. Nat. Hist. VI, 29*: “Rursus, ab Albaniae confinio, tota montium fronte — gentes Silvorum ferae, et infra — Lupeniorum, mox — Diduri et Sodi”), они же *л’ины* и *ч’илбы* ранних армянских авторов (соответственно в районах

¹ Последнее исследование об информаторах античных историков и географов см.: *Traina G. Roman Perceptions of Caucasian Albania // Republic of NK. Past, Present and Future. International Scientific Conference (Theses of Reports). Yerevan, 2007. P. 223–228.*

² См.: *Ковалевский С.А.* «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия // *Известия Всесоюзного географического общества.* 1953, № 1. С. 45; *Еремян С.Т.* Расселение горских народов по Птолемее и «Армянской географии» VII века // *Седьмой международный конгресс антропологических и этнографических наук.* Т. 8. М., 1970. С. 402–403; *Муравьев С.Н.* Птолемеяева карта Кавказской Албании (Алуании) и уровень Каспия. С. 117–147. С гипотетически восстановленным топонимом **Гелайба* можно сопоставить название современного села Аглаби, севернее устья р. Самур (см. карту «Иверия и Албания с конца III в. до Хр. по III в. после Хр.», в кн.: *История сопредельных с Арменией стран.* Т. I, перед С. 295). Но если оригинальной формой топонима считать «Телайбу», то его можно было бы сопоставить с селами Нижний и Верхний Талаби, южнее Самура (в районе города Куба), где сохранились средневековые армянские памятники (см.: *Бархударян М. еп.* Страна Албания и соседи. Тифлис, 1893 (на арм. яз.). С. 126, 137–138; *Бархударян С.* Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений / Под ред. А. Акопяна и К. Асатрян. Ереван, 2011. С. 133, 136).

³ *Ихиллов М.М.* К вопросу о происхождении народностей лезгинской языковой группы // *Уч. зап. Даг. ФАН СССР.* Кн. 2. Махачкала, 1969. С. 78–79, 91; *Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов ЛЕЗГ и ЛАК // *Этнография имен.* М., 1971. С. 22–23.

Лаһича и Шемахи)¹, а также, возможно, *утии-удины*, если допустить возможность расселения этого племени в Центральной Албании на основании упоминания созвучных этнонимов у Страбона, Плиния и Птолемея за северо-восточной границей страны (примерно на среднедагестанском побережье Каспийского моря)². Армянские источники V–VII вв. (Елишэ, Фавстос Бузанд, «Ашхарһацуиц» и «История 684 года» в составе «Истории Албании» Мовсэса Дасхуранци) упоминают как отмеченные албанские племена (кроме *удинов*), так и еще почти полтора десятка небольших этносов, в основном, несомненно, лезгиноязычных, проживавших в восточной части античной Албании. Это — *ваты, гаты (гавы), глуары, һечматаки, таваспары (тапаставаны), ижмахи, пасхы, пухы (пусхы), пюкуаны (пуканаки), шилбы, хрсаны (хсруаны), хелайи, хенавы (хенуки), алутаканы* и, возможно, *гаргары (или гугары)*; в тех же списках отмеченных источников называются еще племена *маскутов* и *баласичев* (возможно, = *баганов*), которые единодушно считаются ираноязычными этносами (возможно, таковыми могли быть также *хрсаны* и *ваты*)³. «Ашхарһацуиц» помещает большую часть указанных племен на юго-восточной окраине Азиатской Сарматии, что позволяет ученым локализовать территорию, отведенную в этом сочинении *лекам*, в верхнем и среднем течениях р. Самура (к юго-востоку от *дидуров-дидойцев* и к юго-западу от *таваспаров-табасаранцев*).

Примерно с III в. н. э. вся восточная половина древнего Албанского царства стала территорией Маскутского царства, или страны Баласакан, хорошо известных как в армянских, так и в сасанидских и сирийских источниках. Албанское царство этого периода со столицей в Капалаке–Кабале продолжало существовать в западной части прежней Албании, а вскоре к юго-востоку от него, в юго-западных районах Баласакана, образовалось и укрепилось царство *ли'инов* (*лупениев* Плиния Старшего). Именно в этих приморских (восточноалбанских, по античным меркам) районах армянские источники упоминают *леков, ли'инов* и еще около двух десятков других племен, о которых шла речь выше. И здесь мы наблюдаем весьма показательное для динамики этнических процессов явление. В античный период в греко-римских источниках восточноалбанская территория фигурирует как неотъемлемая часть «страны *албанцев*». Горы на ее границе называются *Албанскими*, *Албанским* называется море, лежащее у ее побережья. Население страны, обследованное Патроклом со стороны моря, а другими

¹ Попытка оригинального восстановления всего пассажа (*Муравьев С.Н.* Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа. С. 156–161.) не коснулась смысла интересующей нас фразы.

² Подробно см.: *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 35–36.

³ Ссылки на указанные источники и литературу см.: *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 91–94.

осведомителями греко-римских писателей — с суши, практически неизменно называется *албанцами*. Но вдруг, когда в III в. н. э. восточная половина выходит из состава царства под названием *Албания*, население этой территории начинает выступать в источниках как совершенно «неалбанское». Ни в одном контексте источников уже не обнаруживается и намёка на какую-либо связь между в действительности восточноалбанскими племенами и продолжающим называться *албанцами* населением *Албанского* царства к северо-западу от *ли'инов*. Ранние армянские авторы под термином *Алуанк'*, который по смыслу (грамматически) *в равной мере и одновременно обозначает* как «Албанию» (страну), так и «албанцев» (население), подразумевают только территорию и население царства, называемого *Албанией* в данный период. Такая картина позволяет исследователю-этнографу констатировать, что изначально собирательный этникон «албанцы» (Страбон) не был и не стал к III в. н. э. самоназванием, эндоэтнонимом населения Албании, а только давался соседними народами насельникам страны и царства под этим названием. Протекавший в едином до III в. н. э. Албанском царстве процесс этноконсолидации 26 албанских племен в отличие от соседних армян, иверов (картлийцев-грузин) и многих других народов в силу каких-то специфических исторических обстоятельств не завершился образованием отдельного этноса — единого народа, любая отколовшаяся по административно-политическим причинам частица которого сохраняла бы (во всяком случае, на какой-то солидный промежуток времени) и самоназвание, и другие признаки этнической самобытности. При этом следует, однако, полагать, что этот этноконсолидационный процесс определенно достиг уровня образования некоей потестарной метаэтнической общности¹, которую характеризует в первую очередь устойчивость восприятия соседними народами насельников Албанского царства или страны как в известной мере однородного целого под устойчивым экзоэтнонимом-иноназванием («албанцы») в течение всей Античной эпохи.

Примерно та же картина незавершенной этнической консолидации метаэтнической общности «албанцы» (арм. *алуанк'*) наблюдается и в хронологическом разрезе самого конца V в. при сравнительном анализе данных армянских источников того времени, в первую очередь «Истории Армении» Мовсэса Хоренаци. Согласно воззрениям последнего, хороним *Алуанк'* не этимологизируется на почве левобережной «собственно страны Албании» (это меткое выражение представляет «Ашхарһацуйц», написанный, как нами теперь уточнено, между 616–618 гг.²), а представляется обра-

¹ О термине см.: Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 15–41; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 233–243.

² Акопян А.А. Историко-географические и эпиграфические исследования (Арцах и Утик). Вена–Ереван, 2009 (на арм. яз.). С. 215, примеч. 4; Аноним (VII век). «Ашхарһацуйц». Научно-критический текст А. Акопяна // hАндэс Амсорей. Вена–Ереван, 2013 (на арм. яз.). С. 35–46.

зованным от прозвища «Аду» (по-армянски — «кроткий, мягкий») одного из правнуков легендарного прародителя армян hАйка–Сисака. Последний по той же традиции считался эпонимом не только своей основной провинции (Сисакан–Сюник), но и княжеских родов и населения (посему — армянского) северо-восточного пограничного наместничества царства Великой Армении на правобережье Куры («в великом и славном, многолюдном северо-восточном крае, вдоль большой реки по названию Кур, что прорезает обширную равнину, ...от реки Ерасх до крепости, называемой Хнаракерт»), основанного первым аршакидским царем страны Валаршаком (по данной исторической версии — II в. до н. э.)¹. Потомок Сисака hАйкида, к которому, по словам историка, восходят современные ему княжеские роды Ц'авдэаци, Гардманаци, Утэаци и Гаргарацц², носит у него имя *Аран*, и этот омоним является не чем иным, как иранским названием Албанского царства и страны постантичного (а, возможно, и предыдущего) периода.

Для точного понимания весьма своеобразных воззрений Мовсэса Хоренаци и его современников необходимо припомнить, что шаханшах Бахрам Гур, упразднив в 428 г. власть армянских Аршакидов, включил территорию описанного историком прикуринского наместничества Великой Армении (=провинции Арцах и Утик') в состав вновь созданного марзпанства под названием *Албания* (перс. *Аран*, в «Ашхарһацуйц» — *Ран*): по этой административной реформе, в марзпанство вошли также Албанское царство на левобережье Куры и Лп'инк' с Баласаганом до Дербента-Чора. В результате этого за последующие десятилетия (до времен Хоренаци) правобережная, этнически армянская территория стала естественной составляющей семантики названия вновь образованного марзпанства (=шаһра-страны). Важно также подчеркнуть, что автор «Истории Армении» называет hАйкидами далеко не все аристократические роды своей страны: многие из последних предпочитали возводить своих предков к известным династиям всевозможных иноземных царей и вельмож (по понятной логике и с той или иной степенью исторической достоверности), и Мовсэсу Хоренаци приходилось повторять бытовавшие «официальные» воззрения, лишь иногда выражая свои сомнения. Поэтому очевидно, что безоговорочными потомками легендарного прародителя армян hАйка в раннем Средневековье считало себя именно насе-

¹ История Армении Моисея Хоренского. II, 8.. С. 63–64.

² По поводу ошибки историка, добавившего к первым трем (хорошо известным из «Воинской грамоты»–«Зоранамака», «Разрядной грамоты»–«Гаһнамака» и других источников V в.) название четвертого княжества в форме *Гаргарацц* (вместо ожидаемой формы *Горозуаци* или *Горозчуни*), подробно см.: *Гамбарян О.* Гаргарцы или Гугарцы // hАндэс Амсорей. Вена, 1910 (на арм. яз.). С. 242; *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 64–74; *Саргсян Г., Акопян А.* Новонайденное городище Каркар в Арцахе // Вардзк. Вып. 5. Ереван, 2013 (на арм. яз.). С. 58.

ление правобережья Куры в лице местных княжеских родов Цавдэаци, Гардманаци, Утэаци и Горозуаци. Но для нас здесь важнее то, что при этом армяне из правобережья, сочинители и «редакторы» родословных легенд, вознамерившись внести в конструкцию генеалогической таблицы потомков своего прародителя hАйка еще совсем свежие новые названия шахра-страны, ставшей «своей» (*Аран* и *Алуанк'*: последний, повторим, по-армянски одинаково означает и «Алуанию», и «алуанцев»), настолько свободно оперировали семантикой этих названий, что, по сути дела, полностью оторвали их смысловую основу от левобережной «собственно страны Албании». И такое, естественно, вряд ли было бы возможно, если в последней функционировал бы единый этнос, для которого названия *Аран* или *Алуанк'* были эндоэтнонимами (самоназванием).

К месту отметим еще, что о населении страны на левобережье Куры армянские писатели раннего Средневековья знали (на примере самого Мовсэса Хоренаци) довольно хорошо. Автор «Истории Армении» многократно упоминает «алуанцев» и их царей в разных исторических перипетиях¹, вслед за Корюном он подробно передает историю создания алфавита для их «гортанного, варварского хужийского, гаргарейского языка» армянским вардапетом Маштоцем и «алуанцем» Бениамином и т. д.² И это окончательно рассеивает сомнения в том, что в хорошо известной историку стране с названием *Алуанк'* (*Аран*) все также еще не существовало сложившегося одноименного (т.е. «алуанского») этноса с соответствующим самоназванием. Так, удастся достаточно аргументированно констатировать, что и в V в. население этой страны называлось собирательным экзоэтнонимом «алуанк'» (без собственно этнического содержания термина) только лишь соседними этносами, и именно — как классическая этнопотестарная единица (метаэтническая общность без единого самосознания и самоназвания), благодаря названию того политического или административного образования, в пределах которого оно обитало. В этой связи заметим, что Албанское царс-

¹ Историк сохранил также уникальное сведение о царе леков Шергире, который принимал участие (наряду с царем Албании Урнайром) в Дзиравском сражении 371 г. между римско-армянскими и персидско-албанскими войсками. Представляется весьма интересной гипотеза о возможности идентификации Шергира Хоренаци с Шарвили, героем народных сказаний лезгин. По поводу языкового перехода *ви-зу* (ср. *Витерухи* — *Гугарк'*, *Виручан* />*Варджан*/ — *Гурзан*) в последний раз см. Карагезян О. Армянское нагорье в клинописных источниках. Т. I, 1. Ереван, 1998 (на арм. яз.). С. 186.

² На албанском языке ныне известны около десятка лапидарных надписей с левобережных районов Куры и большие отрывки текста Синаксария в недавно обнаруженном грузино-албанском палимпсесте из монастыря Св. Екатерины на Синае. См.: Mouraviev S.N. Trois études sur l'écriture aluanienne // *Revue des études arméniennes*. N. S. P., 1998–2000. T. 27. P. 1–74; Aleksidzé Z., Mahé J.-P. Découverte d'un texte albanien: une langue ancienne du Caucase retrouvée // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. P., 1997. P. 517–532; The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. Vol. I–II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. Brepols Publishers n.v. Turnhout, 2008.

тво во главе с династией Аршакидов, в отличие от Аршакидского царства в Армении, функционировало вплоть до начала VI в. Кстати, в последней работе нам удалось на основании сопоставительного анализа информации «Повести о Вачагане Благочестивом», «Постановления Алуэнского собора» и нумизматического материала поддержать предположение ираниста Э.Ш. Хуршудяна о том, что упразднение царской власти в Албании (которое приурочивалось округленно к 510 г.) можно связать с той административной реформой шаханшаха Кавада I, в рамках которой в 523 г. было упразднено царство и в Восточной Грузии (Картли)¹.

В эпоху владычества Арабского халифата происходила постепенная, но довольно интенсивная исламизация восточноалбанских племен, приведшая к новым направлениям этнических процессов в Восточном Закавказье. Как было показано нами в предыдущих работах, в период ослабления халифата в восточной половине Кавказской Албании рождаются относительно небольшие политические образования (царства), названия которых совпадают с названиями восточноалбанских племен². В частности, племя *л'инов* (*лупении* — *Lupenii* Плиния Старшего (*Plin. Nat. Hist. VI, 29*)), *лифины* — *Λιφίνοι* в греческом переводе «Истории Армении» Агатангелоса³; у Анонима Равеннского упоминается *patria Lepon*⁴) становится основой для образования мусульманского царства *Лайзан* вокруг *Лаһича* (вар. *Лиран*), известного многим арабским авторам⁵, а соседнее с л'инами племя *чилбов* (*силъвы* — *Silvi* Плиния Старшего: *Plin. Nat. Hist. VI, 29*; *силваны/силбаны*—*Σιλβανοί* Агатангелоса⁶) — для образования царства *Ширван* (первоначально — вокруг Шемахи и в верховьях рек Пирсагат и Козлучай; княжество *Сарван-Σαρβάν* у Константина Багрянородного⁷), которое в сер. X в., согласно

¹ Акоюн А.А. О времени упразднения Аршакидского царства в Албании // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Вып. XXVI. Ереван, 2007. С. 72–88. (на арм. яз.). Ср.: Хуршудян Э.Ш. Армения и Сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003. С. 186–187, 190–193.

² Акоюн А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 90–94, 119–120.

³ Lafontaine G. La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange (édition critique). Louvain, 1973. P. 10.

⁴ *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica* / Ed. M. Pinder, G. Parthey. Berolini, 1962. II, 12. P. 68 («item patria Albania, item patria Masageton, item patria Caspiae, item patria Lepon»).

⁵ Арабские источники использованы нами в переводах Н.А. Караулова (Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX–XXXVIII. Тифлис, 1901–1908), Б. Халатянца (Вена, 1919, на арм. яз.), В.Ф. Минорского (История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963) и А.Н. Тер-Гевондяна (на арм. яз.).

⁶ Lafontaine G. La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange. P. 10.

⁷ *Const. Porph. De Cer. II, 48* (Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Ceremoniis aulae byzantinae libri duo. Graece et latine e recensione I. I. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829. P. 688; Иноязычные источники об Армении и армянах: Византийские источники. II. Константин Порфирородный / Пер. с ори-

«Тарих ал-Баб» и ал-Мас'уди, включило в свой состав и соседствующее с запада царство *Лайзан*¹.

Хорошо известно, что для локализации Лп'инк'а и Чилбк'а решающую роль играет верная интерпретация свидетельств автора «Истории 684 года» (дословно переписанной Мовсэсом Дасхуранци в свой труд), современника событий, который довольно подробно описал поездку епископа арцахского гавара Мец-Куанк' (вар. *Мец-Колманк'*) Исрайэла из Партава в столицу северокавказских гуннов Варачан (23 декабря 681 — 10 февраля 682 г.). По его рассказу, маршрут миссии проходил через *Алуанк'*, *Лпинк'*, *Чилбк'*, перевал Кавказского хребта у горы *Вардэгруак* (в рукописях группы Б «Истории Албании» — *Вардэдруак*), место резиденции маскутских царей, где некогда принял мученическую смерть внук Григория Просветителя, «католикос Албании» Григорис (т.е. поле Ватнеай), и *Чорские ворота* «возле *Дарбанда*»². Недавно И. Г. Семеновым, в отличие от прежних исследователей правильно вникшим в суть интерпретации сведений «Истории 684 года», было высказано и мнение о том, что Чилбк' всё же нужно локализовать не в районе Шемахи, а в верховьях Гирдыманчая, вокруг Лаһича (где мы помещаем Лп'инк'), а сам Лп'инк' — восточнее этой долины (т.е. в районе Шемахи, где мы помещаем центр Чилбк'а), но также и севернее, куда миссия Исрайэла якобы могла пройти из верховьев Гирдыманчая через Конахкендский перевал, восточнее горы Бабадаг (выс. 3629 м: исследователь отождествляет ее с Вардэгруаком)³. Однако при таком раскладе мы сталкиваемся с рядом непреодолимых препятствий. Во-первых, в источнике VII в. прямо указывается, что миссия (шедшая по долине Куры с запада на восток) сначала прибыла в *город л'инов* и только затем, пройдя три дня *параллельно* Кавказским горам, вступила в *область чилбов*⁴. Этой очередности никак не противоречит (вопреки утверждению И.Г. Семенова) фраза о лупениях — «ниже» *силвов* у Плиния (*Plin. Nat. Hist. VI, 29: «et infra — Lupeniorum»*).

гинала, предисловие и примечания Р. М. Бартияна. Ереван, 1970 (на арм. яз.). С. 152). Ср.: *Zuckertan S. À propos du Livre des cérémonies, II, 48 // Travaux et Mémoires. T. 13. P., 2000. P. 532–535.*

¹ См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 49, 211.

² См.: *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Критич. текст и предисл. В.Д. Аракеяна. Ереван, 1983 (на арм. яз.). Гл. II, 39. С. 239. Ср.: *Арутюнян Б.А.* К вопросу о локализации Лпинка // Вестник Ереванского университета. 1981, № 1 (на арм. яз.). С. 122–124; *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 86–89; *Он же.* О хронологии последних событий в «Истории 684 года» // Кавказ и Византия. Вып. 6. Ереван, 1988. С. 27–29. О рукописях «Истории Албании» см.: *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 150–166 (ранее на арм. яз. в: Вестник Матенадарана. 1986, № 15. С. 116–140).

³ *Семенов И. Г.* О локализации лпинов и чилбов // Вестник ИИАЭ. Махачкала, 2006, № 3. С. 4–7.

⁴ Граница между Чилбк'ом и Лп'инк'ом (позднее — Ширваном и Лайзаном), с определенной долей вероятности, могла проходить по ущелью реки Ахсу, которое в ряде источников зафиксировано как граница между политическими образованиями более позднего времени. См.: *Мусхелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982. С. 62–64.

Нужно учесть, что описание последнего, вероятнее всего, восходит к словам какого-то римского информатора, который также проходил по «заселенной албанцами» долине Куры (ср.: «Planitiem omnem, a Cyro usque, Albanorum gens tenet») в район Гобустана (по дороге, идущей от переправы, допустим, Мингечаура), где ему и рассказали о «неалбанских» племенах *сильвов* и *лупениев*, живших «по всему челу гор» («*tota montium fronte*»), т.е., как следует из контекста, между невысокими Автаранско-Лянгябизскими горными грядами и высокими вершинами Кавказского хребта: при этом можно было от основной дороги свернуть налево (в сторону гор) и попасть сначала к лупениям-лп'инам, а после них (т.е. уже в этом смысле — *выше их*) — к сильвам-чилбам, жившим как раз под перевалом через хребет¹ (именно на эту дорогу и в сторону этого перевала, несомненно, свернула миссия Исрайэла).

Во-вторых, никак невозможно допустить, что группа епископа Исрайэла могла преодолеть безымянную горную седловину между Лангичем и поселком Конахкенд, как предлагает И.Г. Семенов, поскольку высота седловин этого отрезка более чем в 2500 м (на известных нам картах нет указания на перевал или дорогу) практически исключает их проходимость в достаточно снежном январе 682 г. Кстати, именно по такой причине автором (так же как и нами) справедливо отклоняется вариант прохождения через более западный — Салаватский перевал высотой в 2852 м между районом Шеки и Хновом в верхней долине Ахтычая, притока Самура (на военных картах он считается проходимым с мая по октябрь)². Указанная аргументация в равной мере касается и варианта с Кодорским перевалом (якобы, *Сарматские ворота* Птолемея, выс. 2363 м, проходимость — с мая по октябрь), который находится еще западнее, между верхними долинами Алазани и Андийского Койсу³. Заметим, что никак невозможно принять и довольно неожиданное предложение Ю.Р. Джафарова (также отклонившего вариант «западного» маршрута миссии Исрайэла), согласно которому под страной лп'инов можно рассматривать район между реками Самур и Рубас, а под страной чилбов — область Чор/Чола южнее Дербента, отождествляя с последним чилбский город Цри⁴. Вместе с тем достойно всяческого внимания предположение исследователя о возможности усматривать

¹ Ср.: Аюбян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 88–89.

² Семенов И.Г. О локализации лпинов и чилбов. С. 4–5. О варианте Салаватского перевала см.: Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Бенеджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 185–189; Гаджиев М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность). С. 15–16.

³ О варианте с Кодорским перевалом см.: Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки ИВ АН СССР. 1939. Т. VII. С. 137–140, 149–150; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. С. 173, 261, 264.

⁴ Джафаров Ю.Р. Город Цри и страна чилбов в «Истории Албан» Моисея Каланкатуйского // Древний и средневековый Восток. Ч. I. М., 1985. С. 65–80 (особенно — С. 75–76).

топоним Чол/Чола в основе названия *Джалганского* хребта, на склоне которого построена Дербентская крепость: «...Джалган (Чалган) — Чол(а)ган, где «(а)-кан/ган» — персидский топонимический суффикс»¹. Это сопоставление, правда, было предложено еще А.А. Кудрявцевым, работа которого, видимо, не была известна Ю.Р. Джафарову: ср. «Раннесредневековый топоним Чор, Джор, Джол, обозначавший в раннесредневековых армянских, грузинских и албанских источниках “ворота” Дербента, отложился в названии горы Джалган, на отроге которой построен Дербент, и в наименовании селения, расположенного в 3 км выше города, — Верхний Джалган, а также в дагестанских языках, в которых Дербент и ныне называется Чурул (лакский), Чулли (даргинский)»².

И, конечно же, миссия Исрайэла могла перевалить через Главный Кавказ на 30 км восточнее Бабадага, по действующему и сегодня Халтанскому перевалу между вершинами Джарлыджа (выс. 2714 м) и Дюбрар (или Келаны, 2205 м), высота которого 1620 м (по указанию новых военных карт, он проходит с апреля по октябрь). По нему проходит автодорога районного значения из Шемахи и сел. Астраханка (в верховьях Козлучая, притока р. Сумгаит) в сел. Халтан (в верховьях Гильгильчая): эта дорога указана и на 5-верстных картах царской России. Оттуда она проходит по седловинам горных хребтов средней высоты (с общим названием *Кайтар-коджа*) в пос. Конахкенд (в верховьях Вельвеличая), а затем — дальше на север, пересекая нижние оконечности таких же хребтов, спускающихся от Главного Кавказского хребта в сторону Каспийского моря. По указанным горным седловинам с большими мучениями (скитаясь в снежную бурю во мраке, «не видя много дней ни солнца, ни звезд»), вероятнее всего, и проходила группа Исрайэла после «Вардэгруакского» перевала почти до района города Кубы, откуда дорога спускается на восток, в сторону моря (в район города Хачмаса). Кстати, именно этот (Халтанский) перевал подразумевал Б. Аругюнян, проводя маршрут Исрайэла по названному лишь условно «Конахкендскому» перевалу (то же самое и в наших работах).

Следует попутно исправить ошибку И.Г. Семенова и ряда других исследователей, которые располагают место мученичества Григориса (ок. 330/331 г.) — резиденцию древних царей (маскутов) — в низовьях р. Самур, на месте городища Топрах-кала (у пос. Белиджи) или в Армен-кале, откуда до Дербента не более дня пешего пути. В армянской научной литературе хорошо известно, что в действительности это — Старый Хачмас (куда спускается дорога из района Кубы), где, кстати, сохранились многочисленные христианские древности, в т.ч. несколько могильных камней с армянскими

¹ Джафаров Ю.Р. Город Цри и страна чилбов в «Истории Албан» Моисея Каланкатуйского. Ч. I. С. 76.

² Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С. 86.

эпитафиями, в которых упомянуты известные из «Хронографии» Матт'эоса Урхайеци цари («крейсары») эпохи развитого Средневековья¹ (хотя, как мы попытались показать в другом месте, эти эпитафии написаны, вероятно, в Позднем Средневековье на литературной основе, т. е. предположительно — на кенотафах, поэтому и не могут служить непреодолимым доказательством существования «Армяно-албанского царства» в Дербенте²). От Хачмаса до Дербента-Чора около трех дней пути, что соответствует указанию «Истории 684 года»: «В течение *немногих* дней» (букв. перевод: «*каких-то* дней»).

Итак, как и в случае с лг'инами и чилбами, соседствующее с последними с востока племя *хурсов-х[у]сранов* армянских источников в эпоху ослабления Арабского халифата стало основой для образования мусульманского царства *Хурсан* (княжество *Хрюса-Хрўса* у Константина Багрянородного³, которое, согласно ал-Мас'уди, «Худуд ал-алам» и «Тарих ал-Баб», вскоре вошло в состав Ширвана⁴), а племя *ватов* армянских авторов (ср. название поля *Ватнеай*) — для мусульманского царства *Варсан* (севернее *Хурсана*; *Врезан-Врѣцан* у Константина Багрянородного⁵). Восточнее христианского царства Шакки (Албания, Эрет'и) арабские источники называют также мусульманские или полумусульманские политические или административные образования (царства или эмирства) в *Муканийи* (по ал-Мас'уди, оно было покорено ширваншахами; *Мовакан* грузинских источников, *Мокан-Мокāв* у Константина Багрянородного⁶; в дошедшем до нас тексте Феофана Исповедника в рассказе о событиях 686 г. или 688 г.

¹ Джалалянц С. Путешествие в Великую Армению. Ч. II. Тифлис, 1858 (на арм. яз.). С. 420; *Бархударянц М., еп.* Страна Албания и соседи. С. 134; *Он же.* История Албании. Т. I. Вагаршапат, 1902 (на арм. яз.). С. 195; *Смбатянц М.* Описание монастыря Св. Степаноса в Сагиане и окрестных монастырей, городов и сел Шемахинской епархии. Тифлис, 1896 (на арм. яз.). С. 544. Ср.: *Матт'эос Урхайеци.* Хронография. Вагаршапат, 1898 (на арм. яз.). С. 3–4, 231.

² *Бархударянц С.* Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений. С. 148, примеч. редактора в подстрочнике.

³ *Const. Porph.* De Cer. II, 48. Ср.: *Zuckerman С.* À propos du Livre des cérémonies, II, 48. P. 532–534.

⁴ Hudūd al-Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography (372 A. H. — 982 A. D.). Translated and Explained by V. Minorsky. With a Preface by V.V. Barthold, Translated from the Russian. L., 1937. P. 408; *Папаян А.* Анонимный таджикский географ о географии и экономических отношениях Армении, Азербайджана и Восточной Грузии (X век) // Известия АН АрмССР. Общественные науки. 1953, № 5 (на арм. яз.). С. 80; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 49, 114, 192.

⁵ *Const. Porph.* De Cer. II, 48. Ср.: *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 93–94; *Zuckerman С.* À propos du Livre des cérémonies, II, 48. P. 532, 534. По мнению В.Ф. Минорского (История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 114), хоронимы Хурсан и Варсан, вышедшие из употребления к X–XI вв., «фактически соответствовали местностям Шабаран и Маскат», однако вернее было бы констатировать, что область Маскат с центральным городом Шабаран/Шапоран соответствовал только Варсану/Врезану.

⁶ *Const. Porph.* De Cer. II, 48. Ср.: *Zuckerman С.* À propos du Livre des cérémonies, II, 48. P. 532, 534; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 191, примеч. 14; 211; *Мухелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982. С. 64–65;

фигурирует форма *Букания*¹, вероятно, возникшая из-за ошибки позднего переписчика), в *Абсии/Анбасии-Кабале* (ср. *hАмбаси* — название одной из восточных областей-гаваров «собственно Албании» по «Ашхарһауцц'у»)², а также в *Дербенте* (*Баб ал-абваб* в арабских текстах).

По поводу последнего представляется возможным вновь рассмотреть гипотезу, выдвинутую еще С. Рансименом³. Константин Багрянородный помещает «Каспийские ворота» во владениях князей *Αζία* («εις τοὺς ἄρχοντας Ἀζίας, ἐν ᾧ εἰσὶν αἱ Κάσπιαί πύλαι»), под которой традиционно принято рассматривать *Авсию–Осию–Аланию*⁴. Однако, учитывая место перечисления этой области между *Сарваном–Ширваном* и *Хрюсой–Хурсаном* (а следом идут *Врезан* и *Мокан*), под ней можно, следуя С. Рансиму, гипотетически рассматривать и искаженную форму оригинального названия *Λζία или *Λαζία, похожего на *Лакз* (также и на *Лайзан*). При такой интерпретации «Каспийские ворота» источника могли бы быть сопоставлены с Дербентским проходом, который назывался так (наряду с Дарьялом, как у Иосифа Флавия⁵) и в ряде античных источников (Тацит, Светоний, Дион Кассий: *Tac. Hist. I, 6; Suet. Ner. 19; Dio Cass. LXIII, 8, 1*), и у следовавших позднеантичной-раннехристианской географической традиции (Ипполит Римский, Евсевий Кесарийский: *Hipp. Chr. 229, S. 39; Eus. Caes. Chr., p. 190*) многих армянских и византийских авторов (Агатангелос, Мовсэс Хоренаци, Т'овма Арцруни, Псевдо-Захария Митиленский, Аноним Равеннский)⁶. Конечно, гипотетически нельзя полностью исключить и другой вариант: возможно, что под *Αζία* Константина

Гаджиев М.С. Атрибуция геммы-печати великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык албанской церкви. С. 470–471.

¹ Иноязычные источники об Армении и армянах: Византийские источники. IV. Феофан Исповедник / Пер. с оригинала, предисл. и примеч. Р. М. Бартияна. Ереван, 1983 (на арм. яз.). С. 75, 262, примеч. 426.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 115–116; Армянская география VII века по Р.Х. / Текст и пер. К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 17; Аноним (VII век). «Ашхарһауцц». С. 123. Перечисление областей «Собственно Албании» имеется и у историка Левонда, однако у него, как и в ряде рукописей «Ашхарһауцц»-а, интересующий нас хороним представлен в форме *hАбанд*. Ср.: История халифов вардапета Гевонда — писателя VIII века. [Пер. К.П. Патканяна]. СПб., 1862. С. 132 (Гл. 36: в отличие от сохранившейся древнейшей рукописи XIII в., в изданиях — 31 или 37).

³ Runciman S. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. Cambridge, 1929. P. 171–172.

⁴ См.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 356–360; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 191–192; Zuckerman S. À propos du Livre des cérémonies, II, 48. P. 535–536, 539–562.

⁵ Joseph. De bell. VII, 7, 4. В одном из пассажей «Анналов» Тацита Дарьяльский проход называется «Каспийской дорогой» (*Tac. Ann. VI, 33*). Ср. также: *Plin. Nat. Hist. VI, 40*.

⁶ История Армении Агатангелоса. Изд. Г. Тер-Мкртчян и Ст. Канаянц. Тифлис, 1909. С. 439, подстрочник (далее: Агатангелос. § 842); Lafontaine G. La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange. P. 323 (§ 152), подстрочник; История Армении Моисея Хоренского. II, 86; Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 2001. Гл. IV, 3. С. 465; Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. С. 165 (Пс.-Захария Ригор. Хроника. XII, 7); *Ravennatis Anonymi Cosmographia*. II, 12. С. 68. Подробно см.: Акоюн А.А. Албания в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 39–40,

Багрянородного могло в искаженной форме фигурировать даже название политического образования *Абсийя/Анбасия (Кабала)*. При таком варианте под «Каспийскими воротами» мог фигурировать перевал, ныне называемый (на военных картах) Салаватским (выс. 2916 м, проходимость — с мая по сентябрь), который связывает район города Куткашен (совр. г. Габала, севернее древней Кабалы) с сел. Хиналуг на северных склонах Кавказского хребта, в верховьях р. Кудиялчай, ниже по течению которой расположены города Куба и Хачмас. Вероятнее всего, о районе этого перевала идет речь в следующем описании арабского автора первой пол. X в. ал-Истахри: «Между Ширваном и Лираном [=Лайзан] — граница, между Лираном и Моканом — граница, как и со страной Абсийя, [а] она — область с незначительным числом населенных пунктов. В ней имеется сильная крепость, а за ней по направлению к горам — местность, примыкающая к стране Лакз. Они [=жители Лакза] охраняют эту крепость, так как владетель Абсии чувствует к ним особое расположение и поддерживает с ними добрососедские отношения»¹.

В период развитого Средневековья в царстве Ширван отмечается постепенный переход к персидскому языку, приведший к слиянию с чилбамии ираноязычного населения прикаспийских районов (*баласичи, маскуты*, возможно, и *ваты*), а в конечном счете — к консолидации ираноязычного этноса, известного впоследствии под названием *таты*². В то же самое время арабо-персидские источники позволяют наблюдать, как представляется, весьма характерное явление: к северу от Ширвана лезгиноязычное в своей основе население, приняв мусульманство, выступает уже не столько под племенными названиями, как это было раньше, сколько под этнохоронимом *Лакз (=леки)*. В конце IX в. ал-Балазури, перечисляя правителей Восточного Кавказа VI века, называет *Хурсаншаха* правителем *лакзов* (букв. «царем Лакзов») ³. В «Тарих ал-Баб» арабоязычного автора из Дербента Маммуса ал-Лакзи (кон. XI — нач. XII в.) *лакзами* называются и соседи (с запада), и жители *Маската*⁴. По указанию ал-Истахри и ал-Мукаддаси, арабских гео-

54–55, 102, 125; Он же. О локализации каспиев и области Каспиана (Каспк) // ВОН АН Арм. ССР. 1983, № 1 (на арм. яз.). С. 87–98.

¹ См.: Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 67. Ср.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 191, примеч. 14. Это сообщение ал-Истахри заимствует ал-Мукаддаси, автор конца X в. (Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVIII. С. 31).

² Ср.: Акопян А., Galst'yan H. Concerning the Study of Ethnic Processes in the Caucasian Albania (Antiquity and Early Middle Ages) // 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb, 1988 (USSR Academy of Sciences, N.N. Mikloukho-Maklay Institute of Ethnography). М., 1988. P. 11.

³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 114 («И назначил он [Хосров Ануширван] царя Лакзов [лезгин], именуемого Хурсан-шах, и царя Маската, чье государство уничтожилось...»).

⁴ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 60–61, 64, 97. Об авторстве сочинения см.: Аликберов А.К. Об авторе исторической хроники XI в. «Тарих Баб ал-абваб ва Ширван» // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С. 119–121.

графов X в., ал-Лакз имел общую границу с Ширваном. Весьма широкий территориальный охват страны *ал-Лакз* очевиден и в представлении ал-Мас'уди («Оплотом царства Ширван является царство Лакз. Его бесчисленный народ живет в верхней части [Кавказских] гор. Среди [лакзов] имеются неверные, не подчиняющиеся царю Ширвана. Они называются язычниками Дуданийя и не подчиняются никакому царю»¹). В своем энциклопедическом собрании ал-Якут (XIII в.) обобщает, что лакзы — многочисленный народ, который состоит из многих племен². Географ и историк XIII в. Закарийя ал-Казвини называет расположенный в самом верховье р. Самур город Цахур главным городом страны Лакзан и указывает, что там переводились книги на лакзанский язык³. Форма «ал-Лакзан» для интересующего нас топонима зафиксирована еще у арабоязычного автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, который в 1162 г. посетил Дербент («захватил он [Маслама] Баб ал-абваб, после чего приняли при его содействии ислам многие народы, среди которых также *ал-Лакзан*, ал-Филан, ал-Хайдак, аз-Зук-лан, ал-Гумик, ал-Дархах...»)⁴. Весьма похожая картина вырисовывается и в грузинской исторической традиции развитого Средневековья, которая, отражая ситуацию эпохи ослабления владычества Арабского халифата (IX–X вв.), называет *леками* и *Лекет'и* (владение эпонима *Лекана* = Лакз) страну и все население к востоку от *Мовакани* и *Эрет'и*⁵. Под первым хоронимом — *Мовакани* (ср. *Муканийя* арабских авторов и *Мокан* у Константина Багрянородного) — в грузинской литературе этой эпохи выступает территория к северу от нижнего течения Куры (от устья Алазани до Каспийского моря), совпадающая с областями проживания лг'инов, чилбов и баласичев, а под вторым — *Эрет'и* — Шакинское царство арабских авторов, со столицей в городе Шаки (вместо древнего Капалака/Кабалы). Последнее в армянских источниках и у Константина Багрянородного называется просто *Албанским*

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 112, 191–192. После этнонима Дуданийя В.Ф. Минорский добавляет в скобках: «(надо: Дидуванийя, Дидо)» (С. 192). Заслуживает внимания и уверенное предположение исследователя (С. 114), согласно которому до завоевания в сер. X в. ширваншахом Мухаммадом ибн Йазидом «древних княжеств» Хурсан и Варсан (об этом сообщает ал-Мас'уди: в рукописях ошибочно Хорасан-шах и Задан-шах), «эти «царства» относились к территории лакзов» (ср. С. 49, 192).

² Yaqut's dictionary of learned men. V. 1–20. Cairo, 1938. P. 438..

³ См.: Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик). С. 75; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 358; Он же. Закарийя ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 110.

⁴ Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии ассоциации арабистов. М.–Л., 1941. С. 103. Ср.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969. С. 96. Остальные сведения о Лакзе см.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 112–114; Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей и материалов. Махачкала, 1980. С. 56–57.

⁵ См.: Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 21–23; Мухелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). С. 65.

царством или княжеством¹ (в трудах дагестанских ученых укоренилось его условное, но меткое название — «Второе Албанское царство»²). Кстати, весьма примечательно, что писавший в конце X в. Мовсэс Дасхуранци (называемый в поздних рукописях и в литературе также и Каланкатуаци) считает царя hАмама Благочестивого (Багратуни) восстановителем (в 894 г.) именно *Алуанского* царства, в то время как для своего современника и в известном смысле главного героя своего сочинения Йовһаннэса-Сенек'ерима, весьма торжественно провозглашенного царем (примерно в 970-х гг.) в области *П'арисос* на правобережье Куры, он «деликатно» воздерживается от применения подобной терминологии³.

Добавим, наконец, что с этнохоронимом Лакз/Лакзан (первоначально только к северу от Кавказского хребта) определенное сходство, на наш взгляд, можно увидеть, хотя бы гипотетически, и в названии царства *Лайзан* (к югу от хребта), образованном, согласно последним разработкам, на основании ассоциации с *Лакзом* исконной (иранской) формы названия страны лп'инов — *Лабан (она известна из контекста упоминания *Баб-Лабаншаха* Ибн Хордадбехом): итак — **Лабзан-Лакзан-Лайзан*⁴. Все это позволяет поставить вопрос об участии переходивших в мусульманство лп'инов в общем процессе этноконсолидации большей части собственно албанских (лезгиноязычных) племен, принявших ислам. Тогда можно было бы полагать, что такой этноконсолидационный процесс привел к сложению совершенно нового охвата этноса (народа) под названием *лакз-лезгины* по сравнению с эпохой Античности и раннего Средневековья. Этот охват уже примерно совпадает с нынешним территориальным расселением лезгин как в Южном Дагестане (где к северу и западу от них свои определенные этнические отличия сохранили лезгиноязычные народности табасаранцев, цахуров, рутулов и агульцев), так и на всем севере Азербайджанской Республики (как в зоне Куба-Кусары с лезгиноязычными хыналутцами, крызами, будугами и хапутлинцами, так и в зоне Кахи-Куткашен-Исмаиллы). Здесь в эпоху Позднего Средневековья с ними соседствовали в первую очередь (если условно отвлечься от систематически прибывавших и неспешно оседавших

¹ См.: *Иованнес Драсханакерци*. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. Гл. XLIV, С. 161; *Анания Мокаци*. О восстании дома Албанского. Изд. Г. Тер-Мкртчян // Арарат. 1897, № 3 (на арм. яз.). С. 144; История Албании. Гл. III, 21 (в изданиях ошибочно — 22). С. 335; Вселенская история Степаноса Таронаци Асолика. Изд. Ст. Малхасянц. СПб., 1885 (на арм. яз.). Гл. III, 3, С. 161; *Const. Porph. De Cer.* II, 48 (εις τὸν ἄρχοντα Ἀλβανίας; ср.: *Zuckerman* С. À propos du Livre des cérémonies. II, 48. P. 532).

² См., к примеру, *Айтберов Т.М.* Второе Албанское царство и его роль в истории аварского народа. Махачкала, 2008.

³ Ср.: История Албании. Гл. III, 21 (22). С. 335; и гл. 22 (23). С. 341.

⁴ См.: *Акопян А.П.* К постановке вопроса об этническом облике царства Лайзан. URL: <http://www.caucasian-albania.net/?p=32>. Ср.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 28, примеч. 38.

в низинных районах тюркоязычных племен, а также соседних армян и грузин) все более иранизируемые и превращавшиеся в татов *ширванцы-чилбы* на востоке и сохранивший христианскую веру (и, видимо, окончательно этноконсолидировавшийся именно на этой базе) народ удинов на западе.

Об этноконсолидации удинов в эпоху ослабления Арабского халифата можно судить на основании уникальной информации армянского католика (898–924/9 гг.) Йовханнэса Драсханакертци. В одном из пассажей своей «Истории Армении», написанной к концу жизни, он перечисляет соседние с Багратидской Великой Арменией *со стороны Кавказских гор* народы и после *егеров* (Лазика–Абхазия) и *гугаров* (Санария–Кахети¹) называет *утийцев* («Утэацик»), т.е. население страны Шаки–Эрет’и, которое, таким образом, выступает под этнонимом, дошедшим до нашего времени. Текст пассажа: «соседи наши — народы, что живут окрест нас: греки и егеры, и гугары и утийцы — северные племена, проживающие у подножья Кавказа, полагая, что сумеют лишить злого остикана повода [вторгнуться] к ним, если он не найдет ни одного благоустроенного города, поселка и деревни, каждый у пределов своей страны, постарались всё захватить и разрушить, разорить и сровнять с землей»². Надо учитывать, что историк должен был хорошо знать реалии данного региона, так как в одном из предыдущих разделов он пишет о своем пребывании во время своих скитаний во владениях царя Албании (Шаки–Эрет’и) Атрнерсеа (сына hАмама Благочестивого) «на северо-востоке Кавказа», куда он перебрался из правобережного П’арисосского княжества и откуда затем перешел в Кахетию («поэтому я, повелением Господа скитаясь из города в город, прибыл в край Восточный — Адуанк’ к великому князю Саһаку [Севаде] и к царю их Атрнерсеу, что на северо-востоке Кавказа, ибо и они из нашего народа и паства пажити нашей... Оттуда мы удалились в пределы гугаров и там поселились, уповая, что Господь дарует нам спасение»)³. Поэтому, хотя информация Йовханнэса Драсханакертци пока и единична⁴ (следующее упоминание удинов содержится уже в извест-

¹ Не представляется возможным согласиться с Д.Л. Мухелишвили, по мнению которого, под территорией расселения *гугаров* Йовханнэса Драсханакертци можно понимать не Кахети, а всю Восточную Грузию — Картли (Мухелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии. С. 13–14 и сл.).

² *Иованнес Драсханакертци*. История Армении. С. 182 (с нашими небольшими поправками). После этнонима «утийцы» переводчик в скобках добавляет «[а также]», но это явно искажает смысл пассажа историка.

³ *Иованнес Драсханакертци*. История Армении. Гл. XLIV, С. 161. Ср.: Гл. LIII. С. 186 («Меж тем времена гонений принудили меня жить здесь — на чужбине, среди гугаров и иверов, у многоумудрого Атрнерсеа, поставленного царем той страны [=Картли-Кахети]»).

⁴ Хотя интересно, что арабский историк ал-Мас’уди, который также бывал в Албании, в 943 г. называет христианское население царства Шакин *отдельным племенем* (хотя и употребляет только этнопотестарный термин *шаккийцы*): «У царства *санаров* находятся *шаккийцы*, племя христианской веры. Среди них в большом количестве живут мусульмане, которые занимаются торговлей и разными ремеслами. Царем *шаккийцев*, когда мы писали эту книгу, был сын Хамама Адарнасе

ной «Челобитной удийцев к Петру I» от 20 марта 1724 г. на армянском языке: «мы, алуванцы, и по нации утии... (букв. Алуванк'... Утик')»¹), ее аутентичность вне сомнения. А то, что этноним *утийцы–удины* не встречается у других средневековых армянских авторов, объясняется тем обстоятельством, что в силу отсутствия конкретных контекстов (каковые были у Драсханакертци и авторов письма царю Петру) их продолжала удовлетворять возможность обозначения удинов под традиционным этнопотестарным термином «албанцы».

Понятно, кстати, что последний термин не приобрел собственно этнической семантики (не стал эндоэтнонимом) также и по причине процесса «удинской» этноконсолидации собственно албанцев-христиан. Правда, такую же важную роль играло то, что почти параллельно с указанным происходил и процесс углубления так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения правобережья Куры (одной из трех основных черт которого было определенное пейоративное отношение к левобережному собственно албанскому населению, как к неким «неалбанцам»). К концу X в. отмеченная тенденция, подпитываемая углублением феодальной обособленности и борьбой местной знати (светской и церковной) против объединительной политики Багратидского царства, привела к появлению зачатков превращения указанного мировоззрения (другой характерной чертой которого было противопоставление местных реалий, как «албанских», реалиям Центральной Армении, как «армянским»²) в так называемое «албанское самосознание» армянского населения правобережья, что потенциально могло привести к этносепарации армянского этноса и возникновению новой этнической единицы (дочерней от армянской) под этнонимом «алу-

[Адзар-Нарса ибн Хумам], как именовали его» (*Караулов Н.А.* Сведения арабских писателей X и XI веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. С. 57 *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 211). В том же смысле можно интерпретировать и заметку «Географии» («Ашхарнацуйц»-а) автора XIII в. Вардана Аревелци: «Гаргарадик' (Гугарадик', Гавгарадик', Гогарадик', Гумарадик. — А. А.) есть Шаки» (см.: «Ашхарнацуйц» Вардана. Критич. изд. А. Перперяна. Париж, 1960 (на арм. яз.). С. 10; ср.: *Гумба Г.* Кавказская Албания по «Ашхарнацуйцу» Вардана Варданета (XIII в.) // *Вестник общественных наук.* Ереван, 1986, № 9. С. 64–73), где под термином «Гаргарадик» следует понимать не племенное название (как это иногда поспешно делают на основании поверхностного восприятия собственно-албанской племенной этнонимимики), а позднее иноназвание (экзоэтноним) уже этноконсолидированного населения области (=бывшего царства) Шаки, возникшее на литературной основе (т.е. на основании ставшего общеизвестным эпитета, данного носителям албанского языка Мовсесом Хоренаци).

¹ *Абрамян А.* Письмо удинов Петру I // *Эчмиадзин.* 1952. № 4 (на арм. яз.). С. 29; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сб. документов. Т. П. Ч. II / Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван, 1967. С. 90–91.

² Последней основной чертой т. наз. «албанского мировоззрения» армянского населения Албанского марзпанства (ярким носителем которого выступает и сам Мовсэс Дасхуранци) было положение, что «ил» страна (с политическим и церковным центрами на правобережье Куры) называлась Албанией всегда (а не после 428 г.).

анк'» (или же «аревелци» — «восточные»)¹. Однако этой потенциальной перспективе не было суждено осуществиться: кроме культурно-гуманитарных причин распад и упразднение царства Багратидов, а вскоре и селджукское завоевание и ослабление политической власти армянской знати, как в центральных провинциях Армении, так и на периферии, привели к утиханию феодальных распрей и зиждившихся на них этносепаационных стремлений. В силу этого экзоэтноним «албанцы» все также продолжал оставаться обобщающим названием всего христианского населения (этнически и армянского, и собственно албанского) бывшего «Албанского» марзпанства — паствы «албанского» католикосата. Но консолидация в указанной среде удинского христианского этноса (подобно консолидации соседнего мусульманского этноса — лезгин) была уже свершившимся фактом.

A Chronology of the Process of Consolidation of Udis and Lezgins (During the Decline of the Arab Caliphate)

Abstract: A new analysis of ancient and medieval sources about the ethnic history of Caucasian Albania shows that the process of consolidation of the Udis and Lezgins was finished in the period of the weakening of the Arabian Caliphate (9th to 10th centuries). Besides them eight other ancient Albanian tribes retained their originality (Tabasaranians, Tsakhurs, Rutuls, Aguls, Krizs etc.), the number of which Strabo enlarges to 26. The term “Albanians” remained a polytonym and meant the whole Christian population of a country with the name “Albania”, which contained both proper Albanian tribes from the North of the River Kura, and the Armenians from the South of Kura after 428.

Key words: *Caucasian Albania, Udines, Lezghins, ethnic consolidation, endo-ethnonym, politonym, Strabo, Moses Khorenazi, Moses Daskhurani, Yovhannes Draskhanakertzi*

Alexan A. HAKOBYAN,

PhD, Senior Research Fellow, Head of the Department
of the Christian Orient of the Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Armenia (Erevan)

¹Подробнее см.: Акопян А.А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 268–272, 275–276; Акопян А.А., Мурадян П.М., Юзбашян К.Н. К изучению истории Кавказской Албании (по поводу книги Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании»). С. 169–175; Акопян А., Galstyan H. Concerning the Study of Ethnic Processes in the Caucasian Albania (Antiquity and Early Middle Ages). P. 10–12.

М.Т. Пашаева,

ведущий научный сотрудник отдела этноархеологии Института археологии
и этнографии Национальной академии наук Азербайджана,
доктор исторических наук (Баку)

К этнической истории «шахдагских народов»

Аннотация: В статье рассматривается этнонимика и топонимика «шахдагских народов». Автор указывает на их этногенетические взаимосвязи, восходящие ко времени существования Кавказской Албании.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская Албания, Эрети, «шахдагские народы», кризы, будухи, этнонимика, топонимика.

Кавказская Албания была одним из древнейших государств Кавказа. Будучи носителем огромного культурного наследия, оно сыграло важную роль в истории Азербайджана, Кавказа и в целом Ближнего Востока. Албанские племена заняли важное место в этногенезе азербайджанского народа. Такие этносы современного Азербайджана, как удины, ингилойцы, хиналути (хыналыги), кризы, будухи, своими корнями связаны с албанскими племенами и являются наследниками таких албанских племен, как удины, гелы, эры, гаты и др.

Этнические группы хыналыгов, будухов, кризов, образующие шахдагскую группу народов, проживают в селениях Хыналыг (*Xinalıq*), Будух (*Buduq*), Криз (*Griz*), Хапут (*Hapıt*), Алык (*Əlik*), Джек (*Ceg*), Ергюдж (*Yerguj*) в Губинском регионе — одном из древних и красивейших уголков Азербайджанской Республики. Расположенные в цепи высокогорной гряды Гызыл-Гая, Туфандага, Бабадага, Гибладага, Салаватдага, раскинутые у подножия Шахдага (выс. 4243 м), эти села, в особенности сел. Хыналыг (выс. 2350 м), напоминают своеобразный горный музей природы, этнографии и истории.

Хиналути, кризы, будухи занимают в истории материальной и духовной культуры Азербайджана особое место. К кризскому этносу также относятся

его субэтнические группы: хапуты, джеки, алыки, ергюджи, именуемые так по родовым селениям, в которых они проживают — Хапут, Джек, Алык, Ергюдж. Языки жителей этих сел, как отмечается в источнике XIX века, «отличаются от всех известных языков Закавказья и Дагестана, различны между собою»¹.

Начиная с 30–40-х гг. XIX в. часть кризов, будухов, хапутов, переселившись по экономическим причинам на более удобные территории и при этом бережно сохранив в новых местах обитания наименования своих исторических сел, основали села в округах Мюшкюр и Шабран Кубинского уезда (совр. Хачмазский район), в Гекчайском, Шамахинском уездах: села Хапут, Гарадаг Хапут, Хапутлу Маликли, Шых Хапут, Гюней Будух, Агязы-будуг, в Хачмазе — сел. Ергюджи и др. Следует отметить, что если начиная с XIX в. значительная часть будухов, кризов, ергюджей, хапутов и джеков переселилась из своих древних родовых селений на территории соседних Хачмазского, Исмаиллинского, Габалинского, Агдашского районов, то хыналыги компактно проживают в своем селе. С целью сохранения хыналыгского этноса, уникальных особенностей их культуры, являющейся одной из составляющих частей общенациональной культуры Азербайджанской Республики, территория сел. Хыналыг была объявлена государственным историко-архитектурным и этнографическим заповедником.

Вследствие изолированного проживания в горах эти этносы в немалой степени сохранили свои этнические особенности и специфические черты материальной и духовной культуры. Потому история и этнография хыналыгов, кризов, будухов вызвала и вызывает научный интерес. Этнические группы хыналыгцев, будухов, кризов, а также хапуты, джеки, алыки, проживающие в окрестностях Шахдага, в историко-этнографической литературе известны как «шахдагские этнические группы» или «шахдагские народы» (азерб. *Şahdağ xalqları*).

Первые историко-этнографические, географические и иные сведения о шахдагских народах начинают появляться с XIX в.²: авторы писали о существовании на вершине Шахдага «живой древности»³.

¹ Списки населенных мест Российской империи. По Кавказкому краю. XV. Бакинская губерния. Тифлис, 1870. С. 94.

² *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных земель: в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. М., 1835. Т. 4. С. 75–149; *Зейдлиц Н.* Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния (по сведениям с 1859 по 1864 г.). Т. 65. Тифлис, 1870. С. 97; *Броневский С.Б.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Общее обозрение. Т. 2. *Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф.* География Закавказья: Очерки по физической географии и этнографии ЗСФСР. Тифлис, 1929. С. 238; *Легкобытов В.* Кубинская провинция // *Обозрение Российских владений за Кавказом.* Ч. IV. СПб., 1836. С. 122.

³ *Легкобытов В.* Кубинская провинция. С. 122.

Несмотря на существование различных мнений относительно происхождения вышеупомянутых «народов Шахдага», результаты последних исследований дают основание говорить о том, что хыналыги, крызы и будухи являются наследниками племен Кавказской Албании¹.

В связи с этническим происхождением хыналыгов, крызов и будухов следуют отметить, что каждый из этих этносов имеет свое этническое самоназвание, а также разные наименования в отношении друг друга. Так, хыналыги называют свое селение Кетш (*Ketsh*), себя — *kemmidur* (*kettidur*) или *kemmid* (*kettid*), а также *kemii халк* («кетшский народ»), что выражает принадлежность к этому селению. Отметим, что эти специфические наименования хыналыги используют только в разговорном общении друг с другом. Лингвисты также отмечают, что у хыналыгов суффикс *-ид-* в этническом самоназвании *kemmid* (*kettid*) выражает принадлежность². Так, хыналыги жителей сел. Галей-Худат называют *калчид* (*kalçid*), жителей Джека — *инд-жид* (*incid*), алык — *лекид* (*lekid*), жителей Хапута — *хинпид* (*hinpid*), жителей Крыза — *хоттуд* (*hottud*), жителей Будуха — *будогуд* (*budogud*) и т.д. Будухцы и крызы же зовут хыналыгов *гемди* (*qetdi*), где окончание *-ди* является суффиксом множественного числа.

Как видно, в этническом самоназвании *kemmid* и в этнониме *гемди* выделяется основа *кем-*, *гем-* (хыналыгцы произносят как *кхям*). Как представляется, эта этнонимическая единица, обозначающая хыналыгов, достаточно уверенно может сопоставляться с этнонимом *гам*, фигурирующим у Фавста Бузанда (III, 1) при описании политических событий в Кавказской Албании, и этнонимом *кет*, упомянутом у Плиния Старшего при перечислении обитавших на Кавказе племен (*Nat. Hist.* VI, 17).

Субэтнос крызов — хапуты — называют себя *эр* (*her*), а крызов — *эред* (*hered*). Интересно, что в 1930-х гг. в сел. Хапут хапуты именовали себя также *эретти* (*hereti*)³. Будухи называли крызов *херад* (*herad*), а крызы своих односельчан и свое село — *херез* (*herez*). Алыки называли хапутов *хоруд* (*horud*), а джеки — *херуд* (*herud*). Суффикс *-ид-*, представленный в разных вариациях, используется для указания принадлежности и места, тем самым во всех этих этнонимах выделяется корень *хер-*, *хер-*, *хор-*, а сами эти этнические названия могут передаваться как «место [обитания] геров/эров»⁴ или, скорее, «принадлежащие к герам/эрам». Возможно, в названии сел. Ергюдж, где также проживает субэтнос крызов, тоже высвечивается фонетически видоизмененный этнотопоформант *эр-/гер-*. Как видно,

¹ Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. Баку, 1994. С. 15, 142–159; Будухлу-Пириев В. Будух и будухцы. Баку, 1994 (азерб. яз.). С. 21–22; Джавадов Г. Малочисленные народы и национальные меньшинства Азербайджана. Баку, 2000 (на азерб. яз.). С. 168, 173.

² Губатов А.Б. Связи азербайджанского и шахдагского языков. Баку, 1992 (на азерб. яз.). С. 57.

³ Там же. С. 60.

⁴ Гейбуллаев Г. К этногенезу азербайджанцев. С. 161.

во всех формах этнического самоназвания крызов и хапутов участвует в качестве основы компонент *her-, хер-*.

Это, как представляется, дает основания, во-первых, сопоставить этническое самоназвание крызов и хапутов с засвидетельствованным в источниках кавказско-албанским племенем эров, населявших историческую область Эрети в северо-западной части Кавказской Албании. Исторические источники также указывают на этногенетическую связь предков современных хыналутцев, будухов, крызов и хапытов с племенами эр и гат из древних албанских племен. В раннесредневековых источниках упоминаются такие области и города Кавказской Албании, как Хени, Хорнабуджи, Хоранта, расположенные в северо-западной части Кавказской Албании по соседству друг с другом, рядом с областями Шеки, Камбисена¹. Возможно также, что сопоставление названия сел. Хапут с поселением Хобота, упомянутым Клавдием Птоломеем в числе населенных пунктов Кавказской Албании (*Ptol.* V, XI, 6), имеет под собой историческую основу. То же можно сказать о названии албанского гавара Хабанд². Выделенная основа *her-, хер-, хор-* с учетом предполагаемой связи ее с этнонимом эров (*her*) может также сопоставляться с иным наименованием области Эрети и ее главным городом — Хоранта.

В связи с предполагаемой этногенетической связью шахдагских народов с исторической областью Эрети и албанским племенем эров, безусловный интерес представляют исторические предания, бытующие у них. Так, у хыналыгов существует предание о прибытии их предков в давние времена из города Хени, наименование которого может сопоставляться с вышеупомянутой одноименной областью Кавказской Албании, расположенной у южных склонов Кавказа. Само же название селения Хыналыг, учитывая в его составе тюркский словообразовательный суффикс *-лыг-*, можно перевести как «место хенийцев (выходцев из Хени)»³.

Следует отметить, что также существует легенда у хапутов о том, что их предки прибыли в нынешнее село Хапут (Хапыт) во время арабского завоевания из некоего города Харна (*Herna*), располагавшегося в северо-западной части Албании. Этот топоним созвучен вышеприведенному названию главного города Эрети — Хоранта, в котором последний слог может представлять топоформант *-та*. Согласно свидетельствам письменных источников Хоранта была разрушена арабами в середине VII в.⁴ Это дает основание идентифицировать город Харна с городом Хоранта.

¹ Сулейманова С. Пограничная область в северо-западных пределах Албании // Историко-культурный онлайн-журнал «PROMETHEUS». 2010. № 5.

² История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Кн. 1. Гл. XIV.

³ Гейбуллаев Г. К этногенезу азербайджанцев. С. 159.

⁴ Гейбуллаев Г.А. Топонимика Азербайджана. Баку, 1986. С. 48.

Вероятно, что часть племени эров, спасаясь от арабского нашествия, ушла в горы и основала нынешние села Грыз, Хапут, Ергюдж. Наконец, укажем, что среди будухов тоже существует легенда о том, что их предки прибыли в места их современного поселения с территории современного Шеки-Закатальского региона.

Сказанное дает основания полагать, что современные «шахдагские народы» имеют этногенетические связи с такими албанскими племенами, как эры и гаты, которые обитали в северо-западной части Кавказской Албании, а современные топонимы Хыналыг, Будух, Крыз, Хапут отражают названия раннесредневековых областей и городов Албании — Хени, Бед, Хорнабуджи, Хоранта. Ареал нахождения этих исторических албанских областей локализуется на территории Шеки-Закатальского региона современной Азербайджанской Республики.

В ходе этнографического изучения шахдагских народов были зафиксированы и другие предания. Так, согласно существующей среди хыналыгов легенде, во времена Ноева потопа селение Кетш (Хыналыг) находилось в низкогорье — в горах Кетша. Позднее, во время землетрясения все дома были уничтожены, а оставшиеся в живых сельчане поднялись в горы и обосновали современное сел. Хыналыг. Ракушки и окаменелости рыб, которые можно обнаружить на территории селения и за его пределами, по мнению хыналыгов, указывают на следы потопа и подтверждают легенду.

В связи с этим хыналыги считают священным озеро Туфан-гёль (ледниковое по происхождению), находящееся неподалеку от села. Местные жители верят в то, что по нему плавают деревянные обломки Ноева ковчега. Они также считают священной и гору Туфандаг, массив которой отделяет селения Хыналыг, Крыз, Хапут, Будух от Шеки-Закатальского региона. Следует отметить, что население локализует место расположения упомянутого легендарного города Хени в противоположной стороне от Туфандага, т.е. в Шеки-Закатальской зоне.

Нужно сказать, что шахдагские народы раньше поддерживали хозяйственно-экономические связи с предполагаемой территорией их первоначального обитания и, переходя горные перевалы Туфандага, отправлялись на северо-запад Азербайджана, т.е. в Шеки-Закатальский регион, на зимние пастбища (*гышлаг*). Эти связи осуществлялись по известной дороге, соединявшей северо-западный регион Азербайджана с территориями расположения Хыналыга, Крыза и Будуха. Эти сведения, как представляется, отражают историческую связь между легендарным городом Хени в хыналыгских преданиях и областью Хени в северо-западной части раннесредневековой Кавказской Албании.

В заключение следует указать и на сходство в различных этнографически зафиксированных обрядах и нравах между шахдагскими народами (хыналутцы, будухи, крызы) и населением Шеки-Закатальского региона,

в особенности рутульцами, цахурами, ингилойцами, а также удинами. Это проявляется, в частности, при исполнении ряда специфических моментов в свадебных церемониях как, например, деление хлеба поровну при сватовстве, особая роль дяди в свадебном обряде и т.д. Это может подчеркивать их тесные многовековые связи, уходящие своими корнями в эпоху Кавказской Албании.

On the Ethnic History of the “Shahdagh Peoples”

Abstract: Ethnonyms and toponyms of the peoples of Shakhdag group are considered in the article. The author points out their ethnogenetic linkage with the time of the existence of Caucasian Albania.

Key words: *Caucasus, Caucasian Albania, Hereti, peoples of Shahdag group, Kryz, Budukh, ethnonyms, toponyms.*

Mahabbat T. PASHAEVA,

Leading Research Fellow of Department of Ethno-archeology
of the Institute of Archeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku)

А.П. Акопян,

аспирант Института востоковедения
НАН РА (Ереван)

К постановке вопроса об этническом облике царства Лайзан

Аннотация: Специальный анализ источников об этническом облике царств Лайзан и Ширван IX–X вв. показывает, что их мусульманское население, по всей видимости, восходило к собственно албанским (лезгиноязычным) племенам лп'инов и ч'илбов (лупени и сильвы), о которых упоминают античные и ранне-средневековые источники.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Лайзан, Ширван, Лакз, лп'ины, ч'илбы, «Та'рих ал-Баб», ал-Мас'уди, Шемаха, Ланич'.

Начиная с первых десятилетий X в. царство Лайзан упоминается в источниках в качестве одной из областей в составе владений ширваншахов, но первоначально оно фигурировало как одно из небольших полунезависимых царств Восточного Кавказа. Впервые его название засвидетельствовано у арабо-персидских историков и географов IX–X вв. в качестве одного из мелких этнополитических образований на северо-востоке Закавказья во главе с местными владельцами, за которыми сасанидским шаханшахом VI в. Хосровом I Ануширваном была признана царская власть. Упомянув ширваншаха среди подданных шаханшаха Ануширвана, ал-Мас'уди в своем сочинении «Мурудж ал-Дахаб...» («Россыпи золота...», гл. XVII) сообщает: «Царем в настоящее время является некий мусульманин по имени Мухаммад б. Йазид, который происходит от Бахрама Гура...»¹ В другом месте он пишет: «Мухаммад б. Йазид, теперь известный как Ширваншах, был ранее наследственным царем Лайзана»².

¹ См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 191 (в парижском издании «Мурудж ал-Дахаб» 1863 г. – С. 4).

² Там же. С. 211 (в парижском издании – С. 69).

По сообщению «Истории Дербента» («Тарих ал-Баб»), в 861 г., когда после смерти халифа Мутаваккила правитель Ширвана, представитель рода Мазйадидов — Хайсам, стал независимым правителем в Ширване, его брат Йазид стал независимым в Лайзане¹. С двумя укрепленными крепостями (Нийал и Сулут) и многочисленными селениями, это царство имело весьма важное значение на указанной территории². Свидетельством этому служит тот факт, что в 917 г., по данным того же источника, лайзаншах Абу Тахир Йазид захватил власть в Ширване, и с той поры в последнем начала править лайзанская ветвь Мазйадидов, хотя при этом Лайзан стал составной частью Ширвана³.

Прямые свидетельства, касающиеся этнического облика царства Лайзан, в источниках отсутствуют. В специальной литературе также не уделено достаточного внимания этому вопросу. Судить о нем приходится лишь на основании косвенных свидетельств и в контексте рассмотрения общих для Восточного Закавказья этнических процессов. Единственной известной нам гипотезой по этому вопросу пока остается точка зрения В.Ф. Минорского. Проведя параллель между некоторыми топонимами и географическими названиями интересующей нас территории и южного побережья Каспийского моря, он возводит историю Ширвана и Лайзана к переселенцам из Дейлема, этим обстоятельством, собственно, и определяя основной этнический состав указанных областей⁴. Обоснованием для подобного суждения служит факт кажущейся идентичности хоронима Лайзан (варианты — Лиран, Лайджан, Лаһиджан, ал-Абхаз) и современного топонима Лаһич' (к району которого в верховьях рек Гирдыманчай и Ахсу относится средневековый Лайзан) с населенным пунктом Лаһиджан на южном побережье Каспийского моря. Аргументируется данная идентификация тем, что чередование иранского суффикса происхождения -зс-джи-, -идж- является свойственной закономерностью для иранских языков⁵. На первый взгляд точка зрения В.Ф. Минорского кажется весьма убедительной, однако некоторые вопросы все же остаются. Например, что следует понимать под корнем «лай», если снять суффикс со слов лай-з или лай-дж? Между тем есть еще и разница в вокальной длине первого слога в терминах «Лайзан» «Лаһиджан»⁶. Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что форма «Лайзан» впервые засвидетельствована у авторов IX в. (Балазури, Ибн Хурдадбих), а Лаһиджан — у географов X в. (Истахри,

¹ См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 47–48.

² *Hudud al-Alam. The Regions of the World / Translated and Explained by V. Minorsky. L., 1937. P. 144–145, 407.*

³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 48.

⁴ Там же. С. 32–35; *Hudud al-Alam. The Regions of the World. P. 408–410.*

⁵ *Hudud al-Alam. The Regions of the World. P. 408–410.*

⁶ *Ibid.*

Ибн Хаукал, Мукаддаси)¹. У Мас'уди, написавшего свой труд в 943 г., наряду с формой «Лайзан» засвидетельствован, по словам В.Ф. Минорского, некий переходный вариант «Лайзан» с долгой гласной в первом слоге². И, наконец, если учесть, что великое дейлемитское продвижение приходится на середину X в.³, то нельзя ли предположить, что пришлые дейлемцы просто приспособили местные названия к внешне созвучным топонимам своей родины? По крайней мере возможно, на наш взгляд, с известной осторожностью заметить, что в местах расселения ираноязычных народностей некоторые топонимы стали развиваться в соответствии с диалектальными закономерностями последних.

Что же тогда может представлять собой термин «Лайзан»? Нам кажется, что возможно с большой долей уверенности предположить, что данный хороним является плодом творения арабо-персидской исторической традиции, поскольку, как уже отмечалось выше, впервые он засвидетельствован в IX в. Вместе с тем античные и древнеармянские источники, как известно, на той же территории упоминают племя лупениев-лп'инов (рядом с сельвами-ч'илбами)⁴, — а к 450 г. (по предположению Б.А. Арутюняна, высказанному в личной беседе, начиная с сасанидской административной реформы 428 г., основным пунктом которой было упразднение царства Аршакидов в Армении и внедрение в Закавказье системы марзпанств) — достаточно сильное царство Лп'инк', южная граница которого, по всей вероятности, доходила уже до р. Куры. Албанские племена лп'инов и ч'илбов, соседствующих друг с другом, весьма сведущие армянские источники — «Ашхарһацуйц», П'илон Тиракаци, а также изложенная очевидцем событий «История 684 года», использованная (дословно переписанная) в X в. Мовсэсом Дасхуранци (Каланкатуаци)⁵, — упоминают вплоть до конца VII в.

На основании локализации Б.А. Арутюняном племен ч'илбов и лп'инов (первые — в районе города Шемахи, а вторые — западнее этого района) и выявления их территориального совпадения с позднейшими Лайзаном и Ширваном⁶, А.А. Акопян обратил внимание на сходство этнонима ч'илб с топонимом *Ширван*, в котором частица *-ан* является этно- и хоронимобразующим суффиксом множественного числа иранских языков, а *ширв-* —

¹ *Hudud al-Alam*. The Regions of the World. P. 408–410.

² *Ibid.*

³ *Minorsky V. La domination des Dailamites*. P., 1932.

⁴ *Plin.* Nat. Hist. VI, 29; *Агатангелос*. История Армении. Изд. Г. Тер-Мкртчян, С. Канаянц. Тифлис, 1909. С. 16–17 (на арм. яз.); *Елишэ*. О Вардане и войне армянской / Изд. Е. Тер-Минасян. Ереван, 1957. С. 10–11 (на арм. яз.).

⁵ «Ашхарһацуйц» Мовсэса Хоренаци. Изд. А. Сукрян. Венеция, 1881 (на арм. яз.). С. 27; *Мовсэс Каланкатуаци*. История страны Алуанк. 1983. Кн. II. Гл. 39. С. 238–239 (на арм. яз.).

⁶ *Арутюнян Б.* К вопросу о локализации Лпинка. С. 108–124 (на арм. яз.).

закономерным развитием формы *ч'илб*¹ (в докладе, прочитанном нами на конференции молодых востоковедов в апреле 2007 г. в Ереване, мы попытались дополнительно аргументировать эту точку зрения²). Хронологически довольно ранняя иранизация этого этнонима (в промежутке VII–IX вв.), на наш взгляд, является еще одним наглядным свидетельством отмечаемого специалистами присутствия иранских колоний в Восточном Кавказе еще в раннем Средневековье, а также свидетельством более восточного вектора их направленности³.

Что же касается вероятной связи между Лайзаном и Лп'инк'ом, то она внешне в достаточной мере не обнаруживается. Думается, что вопрос их совпадения может быть рассмотрен лишь в связи с наличием множества вариантов восстановленной формы «Лайзан» (Лиран, ал-Лайджан, ал-Абхаз). Упоминание Ибн Хурдадбихом в системе проходов Дербента (ал-Баба) Баб-Лабаншаха⁴, возможно, следует рассматривать как память о лп'инах. Хотя факт единичного упоминания не может исключить и фактор случайности, однако наличие такого варианта в источниках дает слабую возможность сопоставить эти два термина и, не вникая пока в суть вопроса с полной глубиной, выдвинуть в качестве хотя бы гипотезы и для дальнейшего всестороннего рассмотрения идею о неслучайности некоторого сходства между собственно албанским этнотопонимом Лп'ин-к' (точное звучание — Л[ы]п'инк') и хоронимом Лай-з-ан постарабского периода. Если иметь в виду отсутствие осмысления компонента *Лай-* в термине «Лайзан», то попытка восстановления первоначального написания этого компонента как *Лаб-* кажется заманчивой, и следует обратить внимание на то, что в арабском письме в начале и в середине слова литеры *ба* и *йа* отличаются друг от друга лишь одной точкой. Вспомним и наличие буквы *-б-* в другом варианте рукописного обозначения Лайзана — ал-Абхаз, который еще Й. Маркварт восстанавливал как ал-Лайджан⁵. В таком случае причиной большего письменного хождения в дальнейшем формы Лайз-ан [«Лабз-ан»] можно было бы считать ассоциацию с этнотопонимом *Лакз*.

Сообщая о местоположении Лайзана, источники (Истахри, Мас'уди) называют среди его соседей: на востоке — Ширван, на юге — Муканийу, а на западе — Абсийу, соответствующую Анбасийе — области Капалака–

¹ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 90.

² См.: Акопян А.П. К вопросу о происхождении топонима «Ширван» // Ближний Восток: Сб. статей. IV. Ереван, 2007 (на арм. яз.). С. 61–65.

³ Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. С. 3–4.

⁴ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 28, примеч. 38.

⁵ Hudud al-Alam. The Regions of the World. P. 408.

Кабалы¹. На севере по вершинам Главного Кавказского хребта царство Лайзан примыкало к другой области ширваншахов — Хурсану. «Худуд ал-Алам» упоминает Ширван, Лайзан и Хурсан как «три провинции под властью одного правителя»². Балазури, перечисляя правителей Восточного Кавказа, называет хурсаншаха правителем лакзов³. Хурсан, согласно мнению большинства исследователей, вероятнее всего, локализуется на северных склонах юго-восточного отрога Кавказского хребта, начиная примерно от современных селений Крыз, Будух и Хиналут (со своими лезгиноязычными народностями) и на северо-восток, до района оборонительных сооружений Сасанидов, названных в «Ашхарнацуйц»-е *Хорс-вэм* («Камень, или скала, Хорс») ⁴.

Таким образом, выявляется весьма примечательный и, возможно, пестрый этнический облик средневекового царства Лайзан. С северной стороны оно примыкало к лакзам и другим лезгиноязычным народностям. На восток от него простиралось царство Ширван, которое, по всей видимости, восходило к собственно албанским племенам ч'илбов и шилбов. На юго-западе и западе — собственно Муканийя–Мовакан и Капалак–Кабала, в которой, по сообщению ал-Мас'уди, «городские жители — мусульмане, а те, кто живет в поселениях и поместьях — христиане»⁵. С юго-восточной стороны, несомненно, шло иранское влияние, а господствовавший класс был представлен арабской династией. Наглядным показателем бытования на территории царства разных этнических групп являются, на наш взгляд, упомянутые в «Худуд ал-'алам» селения Курдийан (Курдиван) и Гюрдживан, которые, возможно, свидетельствуют о наличии здесь иранской и грузинской⁶ этнических групп. Однако то же самое обстоятельство показывает и на присутствие на этой территории основной этнической группы, которая не причисляла себя к представителям названных групп. И, безусловно, встает вопрос, не является ли эта группа прямым наследником л'инов античных и раннесредневековых источников, т.е. представителем именно собственно албанской народности?

Окончательно ответить на этот вопрос на сегодняшний день, несомненно, сложно, поскольку вопрос, на наш взгляд, требует более обстоятель-

¹ См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 191, 211 (в парижском издании «Мурудж ал-Дахаб» — С. 5, 69).

² Hudud al-Alam. The Regions of the World. P. 144.

³ См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 114.

⁴ Hudud al-Alam. The Regions of the World. P. 144, 399; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. С. 114–115; Семенов И.Г. Этнополитическая история Кавказа. С. 25.

⁵ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 211 (в парижском издании «Мурудж ал-Дахаб» — С. 68).

⁶ См.: Мухелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). С. 62–63. Отметим, что современные удины обозначают термином «гюрджи» православных христиан вообще, так что здесь надо быть более осторожным в конкретных выводах.

ного и специального этнолингвистического изучения. Однако его решение по предложенной нами схеме могло бы пролить свет на важнейшие вопросы этнической истории Восточного Закавказья до появления там тюркоязычных племен и начала этногенеза современного азербайджанского этноса.

Towards the Problem of Ethnic Appearance of Layzan Kingdom

Abstract: A special analysis of the sources on the ethnic image of the Layzan and Shirwan kingdoms in the 9th–10th centuries shows that their Muslim population apparently rose from the proper Albanian (Lezgian speaking) tribes of Lp'ins and C'ilbs (Lupenis and Silvis), which are mentioned in ancient and early medieval sources.

Key words: *Caucasian Albania, Layzan, Shirwan, Lpink', C'ilbs, Lakz, Ta'rikh al-Bab, al-Mas'udi, Shemakha, Lakhich.*

Arsen P. HAKOBYAN,

PhD Student of the Institute of Oriental Studies (Erevan)

Г.С. Харатян,

независимый исследователь (Ереван)

«Алванские» этнонимы армянских источников в современной ономастике лезгиноязычных народов

Аннотация: В данной статье предлагается принцип идентификации некоторых этноплеменных названий Восточного Закавказья, встречающихся в трудах ранних армянских авторов (Егише, Бузанд, «Армянская География») с современными этнонимическими и топонимическими обозначениями лезгиноязычного ареала. Принцип исходит из специфики практического употребления топо- и этнонимических названий XIX–XX вв., унаследованных, очевидно, из более раннего периода, а именно: перенос топонима главного поселения на языковую группу; частое отличие самоназваний от экзоназваний; множественность этнонимов этнических единиц; вариативность и смена названий часто меняющихся мелких политических союзов и пр. В результате идентификации оказывается, что: а) ряд «этнонимов» раннего Средневековья на самом деле «скрывает» или представляет одну и ту же этноязыковую племенную группу, и этноплеменная палитра — многообразие Восточного Закавказья, в частности Кавказской Албании, гораздо скромнее, б) в Средние века ассимиляция на данной территории была меньше, чем принято считать.

Ключевые слова: *Алванские этнонимы, лезгиноязычные народы, ономастика, топонимы, этноплеменные названия, армянские раннесредневековые источники, идентификация.*

Армянские источники раннего Средневековья, в частности историки V в. — Егише, Фавстос Бузанд и «Ашхарнацуйц» («Армянская география»), — упоминают ряд названий Кавказской Алвании (Албании), считавшиеся этноплеменными, отсутствие многих из которых в дальнейшем вынудило исследователей считать носителей этих названий ассимилированными. Между тем многие этнические названия «обнаруживаются» в современной ономастике, в частности, лезгиноязычных народов.

В связи с антисасанидским восстанием 450–451 гг. Егише упоминает многочисленные отряды ...лпинов и чилбов, Вата, Гава, и Глуара, и Хрсана, и Хечматака, Пасха и Посха и Пюкуана, все войска Таваспарана¹. В армянских рукописях перечисленные названия имеют некоторые разночтения, а именно: Լփնաց (Лп'инов, варианты — րփնաց (лбанов), րփնց (лбинов)) եւ զՃղրաց (и Чих'бов, Чилбов, вариант — զՃղփաց (Чихп'ов)), եւ զԿատն, զԳատն եւ զԳողուարն (и Ват, Гав, Глуар-Гхуар, варианты — զԳողուարն (Главор, Гх'авор), զԳատն (Гав), զԳողուարն (Голуар-Гох'уар)) եւ զԽրատնն (и Хрсан, варианты — զԽրատնն փի զԽրատնն (Харасп'аран вместо Хрсан)) եւ զՀեմատակն (хечматак, варианты — զՀեմատակն (хечматак), զՀեմատանն (хечматан)), զՓասիսն (П'асх, в одной из рукописей название П'асх отсутствует) եւ զՓոխիսն (П'осх, варианты — զՓասիսն (П'асх), զՓոխիսն (П'охс), 1/2Փարիսն (П'арх), Փոխիսն (П'охг'с), եւ զՓիւրիսն (и П'юкуан, варианты — զՓիւրիսն (П'юк'аинан), զՓիւրիսն (П'юк'уан), Փիւրիսակն (П'ик'анак), զՓիւրիսան (П'юк'онан), զՓիւրիսան (П'илк'аинан), զՓիւրիսան (П'юрк'онан), զՓիւրիսան (П'юк'айинан)) եւ զատենայն զաւրն Թատապարանն (и все войска Т'аваспаранов, варианты — զԹատապարանն (Т'авасп'аранов), զԹատապարանն (Т'авспарановов), Թատոնպարանն (Т'автомпаранов), Թուպարանն (Т'оспаранов), զԹատապարանն (Т'авап'саранов))². В другом месте тот же автор, имея в виду те же группы, перечисление названий сжимает до более скромного ряда: «страна алванов, и лпинов, и чихбов, и хечматаков, и таваспаров, и хибиован»³ (в армянской рукописи вместе с разночтениями «յաշխարհն Աղուանից եւ Լփնաց (страна Алванов и Лп'инов (варианты — փնաց, լփնաց (П'ланов, Лп'анов)) եւ Ճղրաց (и Чиг'бов, варианты — լփնաց եւ ի ճրաց, փրղրաց փի ճրաց (лп'инов и ч'оров, п'иг'бов вместо ч'иг'бов)) եւ ի Հեմատակաց եւ ի Թատապարաց (хечматаков и Т'аваспаров, варианты — Թատապարաց, Թուպարաց, Թուպարագ (Т'авспаров, Т'оспаров, Т'осп'аров)) եւ ի Խիբիովան (и от Хибиован, варианты — Խիբիովան, Փիբիովան, Հեղիովան, Փիբիովան, Խիբиովան, Փիբиովան (Хибисван, П'ибрионан, хег'биован, П'ибиван, Хибован, П'ип'рионан))»⁴.

Рассказывая о нашествии маскутского царя Санесана в Армению в 330-х гг., последовавшего за убийством св. Григориса, внука армянского католикоса Григория Просветителя, Фавстос Бузанд пишет, что войска Санесана состояли из войск «аланов, маскутов, гуннов и других народов». Он перечисляет часть участников, в частности, упоминает гуннов, похов,

¹ Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. с др.-арм. И.А. Орбели. Примеч. К.Н. Юзбашьяна. Ереван, 1971. Гл. 4.

² Егише. О Вардане и войне армянской / Подгот. к изд. К. Юзбашьян, П. Мурадян // Armenian Classical Authors. Т. 1. 5 век. Антилиас, 2003. С. 630 (на арм.яз.).

³ Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. с др.-арм. И.А. Орбели. Гл. 6. С. 92.

⁴ Егише. О Вардане и войне армянской. Гл. 6 // В кн.: Armenian Classical Authors. С. 671.

таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов, гхуаров, гугаров, шичбов, чихбов, багасичов, егерсуанов¹ (Ζηνώσις ἐκ Φηήσις, Ἰθωσισησίωνισις, Ζηδίνωσισησίωνισις, Ἰθδίνωσισησίωνισις, Φωφώσις ἐκ Φηήσιωνισις, Φουφωσισησίωνισις, Τζρῶσις ἐκ Δηρῶσις ἐκ Φωησισησίωνισις ἐκ Ἐφῆσισησίωνισις)², заканчивая перечисление словами: «и несметное множество других разношерстных кочевых племен». И, наконец, автор «Армянской географии» упоминает «Διαφέρουσι δὲ καὶ οἱ βασιλεῖς: νυνὶ μὲν οὖν εἰς ἀπάντων ἄρχει, πρότερον δὲ καὶ καθ' ἑκάστην γλῶτταν ἰδίᾳ ἐβασιλεύοντο ἕκαστοι. γλῶτται δ' εἰσὶν ἕξ καὶ ἕικοσι αὐτοῖς διὰ τὸ μὴ εὐεπίμικτον πρὸς ἀλλήλους»³. Историк С. Еремян из разных рукописей «Армянской географии» восстановит следующий ряд упомянутых названий: леков, катапастианов, агъутаканов, хенав[д]ов, шихъбов [чихъбов], [д]пинов, шегъаков, касбиев... народы шрванов и хсрванов до Хорсвем..., таваспаров, хеч'матаков, ижмахов, п'асхов, п'усхов, пюканакон⁴.

Сравнение рукописей «Армянской географии» также обнаруживает ряд разночтений:

Вариант А	Вариант Б
-	Օրխյըր (Ц'хойк', ц'хойи)
Ղէկըր (Гъеки)	Լէկըր (Леки)
Տապաստանիւնըր (Тапаставаны)	Տապոտարանիւնըր (Тапотараны)
Աղբութանիւնըր (Агъутаканы)	Յաղբութանիւնըր (хагъутаканы)
Խենանիւնըր (Хенавки-Хеноки)	Խենանիւնըր (Хенавды-Хеновды)
Շիղպըր (Шигъпы)	Շիղպըր (Шигъпы)
Ճիղպըր (Ч'игаки)	Ճիղպըր (Ч'иг'пы)
Խեղպըր (Х'егъаки)	-
Չարըր (Касби)	-
Փուխըր (П'ухи)	Փիւր (П'юи)

¹ История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгяна; под ред. С.Т. Еремяна; вступ. ст. Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953. Гл. VII.

² История Армении Фавстоса Бузанда / Подгот. к изд. К. Юзбашян, П. Мурадян // Armenian Classical Authors. Т. 1. 5 век. Антилиас, 2003. С. 284 (на арм. яз.).

³ География / Подгот. к изданию Б. Арутюнян // Armenian Classical Authors. Т. 1. 5 век. Антилиас, 2003. С. 2149–2150 (на арм. яз.).

⁴ Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарнацуйц» // Историко-филологический журнал. Ереван, 1973. № 2. С. 270–272.

Вариант А	Вариант Б
Շրուանք (Шрваны)	Շրուան եւ Խրուան ազգ՝ միմէն ցԽրուալէմ (Народ Шрван и Хсрван до Хорсвем)
Խուրանք (Хсраны)	Խրուալէմ (Хорсвем)?
Թաւաւաւարուք (Т'аваспароты)	Թաւաւաւարք (Т'аваспары)
Հեճմատակք (hec'матаки)	Հեճմատակք (hec'маки)
Իժմախք (Ижмахи)	Իժմախք (Ижмахи)
Փաւխք (П'асхи)	Փաւխք (П'асхи)
Քուխք (К'осхи)	Փուխք (П'усхи)
Փոքոնակ (П'ок'онак)	Փլքանակք (П'юк'анаки)
Բարանք (Бак'анк')	Բազանք (Баганк')

Хсран варианта «А» в варианте «Б» представлен как *Хорсвем*; *К'осх* — как *П'усх*; *П'ухи* и *П'ок'онак* — соответственно как *П'юи* и *П'юк'анак*. В варианте «А» отсутствует *Ц'хой*, а в варианте «Б» отсутствуют *Хег'хай* и *Касби*.

Из упомянутых названий, по которым в данной статье поиск соответствий осуществлялся в современной лезгиноязычной ономастике, исключены ираноязычные названия (маскуты, аланы), а также по некоторым соображениям была обойдена часть обсужденных в научной литературе названий, таких как баласичи, лпины, шрваны, каспии, бак(г)аны.

Прежде чем приступить к попытке соотнесения некоторых из вышеперечисленных названий с современными этнонимическими и этнотопонимическими обозначениями, оговорим, что учтена топо- и этнонимическая специфика Кавказа XIX–XX вв., унаследованная, очевидно, с более раннего периода, а именно:

— отсутствие у некоторых этнических общин «общего названия для обозначения народа и области, в которой распространен язык данного народа»¹;

— смена этнических названий;

— практика самоидентификации с названием места проживания, вследствие чего название главного поселения группы иногда переносилось

¹ Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 11–12.

на этническое название группы, а с изменением главного поселения могло измениться и собирательное название группы¹;

— отличие самоназваний от экзоназваний (за редкими исключениями самоназвания этнических единиц не употребляются на Кавказе другими этническими единицами)²;

— множественность этнонимов этнических единиц³;

— «иерархичность», определенная «самостоятельность», вариативность названий часто меняющихся мелких политических союзов, некоторых этнических или общинных названий, «аморфность» самих «общин» и тем самым — смена названий «общин»⁴;

¹ Например, название *рутул* как топоним и как этноним — экзоназвание. Сами рутульцы свое главное поселение, Рутул, называют *МыхIаl/МыхIад*, а себя — *мыхIадбыр / мыхIебор*. Цахуры называют рутульцев *мыхашура, агьакъбы, лезгины* — *мыдхадар, рутулар, вана-вацIар* (от *вана* — «верхняя» и *вацI* — «река», т.е. «люди, живущие в верховье реки») (Булатова А.Г. Рутульцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 416). При этом исследователи отмечают, что у рутульцев нет общего самоназвания, и они именуют себя по названию тех селений, в которых проживают (Рутульцы // Народы Кавказа. Т. 1. / Под общ. ред. С.П. Толстова. М., 1960. С. 537; Булатова А.Г. Рутульцы. С. 416). Например, жители сел. Шин, Шиназ/Сыназ до недавнего времени сами себе называли *сыназрабор* (сыназцы), жители села Ихрек/Ирек — *ирекдыбор* (ирекцы), жители сел. Борч — *бужедбор* и т.д. Название *рутульцы*, производное от названия главного сел. Рутул, как топоним впервые упоминается в XV в., а как общий этноним употребляется в советское время (Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. Махачкала, 2004. С. 18). Агулы сами себя так и называют (мн. ч. *агъулар*), под этим названием известны они и другим народам, однако в быту агулы предпочитают именовать себя по названию своего селения — хутхлец, буркиханец, хореджец и т.д. (Калоев Б.А. Агулы // Народы Дагестана / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1955. С. 204).

² Н.Г. Волкова в книге «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа» (М., 1973) приводит множество примеров, в том числе и из современной жизни. Даже самые крупные народы известны друг другу через множество экзоэтнонимов. Практически только армяне и грузины как этнические единицы внешнему, в т.ч. кавказскому, миру известны более или менее единым этнонимом: этноним армян (самоназвание — *хай*) производный в основном от этнонима «армянин», и лишь у некоторых народов употребляется грузинская форма этнонима армян (груз. *сомехи*, бацб. *сомхоу*, сван. *сомех*, осет. *сомихаз*). Другие этнические единицы Кавказа по отношению к армянам употребляют мусульманизированные варианты: азерб. *эрмениляр*, карач., балкар., кумык. *эрменли*, ног. *эрмели*, ингуш., чеч. *эрмало*, дарг. *эрмалан* и т.д. Самоназвание грузин *кართვეли* отразилось лишь в абхазском (*акыртуа*), мегрельском (*корту*) и сванском (*мыкюрт*) языках. Более широко известно персидско-тюркское название *гурдж*, от которого образовались адыг. *курджи*, осет. *гурзиаг*, чеч., ингуш. *гурджи*, авар. *гуржиал* и т.д. Армяне грузин называют *враци*, карачаевцы — *малгарлы, уриялы, гурджюлю*.

³ Как пример можно привести самоназвание лакцев — *лак* (мн. ч. *лактал*), которых аварцы называют *тумал*, андийцы — *гумекидирал*, лезгины — *яхулви, яхулишу, даргинцы* — *вулеги, вулеко, вулугуни, вулечуни* и т.д. (Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 4). Этноним *лезги* в письменных памятниках известен уже с XII в. (если не считать таковым *лек* «Армянской географии»). Обычно для их названия употреблялись термины «кюринцы» (авар. *куралал*, цахур. *куралер*, арч. *куралкиштув*), «йаркинцы» (табасар. *йаркскрар*, агул. *йарккаршуй*, рутул. *йирк* и др.) (Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов ЛЕЗГ и ЛАК. С. 17).

⁴ Еще в XVIII–XIX вв. у табасаранцев (самоназвание *табасаранар*, агул. *уханар, табасараншуй*, кайтаг. *шилан*, цахур. *тавасаранна*, лезг. *табасаранар, къабгъанар*) нередко разнились названия и самоназвания поселений и многих мелких политических единиц, союзов сельских обществ. Эти союзы часто перегруппировывались, и, естественно, менялись названия. Кроме того, каждый из них име-

— смена активизации и приобретение политической, а нередко также этнокультурной значимости одних названий по отношению к другим и вытеснение последующими предыдущих и/или пассивных названий.

Известный кавказовед Н.Я. Марр отмечал, что «во многих случаях разнообразие названий происходит от изменений, фонетически возникших в основе одного и того же термина... Добрая часть изменений зависит от звуковых законов речи данной народности или окружающих ее народов и племен»¹. Однако необычайное разнообразие и вариативность этнонимов народов Кавказа имеет также множество других проявлений, и Н.Я. Марр, классифицируя это разнообразие,

1) приводит примеры «двойников» или различий названий одних и тех же народов у различных авторов;

2) видит случаи полной замены одного названия другим, совершенно иного происхождения, как результат переноса известного этнического названия на другой народ;

3) приводит примеры случаев всплывания «старых, забытых названий первоначальников, давно занесенных населением позднейшей номенклатуры»²;

4) приводит примеры наслоения форм множественности — двойного, тройного или даже четверного образования³;

новался по-разному в зависимости от отдельных групп, причем один и тот же термин не всегда совпадал с внутренним термином и/или не всегда употреблялся по отношению к одним и тем же группам. М.Р. Гасанов утверждает, что для обозначения жителей союзов сельских обществ употреблялись термины *дерчвар* (Хив, Лака, Хрежв), *нитрихъвар* (Ягълниар, Мажвгул, Чъалакк), *къалхъвар* (Тиорязъ, Ничирас, Гъуйир), *сувкар* (Фурдаг, Ургъа, Ярагъ), *гъуннар* (Гурихъ, Ханаг, Хурик, Пилиг, Кужник), *этегар* (Сыртъч, Чулат, Тинит, Гюхряг) (Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 203–204). Помимо этого между группами и даже жителями отдельных поселений или союзов употреблялись и другие названия, а также, казалось бы закрепленные, названия употреблялись достаточно произвольно. Например, жители сел. Улзиг южных табасаранцев называли *нитрихъвар*, жителей соседних 6 аулов — *хиркъвар*, жителей сел. Улзиг, Кюрек, Чурдаф и др. — *хамандар*, жителей других 4 сел — *галандар*, жителей северо-табасаранских аулов называли *бендликк кканорар* (т.е. «живущие под Бендом»). Гуминцы южных табасаранцев делили на *гъуннар*, *хъухрик*, *сувак*. Термином *этегар* они обозначали жителей трех аулов (Арkit, Таруф, Тинит), термином *нитрихъвар* — жителей аулов между Фурдаг и Кушгиль. Термин *хъухрикар* гуминцы употребляли по отношению к жителям аулов Джули, Халаг, Кюряг и т.д. Жителей табасаранских аулов Хив, Хоредж, Лака обозначали термином *къалукар* (сел. Хив местными жителями именовалось Гъуъчъвер). Таким образом, отдельные группы селений или даже одно село имели разные названия, что зависело от того, кто его употребляет, или же одно и то же название распространялось на разные группы. Например, название *этегар* для жителей группы аулов Хурик, Ханаг, Пилаг означало жителей селений Тинит, Чулат, Хюрякъ, Хулют, а для гуминцев — Арkit, Таруф и тот же Тинит. Тот же термин *этегар* для жителей сельских союзов Къалхъвар, Нитрихъвар означал жителей сел Хулюг, Тинит, Туруф, Сыртъч и т.д. (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII — нач. XIX в. Махачкала, 2001. С. 131). Очевидно, что такая довольно сложная вариация названий осложняла закрепление терминов-названий за этно-лингво-группами.

¹ Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922. С. 1–2.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 14.

5) видит замену топонимов этнонимами — «населенные пункты, селения, местности, области, горы, реки, часто также носят этнические названия»¹;

6) замечает нередкое несоответствие между названием топонима этнического происхождения и этнической принадлежностью населения данного поселения².

Учитывая особенности кавказской этнонимии и топонимии, в данной статье при попытке идентификации названий в армянских источниках с бытующими сегодня топо- и этнонимикой считаем возможным не ограничиваться поиском прямых этноязыковых соответствий. Мы исходим из предположения, согласно которому упоминаемые в качестве этнонимов названия могли иметь как топонимическое происхождение, так и возникнуть из вариантов разнообразных этнонимов одной и той же этноязыковой или просто микрополитической общности.

Исходя из такой возможности, отражение вышеперечисленных названий в современной этно- и топонимике может выглядеть следующим образом:

— *агьутакан* «Армянской географии» напрямую перекликается с этническим самоназванием агулов — *агьул-ар*³ и, соответственно, с названием

¹ В качестве иллюстрации Н.Я. Марр приводит пример названия сел. Гинух «в лезгинской стране Дидоии»: «Гинухи говорят на особом языке, и в лице их видят пережитки одного из племен гунского народа». Гинухцы (самоназвание *гьинухъес*, авар. *гьинухъесел*) — один из цезских народов, проживают в сел. Гинух Цунтинского района РД; бежтинцы называют их *гьинухъаса*, цезы — *гьинухи*, грузины — *леклеби*, *дидол/дидоелеби*. Топоним Гинух переводится как «у дороги, на дороге» (от *гьино/гьину* — «дорога, тропа»). О гинухцах см.: *Ризаханова М.Ш.* Гинухцы. XIX — начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006; *Лузев С.А., Ризаханова М.Ш.* Гинухцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 242–251.

² Топонимика Дагестана дает немало примеров, когда топонимы и этнонимы имеют 2–3 названия, представляющие эндоним (самоназвание) и экзонимы (названия, данные соседними народами). Н.Я. Марр в качестве примера приводит название селения Бежта (в географической номенклатуре XIX — нач. XX в. — Бежита), которое грузины называют *Карут-и* (Капути), аварцы — *Вежута* (Бежта), а сами бежтинцы — *qib-ur-i* (*Марр Н.Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. С. 26). Но, справедливости ради, надо отметить, что последнее название не зафиксировано другими специалистами — этнографами, лингвистами. Бежтинцы, или капучинцы — один из цезских народов андо-цезской группы — называют себя *бежкъасал* (ед.ч. *бежкъас*; по главному их сел. Бежта), аварцы именуют их *хъванал* («лошадники»); грузины — *капучалеби*; они используют также аварское название *хъванал*, но часто именуют себя по тому селению, которое представляют — глядальцы, собственно бежтинцы, хашархотцы. Наименование *капучинцы* происходит от названия союза сельских общин груз. *Капуча* и груз. *капучалеби*. О бежтинцах см.: *Лузев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы (капучинцы, хъванал). Историко-этнографическое исследование. XIX — нач. XX в. Махачкала, 1994; *Лузев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 108–110.

³ Б.А. Калоев утверждает, что самоназвание агулов — *агьулар*, переводимое как «жители Агула», происходит от названия ущелья *Агул-дере* (*Калоев Б.А.* Агулы // Кавказский этнографический сборник. Вып. 3. М., 1962. С. 70). Проживающие в Агул-дере, Кушан-дере, Курах-дере, Хпюк-дере (*дере* — ущелье), селениях Хоредж, Тпиг, Рича агулы сами себя так и называют, под этим названием известны они и другим народам, однако в быту агулы предпочитают именовать себя по названию своего селения — хутхулец, буркиханец, хореджец и т.д. (*Калоев Б.А.* Агулы // Народы Дагестана. С. 204). З.К. Тарланов также подтверждает, что самоназвание агулов означает «жители Агула»,

ущелья Агьулдере в Южном Дагестане, где они проживают. Известный специалист по исторической географии С.Т. Еремян полагал, что *агьутакан* мог быть старинным упоминанием названия сел. Ахты и его жителей — ахтынцев¹. Но этому, как видится, противоречит собственно лезгинское наименование сел. Ахты — *АхцIагь* и его жителей — *ахцIагьар*;

— *егерсуан/егерсван*, упоминаемый Бузандом, может соответствовать этнониму *йирк*, *йерг-ар*, употребляемому рутулами по отношению к лезгинам, или же названию *йаркин*, *йарккаршу*, используемому табасаранцами и агулами по отношению к тем же лезгинам. Заслуживает внимания также одно соответствие формы ед. ч. *эгьехъий*, который применяется цахурами по отношению к рутулам, в отличие от формы мн. ч. *агьахбы / агахъар* — рутулы;

— *хсрван*, *хсран* «Армянской географии» и *хырсан*, упомянутый Егише, могут быть сопоставлены с названием агульского сел. Хырса; *хсран* также обнаруживает сходство с названием табасаранского поселения *Хъаран кьил* (на левом берегу р. Чирах-чай)² и табасаранского сел. Хараг (Хираг, Хирах)³;

— *хенав* «Армянской географии» вполне соответствует названию рутульского сел. Хинав/Хинов (Хин, Хнов)⁴ или хиналутского сел. Хиналут (Хыналыг — оформленный суффиксом *-лыг-*; самоназвание Катш); *хенав* можно также соотнести с названиями табасаранских селений Хиналарик⁵, Ханаг⁶, рутульского сел. Хунюк⁷, цахурского сел. Хнач⁸. С.Т. Еремян соотнесил это название с названием сел. Хнов⁹;

«живущие в Агуле» (Тарланов З.К. Агульский язык. Петрозаводск, 1994. С. 8). Этимологический смысл этого топонима не ясен. Лингвист Н.Д. Сулейманов писал, что агулы, проживающие в Куррахском районе, называют жителей Тпиг, расположенного в Агул-дере, *агьулар* — агульцы, в то время как себя и жителей других населенных пунктов агулов именуют по названию села, откуда они родом: *усуишуй* — «усуец», *чIаьшуй* — «ричинец» (Сулейманов Н.Д. Агулы // Советский Дагестан. 1979, № 4. С. 78). Исследователь упоминает другие этноназвания: «Самоназвание агульцев — *агьулар* (*агьул шуй* — агулец), так же их называют лезгины. У табасаранцев агулы-кошанцы, известны как *рукьушар*. Лакцы называют агульцев *агьал-кьушайми...* Этноним образован от названия двух основных ущелий Агьул-дере и Кушан-дере, где сосредоточена основная масса агулов. Наряду с ними в наше время у табасаранцев и лакцев получают распространение этнонимы *агьулар* и *агьулагьал*. Цахурцы агулов называют *хьывнбы*. Помимо общего самоназвания *агьулар*, имеются локальные, ограниченные: *кIеренер* — керенцы и *кушанар* — кошанцы. По А. Дирру, словом *кIерен* «обозначается дистрикт, обнимающий Рычу и несколько других деревень» (Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. С. 7).

¹ Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарһацуйц». С. 271.

² С.Т. Еремян отождествлял *хсран* с *хсруан* и видел в нем отражение племенного названия *хай-зандур* (*хайландур*) (Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарһацуйц». С. 272), что маловероятно.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. С. 131.

⁴ Ибрагимов Г. Рутульский язык. С. 17.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. С. 87.

⁶ Там же. С. 71, 132, 142.

⁷ Там же. С. 17, 199.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарһацуйц». С. 271.

— *п'юк*, как мы полагаем, повторяется в названии *п'юк'анак*, он идентичен *пюкуан* у Егише и, скорее всего, отражен в названии ущелья *Хпюк-дере* в южном Дагестане и в названии одного из главных поселений агулов — *Хпюк*¹, расположенном в этом ущелье на берегу р. *Хпюк-чай*. С.Т. Еремян идентифицирует *п'юк* с (л)*п'инк*²;

— *ц'хой/цыхой* отложился в названии сел. *Цахур (Цах)*;

— *таваспар, таваспаран* общепринято сопоставляется с *табасаранами*;

— *хибиован*, возможно, отражает цахурское название агулов — *хывынбы*³; не исключено также, что в данном названии отражено название табасаранского сел. *Хив*⁴.

Термин *хибиован* может быть поставлен в один ряд с этнопонимами с корневой морфемой *-хъ-, -х-, -къ-, -зъ-*. По этому поводу лингвист Г.Х. Ибрагимов писал: «...у цахурцев бытует этноним *йихъбы* (самоназвание цахурцев) и *агъахъбы//агъахъар* (так цахурцы называют рутульцев). Общность происхождения этих терминов очевидна. В частности, морфологический анализ позволяет выделить в их структуре следующие элементы: в начале *-йи-, -агъа-*, в середине *-хъ-*, в конце — *-бы, -ар*. Материально и семантически разными являются *йи-, агъа-*. Однако такое различие оправданно — этимологически *йи-* и *агъа-* связаны с местоимениями, ср.: в рут. *йи* “мы” (в борч.-хин. диалекте *йи* “я”), *гъа* “он”, “тот”. Стало быть *йи-хъ-бы* “мы” (без вас), *а-гъа-хъ-бы [-ар]* “они”, “те” (без нас). В этом плане интерес представляет личное местоимение *йу-хъ'н-ар//йу-хъ'ун-бы* “мы” (эксклюзив), засвидетельствованное в борчинско-хиновском диалекте рутульского языка. Видимо, этнонимы *йихъбы* и *агъахъбы//агъахъар* (соответственно *йихъий* «цахурец», *эгъехъий* «рутулец») относятся к периоду цахурско-рутульской языковой общности, но уже с наметившейся диалектной дифференциацией. Более того, анализ этнических названий народов Восточного Кавказа, а также морфологических формантов множественности, представленных в терминах родства в ряде языков Дагестана, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что этнонимы *йихъбы, агъахъбы, агъахъар* — это структурно измененные варианты некогда существовавшего единого для народов Восточного Кавказа этнонима. В частности, обращают на себя внимание бытующие этнические названия народов Восточного Кавказа, которые в своей морфологической и фонетической

¹ В *Хпюк-дере* есть три агульских селения (Калоев Б.А. Агулы // Народы Дагестана. С. 204), а в самом сел. *Хпюк* проживают цахуры (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. С. 178).

² Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарпацуйц». С. 271.

³ Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов. С. 7.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. С. 131. Местное название сел. *Хив*, считающееся наиболее древним — *Гъуьчъвер*. Жителей сел. *Хив* вместе с жителями аулов *Хоредж* и *Лака* в Позднем Средневековье называли *къалукар*, а вместе с населением аулов *Хоредж*, *Кандик*, *Чувек*, *Куштай* жители селений *Хурик*, *Ханаг*, *Пилаг* называли *нитрихъар* (Там же).

структуре обнаруживают определенную семантическую и материальную общность, например: в этнонимах *йи-хъ-бы* «цахурцы», *агъа-хъ-бы*, *агъа-хъ-ар* «рутульцы», *у-хан-ар* (так агульцы называют табасаранцев), *бу-дух-ар* «будухцы», *къыр-ыцI-ар/къыр-ыз-ар* «крызцы», *а-гъул-ар* «агульцы», *йа-хул-ар* (так лезгины называют лакцев), *цIа-хъар-ахъуши* (так лакцы называют даргинцев), *вай-нах* «наш народ» (так называют себя часто чеченцы и ингуши), *нах-чуо/нох-чуо* (узкоплеменное наименование чеченцев), *нух-чи* «соплеменник». Корневые *-хъ-*, *-х-*, *-къ-*, *-гъ-* обнаруживают материальную общность и, возможно, восходят к восточнокавказскому усиленному *къ/къв*. Это суждение находит подтверждение в формантах множественности, сохранившихся в терминах родства, ср.: *къар*, *хъар* в табасаранском, *хъал*, *хал* в даргинском, *хъ'ун*, *х'ун* в рутульском, *къ'* в цахурском языках¹. По мнению Г.Х. Ибрагимова, данные этнонимы «представляют собой альтернанты некогда существовавшего единого этнонима для народов Кавказской Албании»². При этом он ссылаясь и на мнение лингвиста Е.Ф. Джейранишвили, который отмечал: «Мы считаем возможным ввести термин йихийско-албанский, поскольку йихьи... являются употребительным не менее общим названием носителей некоторых языков лезгинской группы»³.

Наконец, по предположению М.С. Гаджиева, в одном ряду с этнонимами *йихъбы*, *агъахъбы* // *агъахъар* (оформленными суффиксами мн. ч. *-бы-* и *-ар-*) стоит и этноним арм. *аъуанк'* (*алуанк'*), в котором выделяется этнонимический корень *-з'//-хъ-*, а гипотетически реконструируемая форма самоназвания албан могла быть **ахъбы* // **ахъар*, откуда с соответствующей суффиксацией и фонетико-грамматической адаптацией **ахъб+ан* → арм. *аъу-ан-к'* → греч. *alban* и **ахъар+ан* → ср.-перс. *аран* → *ран*⁴.

Эти наблюдения исследователей следует дополнить установленным лингвистами близким родством внутри лезгинской языковой группы крызского, будухского, цахурского и рутульского языков, что дало «основание полагать, что некогда эти языки имели общую территорию и значительно большее распространение»⁵.

Вышеприведенные соответствия ономастических терминов армянских источников, как представляется, относятся в целом к языкам лезгинской группы, входят в круг этнотопонимической номенклатуры лезгиноязычного культурного пространства. Мы убеждены, что тщательный поиск в

¹ Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. С. 19.

² Там же. С. 68–69; Ибрагимов Г.Х. Историческая характеристика самоназвания цахурцев *йихъбы* // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 7–8.

³ Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахурского и мухадского (рутульского) языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1966. С. 5

⁴ Гаджиев М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). С. 18.

⁵ Ибрагимов Г.Х. Историческая характеристика самоназвания цахурцев *йихъбы*. С. 7–8.

ономастике этого пространства еще обнаружит свидетельства преемственности отдельных этнических единиц большей части полиэтнической палитры Кавказской Албании, получившей отражение в древнеармянских письменных источниках.

В заключение следует отметить, что когда настоящая статья, основанная на докладе, прочитанном на конференции по албанистике, уже была сдана, вышла из печати интересная статья И.Г. Семенова, посвященная этой же теме — анализу фигурирующих в армянских источниках восточнокавказских этнонимов¹. Опыт сравнения этих этнических названий с существующими этнонимами и этнотопонимами демонстрирует сохранение в определенной мере с позднеантичного времени и по сей день «албанских» этнических терминов.

«The Alvan Ethnonyms» from Armenian Sources in the Modern Onomastics of Lezgian-speaking Groups

Abstract: This article offers the principle of identification of some ethno-tribal names of the Eastern Transcaucasia, used in works of early Armenian authors (Yeghishe, Buzand, “Armenian Geography”) with modern ethnonymic and toponymic designations of the Lezgian languages. The principle is based on the specifics of the practical application of the 19th-20th century toponyms and ethnonyms, obviously inherited from an earlier period, namely: the transfer of the main settlement’s toponym into the language group; the frequent distinction of the self-names from exonyms; the multiplicity of the ethnic units’ ethnonyms; the variability and changes of names of frequently changing small political alliances and so on. As a result of identification it turns out that: a) the range of “ethnonyms” of the early Middle Ages actually represent the same ethno-linguistic tribal group, and that the ethno-tribal palette-diversity of the Eastern Transcaucasia, and particularly of Caucasian Albania, is much more modest; b) in the Middle Ages lesser assimilation took place in this area than it is commonly believed.

Key words: *Caucasian Albanian ethnonyms, Lezgian-speaking people, onomastics, toponyms, ethno-tribal names, Armenian early medieval sources, identification*

Hranush S. KHARATYAN,
Independent Researcher (Erevan)

¹ Семенов И.Г. Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток (Oriens). Аффо-азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 27–46.

Письменность

Ж.-П. Маэ,

президент Академии надписей
и изящной словесности (Париж)

Месроп Маштоц и албанский алфавит

Аннотация: Рассказ Корюна о создании албанского алфавита Месропом Маштоцем и албанским иереем Бениамином не вызывает сомнений и подтверждается с помощью всего материала, известного нам по албанской письменности. Насколько продвигается расшифровка албанских палимпсестов из Синая, настолько информация об албанском алфавите в рукописи Ереванского Матенадарана XV в. и из «Жития» Корюна продолжает подтверждаться. Албанский образец Библии очень похож на армянский. Но Маштоц всегда был окружен местными компетентными помощниками.

Ключевые слова: *Албанское царство, Месроп Маштоц, Бениамин, Корюн, албанский алфавит, албанский палимпсест, Арсваген, И. Абуладзе.*

Маштоц находился в Византийской империи, в Западной Армении, где занимался истреблением еретического движения борборитов и обучением своих соплеменников армянскому алфавиту, а его ученики занимались вместе с ним переводом с греческого на армянский язык христианской духовной литературы. «В это самое время прибывает к нему некий иерей, родом албанец, по имени Бениамин. Он [Маштоц] расспросил его, исследовал варварские слова албанского языка, затем со свойственной ему проныцательностью, ниспосланной свыше, создал письмена [для албанцев] и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил [их]»¹.

Некоторое время новосозданный албанский алфавит существовал лишь теоретически, без какой-либо попытки его применения. Великий Учитель все это время продолжал свою миссию среди своих соплеменников, подвластных императору. Наконец, оставив для продолжения этой миссии

¹ Корюн. Житие Маштоца. С. 16.

двух своих учеников — Еновка и Данана, он возвратился в Армению, в город Кайнеполис (Валаршапат), где уже правил молодой царь Арташес IV (которого персы низложат в 428 г.).

«Затем он попрощался [и] отправился в страну Албанию. И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Албании, которого звали Иеремия, а также с их царем по имени Арсваг и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель своего приезда. И они — епископ и царь, оба в равной мере, с великой радостью согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных им надлежащих местах и назначить содержание на [их] пропитание»¹.

Этот не вызывающий сомнений рассказ может быть подтвержден и с помощью материала, известного нам по албанской письменности. Когда Маштоц прибыл в Албанию (примерно в 421 г.), эта страна находилась на пороге важных перемен, которые должны были радикально изменить ее территорию, этнический состав, язык и даже саму идентичность народа. Фактически к прежней древней стране, описанной Страбоном, которая занимала восточную часть Закавказья (начиная от р. Куры), должны были быть присоединены пограничные с юга провинции Утик и Арцах. Эти новые территории увеличивали страну более чем в три раза. Если прежде царство имело площадь в 23 000 км², то в конце V в. Албания располагалась на территории 72 200 км². По той же самой причине собственно албанское население к северу от Куры становилось меньшинством, и, поскольку армянское население южных сопредельных районов, кроме того, было более развито в экономическом отношении и к тому же имело возможность опираться на соплеменников из центральных районов Персидской части Армении, то армянское население в этом новом государстве стало доминировать.

Когда Маштоц предстал пред царем Арсвагом, эти начинавшиеся изменения еще не были столь ощутимыми. Основное албанское население сохраняло свой язык и культуру. Именно этим обуславливалась важность нового алфавита. Мовсес Хоренаци знает царя Арсвага (420–438) под именем Арсваген (III, 54), а в «Истории Албании» Мовсеса Дасхуранци он назван Есвагеном (I, 15, 23; II, 3). Арсваг был наследником основанной во II в. Траяном династии Аршакидов (имена царей известны нам начиная с IV в.). Являясь христианином, но при этом руководствуясь государственными интересами, Арсваг был вынужден жениться на дочери Иездигерда II. Так как Корюн основывался на устных свидетельствах, он не знает назва-

¹ Корюн. Житие Маштоца. С. 16.

ния того населенного пункта или места, где Маштоц встретил царя. Была это древняя столица Капалак или же патриаршая резиденция в Чоле (Дербенте), которая была перенесена оттуда в Партав только в начале VI в.? Взяв имя епископа Иеремии из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, «История Албании» вносит его в компилированный в X в. список католиков Албании между именами Йовхана — «епископа гуннов», — и Абаса, который впервые упоминается как владычествовавший в Партаве¹.

Что касается миссии Маштоца, тут мы замечаем, что он на каждом этапе своей деятельности был окружен местными помощниками. В начале он создавал алфавит вместе с албанцем по имени Бениамин, с чьей помощью он получал разъяснения различных слов албанского языка, которого сам не знал. Этот метод мало отличается от того, что используют современные кавказоведы-лингвисты, сотрудничая с местными информаторами. Если приводить пример из Средневековья, то можно сослаться на глоссарий Отона IX–X вв., где каролингский ученый писец отметил латинскими буквами различные слова, которые выпрашивал у армянского собеседника. Эти транскрипции настолько точно соответствуют произношению, что стало возможным определить диалект его собеседника. Так что не является невероятным, что Маштоц тем же способом добился соответствующего результата и для албанского языка.

Прибыв на место, Маштоц обращается к властям. Когда царь и епископ приняли его предложение о признании новосозданной письменности, он открыл школы, основываясь на методах, уже опробованных в различных местах. В этот период Маштоц приноравливается к желаниям властей предрежащих, не будучи их подчиненным. В Иверии-Вирке (Картли) царь предпочел централизованную организацию: «Он приказал собрать всех детей из всех районов и гаваров царства и передать их учителям». Албанцы же, наоборот, задумали распределить школьников по различным поселениям так, как это делалось и в Западной Армении.

Но если в пределах Византии Маштоц сам распространял свое учение, «подслащивая» его, чтобы сделать более доступным для своих эллинизированных соотечественников, то в Албании он полностью скрывался за своими помощниками из местных, которые были компетентны в знании своей родной речи. После его отъезда его ученики стали не администраторами, а простыми «техническими консультантами», которые общались с местными властями при помощи единственного собеседника-албанца — иерея Йовнатана.

В любом случае констатация последовательности исторических событий, достоверного научного метода и рациональной административной

¹ The History of the Caucasian Albanians by *Movsēs Dasxuranci*. Transl. by C.J.F. Dowsett. L., 1961. III, 23 (P. 228).

организации не являются еще достаточными, чтобы восстановить точность этих событий. Чтобы перейти от вероятных догадок к более точным, нужно искать конкретные факты, которые покажут, например, связи происхождения албанского письма и армянского алфавита. Однако попытки связать их настолько же сложны, насколько сложны и политические, этнические и территориальные изменения, которые коснулись Албании V века и привели к быстрому частичному исчезновению языка и культуры, для которых Маштоц создал специальный алфавит.

Пришлось дожидаться XX в., чтобы обнаружить раздробленные свидетельства об этой кавказской письменности. В 1937 г. грузинский ученый Илья Абуладзе в одной из интереснейших рукописей Матенадарана обнаружил образец албанского алфавита. Переписанный в Васпураканском монастыре Мецопаванк в 1442 г. по заказу Товмы Мецопеци, с экземпляра, привезенного из Крыма католикосом Киракосом Вирапеци, этот сборник¹ включает редчайшие тексты — такие как, например, древнейший документ на курдском языке, записанный армянскими буквами, а также собрание алфавитов тех народов, которые перевели Библию на свои родные языки. Фонетические эквиваленты этих иноязычных литер даны армянскими буквами. Все алфавиты в основном сопровождаются присовокупленными к ним краткими объяснительными текстами.

Определенно, рукопись не может быть ни личной компиляцией переписчика, ни крымским образцом. Она намного старше и носит скорее апологетический, чем лингвистический характер. Дело в том, что в теологических спорах мусульмане обвиняли евреев и христиан в фальсификации Откровения Господня, якобы Библия, в отличие от Корана, давала искаженный образ Авраамова Бога. Апокрифическое послание императора Льва III Исаврийского халифу Омару II, который в 717–718 гг. осадил Константинополь, отвечает на этот аргумент, ссылаясь на многочисленные переводы Священного Писания, сделанные на самых разных языках, которые в своем единстве доказывают достоверность текста. Хотя греческий оригинал письма утерян, но все-таки сохранился армянский вариант в «Истории арабских завоеваний», сочиненной вардапетом Гевондом, и этот первый образец византийского иконоборства (726–787 гг.) показывает, что обращение к древним версиям Библии, а также к ее вариантам на языках, на которых она была представлена, являлось важнейшим апологетическим оружием в борьбе против ислама.

Насколько продвигается расшифровка албанских палимпсестов из Синая, настолько информация из албанского алфавита Матенадарана и из «Жития Маштоца» продолжает подтверждаться.

¹ Рук. № 7117 Матенадарана им. Маштоца (Ереван).

Уточнение порядковых номеров букв стало возможным благодаря выявлению их цифровых значений на полях страниц библейских текстов. С этой точки зрения албанский язык находится в том же соотношении к армянскому, что и последний — к греческому. Новые, добавленные буквы, которые являются специфичными для албанского языка, расположены между «старыми», не нарушая свойственной этим последним очередности. Албанский образец Библии очень похож на армянский. Все свидетельствует в пользу того, что переводы священных текстов и письмо, которым они представлены, действительно восходят к школе Месропа Маштоца.

Mesrop Mashtots and Albanian Alphabet

Abstract: Koryun's story of the creation of Albanian alphabet by Mesrop Mashtots and the Albanian priest Benyamin is indubitable, and is confirmed by all known material on Albanian writings. The more we proceed in deciphering of Albanian palimpsests from Sinai, the more the information about the Albanian alphabet in the manuscripts of the 15th century from Yerevan's Matenadaran and Koryun's "Vita" continues to be confirmed. The Albanian version of the Holy Bible is very much similar to the Armenian one. But Mashtots was always surrounded by local competent assistants.

Key words: *Caucasian kingdom, Mesrop Mashtots, Benyamin, Koryun, Caucasian-Albanian alphabet, Albanian palimpsest, Arswagen, I.Abuladze.*

Jean-Pierre MAHÉ,

President of the Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Paris)

М.С. Гаджиев,

заместитель председателя Дагестанского научного центра РАН, заведующий
Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
доктор исторических наук, профессор

К интерпретации сведений о создании письменности Кавказской Албании

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы создания кавказско-албанской письменности в начале V в. Автор показывает взаимодополняющую, двустороннюю целенаправленную творческую деятельность священника Месропа Маштоца и одаренного переводчика Бениамина по созданию кавказско-албанского алфавита. Информация о создании алфавита гаргарского языка, как считает автор, отражает выбор одного из распространенных кавказско-албанских диалектов для создания общегосударственного литературного языка.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, кавказско-албанский язык, литературный язык, письменность, книжная культура, Месроп Маштоц, Бениамин.*

Определенно мы можем говорить о самобытной письменности Кавказской Албании с начала V в. нашей эры, когда, по сообщениям Корюна (V в.), Мовсеса Хоренаци (V в.) и Мовсеса Каланкатуаци (VII в.), армянский просветитель и религиозный деятель Месроп Маштоц и священник и переводчик албанин Бениамин с позволения высшей светской и религиозной власти страны — царя Асвагена (Есваген, Арсваген, Арсваг) и епископа Иеремии — создали оригинальный кавказско-албанский алфавит. По информации Каланкатуаци, произошло это важнейшее событие «в те времена, когда императором греческим был Феодосий Младший, царем Армении — Врамшапух, царем Персии — Иазкерт, а царем Алуанка — Есвален»¹.

Это сообщение определяет временные рамки создания кавказско-албанского алфавита: как известно, император Феодосий II Младший пра-

¹ *Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984. II. 3.*

вил в 408–450 гг., шаханшах Йездигерд I — в 399–420 гг., царь Армении Врамшапух — около 387–420 гг., царь Есвален (Асваген) — на рубеже IV–V вв. То есть разработка кавказско-албанской азбуки была осуществлена в период между 408 г. (начало правления Феодосия II) и 420 г. (конец царствования Врамшапуха). Но, согласно более достоверным, как представляется, сведениям Корюна¹, разработка Маштоцем кавказско-албанского алфавита была осуществлена при армянском царе Арташесе (около 420–428), сыне царя Врамшапуха, и очевидно, судя по предшествующему контексту его сочинения в самом начале правления Арташеса.

Это событие, которому в близком будущем исполнится 1600 лет, имело огромное культурно-историческое значение и открыло новую страницу в истории письменности Кавказской Албании. Оно ознаменовало развитие образования и письменной культуры, становление рукописной книжной культуры. Скупые, в несколько предложений, но весьма ценные сведения нарративных источников об этом событии неоднократно были в поле зрения исследователей, и я позволю себе остановиться на некоторых спорных моментах в интерпретации этих сообщений, носящих в известной степени противоречивый характер.

Среди ряда исследователей возникают определенные сомнения в оценке роли самого Маштоца в создании кавказско-албанского письма. Первым эту точку зрения еще в конце XIX в. вскользь, без развернутого анализа высказал И.Л. Окромчеделов-Серебряков в своем докладе «Об изобретении грузинского алфавита», прозвучавшем на V Археологическом съезде в Тифлисе (1881 г.). Излагая свое мнение о том, что «грузины были знакомы с азбукою гораздо раньше Месропа» и что «эта азбука была мхедрули»², он, в примечании касаясь свидетельства Корюна о разработке Месропом Маштоцем кавказско-албанской письменности, заметил, что «он (Месроп. — М. Г.) также касается албанского алфавита, но уже не как создатель его, а как восстановитель существовавшего алфавита... Из этого усматривается, что Албания, страна менее развитая, чем Грузия, имела алфавит ...раньше Месропа»³.

Предпринимая попытку доказать, что сведения Корюна и Мовсеса Хоренаци об изобретении Маштоцем оригинального грузинского алфавита «не заключают в себе истины» и грузинское письмо родственно «зендскому пехлеви»⁴, И.Л. Окромчеделов-Серебряков, в частности, отмечал: «Такое совершенство инструмента (для выражения фонетического состава грузин-

¹ Корюн. Житие Маштоца. С. 12.

² Окромчеделов-Серебряков И.Л. Об изобретении грузинского алфавита // Труды V Археологического Съезда в Тифлисе / Под ред. графини П.С. Уваровой. М., 1887. С. 225.

³ Там же. С. 228, примеч. 1.

⁴ Junker H. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und der georgischen Schrift // Caucasica. 1925, № 2. С. 1–92; *Idem.* Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und der georgischen Schrift // Caucasica. 1926, № 3. С. 82–93; Цепелелу Г.В. Армазское письмо и проблема проис-

ского языка, т.е. алфавита. — М. Г.) указывает, во-первых, на его глубокую древность и на то, что над ним работал длинный ряд анонимных тружеников, обладавших таким умением анализировать звуки и, во-вторых, на то, что такой анализ не мог быть произведен чужестранцем, притом не знавшим языка, каким является Месроп»¹.

Спустя 65 лет вновь было высказано мнение, отрицавшее с немотивированной ссылкой на авторитет Лазара Парпеци достоверность сообщений древнеармянских авторов о творческой деятельности Маштоца по созданию грузинского и кавказско-албанского алфавитов: «Наиболее достоверный из древнейших армянских историков, Лазарь Парбский, очень подробно излагая биографию Маштоца Месропа, ни слова не говорит о какой бы то ни было его деятельности в Грузии и Албании. Таким образом, утверждения об изобретении грузинских и албанских письмен в первоначальной редакции рассказа вовсе не имелось»². Однако, как справедливо отреагировал на это К.А. Мелик-Огаджанян, Парпеци вообще мало говорит о Маштоце и его творческой деятельности по созданию письменности, и в своем сочинении он отсылает читателя к труду Корюна: «Если кто желает все это достоверно знать, пусть он осведомится из Истории желанного мужа Корюна, ученика блаженного Маштоца, прочитав историю жизни его... письмен..., что и мы, многократно читая, достоверно познали»³.

В 1966 г. почти тот же аргумент, что и И.Л. Окрочмеделов-Серебряков в 1881 г., привела А.Г. Периханян, которая, задаваясь вопросом «мог ли Маштоц выступать в качестве непосредственного изобретателя грузинской и албанской письменностей», отвечала: «На этот вопрос а priori можно дать отрицательный ответ. Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к “буквотворчеству” — это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения, так как собранные таким образом сведения никак нельзя считать адекватными для подобного предприятия. Гораздо реальнее и важнее в этом плане упоминания у Корюна и Моисея Хоренского привлеченных Маштоцем лиц — грузина Джалая

хождения грузинского алфавита // Эпиграфика Востока. 1948. Т. II. С. 90–101; 1949. Т. III. С. 59–71; *Мачавариани Е.М.* Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982.

¹ Окрочмеделов-Серебряков И.Л. Об изобретении грузинского алфавита. С. 228, примеч. 1.

² История Грузии / Под ред. С. Джанашия. Ч. I. Тбилиси, 1946. С. 95.

³ Мелик-Огаджанян К.А. Корюн и его «История Маштоца» / Корюн. Житие Маштоца. Комментарии Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1962. С. 5.

(Ja1ay), которого Хоренский характеризует как “переводчика армянского и греческого языков”, и албанца Вениамина»¹.

Такое видение вопроса послужило поводом для заключения, которое сделали последующие исследователи: Месроп Маштоц «не мог играть значительной роли в создании албанской письменности», а сведения источников на этот счет сомнительны². И эта тенденция в оценке личности армянского просветителя в последнее время приобретает некоторую популярность в албанистике.

Однако, как представляется, здесь мы имеем дело с явным преуменьшением, умалением значения Маштоца в процессе создания кавказско-албанской письменности и недоверием к информации древних авторов, у которых на этот счет существуют некоторые разночтения, не имеющие, однако, принципиального характера и не затрагивающие сущности вопроса. Обусловлены эти расхождения не политическими, конфессиональными или национальными причинами, а, как представляется, определенной разнохарактерностью и направленностью сочинений Корюна, Хоренаци и Каланкатуаци и краткостью изложения ими имевшейся в их распоряжении информации.

Прежде всего необходимо отметить, что в письменных источниках Месроп Маштоц предстает центральной фигурой в разработке кавказско-албанского алфавита с разрешения верховной светской и церковной власти Албании. Вместе с тем письменные источники ясно указывают на коллективный характер этого творческого процесса, который начался, как сообщает Корюн, во время пребывания Маштоца в западной (византийской) части Армении: «Приехал к нему некий иерей, албанин по имени Вениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова албанского языка, затем своей обычной пронизательностью, ниспосланной свыше, создал письма (для албанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил»³. Согласно Корюну, после разработки алфавита Месроп «протистился с епископами и князьями страны» (речь идет о Западной Армении), и следом за этим он прибыл в Восточную Армению, в Нор-калак и предстал перед царем Арташесом и епископом Сааком⁴.

После этого, согласно Корюну, Месроп направляется в Албанию — он «прибыл в местопребывание царей (город Халхал. — М. Г.), повидался со святым епископом Адуанка, которого звали Иеремией, а также с их царем Арсвагом и всеми азатами...»; вслед за этим Асваген (Арсваг) и Иеремия —

¹ *Периханян А.Г.* К вопросу о происхождении армянской письменности // *Переднеазиатский сборник. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока.* М., 1966. С. 126–127.

² *Мамедов Т.М.* Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку, 1993. С. 103, 105.

³ *Житие Маштоца.* С. 16.

⁴ Там же.

«оба равные — епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на (их) пропитание»¹. Обращаю внимание, что, согласно Корюну, Месроп приезжает в Албанию уже с подготовленным алфавитом.

В этом пассаже имеется ряд сведений, которые вроде противоречат информации других источников. Прежде всего следует признать, что встреча Маштоца и Бениамина носила, во-первых, преднамеренный характер и, во-вторых, состоялась она в Западной Армении, где они и приступили к разработке кавказско-албанского письма. Не исключено, что приезд иерея Бениамина (по всей видимости, с разрешения епископа Анании) к Месропу Маштоцу и имел целью привлечь его, уже опытного и известного просветителя и разработчика алфавитов, к разработке кавказско-албанской графики. Иначе остается неясным — зачем рядовому священнику, каковым по сану был Бениамин, но «одаренному переводчику», необходимо было отпрапляться из Сюника в Западную (византийскую) Армению. В таком контексте инициатива создания кавказско-албанской письменности может принадлежать Бениамину или, скорее и точнее, стоящим за ним более высоким персонам, каковыми могли быть албанский епископ Иеремия и царь Асваген. Как представляется, без позволения верховной духовной и светской власти Албании ни Месроп Маштоц, ни Бениамин не могли предпринять самостоятельные действия по решению этого важнейшего для страны и церкви вопроса, и их случайная встреча (если ее считать таковой) не могла послужить тому основанием; создание алфавита преследовало прежде всего интересы духовенства и государственной власти. Но, подчеркну, что вопрос о первенстве в инициативе создания кавказско-албанской письменности, на котором нередко заостряют внимание (с позиций сегодняшней общественно-политической ситуации), отрицая, принижая или возвеличивая роль Маштоца, не должен быть в центре проблемы, заслоняя саму суть важнейшего акта в культурной и идеологической жизни Кавказской Албании и самое деятельное и энергичное, центральное и непосредственное участие в этом событии Месропа и Бениамина.

В отличие от Корюна, по сведениям Хоренаци (и Каланкатуаци), встреча Месропа и Бениамина состоялась после того, как Месроп прибыл в Албанию и епископ Иеремия и царь Асваген дали согласие на создание алфавита, — Месроп призвал «некоего Бениамина, одаренного переводчика, которого немедленно отпустил владетель Сюника юный Васак, при

¹ Житие Маштоца. С. 17.

посредничестве своего епископа Анании»¹. Обращает внимание несколько большая осведомленность Хоренаци (нежели Корюна), который пользовался, по-видимому, и иными источниками и ввел в этот рассказ посредническую деятельность Васака Сюникского и епископа Анании.

Взаимодополняющие сведения Корюна, Хоренаци и Каланкатуаци позволяют считать, что Месроп имел, по меньшей мере, две встречи с Бениамином: первую — в Западной Армении, где состоялось их знакомство (?) и где они вместе начали работу над кавказско-албанским алфавитом, и вторую — в Албании, когда Месроп получил от царя Асвагена и епископа Иеремии разрешение на введение оригинальной письменности и вызвал уже известного ему Бениамина. Вместе с тем, согласно информации Хоренаци (и Каланкатуаци), процесс создания кавказско-албанской письменности проходит на территории Албании, тогда как, по Корюну, Месроп во время своего посещения Албании уже представляет светской и духовной власти страны готовый алфавит, который «епископ и царь, согласились принять». Вместе с тем, оценивая сведения Корюна и Хоренаци (и Каланкатуаци) как взаимодополняющие, можно предполагать, что разработка кавказско-албанской письменности Месропом Маштоцем и Бениамином была начата и в основном осуществлена в Западной Армении, а завершена в Албании.

У Корюна ясно просматривается второстепенная роль Бениамина — как посредника и переводчика, и первенствующее, определяющее значение личности Маштоца в процессе создания кавказско-албанского письма, в чем отразился, как думается, характер его биографического сочинения, посвященного жизнедеятельности Маштоца и подчеркивающего его неординарные способности и деяния. С другой стороны, у Корюна отмечен творческий характер его деятельности по изобретению алфавита албанцев, который никак нельзя свести к «буквотворчеству» — Маштоц «расспросил его (Бениамина. — М. Г.), расследовал варварские слова албанского языка». И в этом процессе «расследования слов албанского языка» Месропом центральную, ведущую роль, несомненно, играл «одаренный переводчик» Бениамин.

И Хоренаци, и Каланкатуаци, хотя также предоставляют инициативу Маштоцу, тем не менее, в отличие от Корюна, подчеркивают участие в разработке кавказско-албанской графики Бениамина: Месроп «с их помощью (т.е. Бениамина и при поддержке князя Васака и епископа Анании. — М. Г.) создал письмена гортанного, нелепого, варварского, грубейшего языка гаргаров»²: «[Месроп] с ними вместе создал письмена для избылиующего

¹ История Армении Моисея Хоренского. III, 54; *Мовсэс Каланкатуаци*. История страны Алуанк. II, 3.

² Там же.

гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками языка гаргаров»¹.

Эти сведения, на мой взгляд, указывают на равнозначную оценку в изобретении оригинальной кавказско-албанской письменности Месропа Маштоца, не владевшего албанской речью, но имевшего опыт создания алфавита, и священника Бениамина, который не обладал таким опытом, но являлся «одаренным переводчиком» и, очевидно, в совершенстве знал не только родной язык, но и армянский. Преувеличение или преуменьшение роли одного из них в этом созидательном процессе неуместно прежде всего как в силу отсутствия конкретных данных, так и по причине взаимодополняющей и взаимообусловленной роли обоих просветителей — творцов кавказско-албанского алфавита. И армянин Месроп, и албанин Бениамин, выражаясь словами А.Г. Периханян, «положили свой труд и талант на создание письменности» албанского языка. Значение Бениамина в деле разработки кавказско-албанского алфавита можно в определенной степени сравнить с ролью удин Согомонианца и Мнацаганианца в процессе создания удинской грамматики А.М. Дирром, который называл их «мои учителя удинского языка»².

Вклад Маштоца и Бениамина нашел яркое и соответственное отражение во внешней и внутренней форме кавказско-албанского алфавита³. На основе тщательного исследования вопросов образования кавказско-албанского алфавитного порядка, реконструкции внешнего облика и фонетических значений, способа создания графем кавказско-албанского алфавита С.Н. Муравьев пришел к заключению, что «албанский алфавит возник не стихийно, а является продуктом сознательного творчества (изобретением) определенного человека или коллектива, поставившего себе целью создать письменность для кавказско-албанского народа и взявшего для этого за основу азбуку двух других христианских народов Закавказья — армянскую и грузинскую»⁴, что «сходство между фонологической системой удинского языка и ...системой звуковых значений албанского алфавита — несомненно»⁵. Именно взаимодополняющая, двусторонняя целенаправлен-

¹ Пер. К.Дж. Даусетт: "... with their aid he created an alphabet for the guttural, disjointed, barbarous, and harsh language of the Gargaracik' ", см.: The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. L., 1961. P. 69.

² Дирр А.М. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904. С. VIII.

³ Муравьев С.Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. VIII. Тбилиси, 1981. С. 222–259, 294–320.

⁴ Ныне проф. З. Алексидзе установил, что албанские литеры имеют близкое сходство не только с грузинскими (19 букв) и армянскими (10 букв), но и с эфиопскими (14 букв) (Alexidze Z., Blair B. The Albanian Script. The Process — How Its Secrets Were Revealed // Azerbaijan International Magazine. Summer 2003 (11.2)).

⁵ Муравьев С.Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности. С. 223, 238.

ная творческая деятельность Месропа и Бениамина обеспечила создание алфавита, включившего 52 графемы (отобразившие определенные фонемы) и 2 лигатуры (отобразившие дифтонги) и адекватно, даже поразительно точно, отразившего сложную фонологическую систему и особенности кавказско-албанского языка, все его фонетическое богатство. Для сравнения отмечу, что пятнадцать столетий спустя известные лингвисты А. Шифнер и А.М. Дирр не столь верно смогли определить звуковой состав его ближайшего наследника — удинского языка¹. У них звуковой состав языка представлен 46 знаками, тогда как современные языковеды выделяют 52–53². Оценка же Хоренаци этого языка как «грубого, варварского, труднопроизносимого» — не более чем внешний взгляд на специфический звуковой характер «изобилующего гортанными звуками» иноземного слога.

Оба автора — и Хоренаци, и Каланкатуаци, как видно из приведенных выше цитат, и опять-таки в отличие от Корюна, пишут не об албанском языке, а о гаргарском. Хотя в другом месте своего сочинения албанский историк (точнее — более поздний автор III книги «Истории албан») сообщает, что «блаженный Месроп создал албанские письма»³. Сопоставление информации этих авторов (как и более поздних — Асохика, Вардана, Гандзакеци, Орбеляна), наличие одних и тех же действующих лиц недвусмысленно показывает, что речь идет о создании письменности одного языка, который в одном случае именуется албанским, а в другом — гаргарским.

Тем не менее эти сведения послужили основанием некоторым исследователям обосновывать идею о том, что Маштоц во время своей миссии в Албании создал два алфавита: армянский — для армян Агванка (Албании), о котором сообщает Корюн, именуя его албанским, и второй — для албан-гаргаров, о чем повествуют Хоренаци и Каланкатуаци⁴. Эта мысль, ныне представляющая только историографический интерес и преподнесенная в качестве аксиомы, не имеет под собой почвы, несмотря на утверждение А.Ш. Мнацаканяна, ее озвучившего, что «следует считать лишними всякого основания негативное отношение и отдельные оговорки некоторых специалистов в отношении этого вопроса»⁵.

Иную точку зрения высказал А.А. Акопян, который полагает, что гаргары Хоренаци не являлись албанским племенем, что этот этноним упот-

¹ *Schifner A. Versuch über die Sprache der Uden // Mémoires des l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1863. VIII Série. T. VI. № 8; Дирр А.М. Грамматика удинского языка.*

² *Гукасян В.Л. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965; Он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974. С. 251–255; Панчвидзе В.Н., Джейранишвили Е.Ф. Удинский язык // Языки народов СССР. Т.IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 676–677.*

³ *Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. III, 24.*

⁴ *Мнацаканян А.Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969. С. 66–73, 193.*

⁵ Там же. С. 193.

реблялся в пейоративном смысле для обозначения одного из варварских племен северо-восточного Кавказа (населения левобережной Албании и соседнего горного района), а термин «гаргарейский» использован им (Хоренаци) в качестве пятого пейоративного эпитета, характеризующего албанский язык¹. Мне уже приходилось писать² о том, что объявление этого этнонима пейоративным (уничжительным) термином противоречит данным письменных источников о гаргарах, как и безосновательна идея об их (а также албан, удин) исконно тюркском происхождении, высказываемая некоторыми азербайджанскими исследователями³.

В существовании конкретного племени, носившего наименование *гаргары*, не приходится сомневаться. Иное дело — происхождение этого этнонима, его этимология, характер (в том числе в хронологическом срезе), использование (иноземное обозначение, самоназвание). Здесь могут быть различные суждения. Известно, к примеру, сопоставление данного этнонима с созвучным термином в ряде дагестано-нахских (восточнокавказских) языков, к которым относится и албанский, — в цахурском, рутульском, в ряде аваро-андо-цезских, чеченском, ингушском и бацбийском языках для обозначения родственника, близкого⁴. Однако из этого не следует заключать, как это делали некоторые исследователи, что данный этноним обозначает нахскую племенную группу⁵, и тем более не следует объявлять, что на нахском языке была создана письменность Кавказской Албании, а Месроп Маштоц был вайнахом⁶. Замечу также, что в Южном Дагестане расположена гора, носящая название *Гаргара*, имеются тухумы, носящие

¹ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 73–74.

² Гаджиев М.С. Современные тенденции в изучении проблемы этнической дефиниции племен Кавказской Албании // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа: Тез. докл. науч. конференции. Махачкала, 1997. С. 25–27.

³ Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии) // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984; Алиев К.Г. Этюды о населении древнего Азербайджана // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984; Мамедов Т.М. Кавказская Албания; Исмаил (Исмаилов) М.А. Разбой среди белого дня. Об опусе «Кавказская Албания — Лезгистан». Баку, 1998.

⁴ Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 53–54, 69–70; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 152–153; Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003. С. 62.

⁵ Крутных Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 74; Он же. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 41–42; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. С. 64–68; Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарфациу» («Армянской географии VII века»); Трубачев О.Н. Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica (в соавторстве с А.К. Шапошниковым) // Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 238.

⁶ Аратиев С. О письменности гаргарейцев // Сердало. 13 ноября 1997 г.

имя *гаргарар*, а в сел. Сильди (Ункратль, Цумадинский район РД) имеется тейп со сходным названием *хьаркьарой*.

Возможно, что в основе этого этнонима лежит корень *гарг-*, дополненный суффиксом множественного числа *-ар-*, характерным для ряда языков лезгинской группы (ср.: удин. *гьаргъаин* «юноша, молодой человек», «храбрец, джигит»). Эта версия может подкрепляться, в частности, приводимым Ипполитом Портским (III в. нашей эры) в перечне племен-потомков Иафета между албанами и эрраями¹ (*эры* грузинских источников, *лины* армянских авторов) этнонимом *гарганы* (*Ипполит. Хроника*, 84²), который соответствует этнониму *гаргары* и в котором восточнокавказский суффикс множественного числа *-ар-* заменен на иранский *-ан-*.

Чем же было обусловлено то, что Хоренаци, а вслед за ним и Каланкатуаци, говорят о создании алфавита гаргарского языка, а не албанского? Исходя из данных письменных источников об этническом составе Кавказской Албании, собственно об албанах и гаргарах, следует признать, что это были близкородственные племена, говорившие на разных диалектах (или говорах) одного языка, но и чем-то (элементами материальной, духовной культуры) отличавшиеся друг от друга, что и обусловило наличие у них самостоятельных этнонимов. Вопрос соотношения албанского и гаргарского языков нерешаем из-за отсутствия лингвистических данных. Но, учитывая открытие проф. З.Н. Алексидзе³ в монастыре Св. Екатерины на Синае албанских рукописей V–VI вв., написанных на языке, близком, родственном современному удинскому (входящему в лезгинскую подгруппу дагестанских языков), следует признать чрезвычайную близость албанского, гаргарского и древнеудинского языков, близкое этническое родство их носителей. И представляется неслучайным то, что, согласно этногенетической и генеалогической легенде, приводимой Хоренаци (II, 8), албаны, гаргары и утии (а также гардманцы и цавдеи) имеют одного прародителя-этнарха — Арана из рода Сисака⁴.

¹ Гаджиев М.С. Липиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность).

² *Ипполит Портский. Происхождение* / Пер. В.В. Латышева // *Вестник древней истории*. 1949. № 3 (29). С. 249–250.

³ Алексидзе З. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе // *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac*. Baku, 2001. № 1; Алексидзе З. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимпсест // *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac*. Baku, 2002. № 2; Алексидзе З. Preliminary Account on the Identification and Deciphering of the Caucasian Albanian Text Discovered on the Mount Sinai // *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac*. Baku, 2001. № 1; *Idem*. What a Georgian-Albanian Palimpsests, Discovered in St. Catherine Monastery of Mt. Sinai, Can Tell Us About the History of the Caucasian Albanian Church // *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac*. Baku, 2002. № 2.

⁴ Возведение Мовсесом Хоренаци Арана Сисакида к Хайку — прародителю армян, так же как и объявление Леонтием Мровели Гаоса (Хайка) главным и старшим в ряду перечисленных им братьев-эпонимов — потомков Иафета и Ноя (*Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей*. Из-

Исходя из сказанного, считаю, что в сообщениях Хоренаци и Каланкатуаци следует видеть отражение целенаправленного процесса не только по созданию албанской письменности, но и выбору общегосударственного *литературного языка*, в основу которого был положен гаргарский (диалект, говор?), очевидно имевший широкое распространение и исторически выполнявший в Албании роль языка межнационального общения. В условиях полиэтничного состава и многоязычия Албании это было закономерным, необходимым актом. Подобный процесс у народов Северо-Восточного Кавказа имел место и в относительно недавнем прошлом, когда встал вопрос о разработке новых алфавитов и выборе литературных языков: так, для лезгин в основу литературного языка лег гюнейский диалект, для аварцев — хунзахский, для даргинцев — акушинский диалект.

Разработка кавказско-албанской письменности преследовала создание литературы (прежде всего христианской), которая бы получила широкое распространение в стране и служила бы понятным идеологическим и политическим целям, а также консолидации многочисленных и близких по происхождению этносов Кавказской Албании.

Судя по данным письменных источников, в Албании были открыты школы для обучения новой письменности, на албанском языке и албанском письме была создана учебная и религиозная (христианская) литература, велась официальная переписка. Уже в процессе разработки алфавита, согласно сведениям Корюна, Хоренаци и Каланкатуаци, по указу царя Асвагена и епископа Иеремии со всей страны были собраны дети для обучения новой азбуке. Биограф Маштоца сообщает, что вслед за созданием оригинальной албанской письменности «блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых (варварские), празднобродящие и диких нравов люди страны Албании вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях»¹. Это первое и наиболее раннее свидетельство создания переводной кавказско-албанской христианской литературы, нашедшее документальное подтверждение в выявленных в наши дни кавказско-албанских текстах — Лекционарии, основой кото-

---

влечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. С. 3, 21–23), — не более чем мифическая библейская родословная, а не указание на этническую принадлежность древнего населения правобережной Албании и, в частности, провинции Утик (Отена античных авторов) к армянскому народу (см.: *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 81, 82, 144–147). Вместе с тем имеющее, очевидно, древнюю основу и письменно зафиксированное Хоренаци и Мровели предание о родстве древнеармянских, древнегрузинских и древнедагестанских племен, возможно, отразило реальные процессы этнической миксации «потомков Тогармы–Торгома–Таргамоса». Сомневаться в хуррито-урартском (как правосточно-кавказском) компоненте в формировании и развитии древних армянского (прежде всего) и картвельского этнических массивов не приходится.

¹ Житие Маштоца. С. 17.

рого являются пассажи из книг Ветхого и Нового завета, и в Евангелии от Иоанна¹. Вслед за этим и на основе этой литературы возникали новые религиозные, литературные письменные памятники на албанском / гаргарском языке, которые переводились и на другие языки. Например, в Матенадаране представлено несколько армянских рукописей, озаглавленных «Об истории святого и божественного масла, которую написали отцы Востока албанским письмом и перевели на армянский язык»². У истоков этой кавказско-албанской (и шире — восточнокавказской) литературы и книжности стояли армянин Месроп Маштоц и албанин Бениамин.

On the Interpretation of Information about Creation of a Caucasian Albanian Writing System

Abstract: Some controversial issues of creation of the Caucasian Albanian writing at the beginning of the 5th century are considered in the article. The author shows the complementary bilateral purposeful creative activities of the priest Mesrop Mashtots and “the gifted translator” Benjamin for creation of the Caucasian Albanian alphabet. The information about the creation of the alphabet of the Gargar language, the author believes, reflects a choice of one of the widespread Caucasian Albanian dialects for the creation of the nationwide state literary language.

Key words: *Caucasian Albania, Dagestan, Caucasian-Albanian language, literary language, writing, book culture, Mesrop Mashtots, Benjamin.*

Murtazali S. GADJIEV,

Dr., Prof., Head of Department of Archaeology, Institute of History,
Archaeology and Ethnography, Dagestan Centre of RAS (Makhachkala)

¹ *Алексидзе З.* Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе. *Aleksidze Z.* Preliminary Account on the Identification and Deciphering of the Caucasian Albanian Text Discovered on the Mount Sinai. *Aleksidze Z., Mahé J.-P.* Le déchiffrement de l'écriture des albanais du Caucase // *Comptes-rendue de l'Académie des Inscriptions*. P., 2002. Т. XXX; *Schulze W.* Caucasian Albanian (Aluan). The Language of the “Caucasian Albanian” (Aluan) Palimpsest from Mt. Sinai and of the “Caucasian Albanian” Inscriptions. 2003 // URL: http://www.lrz-muenchen.de/%7Ewschulze/Cauc_alb.htm; *Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.* (eds.). The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai / *Monumenta Palaeographica Medii Aevi: Series Ibero-Caucasica* (SIBE 2/1–2). 2 vols. 2008.

² *Абуладзе И.* Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев // *Сообщения Груз. филиала АН СССР*. 1940. Т. 1. № 4. С. 317–319; *Абрамян А.Г.* Дешифровка надписей кавказских агван. С. 5.

Р.Т. Лолуа,
научный сотрудник Института языкознания
им. Арн. Чикобава
ТГУ (Тбилиси)

Месроп Маштоц и вопросы генезиса еркатагира и кавказско-албанского письма

Аннотация: Статья посвящена генезису кавказско-албанского письма, которое рассматривается вместе с проблемой происхождения древнеармянского письма — еркатагира. Автор высказывает сомнения в том, что именно Месроп Маштоц создавал кавказско-албанский и грузинские алфавиты. Указывая на то, что Лазар (Газар) Парпеци, Езник Кахбеци, Егише (Елише), Себеос, Анания Ширакаци, Давид Грамматик и другие авторы V–VII вв. не упоминают об «изобретении» грузинского и албанского алфавитов Маштоцем, исследователь допускает возможность более поздних интерполяций.

Ключевые слова: *Кавказско-албанская письменность, еркатагир, Маштоц.*

Представленная статья содержит два раздела, имеющих между собой предметную и логическую связь. Некоторые положения настоящей статьи были представлены на II международном симпозиуме лингвистов (Тбилиси, октябрь 2008 г.)¹.

Мы признательны участникам симпозиума за обсуждение предположений, представленных в докладе². Надеемся, что наши выводы принесут пользу для исследования генезиса кавказского алфавитного мира.

¹ Лолуа Р. Из истории кавказского алфавитного мира. I. К генезису еркатагира // Материалы II международного симпозиума лингвистов. Тбилиси, 2008. С. 23–239 (на груз. яз.).

² В процессе подготовки указанного доклада нам оказал неоценимую помощь д.ф.н., проф. М. Курдиани (скоропостижно скончался в 2010 г.). Мы также благодарны н.с. ИВ РАН Ю. Ландеру за обсуждение некоторых положений настоящей статьи и высказанные ценные замечания.

К генезису кавказско-албанского алфавита

Сведения о существовании кавказско-албанского письма сохранены в армянской историографии. В части этих источников, к которым прежде всего следует отнести «Житие Маштоца» Корюна, «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци и «Историю страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци, помимо подтверждения факта существования албанского письма называется также имя его «создателя» — Маштоца (Месропа).

Некоторые источники (матенадаранская рукопись № 1973 и др.) говорят о заимствовании албанцами алфавита у армян без упоминания имени создателя кавказско-албанского алфавита. В остальных (Гевонд, «Материалы Двинского [506 г.] собора» и др.) лишь подтверждается факт существования албанской письменности.

Исходя из сведений, приписываемых некоторым вышеназванным авторам (Корюн, Хоренаци и др.)¹, вопросы генезиса армянского, албанского и грузинского алфавитов следует рассматривать вместе, т.к. в данных источниках Маштоц называется создателем всех трех древних кавказских алфавитов².

В научной литературе были высказаны сомнения в подлинности этих сведений. И. Джавахишвили провел текстологический анализ армянских письменных источников и пришел к выводу, что сведений о создании Маштоцем грузинского и албанского алфавитов в «Житии Маштоца» Корюна не было, и они вставлены позже. В частности, И. Джавахишвили заметил, что армянский летописец V в. Лазар Парпеци использует указанное произведение Корюна, но ничего не знает о деятельности Маштоца в Иберии или Кавказской Албании³.

Возникают сомнения и по поводу остальных источников, повествующих о «создании» Маштоцем грузинского и албанского алфавитов.

В арменологии распространено мнение, согласно которому Мовсес Хоренаци является автором V в., но ряд ученых относит годы его жизни к периоду VII–IX вв. Р. Ованнисян отмечает, что «История Армении» является самым полным и в то же время самым противоречивым трудом в ранней

¹ Необходимо отметить, что не сохранилось ранних списков Корюна и Хоренаци: наиболее ранние рукописи Корюна относятся к XIII–XIV вв., а рукописи Мовсеса Хоренаци — к XI–XII вв.

² Эти же сведения встречаются и у более поздних биографов Маштоца, наиболее ранние из которых — аноним IX века, написавший «Историю святого патриарха Саака и вардапета Маштоца», а также Карапет Саспеци (XII–XIII вв.), автор «О жизни и смерти св. вардапета Месропа». Помимо этого, необходимо отметить и ряд раннесредневековых и позднесредневековых источников, среди которых — историки IX–X веков Тома Арцруни и Ованес Драсханакертци, авторы XII–XIII столетий Киракос Гандзакети, Вардан Аравелци и некоторые другие.

³ Джавахишвили И. Древнеармянская историческая литература. Тбилиси, 1935. С. 181 (на груз. яз.); Лазар Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну / Под ред. Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца. Тифлис, 1904 (на арм. яз.).

армянской историографии. Исследователь указывает на следующие противоречия в труде Хоренаци¹:

Мовсес пишет, что падение монархии Аршакидов последовало за смертью Месропа (умер в 440 г.) и патриарха Саака (умер в 439 г.), хотя падение произошло раньше, в 428 году.

Хоренаци пишет о людях и местах, известных только в VI–VII вв. и ссылается на источники, которые были недоступны в V веке.

Он искажает источники с целью восхваления своих покровителей Багратуни, которые возвысились в VIII веке.

На Хоренаци нет ссылок в источниках ранее X века.

Р. Томсон, являющийся автором английского перевода «Истории» Хоренаци, указывает на следующие анахронизмы в работе Хоренаци, которые не позволяют датировать эту работу V веком:

Мовсес был первым армянским писателем, идентифицировавшим Сюник с Сисаканом. Последний термин впервые встречается в сирийском источнике VI века, в «Армянской географии» VII века он обозначает округ, а не всю провинцию.

Хоренаци упоминает четыре Армении. Эти византийские провинции были созданы в 536 году византийским императором Юстинианом I (527–565 гг.).

Он называет Васпураканом территорию к востоку от озера Ван. Этот термин стал использоваться после раздела Армении в 591 году.

Мовсес упоминает хазар², не упоминаемых в других армянских источниках до «Армянской географии» VII века.

Ему известно о продвижении иранцев в Вифинию. Иранцы продвинулись так далеко на запад только во время войны 604–629 гг.

Хоренаци упоминает должности в византийской Армении, которые были учреждены только после победы императора Ираклия I над персами в 629 году.

Более того, Роберт Томсон называет Мовсеса Хоренаци политически ангажированным и обслуживающим своего покровителя мистификатором, манипулирующим источниками и фальсифицирующим историю Армении³.

К перечисленным аргументам можно прибавить то, что Хоренаци использует в своем произведении вторую форму имени Маштоца —

¹ *Richard G. Hovannisian. The Armenian People from Ancient to Modern Times: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century. St. Martin's Press, 1997.*

² Помимо этого, можно отметить, что Хоренаци упоминает каганов (арм. յարսիւն) — хазарских правителей. Интересно, что каганат у хазар возникает лишь в 659 году. — *Л. М. Гумилев. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М., 1966. С. 65.*

³ *Robert W. Thomson. History of the Armenians, Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1978.*

Месроп¹, что нехарактерно для армянских источников раннего периода. Указанная форма начинает использоваться авторами только с VII в.

Вопрос авторства «Истории страны Алуанк» не решен. В специальной литературе были высказаны различные предположения о времени написания и личности автора этого произведения. Несмотря на это, ни один из исследователей не сомневался в происхождении автора или соавтора, жившего и описавшего события до VII в. Он, несомненно, был из с. Каланкатуик гавара (провинции) Утик, т.е. являлся жителем Кавказской Албании (как повествует сам автор) и был патриотом своей страны, о чем свидетельствуют многочисленные хвалебные эпитеты, употребляемые автором по отношению к своей стране, народу, ее царям и выдающимся деятелям, например: «Из славных и храбрых потомков этого Аррана (мифический праотец албанцев) ...произошли народы утийского, гардманского, цавдейского и гаргарского княжеств»². На этом фоне неожиданной выглядит пейоративная характеристика родного языка, данная автором, когда в повествовании говорится о создании Месропом алфавита для гаргар (гаргарский — один из диалектов кавказско-албанского языка): «гортанный, глухой, неблагозвучный, грубый»³. Безусловно, здесь мы имеем дело со вставкой из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци⁴.

В «Книге эпистол», а именно — в одном из писем армянского католика Авраама иверскому католику Кириону (эпистола Ɔ: 041–046), встречается фраза, указывающая на якобы общее происхождение грузинской и армянской письменности. З.Н. Алексидзе заметил, что последний отрывок этой фразы — «общее Богослужение установили для нас [армян и грузин] сначала Блаженный Григорий, а затем Маштоц и знание книги (resp. письменности) для утверждения веры, — не устанавливает синтаксическую связь с первой частью предложения. В ответном письме ничего не сказано о письменности, и вместе с этим вышеуказанная эпистола приведена Ухтанесом в «Истории отделения грузин от армян» (X в.), но эта фраза у него не встречается; таким образом, можно сделать вывод, что в древних редакциях «Книги эпистол» (до X в.) указаний на «создание» грузинского алфавита Маштоцем не было, а приведенная фраза представляет собой последующую интерполяцию⁵.

¹ История Армении Моисея Хоренского / Пер. с др.-арм. Н. Эмина. М., 1893.

² Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Тбилиси, 1985. С. 26 (на груз. яз.).

³ Там же. С. 118.

⁴ Ср. у Мовсеса Хоренаци: «Месроп ...создал письма языка гаргарского, языка богатого горловыми звуками, бессвязного, варварского, в высшей степени нескладного». — История Армении Моисея Хоренского. С. 193.

⁵ Книга эпистол / Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями выпустил З. Алексидзе. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.); Ухтанес. История отделения армян от грузин / Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями выпустил З. Алексидзе. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

Следует отметить, что Езник Кахбеци, Егише (Елише), Себеос, Анания Ширакаци, Давид Грамматик и другие авторы V–VII вв. не упоминают об «изобретении» грузинского и албанского алфавитов Маштоцем¹.

Показательно, что армянский автор XIII в. Мхитар Айриванеци в своей «Хронографической истории» называет царя Парнаваза создателем грузинской письменности. Можно предположить, что Мхитар Айриванеци либо не знает об «армянской версии» происхождения грузинской азбуки (она еще не возникла?²), либо знает, но, несмотря на это, отдает предпочтение традиционным сведениям грузинской историографии³.

Представляется особенно важным, что грузинская письменность, в отличие от армянской, основана на других структурных принципах. Парадигматика асомтаврули в сравнении с еркатагиром являет собой диаметрально противоположную систему. Буквы №№ 1–24 грузинского алфавита повторяют греческий алфавитный порядок и цифровые значения. За исключением одного легко объяснимого исключения тождественны и фонетические значения букв грузинского и греческого алфавитов: греческая № 16 **Ξ** (*σίγμα*) со значением *ks* была чужда грузинской фонологической системе, и ей в асомтаврули соответствует **ჟ** *j* (*je*). Необходимо отметить, что греческий алфавитный порядок в грузинском сохранен и в случае т.нз. эписемонов. Вторая же часть асомтаврули (№№ 25–36) отведена буквам для «специфических» грузинских согласных. Заканчивается асомтаврули также «греческой» **ჲ** (*hoe*), соответствующей последней букве греческого алфавита **Ω**.

Армянский алфавит также основан на греческой парадигматике. Он состоит из 21 «греческой» и 15 специфических «армянских» букв.

¹ Адонц Н.Г. Армянская литература // Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. III. Пг., 1915.

² Интересно, что Мхитар Айриванеци при перечислении «историков с самого начала» отмечает Корюна (с пометкой «Жизнеописание Саака»), Мовсеса Хоренаци, Моисея Кагантваци (с пометкой «агванский»), Тому Арцруни, Вардана, вардапета (Аравелци. — *Р. Л.*), Киракоса, вардапета (Гандзакеци. — *Р. Л.*), т. е. авторов, в произведениях которых есть сведения о «создании» Маштоцем грузинского и албанского алфавитов. Соответственно, Мхитар Айриванеци должен был быть знаком с работами этих историков. При этом Мхитара Айриванеци никак нельзя обвинить в грузинофильстве, напр., при перечислении «Епископов (resp. католикосов. — *Р. Л.*) Грузинских» Мхитар называет Кириона (при котором произошел армяно-грузинский церковный раскол) «нечестивым» см.: Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванским / Пер. К. Патканов. СПб., 1869. С. 347; 364. Таким образом, нельзя отрицать возможность возникновения сообщений о создании Маштоцем грузинского и албанского алфавитов после XIII в. Для выяснения времени появления этой легенды необходимы свободный доступ для исследователей из различных стран к древнейшим рукописям Корюна, Хоренаци и других, повествующих о перипетиях «создания» грузинской и албанской азбук авторов, и подготовка критических изданий этих историков.

³ Мхитар Айриванеци. Хронографическая история / Пер. с древнеармянского, предисловием, примечаниями и указателем имен снабдила Л. Давлианидзе-Татишвили. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

Принципиальное различие между грузинским и армянским состоит в том, что армянский свои специфические буквы помещает не после «греческой» части, как в грузинском, а «разбрасывает» их среди «греческих» букв без всякого обоснования и видимой логики. Соответственно, место и числовое значение греческих букв в еркатагире меняется. В плане графики же грузинский алфавит обнаруживает значительную близость с северо-семитским алфавитным миром (И. Джавахишвили, Р. Патаридзе и др.), что невозможно предположить для армянского алфавита. По нашему мнению, эти факты уже сами по себе полностью отрицают возможность какого-либо участия создателя армянского письма в разработке грузинского асомтаврули.

На основании приведенных аргументов можно заключить, что сведения той части армянских источников, в которых говорится о создании Маштоцем грузинской письменности, неверны. Соответственно, необходимо так же критически относиться к сведениям тех же источников, когда в них описывается происхождение кавказско-албанского письма.

Кавказско-албанский алфавит нам известен прежде всего из найденной И.В. Абуладзе в 1937 г. эчмиадзинской рукописи № 7117 (ныне она хранится в библиотеке «Матенадаран» в Ереване). Это практически единственный источник, в котором, как следует полагать, дан полный перечень албанских букв, их названия, фонетические значения и порядок их следования. Второй список кавказско-албанского алфавита представлен в найденной в США в 1953 г. арменологом А. Курдяном армянской рукописи XVI в. Это, предположительно, — поздняя копия матенадаранской рукописи № 7117¹. Несмотря на это, список Курдяна обнаруживает некоторые расхождения с эчмиадзинским списком, как в графике, так и в названиях отдельных знаков, хотя алфавитный ряд и количество букв точно соответствуют данным в матенадаранской рукописи.

Исследование показало, что представленный в армянских рукописях кавказско-албанский алфавит в целом заслуживает доверия. Еще до обнаружения синайского албано-грузинского палимпсеста на это указывали: более или менее точная передача других алфавитов в матенадаранской рукописи № 7117; сравнение обоих списков кавказско-албанского алфавита и два неполных эпиграфических списка албанского алфавита (это «надпись на подсвечнике № 2» и «надпись на черепке № 2», в которых представлены фрагменты кавказско-албанского алфавита № 1–10 и № 29–32, причем поряд-

¹ Иное предположение о происхождении этого списка высказал А.Г. Шанидзе. Как полагает исследователь, данный в рукописи кавказско-албанский алфавит переписан непосредственно с общего для обоих списков оригинала, предположительно относящегося к X в.: Шанидзе А.Г. Новые данные о алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита) // Труды Первой конференции закавказских университетов. Баку, 1959. С. 204–206.

док следования букв в этих отрывках точно соответствовал алфавитному ряду албанской азбуки, данному в армянских рукописях). После прочтения синайского палимпсеста (В. Шульце, Й. Гипперт) нам известны числовые значения и, соответственно, алфавитный ряд начальной части кавказско-албанского письма с первой по 21-ю букву, а также, возможно, значение буквы № 31 албанского алфавита¹. Необходимо отметить, что позиции знаков №№ 1–21 албанского палимпсеста точно соответствуют позициям соответствующих букв в матенадаранской рукописи и списке А. Курдяна.

Это доказывает, что албанский, подобно армянскому, «разбрасывает» графемы для своих специфических звуков среди букв «греческой» части алфавита, но можно предположить, что в албанском похожий принцип расстановки букв возник независимо от еркатагира. Еще А.Г. Шанидзе заметил, что албанский алфавит основан на греческой парадигматике, и при этом исследователь подчеркивал типологическую близость кавказско-албанского и армянского алфавитов². А.Г. Абрамян же считал, что соблюдение албанским алфавитом греческого порядка есть следствие соблюдения албанским армянского алфавитного порядка (исходя из того, что сам армянский соблюдает греческий алфавитный порядок)³. Для решения этого вопроса необходимо установить, насколько совпадают позиции специфических «негреческих» букв армянского алфавита с соответствующими фонетическими эквивалентами кавказско-албанского.

В армянском греческим **λ** и **ϑ** соответствуют **η** и **π**. Тот факт, что албанская **ⲗ** (№ 42 **r**) стоит на месте армянской «твердой» **η** (**ր**; resp. греческой **ϑ**), а не **π** (**ր**), является сугубо «греческим» явлением в кавказско-албанском алфавите. Напротив, по такому же принципу албанская **ⲗ** (**l**) должна была находиться на месте армянской **η** (**հ**), но ей соответствует армянская «простая», но «негреческая» **լ** (**l**). Это не означает того, что греческая **λ** не совпадает с близкой по звучанию албанской буквой. Ей соответствует № 22 албанского алфавита **ⲗ** «**lit**» (**l**), причем независимо от армянской **η**.

Представляется особенно важным, что не совпадают позиции армянских **Յ**, **Զ** и **Զ** с албанскими **ⲗ** (**j**), **ⲗ** (**z**) и **ⲗ** (**z**). В кавказско-албанском алфавите нет аналога для армянской **Ը**, что также, по нашему мнению, не свидетельствует в пользу создания албанского алфавита Маштоцем⁴. Можно заключить, что кавказско-албанский алфавит не соблюдает армянский алфавитный поряд-

¹ Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Brepols, 2008. 2 vols. IV-3.

² Шанидзе А.Г. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов // Труды Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР. Т. II. Баку, 1957. С. 41–42.

³ Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван.

⁴ Звук **Ը** (**ə**) в грабаре не имел дистинктивной функции. Исходя из этого, аналог этой графемы мог бы также быть употреблен в кавказско-албанском.

док строго (если соблюдает вообще?) и в то же время в албанском нигде не нарушается порядок следования букв греческого алфавита.

Исходя из простой логики, если бы автор армянского письма был бы создателем и кавказско-албанского алфавита, то он поместил бы специфические буквы албанского языка, либо после «армянской» части алфавита, либо разбросал бы их среди «армянских» букв, не нарушая порядок следования последних, т.е. кавказско-албанский алфавит был бы основан на парадигматике армянского алфавита, как последний основан на греческой, ср.: армянский, в котором имеется 21 соответствие классического греческого алфавита, т.е. буквы №№ 1–24, не считая «эписемонов» и ξ «σίγμα». В еркатагире точно сохранены порядок следования и фонетические значения греческих букв, за исключением фонетических значений нескольких знаков, но и это фонемы с близким звучанием. В свою очередь, при сравнении армянского и кавказско-албанского алфавитов выясняется, что, как минимум, пять албанских букв находятся не «на своих местах» (не соответствуют аналогичным по звучанию армянским буквам): армянской Յ (j) соответствует албанская **Զ** (q); армянской Ջ (ž) — албанская **Տ** (γ); армянской Ձ (z) — албанская **Ի** (x/*q); армянской Ը (ə) — албанская **Բ** (ž). Армянской Դ могут соответствовать 3 албанские буквы, но ни одна из них не имеет и близкого фонетического значения: **Յ** (š^v); **Ս** (o^v); **Վ** (*ç^v). Также представляется важным, что армянской Ժ (ž) соответствует не «простая» ž албанского (**Բ**), а фарингализованная **Զ** (ž^v). Таким образом, из 15 специфических «негреческих» букв еркатагира, 6 — не имеют точных фонетических аналогов на «своих» позициях в албанском.

Краткий обзор парадигматики кавказско-албанского алфавита еще раз ставит под сомнение сведения армянских источников, называющих Маштоца создателем всех трех закавказских алфавитов. Если допустить аутентичность подобных сведений, то совершенно непонятно, почему Маштоц при «создании» кавказско-албанской азбуки возвращается к старой, примененной им в армянском алфавите, системе расстановки специфических букв, от которой он отказывается во время «создания» грузинского письма.

**Сравнительная таблица кавказско-албанского,
армянского и греческого алфавитов**

Табл. 1

Число- значение	Албанский	Фонетическое значение	Число- значение	Армянский	Фонетическое значение	Число- значение	Греческий	Фонетическое значение
1	Ա	a	1	Ա ա	a	1	Α α	a
2	Բ	b	2	Բ բ	b	2	Β β	b
3	Գ	g	3	Գ գ	g	3	Γ γ	γ
4	Դ	d	4	Դ դ	d	4	Δ δ	d
5	Ե	e	5	Ե ե	e	5	Ε ε	e
6	Զ	z	6	Զ զ	z	7	Ζ ζ	z [ʒ]
7	Ը	ej	7	Ը է	[ɛ]	8	Η η	ē [i]
8	Թ	ž	8	Թ թ	ə			
9	Ճ	t	9	Թ թ	t	9	Θ θ	t ^h
10	Լ	ç ^ʕ						
20	Դ	j						
30	Ղ	ž ^ʕ	10	Ժ ժ	ž			
40	Չ	i	20	Ի ի	i	10	Ι ι	i
50	Կ	(ʕ)//*ʕ ^ʕ						
60	Դ	l	30	Լ լ	l			
70	Ձ	n [~]						
80	Վ	x	40	Խ խ	x			
90	Ծ	ž						
100	Շ	ç	50	Ծ ծ	ç			
200	Ե	ž ^ʕ						
300	Տ	k	60	Կ կ	k	20	Κ κ	k
400*	Դ	l [~]				30	Λ λ	l
500*	Ջ	h	70	Հ հ	h			
600*	Չ	x//*q	80	Չ չ	ʒ			
700*	*Ղ	?	90	Ղ ղ	ɫ			
800*	Ս	ç ^ʕ						

Число значение	Албанский	Фонетическое значение	Число значение	Армянский	Фонетическое значение	Число значение	Греческий	Фонетическое значение
900*	Գ	ç	100	Ծ Ծ	ç			
1000*	*Ծ	?						
2000*	Թ	m	200	Մ ւ	m	40	Μ μ	m
3000*	Զ	q	300	Յ յ	j			
4000*	Կ	n	400	Ն ն	n	50	Ν ν	n
5000*	*Լ	?				60	Ξ ξ	ks
6000*	Ծ	š	500	Շ շ	š			
7000*	*Կ	?						
8000*	Օ	o	600	Ո ո	o	70	Ο ο	o
9000*	Լ	*ç ^o						
10000*	Դ	f						
20000*	Ձ	z*						
30000*	Շ	ç	700	Չ չ	ç			
40000*	Բ	p	800	Պ պ	p	80	Π π	p
50000*	Տ	γ	900	Չ չ	ž			
60000*	Լ	r	1000	Ր ր	r	100	Ρ ρ	r
70000*	Ծ	s	2000	Ս ս	s	200	Σ ζ	s
80000*	Բ	v	3000	Վ վ	v			
90000*	Ծ	t	4000	Տ տ	t	300	Τ τ	t
100000*	Յ	š ^r	5000	Ր ր	r			
200000*	Ս	o ^f						
300000*	Կ	*ç ^o						
400000*	Կ	c	600	Կ կ	c			
500000*	Կ	w	7000	Կ կ	w	400	Υ υ	ü [i]
600000*	Կ	p	8000	Փ փ	p	500	Φ φ	f
700000*	Կ	k	9000	Կ կ	k	600	Χ χ	x

Примечание: * (звездочка) в графе знаков кавказско-албанского алфавита обозначает неподтвержденную в палимпсесте графему; * (звездочка) в графе фонетических или цифровых значений кавказско-албанского алфавита обозначает предположительное значение графемы; знак ^r использован для обозначения фарингализованных звуков.

а

— случаи совпадения позиций албанских, армянских и греческих букв;

l

— случаи совпадения позиций албанских и армянских букв, и возможный диапазон этого совпадения;

*z

— случаи однозначного несовпадения позиций албанских и армянских букв;

г

— случаи совпадения позиций только лишь албанских и греческих букв;

В графическом отношении кавказско-албанский алфавит — несомненно, оригинальная система, хотя можно найти как албано-армянские, так и албано-грузинские параллели, ср.¹ ниже:

Армянский	Кавказско-албанский
Է (ē)	Է (ej)
Բ (v)	Բ (w)
Ե (e)	Ե (e) — антиформа
հ (h)	Ի (h) — антиформа
Բ (b)	Բ (b) — инверсионная форма

В свою очередь:

Грузинский	Кавказско-албанский
ႀ (i)	ႀ (j)
ს (s)	ს ((^l)//*s ^f)
ႂ (w)	ႂ (w)
ო (o); ႃ (u)	ო (o); ႃ (u)
ქ (k)	ქ (k)
ა (a)	ა (a) — инверсионная форма

¹ Мы не приводим графических совпадений букв с абсолютно разными фонетическими значениями.

Названия букв албанского алфавита также, по-видимому, оригинальны. Мы лишь в нескольких случаях имеем совпадение или близость с соответствующими наименованиями в армянском или грузинском: арм. *čaj/ča* — алб. *čaj*; арм. *soj* — алб. *soj*; арм. *gim* — алб. *gim*. В свою очередь: груз. *en* — алб. **ejn*; груз. *in* — алб. *ina*; груз. *hae* — алб. *haj* и т.д. Следует полагать, что это случайное явление.

Кроме совпадения или близости начертаний некоторых графем кавказско-албанского и грузинского алфавитов их графические структуры по одним и тем же релевантным признакам противопоставлены структуре еркатагира. Первый признак, по которому асомтаврули и кавказско-албанский алфавит отличались от армянского алфавита, — это частота использования в графемотворчестве верхних (в особенности) и нижних горизонтальных прямых линий, с помощью которых происходило «подсознательное» выравнивание букв при письме, что является обязательным для монументальных письменностей. В грузинском алфавите из 37 букв 19 (т.е. более 50 %) имеют верхние или нижние линии. Из них 16 букв имеют верхние горизонтальные линии, а четыре — нижние (в т.ч. у одной буквы — **ჟ**, — имеются обе линии). Необходимо учесть, что в числе таких букв три графемы обозначают гласные звуки (**ც**, **ი** и **ი**), отличающиеся частым употреблением.

В первоначальной графике армянского алфавита из 36 букв таких было всего 11 (т.е. около 30 %). Из них две буквы имели верхние горизонтальные линии, девять — нижние. Восемь графем обозначали согласные звуки, а **Ա**, **Է** и **Ը** — гласные.

Из 52 графем кавказско-албанского алфавита (четыре буквы восстановлены гипотетически — по списку албанского алфавита матенадаранской рукописи) верхние и нижние горизонтальные линии имелись у 29 букв (т.е. более 55 %). Из них 18 букв имели лишь верхние горизонтальные линии, шесть — нижние, а пять букв — обе. 22 знака используются для обозначения согласных, а семь — для гласных (включая оба диграфа для обозначения звука **u** и его фарингализованной разновидности — **o-ɥ** и **uɥ**), в т.ч. четыре буквы имели верхние линии, две — нижние, а одна (**U**) — обе. Это подтверждает то, что графическая структура кавказско-албанского алфавита генетически и типологически связана со структурой грузинского асомтаврули¹. Показательно, что в обоих алфавитах высоко количество букв с верхними прямыми горизонтальными элементами (около 45 % — 16 из 37 в грузинском и 23 из 52 в кавказско-албанском, ср. с армянским, где всего две такие буквы — около 5 %).

¹ Курдиани М. Албанское заглавное письмо (графическая структура и проблема генезиса). Материалы 52-й научной сессии Института языкознания им. Арн. Чикобава. Тбилиси, 1993. С. 25–26 (на груз. яз.).

Второй релевантный признак, по которому асомтаврули и кавказско-албанский алфавит противопоставлены еркатагиру, заключается в том, что большая часть графем кавказско-албанского алфавита, как и грузинского (Р. Патаридзе, В. Боздер, Е. Мачавариани, Т. Чхенкели, Т. Гамкредидзе и др.), представляет собой комбинацию вертикальной линии и окружности/полуокружности.

В грузинском асомтаврули — 21 подобная графема¹, причем из них 14 букв (38 %) имеют нераскрытые окружности. В кавказско-албанском алфавите число таких знаков составляет 28, включая 12 (23 %), имеющих нераскрытые окружности. Показательно, что в армянском алфавите можно найти всего одну такую букву² — **Փ**, причем и та, безусловно, заимствована из греческого алфавита.

Таким образом, можно заключить, что широко примененный при создании грузинского асомтаврули и кавказско-албанского алфавита способ графемотворчества (с его помощью разработана значительная часть графем грузинского и албанского алфавитов) практически не реализован в армянском письме.

Для нас неприемлемо мнение ученых, а ргіогі считавших, что албанский алфавит — продукт творчества создателя армянской азбуки. Данное предположение не подтверждается ни сравнительным анализом парадигматики, ни графики. Это не означает, что мы отрицаем серьезное влияние армянского алфавита на кавказско-албанский. По нашему мнению, кавказско-албанский из закавказских алфавитов — самый поздний, и его создатель в процессе разработки учитывал особенности как грузинского, так и армянского алфавитов.

Кавказско-албанский алфавит и армянский еркатагир являются графическими системами, основанными на принципе условности (что показывает их искусственный характер), но пользуются они различными признаками: если при создании кавказско-албанского алфавита в качестве основных графических форм, подобно грузинскому алфавиту, взяты окружность (и полуокружность), вертикальные и горизонтальные линии, то в армянском алфавите для создания графических групп использованы

¹ Патаридзе Р. Грузинское письмо асомтаврули. Тбилиси, 1980. С. 153 (на груз. яз.).

² В армянском имеется еще два знака, которые можно отнести к указанному графическому типу, это: **Գ**, **Ճ**. В действительности же, исходя из графической структуры армянского алфавита, эти буквы необходимо отнести к другой графической группе — к т.нз. подковообразным графемам (см. раздел II настоящей статьи). Представленные знаки были образованы путем усечения одной из ножек «подковы» и последующего «закругления»: **Փ** < **Պ** < **Ղ** < **Ճ** < **Ո**; **Ժ** < **Ս**; ср.: **Ս** > **Ն** > **Ե** > **Կ**; **Ո** > **Դ** > **Բ** > **Ը**.

готовые, уже имеющие определенные начертания формы с их последующими модификациями¹.

Таким образом, можно заключить, что единственно ценное в сведениях армянских источников — то, что кавказско-албанская письменность действительно существовала (это сыграло основополагающую роль для начала поисков пропавших памятников албанской письменности), а сведения о «создании» Маштоцем кавказско-албанского алфавита появились позже. В самой арменистике многие авторитетные исследователи (Л.М. Меликсет-Бек, Н.Г. Адонц, Г.Н. Акинян и др.) предполагали, что Маштоц не создавал закавказские алфавиты, а являлся всего лишь реформатором уже существовавшего армянского письма (т.нз. «Данииловых письмен»). Это предположение нуждается в тщательном рассмотрении. По нашему мнению, исследование данного вопроса может пролить свет и на датировку возникновения кавказско-албанского алфавита.

К генезису еркатагира

Вопросы генезиса армянского алфавита по сегодняшний день являются предметом особого интереса различных исследователей. В специальной литературе было высказано множество предположений и гипотез. Еще в 1928 г. проф. Р. Ачарян в своем энциклопедическом труде «Армянская письменность» привел мнения 35 ученых по проблеме происхождения армянского письма². Еркатагир связывали с языческими знаками, древнеперсидскими иероглифами, финикийским, греческим, древнехалдейским, палайским, авестийским, иранским, пальмирским, арамейским, эстрангело, сирийским, коптским, эфиопским, пехлевийским и другими алфавитами, либо считали продуктом частично или полностью свободного творчества. Все гипотезы до начала 1960-х гг. основывались на т.нз. сравнительном методе и опирались лишь на случайное сходство тех или иных букв армянского письма со знаками различных алфавитов Древнего мира.

Проф. Г. Севак был первым, кто применил по отношению к еркатагиру т. нз. графический метод. Исследователь расположил схожие графемы армянского письма по группам, вывел исходные начертания и высказал предположение, что нужно сравнивать их, «а не заниматься произвольным поиском соответствий каждой букве в алфавитах всех языков Древнего мира»³. Несмотря на то, что число графических групп, выделен-

¹ Севак Г. Месроп Маштоц: возникновение армянских письмен и словесности. Ереван, 1962 (на арм. яз.).

² Ачарян Р. Армянская письменность. Ереван, 1984 (на арм. яз.).

³ Севак Г. Месроп Маштоц: возникновение армянских письмен и словесности. С. 40.

ных Г. Севаком, по нашему мнению, завышено, предложенный им метод исследования еркатагира ознаменовал собой начало нового этапа изучения армянского письма.

Глубокий графический анализ еркатагира провел Р. Патаридзе¹. Его графические разработки с некоторыми поправками разделяем и мы, хотя необходимо отметить, что гипотеза происхождения еркатагира, предложенная исследователем, по нашему мнению, не отвечает на многие вопросы.

Представляется, что в специальной литературе не было уделено должного внимания сведениям о так называемых «Данииловых письменах» (в дальнейшем Д.п.), сохранившимся в армянской историографии². Как

¹ Patarize R. Les bases graphiques de l'«Erkataguir», «Bedi Kartlisa» // Revue de Kartvéologie. P., 1972. P. XXIX–XXX; *Idem*. Die graphischen Grundlagen der armenischen Schrift // Wissenschaftliche Zeitschrift. Jena, 1975. 24. 5/6; Патаридзе Р. Графические основы еркатагира // В кн.: Грузинское письмо асомтаврული. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

² О происхождении Д.п. в научной литературе были высказаны различные предположения. Так, в 1892 году И. Арутюнян в своем исследовании предположил, что сведения о Д.п. доказывают существование оригинального алфавита у древних армян в эпоху язычества Арутюнян И. Армянские письмена. Тифлис, 1892. С. 261. Ряд исследователей разделяют это мнение: Пивазян Э.А. К вопросу о домаштоцевской армянской письменности и литературе // Месроп Маштоц. Сборник статей. Ереван. 1963; Herouni P.M. Armenians and Old Armenia. Archaeoastronomy. Linguistics. Old-east History. 2004. С. 81–87; Мушегян А. Месроп Маштоц и домаштоцевское армянское письмо // Историко-филологический журнал. 2006. № 2. С. 210–236 (на арм. яз.). Большая часть исследователей отвергает концепцию существования армянской письменности до Маштоца. Р.А. Ачарян полагает, что Д.п. были одним из устаревших вариантов арамейского алфавита, и путаница произошла из-за схожести названий «армянские» и «арамейские»: Ачарян Р.А. Три вопроса о месроповском алфавите // Журнал «Эчмиадзин», август–сентябрь 1946. С. 38–39 (на арм. яз.). По мнению А. Матевосяна, этот алфавит был одним из вариантов древнегреческого «финикоподобного» письма: Приложение к изданию Мовсеса Хоренаци. История Армении. Ереван. 1997. С. 537–538. Из попытки выделения протосистемы еркатагира на основании сообщений древнеармянских авторов о существовании Д.п. можно отметить лишь работы С.Н. Муравьева: Муравьев С.Н. О протосистеме армянского алфавита // Историко-филологический журнал. 1980. № 2. С. 221–240; Mouraviev S. Les caractères daniéliens (Identification et reconstruction); Les caractères mesropiens (Leur genèse reconstituée) // REArm. XIV, 1980; Муравьев С.Н. Тайна Месропа Маштоца // Литературная Армения. 1985, № 2. С. 83–102; Mouraviev S. Erkataguir ou Comment naquit l'alphabet arménien. Sankt Augustin, 2010 (252 p.); Муравьев С.Н. От протосистемы Данииловых письмен до месроповского алфавита // Армянский гуманитарный вестник. № 4. Москва–Ереван–Степанакерт, 2012. С. 35–64. Автор, после графического анализа букв еркатагира, делит армянское письмо на две группы: 22 «структурно-оформленных» знака, состоящие из одного из основных элементов — О, |, П, U, Г и др. и из вторичных: _ — | Ø (Ա Բ Դ Ե Զ Է Ը Թ Կ Ղ Մ Ծ Ն Պ Ռ Ս Վ Տ Ր Ի Փ) и 14 «структурно-аморфных» (Ֆ Պ Ճ Ժ Խ Ծ Ձ Ջ Յ Ն Շ Ո Ս Ֆ Ք). Помимо этого, С.Н. Муравьев выделяет из еркатагира 20 букв (Ա Բ Գ Դ Ե Զ Է Ը Թ Կ Ղ Մ Ծ Ն Պ Ռ Ս Վ Տ Ֆ Ք), имеющих, по его мнению, позиционно-фонетические соответствия в греческом алфавите (в списке таких букв нет аналогов греческих *ι* и *υ* (*η* и *ι*) как аллофонов греческой «һеты» (*η*), *ο* как аллофона «омеги» (*ω*) и *ϕ*. При этом соответствием греческой «һеты» в армянском автором признается не *Է*, а буква *Ձ* а соответствием *ξ* — *Ձ*), что и признается им реликтом Д.п. в армянском алфавите. Необходимо отметить, что, по утверждению С.Н. Муравьева, явственно обнаруживается закон **рекуррентности** (возвращения) — если указанные буквы поместить в таблицу 5x4, то один и тот же основной элемент возвращается регулярно через каждые 5 или дважды 5 букв. Также графемы, имеющие один и тот же элемент, располагаются пятерками; как утверждает исследователь, в 20-значном подмножестве «греческих букв» армянского алфавита обнаруживается жесткая система упорядоченного расположения половины элементов, составляющих 2/3 ее графем. Это, по мнению С.Н. Муравьева, доказывает то, что Д.п. являются плодом сознательного твор-

было отмечено в предыдущем разделе, некоторые авторы, повествуя о деятельности Маштоца, не упоминают об его участии в «создании» грузинского и албанского алфавитов. В то же время все основные источники, описывающие создание армянского алфавита, указывают на то, что до Маштоца существовал алфавит, найденный (или созданный) епископом Даниилом (Даниэлом). К числу самых ранних источников, повествующих о «Данииловых письменах», относятся авторы V в. Корюн, Лазар Парпеци и Мовсес Хоренаци (если считать последнего автором V в.). Заслуживают внимания и более поздние источники: Давид Харкаци (VII в.), Самуэл Анеци (X в.), Степанос Таронеци (XI в.), Киракос Гандзакеци, Вардан Аравелци (оба XIII в.) и др., отражающие одну и ту же и, по-видимому, единственную традицию, восходящую к ученикам Маштоца¹.

Если кратко суммировать сообщения основных источников, то предысторию обретения «Данииловых писем» можно передать следующим образом: Маштоц и католикос Саак, задавшиеся целью найти армянскую письменность², получают от только что возвратившегося из похода в Месопотамию царя Врамшапуха известие о том, что в Месопотамии

чества, частичная же упорядоченность свидетельствует о том, что в первоначальной системе все без исключения элементы подчинялись закону рекуррентности. Становление еркатагира, по мнению С.Н. Муравьева, происходило в несколько этапов:

Создание графики Д.п. (= тайнопись для какого-то [малоазийского?] письменного языка?). Автор и время создания неизвестны.

Наложение графики Д.п. на парадигматику греческого алфавита (минус 4 «омофона»). Автор: Даниил? Абел? (привезший Д.п.). Начало V в.

Приспособление Д.п. к выражению специфических звуков древнеармянского языка посредством выработки вторичных значений и употребления диграфов/триграфов; создание 4 дополнительных букв. Автор: Маштоц.

Усовершенствование начертаний половины Д.п. Автор: Маштоц. Создание новых 12 знаков, заменивших вторичные значения и монофтонгические диграфы. Автор: Маштоц.

Установление общего алфавитного порядка. Автор: Маштоц.

Модификация форм некоторых графем второй части алфавита по подобию впереди стоящих знаков первой 24-буквенной части еркатагира. Автор: греческий каллиграф Ропанос (Руфин?).

Настоящая работа не ставит целью подробной критики указанных трудов С.Н. Муравьева, хотя часто выводы уважаемого исследователя, по нашему мнению, не основаны на строгой логике. Для критики некоторых положений С.Н. Муравьева см.: Юзбашян К.Н. Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение? // Историко-филологический журнал. 1982. № 1. С. 177–184. См. также ответ С.Н. Муравьева на критическую статью К.Н. Юзбашяна: *Муравьев С.Н.* Еще раз о протосистеме армянского алфавита («Данииловых письменах»): удалось ли критику «закрыть» открытие? // Армянский гуманитарный вестник. № 4. Москва–Ереван–Степанакерт, 2012. С. 77–92.

¹ См.: Корюн, 6; Лазар Парпеци, 9; Мовсес Хоренаци, III, 52; Самуэл Анеци, С. 300 (К олимп., изд. А. Тер-Микеляна, 1893); Степанос Таронеци Асолик, II, 1; Киракос Гандзакеци, I, 25–26; Вардан. С. 63 (пер. Н. Эмина, 1861); *Хроника анонимная*, С. 369 (пер. Н. Эмина, 1858 ошибочно приписывалась Асолику); *Vartankirkh* («Варданагирк»), С. 199 («Journal asiatique», févr-mars 1867).

² Возможно, ходили какие-то слухи о ее существовании. По Лазару Парпеци, Маштоц, видя трудности, связанные с обучением юных армян с помощью сирийской письменности, сокрушался: «Ведь, есть же знаки армянского языка». — Лазар Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну. 9.

некий священник Абел обещал ему «приспособить к армянскому языку письменна, расположенные родственником его, епископом Даниилом». По просьбе Саака и Маштоца царь отправляет некоего Вагрича к Абелу, а тот ведет его к Даниилу¹.

Биограф Маштоца, автор V в. Корюн повествует: «Тогда царь рассказал им о некоем сирийце, благопристойном епископе по имени Даниэл, внезапно нашедшем письменна алфавита армянского языка. И когда царь рассказал об этой находке, они уговорили царя об их обретении. Тогда царь отправил некоего Вагрича с царской грамотой к некоему иерею Авелу, приближенному сирийского епископа Даниэла. Узнав об этой просьбе, Авел немедля прибыл к Даниэлу и сперва сам он осведомился у Даниэла об этих письменнах, а затем, взяв их у него, отправил царю Врамшапуху в Армению. И привез он (Вагрич письменна) ему в пятом году царствования его. А царь, получив от Абела письменна, вместе со святым Сааком и Маштоцем весьма обрадовались. Затем блаженные радетели, взяв внезапно найденные (письмена), попросили еще у царя отроков, дабы иметь возможность применить (на деле) письменна. И когда многие из них усвоили, приказал (царь) повсюду обучать этими же (письменами). Тем самым блаженный (Маштоц) был удостоен прекрасного звания вардапета. Около двух лет он занимался преподаванием и вел (занятия) этими письменнами². Но когда выяснилось, что эти письменна

¹ Мовсес Хоренаци: «В те времена Аркадий заболел, и в Византии из-за Иоанна Великого имели место большие волнения и пожары; Греческое государство погрузилось в смуты, войска сражались между собой и с персами. Поэтому Врам повелел нашему царю Врамшапуху спуститься в Месопотамию, навести там порядок и рассудить должностных лиц двух сторон. Тот отправился и привел все в порядок, но испытал немалые трудности из-за секретаря, так как, с тех пор как Месроп оставил царский двор, там не было ни одного опытного писца, ибо применялось персидское письмо. По этому поводу царю представился некий священник по имени Хабел и обещал добыть для армянского языка письменна, приспособленные его другом епископом Даниелом. Царь не обратил на это внимания, но, прибыв в Армению, застал всех епископов собравшимися у Сахака Великого и Месропа в заботах об изобретении армянской письменности, о чем сообщили царю, а он передал им слова монаха. Услышав, они стали просить его заняться этим столь важным делом. Поэтому он послал в качестве вестника одного из почтенных мужей нашей страны, близкого ему человека из рода Хадуни, по имени Вахрич. Отправившись вместе, они крепко усвоили от Даниэла начертанный в давние времена ряд букв, **расположенный** (расположенный (им) пер. Н. Эмина) в порядке греческого (алфавита) и вручили его по возвращении Сахаку и Месропу. Те, познакомившись с ними и **постаравшись приучить к ним нескольких мальчиков** (в продолжение немногих лет учили им мальчиков / пер. Н. Эмина), пришли к убеждению, **что этой письменности, с ее полученными как подаяние буквами** (нищенски-заимствованного скудного алфавита / пер. Н. Эмина) недостаточно для точного выражения звуков, произносимых в армянской речи». — Мовсес Хоренаци. История Армении. III, 52; История Армении Моисея Хоренского. III, 52. С. 190–191.

² Интересно сообщение Киракоса, согласно которому, Саак и Месроп тут же «стали переводить на армянский язык все Священное писание». — Киракос Гандзакецци. История Армении / Пер. Т. Тер-Григоряна. Баку, 1946; Киракос Гандзакецци. История Армении / Пер. Л.А. Хаплярjana. М., 1976. I, 26.

недостаточны, чтобы выразить (все) слоги-силлабы¹ армянского языка, поскольку эти письмены были погребены под другими письменами и (затем) воскрешены, тогда они вновь стали хлопотать о том же и некоторое время искали выхода (из положения)².

После этого, по сообщению Мовсеса, Месроп лично отправляется к Даниэлу в Месопотамию, но «не найдя ничего больше прежнего», продолжает поиски в Эдессе и Самосате. Там на предавшегося молитвам Месропа нисходит благодать, и некая «десница» являет ему недостающие буквы армянского алфавита³. И наконец, с помощью каллиграфа Ропаноса Маштоц совершенствует графику алфавита⁴, а с помощью Саака создает алфавитный порядок⁵.

¹ Ср.: *Лазарь Парпеци*, 9; *Мовсес Хоренаци* III, 52; *Кириакос Гандзакеци* I, 26. Во всех перечисленных текстах употреблено слово «силлабы», а не «звуки». На этом основании А.Г. Периханян делает вывод, что «Данииловы письмены состояли из одних согласных, т.е. восходили к какому-то семитскому алфавиту. — *Периханян А.Г.* К вопросу о происхождении армянской письменности. «Переднеазиатский сборник». Сб. 2. С. 105; С.Н. Муравьев же считает, что в армянском в то время не различались понятия «звук» и «слог» как и у соседних семитских народов. — *Муравьев С.Н.* От протосистемы Данииловых письмен до месроповского алфавита. С. 38–39.

² *Корюн*. Житие Маштоца. М., 1962. 6.

³ История Армении Моисея Хоренского. III, 52.

⁴ По Мовсесу (III, 53), Месроп консультировался с Ропаносом до «откровения», а после него «создал он наши письмены вместе с Ропаносом, который немедленно изобразил формы месроповских письмен, придавая армянским стихиям [т. е. буквам, греч. $\sigma\tau\iota\chi\epsilon\iota\alpha$] точность сллаб греческого языка». По *Корюн*. Житие Маштоца (8), после «откровения» Маштоц «нашел некоего каллиграфа греческой письменности по имени Ропанос, с помощью которого он, окончательно изобразил и прировняв все различия письмен — тонкие и жирные, короткие и длинные, отдельные и двойные, — приступил к переводам...», причем не кто иной, как Ропанос изготовил первую (беловую) рукопись перевода Притчей Соломоновых и обучил первых армянских писцов.

⁵ *Лазарь Парпеци*: «Когда буквы были таким образом открыты, блаженный Маштоц стал располагать письмены с их произношением под руководством патриарха Саака, который указал ему легкий метод, дав ему в помощники людей, знавших греческие буквы так же хорошо, как Маштоц... С их помощью блаженный Маштоц смог вернуть буквам порядок греческих сллаб, постоянно проверяя и изучая у святого патриарха Саака формы букв, чтобы точно воспроизвести порядок греческих букв. В самом деле они не были способны выполнить с точностью эту задачу без советов святого патриарха Саака, который был очень образован и превосходил знаниями нескольких греческих ученых, поскольку знал в совершенстве ретиорику и красноречие и проявлял даже хорошее знакомство с философскими науками». — *Лазарь Парпеци*. История Армении... 10. Основываясь на этом тексте и приведенных в прим. 38 сообщениях, можно в очередной раз поставить под сомнение сведения о «изобретении» Маштоцем грузинского и кавказско-албанского алфавитов. Как мог Маштоц, имевший во время создания армянского письма протоалфавит и помощь Ропаноса и Саака, создать грузинскую и кавказско-албанскую азбуку, даже не зная этих языков, пользуясь услугами переводчиков? — см. *Корюн*. Житие Маштоца, 15, 17 и *Мовсес Хоренаци*, III, 54. Интересно, что С.Н. Муравьев без всякого обоснования считает приведенный выше текст сообщения Лазара «тенденциозным», хотя признает, что он «отражает в какой-то мере процесс создания алфавитного порядка. — *С.Н. Муравьев*. От протосистемы Данииловых письмен до месроповского алфавита С. 62.

Таким образом, из сведений армянских источников следует, что: до создания Маштоцем письмен существовал алфавит, обнаруженный или имевшийся у епископа Даниила¹;

2) Д.п. использовались Месропом и Сааком для обучения детей (и, возможно, для пробных переводов Библии) и были даже официально приняты царем в качестве общеобязательной системы письма²;

3) Д.п. были усовершенствованы Месропом и Сааком³;

4) Д.п. оказались недостаточными для передачи всех звуков армянского языка⁴;

5) этот алфавит стал основой армянского письма, т.е. Д.п. были включены в месроповский алфавит наряду с новоизобретенными («Богом данными») буквами⁵.

6) целый ряд прямых и косвенных свидетельств указывает на семитское происхождение алфавита Даниила⁶.

¹ Все источники без исключения. При этом следует отметить, что роль Даниила в создании «Данииловых письмен» непонятна: по Мовсесу, он их «расположил» (III, 52); по автору анонимной Хроники, — «устроил». Так же противоречивы сведения авторов о сущности «Данииловых письмен»: так, у Лазаря (гл. 9) в анонимной «Хронике» (пер. Н. Эмина. С. 369) и у Вардана (пер. Н. Эмина. С. 63) они названы древними армянскими письменами, Хоренаци же говорит о «чужих», «заимствованных» письменах (III, 52), а сведения Корюна противоречивы (6).

² Корюн. Житие Маштоца, 6; Мовсес, III, 52; Киракос, I, 26.

³ Самуэл Анеци, К олимп. 300; Асолик, II, 1.

⁴ Все источники без исключения.

⁵ Лазарь, 11: «Маштоц, которого божественная благодать вдохновила упорядочить древние письмена...»; Асолик, II, 1; Хроника (пер. Н. Эмина. С. 369); Вардан (пер. Н. Эмина. С. 63); «Вардангирк» («Journal asiatique». С. 199). Правда, ни у Корюна, ни у Мовсеса мы последнего утверждения не находим, но и у них оно является неизбежным выводом из рассказа о том, как Месроп отправился на поиски не другого алфавита, а именно *недостающих* букв. Корюн (6–7) пишет, что, обнаружив недостаточность Д.п., Маштоц и Саак «вторично стали хлопотать о том же и некоторое время искали **того же** выхода. **Потому** и блаженный Маштоц... двинулся в путь... и прибыл в страну Арама (Сирию)...». А Мовсес (III, 53 = Лазарь, 10) говорит, что «Месроп сам лично отправился в Месопотамию... к упомянутому Даниилу и **не нашед у него ничего более прежнего**, направляет свой путь в Эдессу...», а оттуда «на Самос», продолжая свой поиск; лишь «не могши и тут извлечь никакой пользы», он решает действовать самостоятельно.

⁶ Имеется текст, в котором утверждается сирийское происхождение и перечисляется полный состав Д.п., но приведенный в нем список недостоверен. По «Вардангирку» («Journal asiatique», С. 199), Месроп получил от Бога 6 гласных (Ա Ե Ո Ի Լ Կ) и 13 согласных (Բ Գ Ժ Զ Ը Ժ Կ Ը Յ Շ Ճ Յ Փ), а остальные 17 букв (Գ Զ Խ Թ Լ Խ Կ Հ Ղ Մ Կ Պ Ի Ս Տ Ր Ք) от Даниила. Интересно, что Даниил предлагал все 22 сирийские буквы, но Абел «забраковал» 5 из них. Имеются и другие сведения о числе букв «Данииловых письмен». Давид Харкаци: 24, анонимная Хроника: 29, Вардан: 22. 24 — число букв греческого алфавита, 29 — армянских согласных, 22 — сирийского, 17 — сирийского же за вычетом букв непригодных (по мнению автора) для звуков армянского языка. Иными словами, мы имеем здесь 1) гипотезу о греческой природе Д.п. и 2) две или даже три версии гипотезы о сирийском происхождении Д.п., в основу первой из которых кладется число сирийских букв (22), в основу второй — число сирийских «пригодных» букв (17), а в основу третьей — факт отсутствия в сирийском алфавите гласных. Помимо этого, немаловажно сообщение Мовсеса о расположении письмен Даниилом (или Абелом?) «по порядку греческого» (III, 52), что, учитывая исторический фон, должно означать их семитское происхождение.

Мы полагаем, что самая большая графическая группа армянского алфавита — т.нз. подковообразные графемы¹ (в дальнейшем — п.г.) — должна являться реликтом Д.п. в еркатагире.

П.г. создают стройную геометрическую систему и состоят из пяти трехчленных групп и четырех отдельно взятых знаков. Первый и последний знаки этой группы, в которых выражена графическая идея всей системы, соответствуют первой и последней букве северосемитских алфавитов — *'āleph* и *thāw*. Графические подгруппы IV, V, VI, VII, VIII и IX образованы от подгрупп II и III путем усечения одной из ножек «подковы». Подгруппы п.г. вступают в различные графические взаимоотношения — являются антиформами или инверсионными формами друг друга. Для выработки графем в трехчленных подгруппах, как правило, использованы дополнительные элементы в виде прямых горизонтальных линий, приходящихся на середину, верх и низ знаков². В этой системе необходимо реконструировать еще одну подгруппу (VI) графем, тем более что графическая идея предполагаемых знаков этой подгруппы (открытая в верхней части «подкова» с усеченной левой ножкой) в еркатагире реализована в двух знаках — **⚡** и **⚡**³. Отсутствие этой графической подгруппы в армянском алфавите, по-видимому, вызвано реформой Маштоца, а именно отказом от знаков, находящихся на позициях семитских *qōph*, *sāmekh* и *šādē* (см. ниже)⁴.

¹ Патаридзе Р. Графические основы еркатагира. С. 538 и далее.

² Этот способ графемотворчества схож с принципом «графической вокализации», осуществленным в эфиопском силлабическом письме, что и было отмечено в научной литературе: Севак Г. Месроп Маштоц: возникновение армянских письмен и словесности; *Olderogge D. Ancient Relationships between Armenia and Ethiopia. From the History of the Alphabet. M., 1968.* В связи с этим необходимо отметить, что этот принцип не реализован во «второй» части еркатагира.

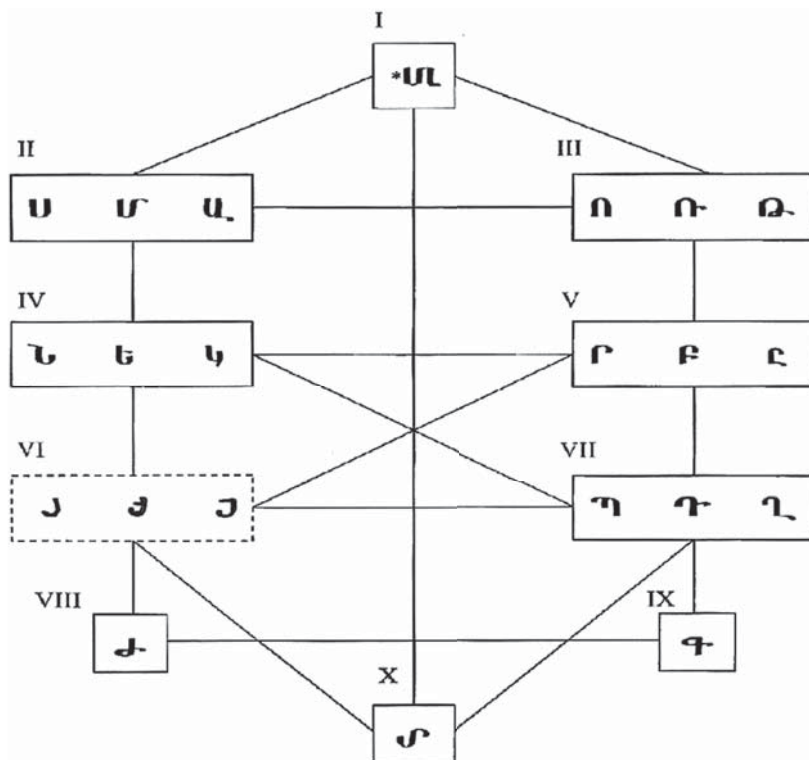
³ Интересно, что в кавказско-албанском алфавите представлен целый ряд букв данной графической структуры, это: № 5 албанской азбуки **⚡**, № 9 **⚡**, № 37 **⚡**, № 42 **⚡** и, возможно, № 27 **⚡**, № 32 **⚡**, № 33 **⚡**.

⁴ По нашему мнению, подтверждается количество букв, данное в сообщении Вардана Аравелци: «На седьмом году его царствования [Врамшапуха] и на первом году Арташира, сына Шапуха, св. Месроп устроил армянскую азбуку. 22 буквы, бывшие у Даниила сирянина и изобретенные в древние времена, но оказавшиеся недостаточными для выражения всего разнообразия языка нашего, были брошены древними, которые после того стали довольствоваться греческими, сирийскими и парсийскими буквами. При такой азбуке Месроп не мог приступить к переводу богдоховных книг на армянский язык; и поэтому, предавшись молитвам, при содействии св. Саака, получает от Бога 14 букв». — Всеобщая история Вардана Великого / Пер. М. Эмина. М., 1861. С. 63. Помимо этого, мы полагаем, что аутентично сообщение «Варданагирка» об отказе от определенных букв, хотя их перечень, как было отмечено, не заслуживает доверия (см. примеч. 6 на стр. 209).

«Подковообразные графемы» армянского алфавита

Табл. 2

Примечание: * форма графемы Ա (ш) представлена согласно надписи на Текорском храме¹.

Линиями обозначены графические связи между подгруппами п.г., пунктиром — реконструированная подгруппа VI.

П.г. по некоторым существенным признакам отличаются от остальной части еркатагира:

1) П.г. составляют трехчленные графические группы, что не свойственно для остальных знаков армянского алфавита.

2) П.г. могут одновременно иметь антиформы и инверсионные формы, что также не характерно для второй части еркатагира. Преобразования такого типа нередки в различных алфавитах Древнего мира и берут свое начало от письма бустрофедон.

¹ См.: Кафадарян К.Г. Армянская надпись V века на Текорской церкви и первоначальные формы месроповского алфавита / Историко-филологический журнал. 1962. № 2. С. 39–54.

3) В графике п.г. применены простые дополнительные элементы в виде прямых горизонтальных линий, приходящихся на середину, верх или низ графемы (12 букв из 19), а в двух случаях — прямых вертикальных линий (Կ, Պ). Усложненный дополнительный элемент в графике п.г. применен всего в одном случае. Во второй части армянского алфавита наблюдается противоположная картина — из 17 знаков, 12 имеют сложные или усложненные элементы.

4) Закономерная дистрибуция дополнительных элементов п.г. снизу вверх (как было отмечено выше, это похоже на принцип «графической вокализации», осуществленный в эфиопском силлабическом письме). Это явление не свойственно остальной части армянского алфавита и при этом необходимо отметить, что дополнительные элементы в виде прямой верхней горизонтальной черты встречаются лишь в системе п.г.: Մ и Ն.

5) Строгие геометрические пропорции этих знаков кардинально отличаются от графики остальной части еркатагира, которым уже свойственна курсивизация. В п.г. употреблены как верхние, так и нижние горизонтальные линии, что является обязательным атрибутом монументального письма. В то же время, как отмечено выше, во второй части еркатагира не имеется ни одной графемы с верхним дополнительным элементом в виде прямой черты.

6) Различие взаимоотношения внутренних и внешних форм при выработке п.г. и знаков остальной части еркатагира: системе п.г. были даны антифонемные значения, т.е. графика в их системе определяющая, а фонетические значения — вторичны (автор п.г. еркатагира вначале создал графические формы этих знаков, а затем, произвольно, присвоил им фонетические значения). Совершенно иная ситуация в остальной части армянского алфавита. Здесь графика следует за фонетическими значениями букв (т.е. графика определена фонетическими значениями букв, см. ниже).

Все вышеприведенные факты показывают, что система п.г. и остальная часть еркатагира не могут быть созданы одним и тем же лицом, т.к. при выработке символов этих двух групп армянского письма использованы принципиально различные графические приемы и принципы.

Интересна графема Ն с направленным влево дополнительным элементом, который, по нашему мнению, отражает архаичное явление (во второй) части еркатагира нет другой графемы с направленным влево дополнительным элементом). Помимо этого, привлекает внимание левая направленность многих п.г. (VII графическая подгруппа, Գ, Ժ, а также реконструированная VI графическая подгруппа). Левая направленность знаков VI и VII графических подгрупп не удивительна, исходя из способа их образования. В данном случае, показательна обращенность влево двух букв — Ժ и в особенности — Գ. Можно высказать предположение, что направление написания Д.п., как во всех северосемитских алфавитах, было справа

налево. Маштоц, в таком случае, должен был изменить графику некоторых знаков Д.п., перенеся дополнительные элементы слева направо¹.

Из оставшихся в еркатагире 19 п.г. фонетические значения и алфавитный ряд 15 букв совпадают с классическим семитским. Исключения составляют: фонетические значения двух букв (ц с фонетическим значением *ə* соответствует семитскому «*hēth*» и յ-*ž* — на месте семитского *jōd*), которые не совпадают с соответствующими семитскими. Две буквы нарушают традиционный семитский алфавитный порядок — это ц, *v* и г, *r*, причем последняя находится за пределами «семитской» части армянского алфавита, т.е. за буквой ի *t*. Если представить предположительную сущность реформы Маштоца, то вышеназванные нарушения семитских фонетических значений или алфавитного ряда в системе п.г. легко объясняются. По нашему мнению, Маштоц задался целью превратить «семитский» алфавит Даниила в азбуку греческого типа, учитывая при этом фонологические «потребности» армянского языка. По отдельности рассмотрим вопросы п.г., нарушающих северосемитскую парадигматику:

ц *ə*. Уже в древнейших письменных памятниках (с X в. до нашей эры) финикийцы применяют т.нз. *matres lectionis*, т.е. принцип обозначения долгих гласных. Этот древнейший способ вокализации предусматривал, что некоторые знаки, помимо основного значения (т.е. обозначение согласного) могли передавать и определенную долгую гласную, так, например, *'āleph* обозначал долгую *ā*, *jōd* — *ī*, *hē* — *ē* и т.д. Неудивительно, что буква Д.п., стоящая на месте семитской *hēth*, была вокализована и одним (если не единственным) из ее значений было *ə*. По нашему предположению, впоследствии Маштоц вводит аналог греческой буквы η — *ε*, и графема ц перемещается с седьмого на восьмое место в азбуке. Буква *ε* в еркатагире, как и греческая η, дублировала *ε* (ε), но могла обозначать дифтонг *ej*, т.е. собственного фонетического значения у этого знака не имелось (хотя, по мнению некоторых исследователей, у этой графемы в древнеармянском могло быть и отличное от *ε* значение). Таким образом, несовпадение фонетических значений и позиций семитской *hēth* и армянской ц «*ə*» — явление мнимое.

յ-*ž*. Эта буква находилась на месте семитского *jōd*. В семитских алфавитах этот знак обозначал *j* и долгую *i* (*ī*). Изменение фонетического значения

¹ Мы предполагаем, что с помощью данных кавказско-албанского алфавита могут быть реконструированы первоначальные формы некоторых знаков армянского письма (как отмечено выше, мы не отрицаем серьезного влияния армянского алфавита на албанский, но считаем невозможным создание армянского и кавказско-албанского алфавитов одним и тем же лицом). Так, например, буква № 5 кавказско-албанского алфавита յ может быть точной антиформой предполагаемого дореформенного армянского знака *ε*. Необходимо подчеркнуть, что левый дополнительный элемент не был чужд для графики албанского алфавита, напр.: **U**, **ı**, **Ч**, **Ч**, **ı**, **ı**. Таким образом, в данном случае, не было никакой необходимости в переносе дополнительного элемента этой албанской буквы слева направо. Если высказанное предположение корректно, то оно подтверждает сведения армянских источников о некоторой традиции употребления письма епископа Даниила.

этой буквы, по нашему мнению, могло происходить следующим образом: Маштоц создает отдельный знак для *i* и помещает его на месте греческой *i* (*ιώτα*). Таким образом, две графемы с близким звучанием оказываются в непосредственном соседстве, что, по всей видимости, было неприемлемо для Маштоца (в армянском нигде не соседствуют буквы с близкими фонетическими значениями). Как следствие, он создает отдельный знак для *j* и перемещает его в середину алфавита (на 21-е место), а буква, ранее обозначавшая эту фонему, меняет свое фонетическое значение на *ž*. Можно также предположить, что одним из значений знака **Ե** в алфавите Даниила было *ž*: видимо, из-за нехватки графем одна буква могла обозначать несколько звуков и, помимо этого, должны были использоваться комплексы, как и в архаическом греческом¹.

ц v. Мы предполагаем, что эта буква должна была занимать шестое место, как во всех семитских алфавитах. В классическом греческом *δίγαμμία* (или *Fav*) являлась эписемоном, т.е. не имела фонетического значения (потеряла его в VI в. до нашей эры) и использовалась лишь для обозначения чисел. Исходя из этого, интересующая нас буква, как следует полагать, была воспринята Маштоцем как «негреческая» и была перемещена с шестого на 30-е место. В пользу этого предположения свидетельствует то, что эта буква в еркатагире находится определенно «не на своем месте»: **ц** соседствует с однотипной **u**. В системе п.г. нигде, кроме этого случая, не имеет места соседство букв одной графической подгруппы.

г r. По некоторым соображениям мы считаем, что этот знак должен был находиться на месте семитского *šādē*. Как в греческом, так и в армянском не было необходимости в двух или даже в трех разновидностях *s*, имевшихся в древних северосемитских алфавитах (одна из семитских *s* (*šīn*), позднее в арамейской была озвучена как *š* — *šīn*) Освоение этих букв в греческом произошло следующим образом: греческая Σ — *σάν* — занимает место семитского *šīn* (*šīn*), семитскому *sāmekh* соответствует Ξ — *σίγμα*, а *šādē* использовано лишь для обозначения чисел и при этом отброшено в конец греческого алфавита; если в семитских алфавитах *šādē* обозначает 90 (№ 18), то аналог этого знака в греческом — *σάμι* — 900 (№ 27).

По нашему предположению, в алфавите Даниила *šīn* обозначал *š*, *sāmekh* — *s*, а графема-аналог семитского *šādē* имела другое значение — предположительно *r* «мягкое». По-видимому, Маштоц отказывается от аналога буквы *qōph* как от «негреческой», и знаки, обозначающие «твердое» и «мягкое» *r*, оказываются в непосредственном соседстве, что несвойственно еркатагиру (см. комментарий к букве **Ե**-*ž*), соответственно, буква **г** меняет свою позицию и перемещается за рамки «семитской» части алфавита.

¹ Интересно, что в кавказско-албанском вышеупомянутые звуки следуют друг за другом в следующем порядке: *j, ž, i* (№ 11–13 буквы албанского алфавита).

Необходимо вернуться к вопросу об изъятой из еркатагира графической подгруппы VI, т.к. этот вопрос, по нашему мнению, напрямую связан с вопросом армянского соответствия семитскому *šādē*. В классическом греческом алфавите имеется 19 соответствий старосемитским (финикийским) буквам. Одна из букв «финикийской» части греческого алфавита Ξ — *σίγμα* — не имеет в еркатагире соответствия, т.к. в ней армянский не нуждался. Исходя из этого, чтобы связать парадигматику армянского алфавита с классической греческой, Маштоц должен был использовать 18 знаков из 22 букв «Данииловых письмен». К ним необходимо прибавить знак $\mathbf{\Upsilon}$ *v*, как «семитский», не имеющийся в классическом греческом, но в котором нуждался армянский (полученное число букв ср. с числом сохранившихся п.г. в еркатагире). Соответственно, Маштоц должен был отказаться от аналогов семитской *sāmekh* и от неиспользованных в греческом алфавите *šādē* и *qōph*.

По нашему мнению, причина отсутствия графической подгруппы VI в еркатагире заключается в том, что из трех графем, от которых отказался Маштоц, две принадлежали именно к этому графическому типу. Не нарушая симметрии системы п.г., Маштоц, по-видимому, отказывается и от третьего члена графической подгруппы VI — *za* и создает для этой фонемы новый знак ($\mathfrak{z}$). Как следствие, соответствие семитскому *šādē* (= греч. *σίγμα*) остается в еркатагире, но выносится за рамки «семитской» части алфавита.

В научной литературе было высказано предположение, что Маштоц отказался от созданной им¹ указанной подгруппы п.г. из-за возможности возникновения нежелательных графических комплексов². Однако необходимо отметить, что такие графические комплексы, так называемое зеркальное отображение, все же свойственны армянскому алфавиту, напр.: $\mathbf{\Omega}$, $\mathbf{\Upsilon}$ ³ и т. д.

¹ Р. Патаридзе предполагал, что п.г., как и остальную часть еркатагира, создал Маштоц. По мнению исследователя, если бы до Маштоца существовала какая-нибудь письменность, то это непременно отразилось бы на цифровых значениях букв армянского алфавита (напр., как в арабском) Патаридзе Р. Графические основы еркатагира. С. 584. Необходимо отметить, что, по сведениям армянских источников, письменность Даниила использовалась всего около двух лет (Корюн. Житие Маштоца. 6.), что не могло привести к формированию какой-то традиции записи чисел. Цифровые значения букв еркатагира также не совпадают со значениями букв греческого и арамейского алфавитов, употреблявшихся в Армении до создания национальной письменности.

² Патаридзе Р. Графические основы еркатагира. С. 560–561.

Предположительная парадигматика «Данииловых писмен»

Табл. 3

№ графемы	Цифровое значение	Форма графемы	Фонетическое значение	№ графемы	Цифровое значение	Форма графемы	Фонетическое значение
№1	1	𐌀	[a]	№12	30	𐌌	l
2	2	𐌁	b	13	40	𐌍	m
3	3	𐌂	g	14	50	𐌎	n
4	4	𐌃	d	15	60	𐌏 // 𐌐	s
5	5	𐌄	h? [e]	16	70	𐌑	[o]
6	6	𐌅	v	17	80	𐌒	p
7	7	𐌆	z	18	90	𐌓	r
8	8	𐌇	h? [ə]	19	100	𐌔 // 𐌕	k
9	9	𐌈	t	20	200	𐌖	r
10	10	𐌉	j [i], z?	21	300	𐌗	s
11	20	𐌊	k	22	400	𐌘	t

Примечание: начертание графем приведено условно, согласно древнейшим формам знаков еркатагира. Мы предполагаем, что Маштоц мог изменить направленность дополнительных элементов некоторых знаков слева направо. Квадратными скобками обозначены гласные звуки.

Еркатагир¹ или только п.г.² связывали с южносемитским алфавитным миром, в частности — с эфиопским силлабическим письмом. Согласиться с этими предположениями, по нашему мнению, сложно. Необходимо учитывать уровень культурных и экономических связей между этими двумя странами (в особенности — до Халкедонского собора). Можно упомянуть и то, что эфиопская силлабическая письменность состоит из 182 знаков и, соответственно, в ней можно «найти» значительное число параллелей со знаками тех или иных алфавитов Древнего мира³.

По нашему мнению, графика п.г. должна иметь искусственное происхождение. Прототипом этих графем могла, например, являться греческая

¹ Севак Г. Месроп Маштоц. *Olderogge D. Ancient Relationships between Armenia and Ethiopia.*

² По мнению Р. Патаридзе, буквы «семитской» части армянского алфавита (resp. п.г.) произошли от первой буквы эфиопского алфавита **ሀ** в результате различных графических преобразований, буквы «греческой части» — от первой буквы, начинающей несемитские (resp. собственно греческие) буквы греческого алфавита — **Υ**, а специфические армянские буквы — от первой буквы грузинского письма (**Ⴀ**) — *Патаридзе Р. Графические основы еркатагира. С. 555–559.*

³ Хотя можно предположить, что создатель п.г. (но не Маштоц) был знаком с эфиопской письменностью и, в частности, с принципом «греческой вокализации» (см. выше).

Θ — *θήτα*, в графическом рисунке которой имеются все элементы п.г.: U, Π («разрезанная» на две половины окружность: O > Θ > U : Π), -, i. Смысловая нагрузка, по-видимому, заключается в греческом слове *Θεος* («Бог»). Этим, возможно, и объясняется отличная графика знака ϩ (имеет сложный дополнительный элемент), соответствующего греческой *θήτα*. Интересно, что первая графема армянского алфавита, с которой начинается слово *Աստուծ* (*astuac*) — «Бог», также объединяет в себе все компоненты графики п.г. (графическая форма этой буквы впоследствии упростилась; мы имеем в виду древнейшее засвидетельствованное в ктиторской надписи Текорского храма начертание этой графемы, см. представленные во II разделе таблицы).

Судя по простоте начертаний, имевших, безусловно, монографемную основу, мы, скорее всего, имеем дело с какой-то тайнописью христиан-семитов, чем со сформировавшимся алфавитом. Так или иначе, по нашему глубокому убеждению, именно это письмо легло в основу еркатагира.

«Вторую» часть еркатагира можно разделить на две группы — «округлых» и «прямолинейных». Помимо этого, в названных группах можно выделить несколько знаков, генетически не входящих в них.

Р. Патаридзе, исследуя графемы для специфических согласных армянского языка, пришел к выводу, что они созданы от первой буквы грузинского алфавита *ჟ* — *an*, с помощью последовательных графических преобразований, причем модификации совпадают с алфавитным рядом асомтаврული: груз. *ჟ* > арм. *Ճ* *š* (курсивизация) > *Չ* *š* (левая инверсионная форма) > *Յ* *c* > *Շ* *z* (изменение нижнего дополнительного элемента) > *Ծ* *ç* (инверсия и «закругление» графемы) > *Ճ* *ç* (превращение «круга» в «треугольник») > *Շ* *ç* (раскрытие «треугольника») > *Յ* *h* (перенос дополнительного элемента вниз)¹.

Мы согласны с предположением Р. Патаридзе, но вносим одно замечание. По нашему мнению, знак *Յ* возник от другой графемы асомтаврული; в группу «округлых» графем еркатагира необходимо ввести знак *Յ* *j*, который, как мы полагаем, создан от соответствующей по звучанию буквы асомтаврული, а графема *Յ* *c* произошла от данной армянской буквы: груз. *ჟ* > арм. *Յ* > *Յ*. Показательно, что в грузинском алфавите буквы, обозначающие звуки *j* и *c* (*ჟ*, *ც*), находятся практически в такой же связи, как и интересующие нас армянские знаки. Разница заключается лишь в графическом способе образования знака для *c* от буквы *j*: если грузинская *ც* (*can*) является антиформой знака *ჟ*, то армянская *Յ* (*co*) получена от *Յ* в результате изменения верхнего дополнительного элемента.

К этой группе можно отнести и букву *Զ* (*za*), созданную, по нашему предположению, вместо одного из знаков подгруппы VI п.г. Этот знак

¹ Патаридзе Р. Графические основы еркатагира. С. 543.

(Ω; древнейшая засвидетельствованная форма этой буквы — Ω), возможно, является инверсионной формой буквы Ϝ (*don*) асомтаврули.

Так называемые прямолинейные графемы группой можно назвать лишь условно, т.к. способы их создания различны. Не вызывает сомнения происхождение двух знаков, это Ϝ *p*, полученная от соответствующей греческой буквы (φ), и знак ϝ *k*, который копирует форму монограммы Христа, установившуюся после 355 г. Интересно, что во всех трех закавказских алфавитах эти графемы имеют схожее начертание.

Для остальных графем этой группы мы предполагаем следующие преобразования: арм. Է *e* (существовавшая до Маштоца «подковообразная» графема) > Է *e* [*ē, ej*] (создана от дублируемой графемы//или от графемы с близким фонетическим значением) > Լ *l* (отпадение средней черты) > Թ *w* (отпадение нижнего дополнительного элемента) > Ի *i* > Ի *x* (модификации среднего дополнительного элемента). Простой графический рисунок этой группы указывает на искусственный, «беспрототипный» характер создания этих символов.

Нельзя отрицать и другие возможности разработки тех или иных знаков, напр.: Ив. Джавахишвили обратил внимание на сходство армянской Ի *x* с ее грузинским аналогом Ի *x*¹. Также во всех трех закавказских алфавитах заметна близость графем, обозначающих звуки *w/v* (арм. Թ *w*, груз. Ծ *v*, алб. Ծ *w*). По нашему мнению, совпадение армянских и грузинских знаков — это случайное явление, а албанская графема возникла позже, на основе либо грузинского, либо армянского знака.

Mesrop Mashtots and Problem of the Genesis of Erkatagir and Caucasian-Albanian Alphabet

Abstract: The article is devoted to the genesis of the Caucasian Albanian alphabet, which is considered together with the problem of the origin of the ancient Armenian alphabet – Erkatagir. The author expresses his doubts that it was Mesrop Mashtots who created the Caucasian Albanian and Georgian alphabets. Pointing to the fact that Yeznik Kahbetsi, Lazar (Ghazar) Parpetsi, Yeghishe (Elishe), Sebeos, Anania Shirakatsi, David the Grammarian and other authors of the 5th-7th centuries do not mention the “invention” of the Georgian and Albanian alphabets by Mashtots, the researcher admits the possibility of later interpolations.

Key words: *Caucasian Albanian alphabet, Erkatagir, Mashtots.*

Roman T. LOLUA,

Researcher at the Arnold Chikobava Institute of Linguistics (Tbilisi)

¹ Джавахишвили И. Грузинская палеография. Тбилиси, 1926. С. 226 (на груз. яз.).

Р.Х. Тарумян,

независимый исследователь (Ереван)

Влияние приемов письма на формирование графем и происхождение агванского алфавита

Аннотация: Автор предлагает новый взгляд на проблему возникновения албанской письменности, считая ее результатом естественной эволюции северносемитского (финикийского) письма или архаического греческого алфавита. Анализируя формы букв с позиций механики, автор приходит к выводу, что Месроп Маштоц создал албанский алфавит не «с чистого листа», а упорядочил знаки, использовавшиеся ранее для албанского языка и осуществил его окончательную редакцию, добавив знаки для характерных албанских фонем.

Ключевые слова: *Албанский алфавит, письменность, Маштоц.*

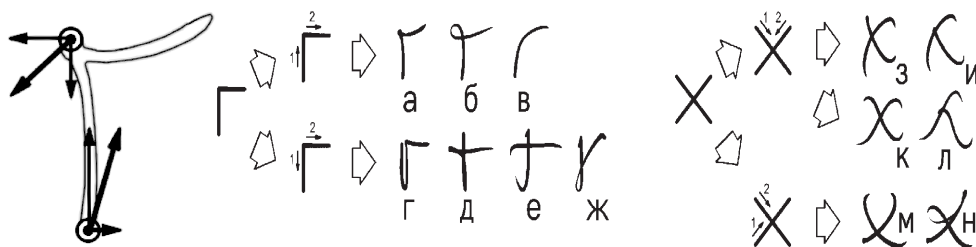
Письмо — основа цивилизации, и не случайно история возникновения той или иной системы письма зачастую окутана мифологическим туманом. Это превращает его изучение в чрезвычайно увлекательное занятие, но требует от исследователя не поддаваться искушениям и не отклоняться от научного подхода. Особенно если речь идет об изучении его собственного национального письма. Помочь этому может применение в исследовательской практике не только гуманитарных и умозрительных — филологических, лингвистических методов, но и физических, экспериментальных. Эту возможность дает тот факт, что в отличие от информации, которое письмо передает, само оно материально и осуществляется с применением механических средств. Следовательно, **при письме на материалы и инструменты действуют определенные физические силы, которые можно изучать с применением известных законов механики.**

Рука пишущего действует на инструмент (стило, перо, карандаш, ручка) во всевозможных направлениях. Прежде всего это сила в направлении письма. Кроме того, при проведении отдельных элементов на инструмент действуют различные импульсы в направлениях и порядке (*дуктам*), опре-

деленных каллиграфической школой. Наконец, для осуществления пробелов включаются вертикальные импульсы. Все они суммируются по законам, известным из механики, давая равнодействующие, которые и определяют направление движения инструмента и форму оставляемого им следа.

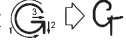
С другой стороны, с информационной точки зрения письмо — знаковая система (код), обеспечивающая передачу информации в пространстве и времени между передатчиком (пишущим) и приемником (читающим). Нарушение кода — формы письменных знаков, букв (графем) — делает их неузнаваемыми (или плохо узнаваемыми — в зависимости от степени искажения), а значит, и непригодными для передачи информации. Поэтому при письме пишущий пытается точнее воспроизвести формы письменных знаков, установленные в среде общающихся посредством данной системы. При этом возможны два подхода: **прорисовка отдельных графем до обеспечения их полной идентичности с принятым оригиналом** (далее — монументальная форма графем) и **осуществление знаков в один прием; то есть собственно письмо**. Впрочем, при достаточно медленном письме возможно достижение приемлемой идентичности с монументальной формой графем, поэтому в дальнейшем под письмом будет подразумеваться именно быстрое письмо (скоропись, курсив), при которой пишущий не полностью контролирует форму выводимых знаков¹.

На рисунке показаны некоторые из возможных результатов (реальность которых каждый может проверить на собственном опыте) при написании по указанным дуктам «уголка» (который, по сути, не что иное, как греческая «гамма») и «крестика» (греческая «хи» или новопунический «алеф»).

Зная правила видоизменения фигур, можно пытаться реконструировать прообразы тех или иных графем. Например, в приведенном ряду трансформаций нетрудно заметить армянский «гим» (б), греческую минускульную «гамму» (ж), «алеф» эстрангело (л). Это означает, что данные письменные знаки могли бы быть результатом скорописной трансформа-

¹ О зависимости формы знаков от скорости письма, например: Гельб И. Опыт изучения письма, М., 1982, С. 100; Воронецкий Б., Кузнецов Э. Шрифт, Л., 1975. С. 4–5; Тоотс В. Современный шрифт, М., 1966. С. 11 и др.

ции соответствующих исходных форм. «Могли бы» — потому что нужно помнить, что этот метод хоть и дает возможность графического анализа графем, но, как и у любого иного метода, его возможности ограничены, поскольку не **существует однозначного соответствия между графемой и прообразом**: различные фигуры в результате трансформации могут принять близкие формы. Так, армянская буква «гим» может быть замечена также и в ряду трансформаций соответствующей латинской буквы . Следовательно, прежде чем прийти к заключению относительно происхождения данной графемы, необходимо привлечь и иные — лингвистические, географические, хронологические и другие данные.

Из вышесказанного следует, что при скорописи письмо в той или иной степени оказывается непригодным для прочтения. Но есть прием, позволяющий несколько уменьшить разрушительное воздействие скорописи на форму букв. Это — упорядочение скорописных форм и создание на их основе еще одного общеизвестного канона (минускул, болоргир и т.д.). В результате, читающему, которому кроме основной, монументальной, известна и скорописная форма, легче ориентироваться при чтении. Дальнейшее применение этого приема (для еще большего ускорения письма и чтения) приводит к формированию на основе второй формы последующих канонических форм (курсив и, наконец, — рукопись), которые еще меньше подвержены искажению, поскольку учитывают закономерности искажения знаков. Вообще известно¹, что скоропись приводит к **сглаживанию острых углов и появлению дополнительных (соединительных) штрихов**, поэтому последовательное применение указанного приема ведет ко все большему округлению букв и лигатурному письму.

В контексте данного вопроса указанные изменения и возможность воссоздания прообразов представляют интерес, поскольку в случае заимствования системы письма заимствованной может оказаться не только первая, фундаментальная, но и скорописные формы. Если заимствуется скорописная форма, то **для нового языка уже она будет являться основной**, которая, в свою очередь, будет иметь **свои** скорописные формы. Если бы процесс продолжался эволюционным путем, эти последующие формы вряд ли бы сильно отличались от скорописного ряда материнского письма. Однако на деле **помимо естественной курсивизации письма существует и противоположное явление — монументализация (капитализация)**, когда для создания графемного канона или осуществления монументальных записей появляется необходимость искаженным скорописью формам придать более упорядоченный, пропорциональный вид. При этом кривые штрихи выправляются, закрученные углы заменяются ост-

¹ Например: Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 50; предисловие И. Дьяконова к кн.: Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 22.

рыми, наклонные штрихи переводятся в горизонтальные или вертикальные и т. д. И если автор такой монументализации не знаком с исходными формами букв (например, если заимствована скорописная форма письма) некоторые элементы он может неверно истолковать (например, соединительный штрих принять за часть графемы и включить в новую монументальную форму, и наоборот, элемент графемы принять за соединительный штрих и отбросить) и предположить для данной скорописной иную исходную форму. В результате образуется **новый** письменный знак.

С другой стороны, не следует думать, что подобные **видоизменения могут быть совершенно произвольными, поскольку даже незначительные изменения могут букву сделать неузнаваемой**. В этой связи необходимо полностью исключить возможность кардинальных изменений графем, которую не только допускают некоторые исследователи, а даже постулируют данный подход в качестве формообразующего принципа.

Так, у А. Абрамяна читаем: «Необходимо, однако, отметить, что греческие, арамейские и сирийские буквенные знаки Маштоц буквально не копировал, а подверг их основательным видоизменениям. Это видоизменение настолько значительно, что прототипы некоторых букв по сей день сложно бывает определить. Маштоц следовал определенному принципу: не брать из иного алфавита ни одной буквы, если она не подвергнута видоизменению. Для достижения этой цели он выполнял следующие трансформации: а) раскрывал окружности букв-прообразов, б) с правой стороны большинства букв создал обращенные вниз выносы, в) создал круги на буквах, имеющих стилевую близость, г) наклонным и полукруглым линиям придавал вертикальные и горизонтальные формы, д) кривыми черточками соединил между собой стойки и их выносы»¹.

У Р. Ачаряна: «Месроп нарочно или принципиально имел цель отдалиться от полного подобия прообразам букв»².

У Т. Гамкрелидзе: «...это делает возможным предположить создание древнегрузинского алфавита искусственным путем, в результате сознательной архаизации и графической стилизации...»³

Надо заметить, что создание буквенного знака есть простейшее занятие, и если бы создание какого-либо алфавита допускало бы простое придумывание или надуманное видоизменение знаков, большинство современных алфавитов были бы уникальны. Между тем реальная картина противоположна: **большинство алфавитов являются очевидными результатами последовательного заимствования**. Дело в том, что подвергнуть исход-

¹ Абрамян А. Армянское письмо и письменность. Ереван, 1973 (на арм. яз.). С. 49 (перевод цитаты — Р. Т.).

² Ачарян Р. Армянские письмена, Ереван, 1984 (на арм. яз.). С. 514 (перевод цитаты. — Р. Т.)

³ Гамкрелидзе Т. В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989. С. 290.

ные знаки серьезным изменениям — значит лишить смысла факт заимствования, поскольку проще было бы просто создать новые знаки «с нуля». А заимствование — тоже не самоцель. Надо понимать, что **алфавит — не тайнопись, а инструмент широкого распространения информации**. Мало создать алфавит: его еще нужно распространить, в том числе обучить тех, кто будет распространять его дальше. Использование для этого никому не известных знаков менее продуктивно, чем если они хоть кому-либо знакомы, хотя бы в качестве иноязычных: ведь заимствование происходит от соседней культуры, с носителями которой происходит теснейшее общение.

Из этого следует еще одно положение: **основой для нового алфавита может стать лишь какой-либо один, наиболее распространенный в данной среде алфавит**, дополненный несколькими не менее знакомыми знаками, возможно — из следующего по распространенности алфавита, а не произвольно отобранные буквы различных алфавитов. Проведем мысленный эксперимент: предположим, что, к примеру, армянский или грузинский языки в наши дни все еще бесписьменные и для них нужно создать систему письма. Какую систему мы положили бы в его основу? Вряд ли кому пришло бы в голову взять за основу арабское или китайское письмо: с ними в Армении и Грузии почти никто не знаком. Знаком греческий, но также не очень многим. Подавляющее число населения знакомо с русским языком и письмом, а на втором месте находится английский язык с латинским письмом. Очевидно, что один из них мы и положили бы в основу. И, несомненно, им стал бы латинский алфавит (мы приняли бы в расчет, что благодаря английскому и испанскому это вообще самый распространенный в мире алфавит, и он уже используется для написания армяноязычных и грузиноязычных электронных писем), но без сомнения использовали бы также и знаки русского алфавита: такие знакомые русские буквы, как Б, Г, Ф, Х, Ц, Ш, Э, дополнили бы наш экспериментальный алфавит. Еще пару-другую букв получили бы посредством трансформаций и диакритов. Но можете быть уверены: любой человек (и через 1000 лет) не стал бы сомневаться, что в его основе именно латинское письмо, как не сомневаемся мы сейчас, что в основе русского, коптского, готского алфавитов лежит греческий, в основе персидского — арабский, а в основе японского письма — китайское.

Кстати, убежденность в том, что в основу было бы положено латинское письмо, а не более распространенная в народе кириллица, объясняется не только его большей распространенностью в мире, а также (и более того) тем, что латинское письмо — письмо Европы и Америки, откуда родом современная государственная идеология стран нашего мысленного эксперимента, — либеральная демократия. А, как известно, письмо следует за

религией (государственной идеологией), что подтверждается многочисленными историческими примерами¹.

Таковы, вкратце, принципы, которых придерживается автор при анализе данной системы письма. Перечислим их еще раз:

– большинство алфавитов являются очевидными результатами последовательного заимствования;

– основой для нового алфавита может стать лишь какой-либо один, наиболее распространенный алфавит;

– на выбор прототипа кардинально влияет идеология;

– графемы в основном сохраняют фонетическое значение;

– скоропись приводит к сглаживанию острых углов и появлению дополнительных штрихов, поэтому, при прочих равных условиях, более округлое письмо — более молодое;

– кроме курсивизации существует и противоположное явление — монументализация, играющая существенную роль в формировании графем новой системы;

– при монументализации видоизменения не могут быть совершенно произвольными, поскольку даже незначительные изменения могут сделать букву неузнаваемой;

– при письме на материалы и инструменты действуют определенные физические силы, которые можно изучать с применением известных законов механики;

– для подтверждения возможности предполагаемой трансформации можно использовать экспериментально-статистические методы.

Исходя из приведенных положений автором были рассмотрены графемы классического финикийского алфавита и выявлены закономерности образования производных от них графем армянского алфавита, а также некоторых знаков новопунического, квадратного арамейского, эстрангело, греческого, латинского и славянского алфавитов. Результаты этого анализа были опубликованы в статье «Формы армянских букв с точки зрения графматологии» («hАндес Амсореа», 2005 г., на армянском языке)².

Агванский алфавит

Грузинский и агванский алфавиты объединены с армянским в своеобразную триаду. Надо заметить, что единство это обусловлено не только армянской исторической традицией. Скорее наоборот: традиция эта сформировалась на основе таких объективных фактов, как принадлежность

¹ Дирингер Д. Алфавит. С. 555, 629, см. также предисловие И. Дьяконова к указанной книге. С. 20.

² Յակոբեան Բ., Հայոց տառաձևերը տառարանութեան տեսակէտից, «Հանդէս ամսօրեայ», Չիեննա – Ե., 2005.

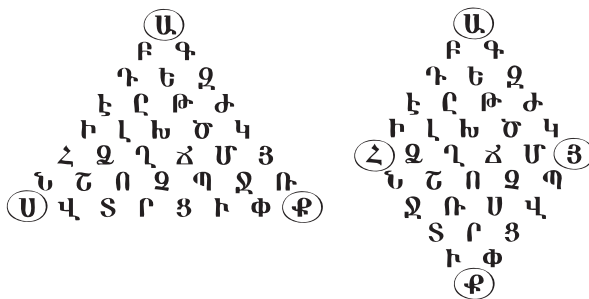
единому культурно-геополитическому пространству, сходство внешней и внутренней формы всех трех алфавитов. И наличие у них глубинных связей вполне ожидаемо.

В рамках методики из известных алфавитов лишь финикийский или архаический греческий оригинал представляются наиболее вероятными кандидатами на роль прототипа агванского алфавита. Но хотя происхождение от них некоторых букв, например «он» Ո, «йайд» Ղ, «пиур» Փ, не вызывает сомнения, этого недостаточно, чтобы говорить о прямом заимствовании — приходится лишь предполагать промежуточный цикл стихийного курсивного распространения и последующей монументализации. Причем анализ затруднителен из-за скудости материала. Безусловно, многое прояснило открытие иерусалимского палимпсеста, но материала все равно недостаточно.

Основная трудность связана с тем, что алфавитный порядок и значения многих агванских букв все еще вызывают сомнения, что делает невозможным их уверенное сопоставление и сравнение со знаками иных систем.

Порядок и количество

Заметно, что агванские буквы расположены по порядку армянских. Дополнительные буквы по неясному принципу расположены между ними. В случае с армянским алфавитом, наличие некоторых позиционных структур указывает на неслучайный характер расположения. Например, имеющая сакральное значение буква Է находится на 7-м месте. При расположении букв в форме равностороннего треугольника (пирамиды) в ее вершинах оказываются буквы Ա, Ս (порядковый номер — 29), Բ (36) — начальные буквы лиц христианской Троицы: Հայր Աստված (Бог Отец), Սուրբ հոգի (Дух Святой), Բրիստոս (Христос), а при расположении в форме ромба в вершинах его читается ՀԱՅԲ (самоназвание Страны армян).

Кажется маловероятным, чтобы такое количество особенностей было простым совпадением. И наконец, в агванском алфавите на том же 29-м месте расположена буква «мак» Ա, с которой начинается агванское слово

ՄՉԿՄԿ (мучур, մշխր¹) — «святой». Это позволяет предположить, что принцип, по которому расположены в армянском и агванском алфавитах «дополнительные» буквы, скорее всего, не фонетический, а идеологический.

Все 22 финикийские буквы имеют в агванском алфавите своих «потомков»: 17 на своих местах и 5 — в соответствии с армянскими буквами. 18 букв агванского алфавита расположены по еще невыявленному принципу.

В отличие от грузинского, в агванском буква, соответствующая финикийскому «вав», уже не на своем, 6-м, месте, а на месте армянского «вев». Это может означать, что порядок агванских букв сформировался позже грузинских. Учитывая Корюна, вероятнее всего — установлен Машптоцем.

Названия

При сравнительном анализе названий букв триады зачастую допускают вольности, не меньшие, чем при сравнении графем. Между тем необходимо сознавать, эти названия в основном 2–3-буквенные и возможных комбинаций так мало, что случайные совпадения очень вероятны. Тем не менее названия по крайней мере 17 букв напоминают или совпадают с названиями либо армянских, либо грузинских, либо семитских букв (с учетом некоторых исправлений, основанных на порядковом соответствии с другими алфавитами) (см. таблицу соответствий).

Форма

До недавнего времени о форме агванских букв можно было судить в основном по Матенадаранской рукописи. Но в ней многие буквы имеют ощутимый прорисованный характер, который не позволяет определять каллиграфическое значение и достоверность того или иного элемента. Материал палимпсеста позволил лучше понять графическую логику агванских графем, хотя неясностей еще немало.

Следует заметить, что сравнивать необходимо **графемы**, а следовательно, **нужно отличать их элементы от элементов дизайна**. Например, сходство форм триады и эфиопского письма, которая вводит в искушение многих исследователей, объясняется единой техникой ширококонечного пера и дизайном; прежде всего — применением характерных широких свисающих серифов (засечек), между тем как внутренняя форма эфиопского письма (которое является слоговой системой, а не алфавитной) почти не оставляет места для сравнения.

¹ Alexidze Z. *Caucasian Albanian Script, Language and Literature*. Tbilisi, 2003. P. 155.

Уже было указано, что из известных алфавитов лишь финикийский и архаический греческий оригинал представляются наиболее вероятным прототипом агванского. Как ни странно, агванские буквы лучше сохранили архаичные формы, чем грузинский алфавит. Возможно, это объясняется тем, что он стихийно не видоизменялся, поскольку им не пользовались широкие массы (что, возможно, и стало одной из причин исчезновения агванского письма и скудости письменных памятников). Он, кажется, не дотянул даже до времени формирования минускульного письма, т.е. VII–VIII вв., по крайней мере достоверные примеры пока неизвестны.

Ниже отдельно рассмотрены буквы, предположительно соответствующие финикийским (см. Таблица каллиграфической дивергенции графем северносемитского письма). Можно сделать вывод, что, несмотря на несомненную промежуточную монументализацию, следы финикийской основы еще просматриваются.

Просматривается также прием составления дополнительных знаков посредством симметричного отображения наличных фонетически близких знаков, заметный также и в случае армянского алфавита.

Время создания

Вообще, понятие «создание» вносит большую путаницу в вопросы изучения алфавитов. Как уже было сказано, **большинство алфавитов является очевидным результатом последовательного заимствования и последующей адаптации.** Поэтому лучше говорить о **дате заимствования**, а не создания. Несмотря на то, что все алфавиты триады заявляют о себе в связи с принятием христианства, они не могут быть заимствованы в это время вследствие вышеуказанного принципа «письмо следует за религией». История показывает, что даже при наличии письменности она может быть отброшена в пользу письменности священных книг новой идеологии, как это произошло в Иране при принятии ислама, в Турции при переориентации на европейские ценности или на наших глазах — в Азербайджане. Исключения есть лишь там, где существующая письменность имеет давние корни и большое распространение. Только благодаря этому, к примеру, не перешли на русскую графику прибалтийские языки, а также армянский и грузинский (хотя такие проекты были). То есть, если бы алфавиты триады были бы созданы в V в. и для нужд христианства, все три имели бы в основе греческую графику, как в случае с готским или коптским письмом. С другой стороны, невозможно также предположить, что первоначально они были таковыми, но претерпели искажения, поскольку письменные памятники, по крайней мере на армянском и грузинском языках, известны уже с V в. О возможности целенаправленного искажения графем я уже

говорил выше, и кроме того, графемы основных букв триады графически закономерно выводятся из архаичных греко-семитских форм.

В предыдущих работах я указывал на то, что наличие на своих местах грузинского «вин» и «жан» говорит о том, что для грузинского языка алфавит был заимствован не позднее 403 г. до н. э. (когда в Греции, в Афинах, при архонте Евклиде произошел переход на ионическую (милетскую) систему письма и установился классический порядок букв)¹, а скорее даже — на несколько десятилетий раньше — в начале 5 в. до нашей эры. В агванском указанные буквы уже не на своих местах. Кроме того, очевидное происхождение некоторых букв архаичной части от грузинских свидетельствует в пользу того, что он заимствован гораздо позже, хоть и тем же путем.

Заключение

Агванский алфавит многослоен. На данном этапе исследования агванского алфавита его ядро можно считать результатом **естественной** эволюции северносемитского (финикийского) письма. Происхождение многих букв этого ядра из единой с грузинским каллиграфической ветви («еб», «зарл», «тас», «йуд», «нуц», «ун», «сэк», «тиур» и др.) свидетельствует о заимствовании его через грузинскую среду, однако наличие каллиграфических общностей также и с некоторыми армянскими буквами («алт», «лит» и др.) оставляет вопрос открытым. Безусловное армянское свойство агванского алфавита — это расположение по порядку армянского алфавита; некоторые расхождения — скорее всего, отражение еще невыявленной закономерности. Но порядок самого армянского алфавита с его внутренними структурами и отклонением от семитского, безусловно, — более поздний и, согласно Корюну, установлен Маштоцем. Следовательно, порядок агванского установлен им же — вслед за армянским, и им же выполнена окончательная редакция алфавита.

Условные обозначения таблицы:

Волнистые стрелки — процессы курсивизации.

Прямые стрелки — варианты монументальных форм.

Двойные стрелки — процессы монументализации.

¹ Фридрих И. История письма. С. 132.

Таблица каллиграфической дивергенции графем северносемитского письма, с ветвями, приведенными к формированию ядра алфавитов триады

Финикийский		Греческий		Армянский		Грузинский			Агванский					
Назв.	Форм.	Назв.	Форм.	Назв.	Форм.	Назв.	Асом-тавр.	Худу-ри.	Мхед-рул.	Назв.	Исп-равл.	7117	Синай	
1. 'алеф	𐤀	1. Альфа	Α Δ	1. Айб	Ա Բ	1. Ан	𐌆	𐌆	1.	Алт		𐌆	𐌆	a
2. Бет	𐤁	2. Бета	Β	2. Бен	Բ Գ	2. Бан	𐌇	𐌇	2.	Одет	(о)Бет	𐌇	𐌇	b
3. Гимел	𐤂	3. Гамма	Γ	3. Гим	Գ Դ	3. Ган	𐌈	𐌈	3.	Зим	Гим	𐌈	𐌈	g
4. Далет	𐤃	4. Дельта	Δ	4. Да	Դ Ե	4. Дон	𐌉	𐌉	4.	Гат	Дат	𐌉	𐌉	d
5. Хе	𐤄	5. Эпсилон	Ε	5. Еч	Ե Զ	5. Ен	𐌊	𐌊	5.	Эб		𐌊	𐌊	e
6. Вав	𐤅	6. Дигамма	Ϝ ϝ			6. Вин	𐌋	𐌋	6.					
7. Зайн	𐤆	7. Дзета	Ζ	7. За	Զ Է	7. Зэн	𐌌	𐌌	7.	Зарл		𐌌	𐌌	z
				8. Э	Է Ը				8.	Ен		𐌍	𐌍	ē
8. Хет	𐤇	8. Эта	Η Θ	8. Эт	Ը Թ	8. нэ	𐌎	𐌎	(7)					
									8.	Жил		𐌏	𐌏	3
9. Тет	𐤈	9. Тета	Ϻ ϻ	9. То	Թ Ծ	9. Тан	𐌐	𐌐	9.	Тас		𐌐	𐌐	t

Финикийский		Греческий		Армянский		Грузинский			Агванский			
10. Йод	י	10. Йота	Ι			10. Ин	ინ	10. Тша	ტ	10. Тша	ტ	tc'
				10. Жэ	ժ			11. Йуд	უ	11. Йуд	უ	j
				11. Ин	ინ			12. Жа	ჯ	12. Жа	ჯ	ʒ
								13. Ирб	რ	13. Ирб	რ	i
				12. Лйун	լ			14. Ша	შ	14. Ша	შ	š
								15. Лан	ლ	15. Лан	ლ	l
				13. Хэ	ჰ			16. Ина	ინ	16. Ина	ინ	nj
								17. Хен	ენ	17. Хен	ენ	x
				14. Тса	ც			18. Дан	დ	18. Дан	დ	dj
								19. Тшар	ტარ	19. Тшар	ტარ	ts'
				15. Кен	კ			20. Зох	ჯ	20. Зох	ჯ	dʒ
11. Каф	כ	11. Каппа	κ	15. Кен	კ	11. Кан	კ	21. Кар	კ	21. Кар	კ	k'
								22. Лит	ლ	22. Лит	ლ	lj
				16. Но	ნ			23. Нет	ნ	23. Нет	ნ	h

Финикийский		Греческий		Армянский		Грузинский				Агванский					
										24.	хай	Хай	𐌕	𐌕	х
12.	Ла-мед	12.	Лямда	17.	Дза	18.	Лат	12.	Лас						
										25.	Ар		𐌕	𐌕	р
										26.	Цой		𐌕	𐌕	тс
				19.	Тшэ					27.	Чи		𐌕	𐌕	тʃ
										28.	Чай		𐌕	𐌕	тsɟ
13.	Мем	13.	Мю	20.	Мен			13.	Ман		Мак		𐌕	𐌕	м
										30.	Кар		𐌕	𐌕	q'
				21.	Йи										
14.	Нун	14.	Ню	22.	Ну			14.	Нар		Нуц		𐌕	𐌕	п
								15.	Йэ						
										32.	Зай		𐌕	𐌕	dzj
15.	Самек	15.	Кси	23.	Ша					33.	Шак		𐌕	𐌕	š
										34.	Джайн		𐌕	𐌕	ɟʒ
16.	*айн	16.	Омикрон	24.	О			16.	Он		Ун	Он	𐌕	𐌕	о

Финикийский		Греческий		Армянский		Грузинский			Агванский			
									36. Тай			тj
									37. Хам	Фам		f
									38. Дзай			dz
				25. Ча	Չ				39. Чат			tʃ
17. Пэ	𐤑	17. Пи	Π	26. Пэ	Պ	17. Пар	უ	უ	40. Пэн			p'
				27. Джэ	Ջ							
18. Цадэ	𐤒	18. Сан				18. Жан	ჟ	ჟ				
									41. Пес	Гес		ʃ
19. Коф	𐤓	19. Колпа	Φ									
20. Реш	𐤔	20. Ро	Ρ	28. Ра	Ր	19. Раз	რ	რ	42. Кат	Рат		r
21. Шин	𐤕	21. Сигма	Σ	29. Сэ	Ս	20. Сан	ს	ს	43. Сэж			s
				30. Вев	Վ				44. Вез	Вев		v
22. Тав	𐤖	22. Тау	Τ	31. Тйун	Տ	21. Тар	ტ	ტ	45. Тиур			t'
				32. Ре	Ր							
						22. Ун	ო	ო				
							შ	შ				
							ჯ	ჯ				

Финикийский		Греческий		Армянский		Грузинский		Агванский	
									ϛ ϛ
								46. Сой	ϙ ϙ
								47. Ион	ϛ ϛ
								48. Тсав	ϛ ϛ
				33. Цо	ՃԳ			49. Цайн	ϛ ϛ
		23. Ипсилон	Υ	34. Вйун	Խ	23. Ви	ⴓ	50. Йайд	ϛ ϛ
		24. Фи	Φ	35. Пйур	ՓԲ	24. Фар	ⴓ	51. Пмур	ϛ ϛ
		25. Хи	Χ	36. Кз	ԻԲ	25. Кан	ⴓ	52. Кив	ϛ ϛ
		26. Пси	Ψ						
		27. Омега	Ω						
						26. Гхан	ⴓ		
						27. Кар	ⴓ		
						28. Шин	ⴓ		
						29. Чин	ⴓ		
						30. Тсан	ⴓ		

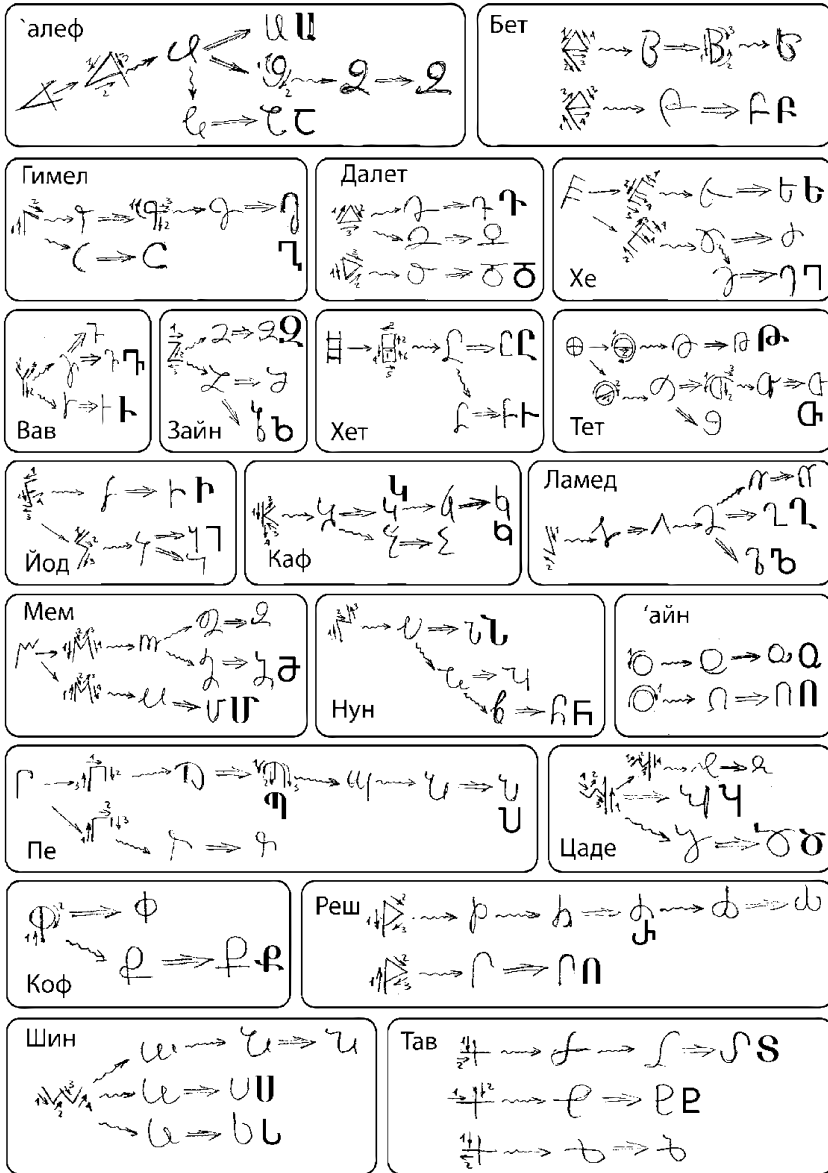

Таблица соответствий

Буквы, выделенные полужирным, — соответствия агванских букв финикийскому (северносемитскому) алфавиту. Курсивом отмечены соответствия агванских букв армянскому алфавиту. Подчеркнуты агванские буквы, полностью соответствующие финикийским и графемно, и по месту.

The Influence of Writing Methods on the Formation of Graphemes and the Origin of the Aghvan Alphabet

Abstract: The author proposes a new approach to the problem of the occurrence of Albanian script, considering it as the result of the natural evolution of Northern Semitic (Phoenician) or an archaic form of the Greek alphabet. Based on the mechanics, the author believes that Mesrop Mashtots created the Albanian alphabet, but not with a clean slate. He streamlined it and carried it the final version.

Key words: *Aghvan alphabet, Aghvan writing, Mesrop Mashtots.*

Ruben Kh. TARUMIAN,
Independent researcher (Erevan)

Религия и культура

П.М. Мурадян,
профессор (Ереван)

Христианские древности грузино-армяно-дагестанской контактной зоны в начале XIV в.

Аннотация: Этнокультурные особенности контактной зоны на южных склонах Кавказских гор — отрезка от Закаталы до Шеки и Варташена — отчетливо представляет памятная запись грузинского Евангелия от 1310 г., которая в 1895 г. была издана М. Джанашвили, а впоследствии — академиком К. Кекелидзе. Русский перевод этого текста представлен с сохранением особенностей грузинских форм топонимов и личных имен.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Закаталы, Шеки, Варташен, контактная зона, памятная запись, Кирилэ Донаури, Петрэ Лагадзе, М. Джанашвили, К. Кекелидзе.*

Сложность исследования этнокультурной ситуации контактной зоны на южных склонах Главного Кавказского хребта — отрезка от Закаталы до Шеки и Варташена — обусловлена несколькими обстоятельствами, прежде всего — полиэтничностью края, скудостью достоверных местных первоисточников в разные периоды истории, а также соперничеством конфессионально-культурных интересов населения при наличии общинного типа социального уклада.

Отголоски указанных особенностей названной выше контактной зоны отчетливо слышны в тексте одной памятной записи грузинского рукописного Евангелия от 1310 г. Местонахождение этого кодекса, к сожалению, ныне неизвестно, но в 1895 г. запись была прочитана и издана грузинским историком М. Джанашвили. Впоследствии она была замечена, восстановлена и издана акад. К.С. Кекелидзе¹. К этой записи мы обратились при публикации армянского перевода «Грузинского хронографа» XIV в.² В ней

¹ Кекелидзе К.С. К истории грузинской культуры в эпоху монгольского владычества // Этюды по истории древнегрузинской культуры. Тбилиси, 1945 (на груз. яз.). С. 314–324.

² Грузинский хронограф / Пер. с древнегруз. на арм. яз., введ. и коммент. П.М. Мурадяна. Ереван, 1971 (на арм. яз.).

имеются важные и уникальные для кавказоведения сведения по истории христианства в крае, названы деятели культуры, неизвестные по другим источникам, а также сведения источниковедческого характера по истории Кавказской Албании.

Предлагаем русский перевод этой памятной записи, сохраняя особенности грузинских форм топонимов и личных имен.

«Христос. Когда блаженный наш патриарх посетил в Кахети Анцухскую епархию, оттуда он перешел в Цахур, Как-Элисенэ и посетил храмы Троицы в Касри, Богородицы в Куме, святой равноапостольной Нино в Лекарте, святого великомученика Георгия в Зари, святого Або в Вардиане, Арчила в Ганухе, Богородицы в Киш-Нухе, Елисея в Варташене, всесвятого апостола Петра в Та[ба]саране, а также храмы Хундзов, Нахчов, Тушети, Некреси, Лагоети, Белакана, Мадж-Пипинети, Периджан-Мухах-Мамрехи и всей равнины, т.е. древнего Мовакана и Елисенские, от верховьев Верхвиана до слияния реки Иври с Алазани, то сей блаженный Екутимэ повелел мне — архиепископу Курмухи и предстоятелю всей Мтиулети — Кирилэ Донаури переписывать Евангелие и посылать каждой церкви. Я же поручил переписывать священнику храма святой Варвары Кака Масэ Китишвили и его двенадцати ученикам, и отправил в храмы, монастыри и предводителям семи училищ, повелев познавать истинную веру и философию, бытие отцов, Историю Картли и Историю Алвании, т.е. Савании, которую написал Петрэ Лагадзе, а какой-то армянин переложил и объявил собственным сочинением. Армяне же согласно привычке с легкостью поверили.

Господи Иисус Христос, помяни меня — архиепископа Кирилэ в Судный день, аминь. Хроникона 530, месяца мая 14-го, от сотворения мира в 6914 году».

Christian Antiquity in the Georgian-Armenian-Dagestani Contact Zone at the Beginning of the 14th Century

Abstract: The ethno cultural specifications in the contact zone on the southern hillsides of the Caucasian mountains (the section between Zaqathala to Sheqi and Vardashen) are clearly described in the colophon of the Georgian Gospel, which was written in 1310. It was published by M. Janashvili in 1895 and later by academician K. Kekelidze. The Russian translation of this text preserves the Georgian forms of toponyms and personal names.

Paruyr M. MURADYAN,
Prof. (Erevan)

А.Ю. Казарян,

заместитель директора по научной работе Государственного института
искусствознания Министерства культуры РФ (Москва)

Албанская церковь в Леките и ее место в архитектуре стран Закавказья¹

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей композиции албанского храма в Леките и определению его места в раннесредневековой архитектуре Восточного Кавказа, которую автор рассматривает в качестве единого явления восточнохристианского зодчества с несомненными региональными особенностями.

Ключевые слова: Албанская церковь, Кавказская Албания, Лекит, Звартноц, албанская архитектура.

Развалины христианского храма типа тетраконха с обходом у сел. Лекит в Кахском районе современного Азербайджана были обнаружены А.С. Хахановым в конце XIX в.² Исторических сведений о храме не выявлено. После расчистки памятника в 1940 г. он был описан П.Д. Барановским, который сделал предварительный вывод о датировке храма VII в. и попытался определить место постройки в развитии однотипных построек Закавказья³. Принадлежность Лекитского храма архитектуре Кавказской Албании для этого ученого была безусловной. Однако вскоре изучением постройки занялся Г.Н. Чубинашвили, рассмотрев его в контексте грузинского зодчества Кахетии⁴, издавна соседствовавшей с древним Албанским царством, а в

¹ Статья развивает положения, изложенные в разделе о храме Лекит, в моей монографии: *Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции: В 4 т. М.: Locus Standi, 2012–2013; Т. 4. М., 2013. С. 14, 31–39.*

² *Хаханов А.С. Экспедиция на Кавказ 1892, 1893 и 1895 гг. // Материалы по археологии Кавказа. Т. VII. М., 1898. С. 35.*

³ *Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М.–Баку, 1947. С. 29, 31–33.*

⁴ *Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 13, 226 и след., 269 и след.*

эпоху развитого Средневековья политически объединявшейся с его частью, известной под грузинским названием Эрети¹.

Архитектуру храма, представлявшего собой тетраконх, окруженный кольцевым обходом с круглой внешней стеной, анализировали историки армянской архитектуры Н.М. Токарский, Т.А. Марутян и С.Х. Мнацаканян, отмечая его связь с предполагаемым прообразом — храмом Звартноц на Араратской равнине, детищем армянского католикоса Нерсеса III Строителя (641–651)². Т.А. Марутян и С.Х. Мнацаканян опубликовали первые реконструкции Лекита, реальные остатки которого порождают много вопросов. Новые фактографические сведения содержит статья Л. Ишханова³. Умалчивая о предшествующих исследованиях, Р.Б. Геюшев считал храм неизученным «ни в археологическом, ни в архитектурном аспекте» и надеялся на результаты исследования, начатого Институтом истории АН Азербайджанской ССР в 1981 г.⁴, результаты которого мне неизвестны. Описание памятника, представленное в книге Д.А. Ахундова 1986 г., не добавило ничего нового. Исследователь выдвинул неоправданно раннюю датировку и своеобразную версию о развитии круглых храмов Албании⁵.

Цель предлагаемого анализа — выявление особенностей композиции храма и уточнение его места в архитектуре стран Закавказья, которая, по всем определяющим ее признакам, в раннесредневековый период была единым явлением восточнохристианского зодчества с несомненными региональными особенностями.

Развитие так называемой классической традиции раннесредневекового зодчества стран Закавказья происходило главным образом в центральных провинциях Армении — Айрарате, Шираке, отчасти в центральной Картли и в обеих — армянской и грузинской частях Гугарка. В остальных регионах Закавказья лишь отдельные постройки возводились из крупноблочных камней чистой тески при доминировании строительства из грубо обрабо-

¹ Опираясь на мнение И.А. Джавахишвили, ученый выразил уверенность, что как Кахетия, так и Эретия «составляли часть Грузии» (*Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии*. С. 14–15). Это мнение определило его позицию по отношению к памятникам на территории левобережной Албании.

² *Токарский Н.М. Архитектура Армении IV–XIV вв.* Ереван: Армгосиздат, 1961. С. 140–141; *Марутян Т. Звартноц и храмы типа Звартноца.* Ереван, 1963 (на арм.яз.). С. 107; *Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники.* Ереван, 1971. С. 176–188; *Мнацаканян С.Х. Звартноц.* М., 1971. С. 62–65. О храме Звартноц см.: *Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века.* Т. 2 (2012). С. 492–549 и др.

³ *Ишханов Л. К изучению храма в селении Лекит // Советская археология.* 1970, № 4. С. 227–233.

⁴ *Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании.* С. 97.

⁵ По сравнению с реконструкцией Лекита, предложенной С.Х. Мнацаканяном, Д.А. Ахундов не придал ей ничего существенного, кроме неоправданного повышения пропорций и невероятной яйцевидной формы покрытия купола. Неизвестно, какими аналогиями он руководствовался, представляя цельный нижний ярус с узкими пилястрами, доведенными до карниза (*Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана.* Баку, 1986. Ил. 232–233, 235).

танного камня, как, например, в Васпуракане, Сюнике, Арцахе. К территориям, где осуществлялось только такое строительство, относятся прежде всего собственно Албания и Кахетия. Среди причин распространения этой традиции, кроме очевидной изолированности этих земель от центральных областей Закавказья, где в дохристианскую эпоху существовала развитая античная традиция, следует выделить и природную особенность, а именно отсутствие широких пластов однородного вулканического или осадочного камня, поддающегося легкой обработке. Небольшие блоки пористого камня, называемого *ширими* или *шириме*, в ограниченном количестве применялись в самых ответственных узлах конструктивной системы зданий. В собственно Алуанке с этой целью использовался и обожженный кирпич, тогда как основную массу стены составляла кладка из булыжников. Это обстоятельство отразилось и на таких произведениях профессиональных мастеров, как базилика в Куме или круглый храм в Леките, не говоря о многочисленных простейших бескупольных сооружениях, выбор иконографии которых был продиктован несомненным консерватизмом идей.

Во время своего начального изучения Лекитский храм уже находился в руинах (рис. 1). Оползни обрыва, над которым был возведен храм, разрушили его восточную стену и пастофории¹. Внешняя стена храма лучше всего сохранилась на юго-восточном отрезке своей траектории, где в высоту полвека назад достигала 7 м². Толщиной 1,40 м, она выложена из булыжного камня, частично грубоколотого, с широкими швами раствора. В конструктивно ответственных местах, в основном в пилонах и колоннах, применен тонкий обожженный кирпич, а также блоки хорошо отесанного беловатого известняка, так называемого *шириме*. Он использован и в кладке внутренних колонн, в вязке углов восточных помещений, кладке цоколя, дверных перемычках, оформлении порталов и в наружных пилястрах³. По наблюдению С.Х. Мнацаканяна, из обожженного кирпича выложены также арки и внутренний тетраконх⁴. Л. Ишханов замечает внешнюю выкладку стен «камнем серо-зеленоватого и серо-голубоватого оттенка»⁵. Крупные конструктивные

¹ Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. С. 210.

² Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники (на арм. яз.). С. 176–178.

³ Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит. С. 32; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. С. 32; Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 176–179.

⁴ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 64.

⁵ Видимо, речь идет о том же *шириме*. Ученый приводит размеры кирпича в арках: 26 x 26 x 6,5 — 32 x 32 x 8 см, а также отмечает ширину кольцевой стены — 1,35–1,40 м (Ишханов Л. К изучению храма в селении Лекит. С. 230). С.Х. Мнацаканян приводит иные размеры кирпича: 22 x 22,5 и 22 x 11,5 см, отмечает использование в колоннах кирпичей с округлым краем, равенство слоя раствора в кладке толщине кирпича. Исследователь замечает, что в связи с отсутствием качественной глины в состав замеса для кирпичей добавлялся растительный материал, и особенно солома, который при обжиге сгорал. Поэтому кирпичи пористы и относительно слабые. Тем не менее он

массивы с бутобетонным заполнением свидетельствуют о сводчатой системе перекрытий храма. Пол был настлан толстыми плитами известняка¹.

На обнаруженном фрагменте двоянных колонок западного портала сохранилась начертанная метка (рис. 2), прорисовка которой схожа, по мнению Л. Ишханова, с одним из знаков албанского алфавита, а по оценке С.Х. Мнацаканяна, с армянской буквой «Г»². Можно добавить, что метка, вероятно, являлась знаком мастера, поскольку встречается в этом виде на некоторых памятниках, в том числе на арцахской церкви Ванкасара второй половины VII в.³

План церкви, о котором можно судить в полной мере, представляет собой круглое, окруженное кольцевой стеной пространство (внутренний диаметр — 18,8 м), основную площадь которого занимает тетраконх с квадратными в основе подкупольными столбами и экседрами, основанными на аркадах. Купольный квадрат имеет среднюю для церквей Закавказья величину — 5,07 м в «продольном» и 5,12 м — в «поперечном» измерении. Кроме трех цилиндрических колонн под каждой экседрой, еще по одной такой же колонне присутствует за подкупольными столбами (рис. 3).

Это решение, обеспечивающее кольцевой характер обхода вокруг тетраконха, характерно именно для однотипных сооружений соседней Армении — храмов Звартноц близ Валаршапата (650–660 гг.⁴) и Банак/

Рис. 1. Лекит. Общий вид на сохранившуюся часть развалин. Фото С. Карапетяна. Середина 1980-х гг.

полагает, что именно применение кирпича в этом бедном строительным камнем районе позволило реализовать столь сложную пространственную композицию (Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 178–179).

¹ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 179.

² Ишханов Л. К изучению храма в селении Лекит. С. 230; Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 179.

³ О Ванкасарской триконховой церкви см., в частности: Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. 3 (2012). С. 601–605; о знаках местеров см.: Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. 2 (2012). С. 23–27; Он же. Автографы мастеров-каменщиков на монументальных зданиях VII в. в Армении, Иберии и Кавказской Албании. М.: УРПС, 2012.

⁴ Уточненную датировку строительства храма Звартноц (вместо традиционной датировки 642–652 гг.) см. в специальных работах А.А. Акопяна: Акопян А. Армяно-византийские отношения в середине VII века и время постройки храма Звартноц // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Вып. XXIV. Ереван, 2005 (на арм. яз.). С. 366–427; Hakobyan A. On the Newly-Discovered Campaign to Armenia and Atropatene in 659–660 by Constans II // 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August, 2006. Communications. L., 2006. P. 128–129.

Рис. 2. Лекит. Колонка портала.
Фото С. Карапетяна.
Середина 1980-х гг.

Бана в Тайке (середина VII в.)¹. Этим же решением все эти церкви отличаются от композиционно родственных им построек Месопотамии, Сирии, Египта, Италии (Милан), Балкан, в которых обход частично или полностью повторяет силуэт внутреннего квадрифолия.

В восточной половине храма, в его диагональных направлениях, расположены два дополнительных помещения с большими апсидами. Они представляют отдельные объемы, прямоугольные, с усеченными восточными углами, создающими трехгранные апсиды. Церковь имела три входа, располагавшихся напротив средних колонн запад-

ной, южной и северной эксedr. Места расположения окон неизвестны.

Подкупольные столбы квадратные, размерами в плане 1,70 x 1,70 м или 1,71 x 1,71 м². Углы столбов, обращенные к центру храма, вырезаны двумя уступами, так, что в их середине образованы полуколонны — решение, роднящее постройку не только со Звартноцем, но со многими простыми крестообразными армянскими храмами второй половины VII в.

Базы колонн, диаметром около 1 м, также имеют кубовидную форму при плановых размерах 0,98 x 0,98 (1,00) м и высоте 0,58 м. Примечательно, что в Звартноце базы колонн эксedr имеют кубовидную основу высотой 49 и шириной 95 см и поставлены на основание шириной в те же 98 см.

Кольцевая стена Лекита была цилиндрической изнутри и 28-гранной³ снаружи. С обеих сторон ее кладка включала вертикальные декоратив-

¹ Реконструкция в том же виде первоначального храма в Ишхане не имеет веских оснований. Нынешняя апсида церкви, содержащая аркаду и напоминающая апсиду тетраконхов с обходом, принадлежит крестовокупольному храму, возведенному в 1027 или 1032 г. на месте древнего собора католикоса Нерсеса Строителя. Эти обстоятельства побуждало ученых считать апсиду сохранившимся фрагментом храма VII в. и реконструировать его наподобие Звартноца. Однако последние варианты реконструкции раннего Ишханского собора представляют собой разновидности крестово-купольного храма, планировка которого была использована восстановителями собора в XI в. (Марутян Т. У истоков армянской классической архитектуры). Ереван: Мугни, 2003 (на арм. яз.). С. 263–286; Казарян А.Ю. Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства / Отв. ред. М.А. Орлова. М.: Северный паломник, 2005. С. 13–30; Он же. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. 2 (2012). С. 462–463).

² Размеры храма и его деталей наиболее подробно представлены в: Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 178–179.

³ Там же. С. 178.

ные элементы. Снаружи ребра многогранника отмечены прямоугольными пилястрами, разделенными надвое узкой округлой канавкой. Изнутри тонкие полуколонки диаметром 12 см и высотой 2,4 м распределены вдоль стены на одинаковых, около 3 м, расстояниях. Высоко над ними, на расстоянии 3,7 м от пола начинаются часто расставленные колонки второго ряда¹.

Плохая сохранность памятника позволяла выдвигать самые разные, в том числе и фантастические версии относительно его первоначальной композиции. Так, П.Д. Барановский предположил существование внешней открытой галереи по периметру храма между его пастофориями, хотя поиск колоннады с его стороны и последующие наблюдения не дали результатов². Т.А. Марутян представил два варианта реконструкции: один — по подобию позднесредневекового вида храма Банака с обобщением двухъярусного обхода и экседр в едином цилиндрическом объеме; второй — аналогично собственной версии Звартноца, с тремя цилиндрическими ярусами и галереей над амбулаторием³. Оба варианта подверглись критике С.Х. Мнацаканяна, который отметил, с одной стороны, игнорирование своим коллегой декора кольцевой стены и реального существования пастофорий, а с другой — неправомерность размещения в дополнительном помещении лестниц, ведущих на предполагаемые хоры, следы существования которых отсутствуют⁴. С.Х. Мнацаканян реконструировал храм наподобие собственной версии композиции Звартноца. На его чертеже Лекита над многогранным нижним ярусом высятся округлые

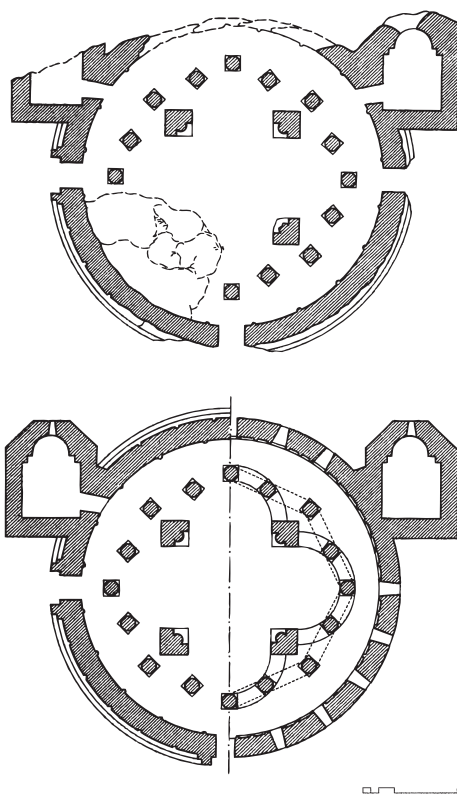

Рис. 3. Лекит. Сохранившийся и реконструируемый планы (Мнацаканян С.Х. Звартноц М., 1971)

¹ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 178, черт. 40 (содержит обмер и реконструкцию стены).

² Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит. С. 32; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. С. 32, сноска 1.

³ Марутян Т. Звартноц и храмы типа Звартноца. 1963. С. 102–105, рис. 24–25.

⁴ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 181–182.

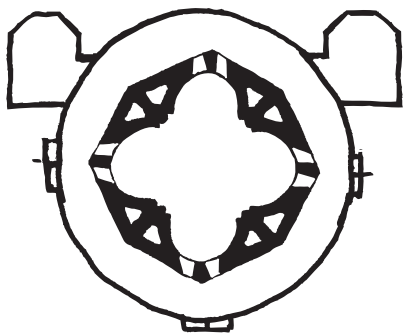
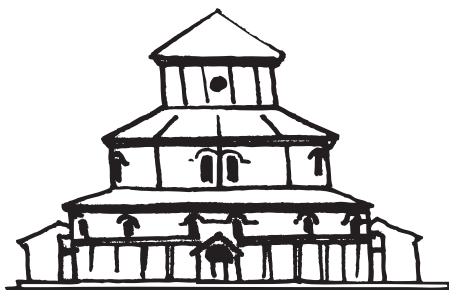

Рис. 4. Лекит. Реконструкция по С.Х. Мнацаканяну: планы ярусов, западный фасад, разрез. Реконструкция по А. Казаряну: план второго яруса, западный фасад

снаружи экседры тетраконха¹. Этот вариант Звартноца, однако, противоречит версии Т. Тораманяна и не принят за основу всех последующих опытов реконструкции. Противоречит он и вариантам реконструкции Банака, выдвинутым А. Кальгиным, Т.А. Марутяном, Л.М. Дрейером, как и мной, после нового натурного исследования памятника осенью 2006 г.²

Бесспорно, первоначальный храм Банака, который, скорее всего, был возведен католикосом Нерсесом Строителем в середине VII в., имел кольцевую стену, оформленную с двух сторон аркатурами. Выше них в той же стене, как и в Звартноце, существовал второй ряд окон, имеющих круглую форму, причем в Банаке они располагались не по осям нижних окон, а на линиях пилястр внешней аркатуры, а многогранная поверхность стены над этой аркатурой имела сдвиг на полграни. Все это во фрагментах сохранилось на самом памятнике и зафиксировано на фотографиях. В нач. X в. церковь была реконструирована царем картвелов Адарнасе (888–923 гг.): хроника Сумбата Давитисдзе сообщает о строительстве им этой церкви. Осмотр памятника убедил,

что весь внутренний тетраконх, соответствующий архитектурными деталями зодчеству эпохи Багратидов, был заново создан в это время. Еще до того мощными пилонами фрагментарно была укреплена внешняя стена древнейшего храма. При строительстве X в. заново воссоздана и южная половина кольцевой стены, и на этой половине одновременно созданы

¹ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 176–188, черт. 40–42; с. 64–65, ил. 29.

² Дрейер Л.М. О проекте реконструкции храма Пана // Армяне Северного Кавказа / Studia Pontocaucasica: II. Краснодар, 1995. С. 57–71; Марутян Т. У истоков армянской классической архитектуры, 2003. С. 202–204. Рис. 78, 80; Казарян А.Ю. Храм Банак (Бана): новое исследование // Архитектурное наследие. Вып. 48. 2007. С. 4–22; Он же. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. 2 (2012). С. 554–591.

такие же пилоны. Сохранившаяся часть второго яруса свидетельствует о его многогранном (круглом) характере, об отсутствии выделенных экседр, и можно предположить, что аналогичный облик имело и здание VII в. Ни первый, т.е. армянский, ни второй, т.е. грузинский, варианты Банака / Баны не имели хор, и это должно учитываться при реконструкции как Звартноца, так и Лекита.

Специфика Лекита в сравнении с однотипными памятниками, продиктованная его возведением в неклассической технике и принципах, часто преувеличивается. Своеобразие памятника порой стараются преувеличить искусственно. Это ощущается не только в версии Д.А. Ахундова, предложившего непонятную форму купола, но и по отмеченным реконструкциям армянских коллег, допустивших предельное упрощение композиции по сравнению с замыслом Звартноца.

Отрицая допустимость реконструкции Лекита с восьмигранным средним ярусом, предложенной Т.А. Марутяном, С.Х. Мнацаканян указывает на тяжелые массивы бутобетона, образующиеся в этом случае между экседрами¹. Следует отметить, однако, что и в реконструкции С.Х. Мнацаканяна существуют такие массивы по высоте от завершения «одиночных» колонн за столбами до покрытия кольцевого обхода. Причем это заполнение образовано только для того, чтобы иметь высокий, хорошо освещенный амбулаторий. Продолжить эти глухие пазухи между экседрами до завершения последних не составляло труда, причем сами экседры могли быть не столь высокими, как представлены на чертежах С.Х. Мнацаканяна. Будь храм большего масштаба, между стыками его экседр и обобщенной стеной второго яруса могли бы располагаться дополнительные камеры. Но памятник небольшой, его диаметр в два раза меньше аналогов, и в отмеченных пазухах могли быть устроены только тайники или пустоты. Поэтому второй ярус, скорее всего, был восьмигранным. Иначе трудно объяснить подобную, по восьмиугольнику, расстановку всех шестнадцати внутренних колонн при круглой внешней стене. Именно желание иметь октагональный средний ярус продиктовало такое, а не по окружности, распределение колонн.

Известно, что во всех аналогах албанского храма — в Звартноце, Банаке и в более позднем Гагикашене в Ани (1000 г.), — от диагональных колонн к телу экседр были перекинута арки, изгиб которых в плановой проекции служил основой внутренней окружности свода амбулатория. Остается загадкой, существовали ли такие арки в Леките? Если нет (то есть если мы допускаем упрощение стандартного решения), то, очевидно, существовало и другое упрощение, а именно устройство диагональных колонн вровень с колоннами экседр. Однако столь простые решения могли бы озадачить

¹ Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 182.

строителей при осуществлении свода двойной кривизны, напоминающего поверхность бублика, поскольку очевидно несоответствие между внутренней восьмигранной и внешней круглой основами такого свода.

Размышления обо всех остальных реконструируемых формах храма носят еще более неопределенный характер. Необычный разворот восьмигранника не исключал размещения окон в эксedрах симметричными парами. Решение не покажется фантастическим, если учесть четное число арок в основаниях экседр, присутствие средней колонны, поставленной вопреки обычной логике перед входами в храм, а также с учетом архитектуры Аручского собора того же, непосредственно после-звартноцевского, времени¹. Там пара окон нижнего ряда фланкирует каждый из трех порталов, а сверху, под щипцом каждого фасада, тоже присутствует пара окон. Отсюда возможно предположить, что и в Леките нижний ярус окон, прорезающих кольцевую стену, мог быть устроен таким образом, чтобы они оказывались рядом с порталами, а не над ними.

Подкупольный переход, подобно тому, что существует в Звартноце, мог быть парусным, а барабан цилиндрическим изнутри. Парусный переход наиболее оптимален при внешнем объеме барабана, устроенном непосредственно над кровлей нижнего многогранника, то есть, без отражения во внешних формах квадратной подкупольной основы.

Особенности строительной техники, предполагающие создание значительной части декора посредством росписи по штукатурке, стали причиной его почти полной утраты в этом полуразрушенном памятнике. Остатки штукатурки со слабыми следами красочного слоя обнаруживаются внутри храма². Уже рассмотренная система оформления кольцевой стены изящными пилястрами свидетельствует о вкусе его создателей, попытавшихся максимально оживить невыразительную стену обхода. При этом, если основываться на реконструкции С.Х. Мнацаканяна, зодчий продемонстрировал интерпретацию одноярусного и двухъярусного ордера, осуществил это в том же ключе, какой свойствен был работе мастеров в классической технике из чисто отесанного камня.

Характеру такого зодчества свойственна и пилястра западного портала, сохранявшаяся недалеко от него. Она оформлена стандартным профилем спаренных полуколонок³ диаметром 20 см. Поэтому допустимо восстано-

¹ О соборе в Аруче см.: *Казарян А.Ю.* Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в. К вопросу о византийском влиянии // *Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева / СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 54–78.*

² *Мнацаканян С.Х.* Звартноц. Памятник армянского зодчества VI–VII веков. М.: Искусство, 1971. С. 65; *Ахундов Д.А.* Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. С. 211.

³ *Мнацаканян С.Х.* Звартноц и однотипные памятники. С. 178; *Ишханов Л.* К изучению храма в селении Лекит, 1970. С. 230, рис. 5.

ление портала в том, традиционном для армянских построек виде, какой продемонстрирован С.Х. Мнацаканяном, в отличие от плохо имитирующей античный портик реконструкции Д.А. Ахундова. Сохранившаяся прямоугольного сечения пилястра северного портала свидетельствует о его более скромном облике.

С самого начала изучения памятника его датировка связывалась с ответом на вопрос — предшествовал или следовал этот храм Звартноцу, с которым его архитектура, несомненно, тесно связана и который до обнаружения Лекита однозначно считался произведением оригинальной композиции, созданной при непосредственном участии католикоса Нерсеса Строителя с учетом византийской, преимущественно сирийской традиции создания тетраконхов с амбулаторием в V–VI вв. Однако П.Д. Барановский отнес памятник «к VII веку, ко времени построения Звартноца или несколько более раннему», почти не аргументируя свое мнение, а ссылаясь лишь на то, что более простые композиции должны были создаваться ранее сложных¹, — эта мысль отражала царящее в науке первой половины XX в. пристрастие к эволюционным теориям развития. При этом археологические данные, отражающие литургические и архитектурные особенности памятника, стали учитываться лишь в последующих исследованиях.

По вполне оправданной точке зрения Г.Н. Чубинашвили, комнаты пастофорий в Леките «говорят красноречиво за относительно позднее время возведения всей постройки, именно как продолжение таких же зданий, возведенных в середине 7-го века... Нарочито подчеркнутое выделение пастофориев в Леките несомненно указывает на эпоху полного и широкого господства такого выделения, его повсеместного применения»². В развитие этой мысли стоит добавить, что в архитектуре Закавказского региона пастофории с крупными апсидолами появляются с 30-х гг. VII в. (Багаван, Мрен), причем до конца столетия не становятся обязательными. Но пастофории Лекита содержат одну черту — уступы под дополнительной аркой перед апсидолай, — которой они уподоблены восточным комнатам круглого (генетически связанного со Звартноцем!) храма в Гарни (659 или 681 г.) и апсидам этой же церкви и собора в Аруче. Это — стилистическая черта, которая могла возникнуть только в лоне «классической» традиции, а затем перейти в провинциальную.

¹ Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит. С. 33. «Храм в Леките, находившийся на крайнем северо-востоке христианской культуры еще до арабских завоеваний, может помочь в разрешении одной из важнейших проблем истории мировой архитектуры — вопроса о формировании и развитии построек с подкупольным квадратом, давших идею константинопольской Софии», — так невероятно высоко оценивал место Лекита П.Д. Барановский. Реальная история развития региона и восточнохристианской архитектуры явно не учитывались.

² Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 269. Исследователь еще однажды обосновывает вторичность Лекита по сравнению со Звартноцем и Баной (Там же. С. 226 и сл.).

На два свидетельства из «Истории Албании» Мовсеса Дасхуранци (X в.) указал в связи с критикой позиции П.Д. Барановского Н.М. Токарский. Первое сообщает о встрече албанского князя Дживаншира (637–680 гг.)¹ с императором Константином II в Вагаршапате, второе — о прибытии императора в Вагаршапат по приглашению Нерсеса для участия в освящении Звартноца, с замечанием: «Тот (император), удивляясь зданию, приказал строителям идти за ним, чтоб такую же церковь построить в столице»². «Сопоставляя оба свидетельства историка, можно предполагать, что встреча Дживаншира с императором произошла на этом торжестве и, следовательно, албанский князь видел только что отстроенный храм Нерсеса, который, надо думать, произвел на него не меньшее впечатление, чем на Константа. Значит, не исключена возможность, что Дживаншир мог тоже заполучить от Нерсеса кого-нибудь из строителей, для того чтобы соорудить такой же храм в своих владениях», — заключает исследователь³.

Не исключено и чуть более позднее время возведения Лекита. С.Х. Мнацаканян напоминает о втором прибытии Дживаншира в Армению, после возвращения с переговоров с арабским халифом. В только что построенном Аручском дворце албанского князя принимает ишхан (князь) Армении Григор Мамиконян, супруга которого Елена (hЕлинэ), та самая, которая указана наравне с мужем в строительной надписи Аручского собора, была родом из княжеского дома Албании⁴. Преемник Дживаншира, сын его старшего брата, Вараз-Трдат отправляет арцахского епископа Исрайэла в Армению просить частицу мощей Григория Просветителя, хранившихся в Звартноце, и в ее выдаче важную роль сыграла супруга Григора Мамиконяна. Как считает С.Х. Мнацаканян, в этих условиях Вараз-Трдат и католикос Албании Елиазар, который до своего владычества был епископом Шаки на левобережье Куры, возвели в Леките, т.е. в пределах епископства Шаки, близ древнего монастыря Гис, храм типа Звартноца, куда и была вложена полученная в дар частица мощей Св. Григория⁵.

Предполагаемое распределение окон по сторонам от главных осей также склоняет к версии о появлении Лекита после Аруча. Узкой датировкой Лекита, следовательно, нужно считать 70-е или начало 80-х гг. VII в.

¹ Уточненную датировку времени правления Дживаншира (вместо традиционной датировки 636–669 гг.) см.: Аюпян А.А. О хронологии последних событий «Истории 684 года». С. 24–36.

² Далее в тексте говорится, что по дороге в Константинополь галатос (т.е. мастер-каменщик, архитектор) скончался. См.: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Сличение с критич. и ред. С.А. Авакяна. Ереван, 1984. С. 100, 159 (Кн. II, гл. 22; III, гл. 15).

³ Токарский Н.М. Архитектура Армении IV–XIV веков. 2-е изд. Ереван, 1961. С. 140–141.

⁴ См.: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. С. 122 (Кн. II, гл. 36).

⁵ См., напр.: Мнацаканян С.Х. Звартноц и однотипные памятники. С. 180–181. Ср.: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. С. 105, 122 (кн. II, гл. 27, 36).

Примечательно, что диаметр плана Лекита составил половину диаметра Звартноца, тогда как стена албанского храма почти вдвое толще стены Звартноца, а базы колонн в двух памятниках имеют одинаковые размеры. Вследствие этого в Леките уменьшено число колонн экседра от шести до трех и резко сократилось внутреннее пространство, а особенно сузился амбулаторий. Эти обстоятельства свидетельствуют о своеобразном воспроизведении композиции Звартноца. Зодчий исходил из размеров образца: вдвое уменьшив габариты, он сохранил или увеличил размеры конструктивных элементов, подчиняясь нормам провинциальной кладки, но не только им, а простейшей логике уменьшения архитектурного сооружения. При вдвое меньшем, чем в Звартноце, диаметре колонн, они имели бы ширину в 45–50 см, столь же узкими оказались бы стены тетраконха и амбулатория, что недопустимо ни при какой строительной технике. Поэтому мастер отказался от пропорционального уменьшения всех элементов образца, перенеся одни из них в тех же величинах, а другие даже увеличив.

Следует отметить смелость, необходимую при обращении к столь сложной теме и для ее преобразования, что предполагает незаурядный характер заказчика и мастерство зодчего храма. Сказался на перекомпоновке элементов и местный обычай устройства одной из внутренних колонн перед входом, что исключало прямой обзор внутреннего пространства (аналогия — в базилике Цицернаванка в армянской области Сюник). Рассмотренная система оформления кольцевой стены изящными пилястрами свидетельствует о тонком вкусе создателей Лекита, попытавшихся максимально оживить невыразительную стену обхода и осознававших невозможность достижения фасадного декора Звартноца имеющимися материалами.

К сожалению, некоторые ученые, археологи и историки, продолжают игнорировать данные архитектурного развития в регионе, заменяя живую историю зодчества рассуждениями об исключительности местной линии эволюции круглых композиций от храмов древнейших культов до христианских церквей. С этой целью два памятника, обнаруженные за последние десятилетия — в Бююк-Эмили (Килисадаг) и в Мамрухе, — отнесены Д.А. Ахундовым, соответственно, к II–III вв. и к III–IV вв., а датировка Лекита, со ссылкой на П.Д. Барановского (на самом деле имевшего иное мнение), сначала отослана к рубежу V–VI вв. и тут же, с учетом одной планировочной особенности, — к рубежу IV–V вв.¹ только с целью значительного опе-

¹ Ахундов Д. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. С. 210–212. Постановка колонн перед входами побудила датировать основание Лекита концом языческой эпохи, но, как пишет автор версии, «...усиление влияния христианской церкви, видимо, заставило закончить строительство его уже в виде христианского храма» (там же. С. 211–212). Обычай такой расстановки колонн мог восходить к дохристианской традиции, но в любом случае его отражение в Леките не позволяет относить сам храм к тем далеким временам. Примечательно, что подробно

режения Звартноца¹. Д.А. Ахундов, конечно, не приводит исторической аргументации, да и вряд ли возможно обосновать предлагаемую ориентацию Нерсеса Строителя на церковь, построенную в одной из дальних епархий пусть даже своей же Церкви.

Отнесение Мамруха и Килисадага к дохристианским временам ничем не обосновано. С другой стороны, формы апсиды, оконных проемов и карнизов Мамруха позволили С.А. Маилову отнести его к зодчеству XII–XIV вв.² Р.М. Ваидов, первый исследователь Килисадага, датировал его VIII в.³, но форма и декор перемычек его проемов, а также обнаруженная неполивная и поливная строительная керамика позволили выдвинуть предположение о создании постройки также не ранее XII в.⁴ Несомненно, что оба памятника появились в результате творческого обращения к лекитской композиции, по-разному упростившего структуру ее внутреннего ядра. Строителям Мамруха принципиально важным показалось сохранение четырехстолпного купольного квадрата, тогда как килисадагским — идея многоколонного пространства, окруженного обходом.

Хочется напомнить мысль, за последние годы постепенно укрепшую, в том числе и благодаря собственным исследованиям, относительно вероятности обращения зодчего Звартноца (Йоhана, как традиционно считается) к величайшему христианскому памятнику — Ротонде Воскресения над Св. Гробом, соединив ее композиционную идею круглого храма с амбулаторием с иконографической основой древнейшего армянского собора — Св. Эчмиадзина в Валаршапате. Обращаясь к группе албанских построек, можно заметить их сходство со структурой Анастасиса и другими круглыми сооружениями на Святой земле. Очевидно, что здесь палестинские корни христианства были в особом почете, но нельзя забывать и о времени, когда иерусалимская тематика воспринималась на Востоке особенно остро. Это, со всей очевидностью, имело место в VII в., в ответ на захват Иерусалима сперва персами, а затем, уже перед самым строительством Звартноца, — арабами. О тесных связях албанских христиан со Святой землей свидетельствуют фрагменты компилятивного сочинения Мовсеса Дасхуранци, две наиболее ранние части которого, известные под названиями «История католикоса Вироя» и «История 684 года», относятся к началу 630-х гг. и к

изучавший храм другой азербайджанский коллега, Л. Ишханов, воздерживался от определенной датировки памятника, лишь отмечая, что все подобные памятники Закавказья являются «переработкой и вместе с тем большим шагом в развитии архитектурного типа тетраконха...» (Ишханов Л. К изучению храма в селении Лекит. С. 231).

¹ Та же позиция изложена в статье популярного характера: Гаджиева С. Культурное зодчество левобережной Кавказской Албании // Архитектура, строительство, дизайн. 2005. № 2. С. 27–28.

² Маилов С.А. Армянские церкви Азербайджана // Архитектурное наследие. 1985, № 33. С. 143.

³ Ваидов Р.М., Мамед-заде К.М., Гулиев Н.М. Новый памятник архитектуры Кавказской Албании // Археологические открытия 1971 г. М., 1971. С. 487–488.

⁴ Казарян А.Ю. Албания Кавказская // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 462.

концу VII в.¹ Примечательно и то, что в нем представлено достаточно подробное описание палестинских святынь, в т.ч. Ротонды Воскресения (кн. II, гл. 51). Вполне возможно, что эта тема волновала интеллектуальную элиту Албании, отразившись и на ее архитектуре.

The Albanian Church in Ledit and its Place in the Architecture of Transcaucasia

Abstract: The article examines the characteristics of the composition of the Albanian temple in Ledit, trying to define its place in the early medieval architecture of the Eastern Caucasus. The author considers this architecture as a single phenomenon of Eastern Christian architecture with undoubted regional characteristics.

Key words: *Albanian church, Caucasian Albania, Ledit, Zvatnotc, Albanian architecture.*

Armen Yu. KAZARYAN,

Deputy Director, State Institute for Art Studies of the Ministry
of Culture of Russian Federation (Moscow)

---

¹ Акопян А.А. Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. С. 188–201.

М.Г. Балаян,

директор историко-краеведческого музея Нагорного Карабаха
(Степанакерт)

Антипрестольный албанский католикосат в Ч'алет'е (XV в.)

Аннотация. В XV в. по причине неких неблагоприятных политических коллизий внутри Албанской церкви, которая в течение целого тысячелетия объединяла христианское население правобережья и левобережья Куры (армянское и собственно албанское), произошел определенный раскол. В результате этого раскола на левобережье, в Ч'алет'е, был основан отдельный католикосский престол, названный так же «Албанским». Он просуществовал более одного столетия и, несомненно, сыграл существенную роль в судьбах албанского населения левобережья р. Куры.

Ключевые слова: *Албания, Албанская церковь, Ч'алет, Гандзасар, Арцах, Утик.*

Начиная с 80-х гг. XIV в., вследствие походов хана Тохтамыша, а затем нашествий Тимур Ленка и возвышения после них племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, все области Армении и Восточного Закавказья были подвергнуты разрушениям, в них происходило массовое кровопролитие. В результате этого нарушился и естественный ход развития духовного владычества восточных краев Армении, Албанской церкви с центром в Гандзасаре. Церковные предводители северо-восточных провинций Великой Армении — Арцах и Утик'а, или так называемой армянской Албании–Алуанк'а, вынуждены были переносить католикосский престол с одного места на другое.

В 1402 г. согласно памятной записи рукописи, созданной в сел. К'арвач'ар провинции Ц'ар, во главе католикосского престола Албании уже находился Тэр Карапет¹, который, вероятно, и основал католикосский престол Албании в сел. Ч'алет' на левобережье Куры. Это небольшое село находится в Огузском

¹ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. I (1401–1450 гг.). Изд. Л.С. Хачикян. Ереван, 1955 (на арм. яз.). С. 24.

районе (бывш. Вардашенский район) современной Азербайджанской Республики. Тэр Карапет построил там храм Сурб Астуац'ац'ин (Св. Богородицы), о чем свидетельствует его надпись из 6 строк, на камне под окном восточной стены внутри здания (текст: «Во имя Бога, я — католикос Тэр Карапет, построил сию церковь в году 860-м [=1411 г.] в память о моей душе. Кто прочтет, помяните в молитвах!»)¹.

Обоснованию существования католикосского престола Албании в Чалет'е в историографии давались различные оценки.

Епископ Мака́р Бархударя́нц вообще не сообщает никаких данных о духовной деятельности католикосов, обосновавшихся в Чалет'е, за исключением цитат из надписей на их могильных плитах и сохранившейся надписи о строительстве церкви Сурб Астуац'ац'ин. Историк-священнослужитель, видимо, отрицательно относился к вышеупомянутому факту перенесения католикосского престола из правобережных областей, поэтому и писал: «Не знаем, по какому случаю он перенес патриарший престол из Гандзасара в село Чалет'...»². И далее он просто перечисляет всех католикосов Албанской церкви, правивших с 1406 по 1442 гг.³

По мнению М. Бархударя́нца, монастырь Чалет'а с самого начала его основания (т.е. начиная с обоснования здесь Тэр Карапета) и до 1510 г. был резиденцией албанских католикосов. Этого же мнения придерживается А.В. Карапетян⁴, в качестве доказательства приводя следующую цитату из памятной записи Евангелия, переписанного в сел. Егунди: «В правление Тэр Матт'эоса, католикоса Албании... в Чалет'ской обители»⁵. Следующим доказательством для данной точки зрения автор считает надгробные плиты трех католикосов (Карапета, Т'овмы и Арак'ела), похороненных в Чалет'е, во дворе церкви Сурб Астуац'ац'ин. Добавим, что в работах С. Карапетяна значится наряду с этими тремя также и католикос Ариста́кэс (был на престоле в 1511–1516 гг.)⁶.

На наш взгляд, это свидетельство не может считаться достоверным, поскольку исторические источники, относящиеся к обсуждаемому периоду, указывают на наличие одновременно двух католикосских престолов, при этом оба упоминаются под названием «Албанский католикосат».

¹ Шахатуня́нц И. Описание соборной церкви Эчмиадзин и пяти араратских провинций. Вагаршапат, 1842 (на арм. яз.). С. 379; Бархударя́нц М. История Албании. Ч. 1. Вагаршапат, 1902 (на арм. яз.); Карапетян С. Армянские лапидарные надписи Кавказской Албании. Ереван, 1997 (на арм. яз.). С. 89.

² Бархударя́нц М. История Албании. Ч. 1. С. 210.

³ Там же. С. 212.

⁴ Карапетян А.В. Слова *čaġag, čala* и их применение в топонимии // Историко-филологический журнал. Ереван, 1982, № 2 (на арм. яз.). С. 158.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 1. С. 241.

⁶ Карапетян С. Армянские лапидарные надписи Кавказской Албании. С. 93.

Для обоснования данного мнения очень важно на основании точных фактов представить периоды правления албанских католикосов в XV в. и конкретное место их деятельности.

Как уже отмечалось, М. Бархударянц лишь упоминает имена католикосов, правивших после Тэр Карапета¹. Так же поступил и Й. Шахатунянц². Оба автора считают, что после Карапета правил католикос по имени Давид, принимая в качестве аргумента текст надписи на его могильной плите, но не обращая внимания на время и место его правления. На наш взгляд, это ошибка, так как дошедшие до нас рукописи указывают на то, что в 1402–1423 гг. католикосским престолом Албании владел Тэр Карапет³, а сменил его Тэр Матт'эос, сохранившиеся сведения о котором датируются 1423, 1432, 1434 и 1436 гг.⁴ В частности, об этом четко упоминается в рукописном Евангелии 1423 г.: «И в патриаршество Тэр Карапета и преемника его Тэр Матт'эоса... И я, достойный [только] сравнения с землей епископ Мовсэс, написавший сию рукопись пред католикосом Армянским и Албанским Тер Матт'эосом, являюсь свидетелем этого слова. В [году] 872-м армянского летосчисления [=1423 г.], во славу Господа, аминь!»⁵

Другая рукопись с упоминанием имени Тэр Матт'эоса датируется 1432 г. и снова указывает на владение им престолом в Ч'алет'е («В правление Тэр Карапета, албанского католикоса ... в обители Ч'алет'а, под сенью Св. Богородицы...»⁶). Что касается упоминания в списке католикосов Тэр Давида, то, как будет показано ниже, в этот же самый период он владел престолом в Гандзасаре. Итак, началом предводительства католикоса Тэр Матт'эоса нужно считать 1423 г., а концом, вероятно, 1436 г., так как начиная с этого года о нем больше никаких упоминаний в рукописях не обнаруживается. Здесь отметим, что М. Бархударянц и Й. Шахатунянц после Матт'эоса упоминают еще двух католикосов — Ат'анаса III и Григора Г⁷.

Таким образом, сохранившиеся источники с упоминанием имени албанского католикоса Карапета позволяют сделать вывод, что он благополучно правил до 1423 г. Вместе с тем другие документальные материалы того же периода свидетельствуют о правлении в Гандзасаре албанского католикоса Давида. Перед входом кафедральной церкви Св. Иоанна в Гандзасаре сохранилась надгробная плита со следующей надписью: «Сие есть [место] упокоения католикоса Давида, сына Багдасара, [год] 867 [=1418]». К сожалению

¹ Бархударянц М. История Албании. Ч. I. С. 212.

² Шахатунянц Й. Описание соборной церкви Эчмиадзин и пяти Араратских провинций. С. 343.

³ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. III. Изд. Л.С. Хачикян. Ереван, 1967 (на арм. яз.). С. 24, 122, 194, 240, 307.

⁴ Там же. С. 732.

⁵ Там же. С. 307.

⁶ Там же. С. 425.

⁷ Бархударянц М. История Албании. Ч. I. С. 213.

нию, других упоминаний о католикосе Давиде еще не обнаружено, но и эта единственная надпись неопровержимо свидетельствует о том, что до 1418 г. одновременно с Тэр Карапетом в Чалет'е (1402–1423 гг.) на Албанском католикосском престоле в Гандзасаре (в Арцахе) предводительствовал другой владыка — Тэр Давид. После него следующее упоминание относится также к предводительствовавшему в Гандзасаре албанскому католикосу Йовханнэсу, что дает определенное основание заключить, что он сменил Тэр Давида. Первое прямое свидетельство, доказывающее параллельное предводительство католикоса Йовханнэса в Гандзасаре датируется 1428 г. В памятной записи рукописи, переписанной в сел. Шош, говорится: «Итак, сие богоданное святое Евангелие было написано... в 877 г. армянского летосчисления [=1428 г], в стране Албании, в епархии Амараса, в селении, называемом Шушу, под сенью Св. Богородицы, в католикосство Тэр Йоханэса...»¹.

В одной рукописи М. Бархударянца, которую опубликовал С. Айкуни, в качестве католикоса Албании также упоминается духовный деятель по имени Йовханнэс, который долгое время предводительствовал на престоле в Гандзасаре — «Йовханнэс, сын Джалала, 1441 г.»². Примечательно то, что свидетельства, доказывающие пребывание на католикосском престоле упомянутого Тэр Йовханнэса многочисленны, относятся к самому Арцаху и датируются далее 1456, 1462, 1464, 1468, 1470 гг. К примеру, в рукописи 1456 г., созданной в монастыре Гетамиджой в области Ц'ар, в частности отмечается: «В период предводительства на престоле Албанской провинции Тэр Йовханнэса, сына великого князя армянского парона Джалала...»³ В Матенадаране им. Маштоца в числе персидских указов сохранился указ жены султана Джааншаха каракоюнду — Бегум-Хатун от 1462 г., данный Гандзасарскому католикосу Йовханнэсу и подтверждающий его католикосские права⁴. На южной стене монастыря св. Якова Мециранк'а имеется надпись: «Волею Господа, я, католикос Тэр Йовханнэс, сын великого князя Джалала, воздвигнул сей крест во спасение души моей...», а под стеной стоит крест-камень, о котором говорится в надписи, содержащий сжатыми буквами только дату: «918 [=1441 г.]»⁵. Рядом, в надписи на надгробной плите под южной стеной отмечено: «Сия есть могила Албанского католикоса Тэр Йовханнэса. В году 919 [=1470 г.]»⁶, что свидетельствует о его предводительстве Албанским католикосским престолом до указанного года и его погребении в самом Арцахе.

Вышеупомянутые документальные свидетельства из монастыря Св. Якова, по нашему мнению, являются серьезными фактами, доказыва-

¹ Бархударянец М. История Албании. Ч. I. С. 384.

² Айкуни С. Дорожные очерки // Мегу Айастани. 1885. № 80 (на арм. яз.). С. 3.

³ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. II. Изд. Л.С. Хачикян. Ереван, 1958 (на арм. яз.). С. 66.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ Свод армянских надписей / Сост. С.Г. Бархударян. Вып. V. Ереван, 1982 (на арм. яз.). С. 18.

⁶ Там же. С. 17.

ющими выдвинутую выше точку зрения о существовании параллельного католикосата. При этом нужно учитывать тот факт, что указанный монастырь находится по соседству с Гандзасаром, чуть южнее, и очень далеко от Чалет'а. А указ, выданный католикоосу Йовханнэсу, нужно рассматривать как свидетельство того, что со стороны верховных светских (мусульманских) правителей в качестве предводителя Албанской церкви принимался и признавался католикос, предводительствовавший в Гандзасаре.

Известно, что в 1441 г. Армянский католикосский престол снова утвердился в Центральной Армении, в городе Вагаршапат, в Эчмиадзинском монастыре. До этого для перенесения католикосского престола из Ромклы (Киликия) в собственно Армению значительные шаги предпринимались еще Йовханом Воротнеци, который, как сообщает Григор Тат'еваци, «планировал превратить в Армянский католикосатский центр Гандзасар, имея в виду, несомненно, тот фактор, что этот монастырь с его древним католикосатским центром находился в сравнительно безопасных условиях, под властью рода Хасан-Джалалянов»¹. Естественно, если придерживаться устаревшей позиции (Б.А. Улубабяна и др.), согласно которой в данный период албанский католикосский престол находился в Чалет'е, а не в самом Арцахе (Б.А. Улубабян пишет: «В течение этого времени, в отрезке более чем одного века, в собственной стране церковь жила так, как будто ни католикосата, ни католикоса не существовало»), то вышеотмеченное намерение об обосновании армянского престола в Гандзасаре оказывается беспочвенным и нелогичным.

Таким образом, до 1440-х гг. Гандзасар упоминается как «древний католикосатский центр»². Но и после этого он продолжал оставаться таковым. Из фактов, обосновывающих данное мнение, нужно указать на указ падишаха Ягуба Аккоюнлу от 1487 г., данный католикоосу Гандзасара Шмавону, которым он подтверждает католикосские права последнего и освобождает подвластное ему армянское духовенство от различных налогов³.

М. Бархударянец переписал из одного Евангелия следующую цитату: «В 904 году армянского летосчисления [=1455 г.], в предводительство Тэр Григора, в царствование [ильханство] Джихан Шаха...»⁴ Согласно ученому-епископу, Тэр Григора сменил и в 1481–1482 гг. предводительствовал в Гандзасаре Шмавон Г⁵. Но сведения сохранившегося указа падишаха Ягуба, о котором упоминалось выше и которым утверждались католикосские права Шмавона I, так же как и памятных записей ряда синхронных рукописей, отрицают эту точку зрения. Так, согласно материалу, собранному в

¹ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. I. С. XXXIV. Подробно см.: История Армянского народа. Ереван, 1972. Т. 4 (на арм. яз.). С. 39.

² У Григора Тат'еваци: Матенадаран. Рук. № 4669. С. 1996–2006.

³ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. III. С. 236–237.

⁴ Там же.

⁵ Бархударянец М. История Албании. Ч. II. С. 18.

статье А. Ахумяна, утверждение католикосских прав Тэр Шмавона персидским двором состоялось в 1476 г.¹, и к тому же он был преемником своего дяди Тэр Матг'эоса (1470–1476 гг.)². Первая рукопись, свидетельствующая о предводительстве престолом Шмавона I, датируется 1486 г.: «В царствование Ягуб бека, в католикосство Тэр Шмавона, в 935 г. армянского летоисчисления [=1486 г.]»³. Следующая рукопись с упоминанием имени этого католикоса относится к 1498 г.⁴

В Чалет'е одна из надгробных плит, сохранившаяся до наших дней, имеет следующую надпись: «В году 924 [=1475 г.]. Могила католикоса Т'овмы»⁵ (заметим, что М. Бархударянц не совсем верно представил датировку данной надгробной плиты — 1495 г.⁶). В памятной записи Иерусалимской рукописи 1466 г. № 1784 («Маштоц», требник) говорится: «В году 915 [армянского летосчисления: =1466 г.] ...была переписана сия рукопись рукой писца Йакоба, в селе, называемом Гюлстан, что есть Вардуд, в патриаршество Тэр Т'овмы, католикоса Албании, по просьбе отшельника Бариога»⁷. Из этих свидетельств следует, что в 1475 г. в Чалет'е скончался католикос по имени Т'овма, правивший не менее одного десятилетия. Но в тот же самый период, как отмечалось выше, в Гандзасаре в качестве албанского католикоса выступают Тэр Йовханнэс, затем — Тэр Матг'эос, а с 1476 г. — Шмавон.

До нас не дошли сведения о времени смерти Шмавона I, однако рукопись 1498 г. с упоминанием его имени⁸ показывает, что по крайней мере до этого года он находился на престоле в Гандзасаре. В Чалет'е же сохранившиеся источники того же периода свидетельствуют о католикосстве Тэр Арак'ела. Согласно Й. Шахатунянцу, «Тэр Арак'ел, также из Сокут'лу⁹, упоминается в памятных записях Евангелий, переписанных в году 928 [армянского летосчисления: =1479 г.] и 953 [=1504 г.], а надпись на могильной плите в монастыре Чалет'а доводит его жизнь до 960 года [=1511 г.]»¹⁰. Лапидарные и рукописные источники указывают на католикосское правление Тэр Арак'ела в Чалет'е в 1497–1511 гг.¹¹ Приведем текст лишь одной

¹ Ахумян А. Заметки из прошлого Карабаха // Арарат. Вагаршапат, 1915. С. 642.

² Там же.

³ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. III. С. 84.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Карпетян С. Армянские лапидарные надписи Кавказской Албании. С. 90.

⁶ Бархударянц М. История Албании. Ч. II. С. 18.

⁷ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. II. С. 246 (приношу свою благодарность за консультацию А.А. Акопяну. Упомянутый здесь топоним Вардуд/Гюлстан может относиться либо к известному Гюлистану в Шаумяновском районе НКР, либо же к районному центру Варташен (совр. Габала) АР, которые не имеют других столь ранних упоминаний в источниках.

⁸ Там же. Ч. III. С. 261.

⁹ Сел. Сокут'лу недалеко от райцентра Габала (бывш. Варташен) до конца XVIII в. еще было заселено в основном удинами-христианами.

¹⁰ Шахатунянц Й. Описание соборной церкви Эчмиадзин и пяти Араратских провинций. С. 344.

¹¹ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. III. С. 236, 237, 281.

памятной записи: «Тэр Арак'ел, католикос Албанский, ...заказал переписать сие Евангелие в память о своей душе и душе своих родителей... в престоле Ч'алет'а, в стране Албании... в 948 году армянского летосчисления [=1499 г.]»¹. Несколько настенных надписей, свидетельствующих о деятельности католикоса Тэр Арак'ела, были записаны и сфотографированы в Ч'алет'е в 1980-х гг. С. Карапетяном².

Согласно И. Шахатунянцу, католикоса Тэр Арак'ела в Ч'алет'е сменил Аристокэс (1511–1516 гг.)³. С именем этого католикоса связана точка зрения, на наш взгляд, недостаточно обоснованная, согласно которой в какой-то период своего правления он переместил католикосский престол Албании с левобережья Куры на правобережье и предводительствовал также и в Гандзасаре. Однако М. Бархударянц в свое время видел и записал надпись на его надгробной плите, согласно которой он похоронен на кладбище сел. Ягублу исторической провинции Капалак⁴, на левобережье Куры, т.е. на своей родине. Поэтому вероятно лишь то, что как раз после католикоса Аристокэса Ч'алет'ский католикосат прекратил свое существование. После этого левобережные епархии католикосата снова воссоединились с правобережными (Арцахскими) и приняли духовное главенство Гандзасарского престола, на котором в тот самый период восседал другой католикос Аристокэс, тезка вышеупомянутого. И именно последнего касаются слова Раффи (А. Мелик-Акопян): «Католикос Аристокэс скончался в 970 году Армянском, в 1521 году от рождества Христова»⁵.

Исходя из проанализированных выше фактов, можно заключить, что в XV в. по причине неких неблагоприятных политических коллизий внутри Албанской церкви, которая в течение целого тысячелетия объединяла христианское население правобережья и левобережья Куры (армянское и собственно албанское), произошел определенный раскол, в результате которого на левобережье, в Ч'алет'е, был основан отдельный католикосский престол, названный также Албанским. Он просуществовал более одного столетия и, несомненно, сыграл существенную роль в судьбах христианского, этнически в основном собственно албанского (удинского) населения левобережных областей Куры. Гандзасар же выступал в качестве католикосского престола не с 1516 г., как было принято считать до сих пор, а с конца XIV или начала XV в., и не в отдельные промежутки времени, а непрерывно. Показательно то, что во всех встречающихся о католикосах Ч'алет'а письменных пассажах употребляется, кроме названия «Албанский», также и выражение «из пре-

¹ Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. III. С. 281.

² Карапетян С. Армянские лапидарные надписи Кавказской Албании. С. 90.

³ Шахатунянц И. Описание соборной церкви Эчмиадзин и пяти Араратских провинций. С. 344.

⁴ Бархударянц М. История Албании. Ч. II. С. 222–223. См. также: Карапетян С. Армянские лапидарные надписи Кавказской Албании. С. 93.

⁵ Раффи. Тайна Карабаха // Ардаганк. Тифлис, 1886. № 45 (на арм. яз.). С. 591.

стола Чалет'а». По всей видимости, это делалось с целью различения двух «албанских» престолов.

Добавим, что в XIV–XV вв. в самом Арцахе на албанском престоле находились в большинстве случаев представители рода Хасан-Джалальянов, который, по всей видимости, и был инициатором перемещения католикосского центра из Северного Арцаха (П'арисоса и Тавуша) в Хачен: сначала — в монастырь Св. Якова в сел. К'олатак, а затем — в Гандзасар. Гандзасарский католикосский престол, в равной степени известный и под названием «Албанский католикосат», с этнической точки зрения с самого основания и все время своего существования, как свидетельствуют сохранившиеся многочисленные и многообразные источники (памятные записи, лапидарные надписи, архивные документы), всегда являлся армянским, объединяя вокруг себя в первую очередь армянское население северо-восточных провинций исторической Армении — Арцаха и Утик'а.

В связи с этим естественным образом возникает вопрос: не было ли связано возникновение антипрестольного католикосата в Чалет'е на левобережье Куры не только с некими восстанавливаемыми политическими причинами, но также и с возможной тенденцией этнического самовыражения собственно албанского христианского населения этих областей (а конкретнее — удинского этноса), наличие которой можно предположить на основании общей картины направлений этнических процессов в период развитого и начала Позднего Средневековья? Учитывая исключительно источниковедческий характер настоящей статьи, мы предпочли бы пока воздержаться от углубленного анализа и конкретных заключений в этом направлении. Но вместе с тем представляется вполне уместным заметить, что сама постановка подобного вопроса, безусловно, вытекает из самой логики изложенного в данной публикации источниковедческого материала.

The Anti-throne Albanian Catholicosate in Ch'alet' (15th Century)

Abstract: Owing to unfavorable political conflicts within the Albanian church, which for a millennium united the Christian population of the right bank and left bank of the Kura river (Armenian and proper Albanian), there was a definite schism in the 15th century. As a result, in Ch'alet' (the left bank of Kura) a separate Catholicos throne, called "Albanian", was founded. It has existed for over a century, and undoubtedly played a significant role in the fate of the Albanian population of the left bank of Kura.

Key words: *Albania, Albanian church, Ch'alet, Gandzasar, Artcakh, Utik.*

Melania G. BALAYAN,

Director of the Museum of Nagorny Karabakh (Stepanokert)

М.Дж. Каракетов,

старший научный сотрудник Института этнологии
и антропологии РАН (Москва)

О гуннском Чопа-Даркунанде из описания албанского епископа VII в.

Аннотация. На основе информации Мовсеса Каланкатуаци о посольстве албанского епископа Исраэла в «страну гуннов» (681–682 г.) автор предлагает собственную интерпретацию сведений о гунно-савирских религиозных воззрениях и культах. Автор ставит вопрос о происхождении образа божества Чоппы и связанных с ним терминов в обрядово-культовой жизни народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: *Албанские епископы, Исраэл, гунны, Чоппа, Даркунанд.*

В «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (X в.) подробно описано посольство албанского епископа Исраэла в «страну гуннов», которое состоялось зимой 681–682 г. и сопровождалось миссионерской деятельностью по распространению среди кочевников христианства и искоренению языческих культов. Особую ценность в этом описании представляют конкретные сведения о гунно-савирских религиозных воззрениях и культах: «В этот великий день [Праздника Пасхи] прежде всего должно быть сожжено *громогласное кладбище Чопа* (выделено мной. — М. К.), называемое Даркунанд, руками уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбище-рощу], лишь после того они могут быть крещены и причащены»¹.

Сюжет, описанный средневековым албанским автором, позволяет провести некоторые параллели между гуннской традицией, с одной стороны, и религиозной жизнью современных народов, прежде всего тюркоязычных, которые населяют историческую территорию «страны гуннов», — с дру-

¹ Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. С. 131.

гой. Значительный разрыв во времени между сведениями автора «Истории страны Адуанк» и первыми данными о Чоппа у карачаевцев, балкарцев и других народов Северного Кавказа, зафиксированными в более поздних источниках, тем не менее не мешает сделать предварительный вывод о том, что мы имеем дело с наиболее консервативной мировоззренческой позицией и обрядово-культурной системой, связанной с громом и молнией.

Месторасположение святилища, так же как и фонетическое и смысловое совпадение имени божества, корреспондирует карачаевскому наименованию божества Чоппа — покровителю грома и молнии, как и гуннское или гунно-савирское «громогласное... Чопа». Карачаевцы, как в свое время и гунно-савиры, именовали природное ограждение из кустарников для жертвенного животного или рощу одним словом — *Дурку*, что в определенной мере созвучно названному в источнике *Дарку+нанд*. Скорее всего, у гуннов это понятие звучало так же, как и у современных тюрков-карачаевцев. В то же время можно предположить, что в данном случае могло произойти развитие *дурку* из *дарку*. Оставляем данную проблему специалистам — лингвистам-компаративистам. Кроме того, обряд Чоппа-Той или Чоппа проводили вокруг огромного священного дерева, которое росло внутри кладбища, куда загоняли участвовавших в боевых походах лошадей. После смерти такого скакуна его голову и конечности хоронили, как и людей, обернутыми в саван.

В карачаевской детской считалке, отразившей ритуал откармливания жертвенного вола, присутствует образ *Дурку* (*Дуркѳу*):

*Дуркѳу, Дуркѳу, Дуркѳу,
Дуркѳу ичинде ѳгюз,
ггюз ичи семиз,
Бири урлады,
Бири кесди,
Бири Сойду,
Бири биширди,
Бири да ашадѳда кѳойду,
Тѳуйюгюз муну тѳуйюгюз
Дуркѳу ичине ат башындан атыгѳыз.*

Наш перевод:

*Дуркѳу, Дуркѳу, Дуркѳу,
Внутри Дуркѳу вол,
Вол очень жирный.
Один украл,
Другой порезал,*

Третий свежевал,
Четвертый сварил,
А пятый взял да съел.
Бейте его, бейте,
Внутри Дуркѣу через голову лошади бросайте.

Мы привели только один вариант из довольно большого количества собранных вариантов считалки. Представляется, что эта считалка является следствием перехода молитвенного текста в детский, что так часто обнаруживается в детской лексике и детских играх всех почти народов мира, перешедших в христианство или ислам.

Сведения о культе божества Чоппа среди народов Северного Кавказа были зафиксированы также грузинским царевичем Вахушти в XVIII в. Карачаевцы, или овсы, как называли по грузинской традиции (по данным акад. Н.Я. Марра) карачаевцев, «в честь божества Чоппы, дабы он избавил от градобития и даровал урожай земли, закалывали козла, мясо поедали, а кожу натягивали на высокое дерево и поклонялись этой шкуре»¹. Отметим, что сваны называют карачаевцев *савьярами* (мн. ч.), а карачаевца — *му-сав*, что созвучно этнониму *савир*. Также карачаевцы именовали себя *ак-саууту* («белые савцы»), *хаз-саууту* и просто *саууту*. Мегрелы, грузины и абхазы, когда речь идет о карачаевцах, наряду с их реальным именем (*карачоили*, *карач*, *акарач*) применяют этноним *алан* или *алани*.

У осетин-дигорцев в конце XVIII в. образ Чоппы был зафиксирован офицером Российской императорской армии фон Штедером. «Сильная гроза, — свидетельствовал фон Штедер, — часто наблюдавшаяся в предгорьях, погнала работающих в поле женщин в селение и в 50 шагах от моей палатки убила женщину. После удара те, которые с ней шли, издали крик радости, стали петь и танцевать вокруг убитой. Все полевые работники, так же как и все жители селения, собрались вокруг танцующего круга, невзирая на то, что гроза продолжала бушевать. Их единственным напевом было: «О, Елаи! Ельдаер Чоппей». Слова, которые никто не мог мне объяснить, поскольку они сами не знали языка, из которого они были взяты»².

В начале XIX в. акад. Г.-Ю. Клапрот почти слово в слово повторяет сведения фон Штедера, предполагая, что «О Эллаи, эльдер чоппей» означает «О, Илья, Илья, господин скалистых вершин». Кроме того, фон Штедер

¹ География Грузии царевича Вахушти // Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1904. С. 141.

² Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII–XIX вв. / Сост., ввод. ст. и примеч. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967. С. 54–55.

добавляет, что над могилой умершего воздвигают кучу камней, около которой «устанавливают одну большую палку со шкурой черного козла»¹.

Об обрядово-культурной жизни карачаево-балкарцев, связанной с образом Чоппы, М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер писали, что напротив святилища «на правой стороне Чегема была ровная площадка, на которую собирались петь священную песню с припевом “Чоппа”. Эту песнь пели, например, вокруг человека, пораженного громовым ударом, и около сумасшедших»².

Известный собиратель нартовских сказаний карачаевцев и балкарцев С. Урусбиев отмечал в своем комментарии к нартовскому сюжету, что «по преданию, нарты, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда... песню “Чоппа”»³.

Наиболее полные сведения об этом божестве и обрядах, связанных с ним, содержатся в исследовании Г.Ф. Чурсина. Описывая образ Чоппы в карачаевской обрядово-культурной жизни, ученый писал: «В Карачае мною собраны в 1914 году подробные сведения относительно “Чоппы”. У карачаевцев под названием “Чоппаны ташы”, т.е. “Камень Чоппы”, были известны священные камни, почитаемые народом. “Чоппа”, по объяснению карачаевцев был... богом, к которому обращались во всех случаях жизни. Ежегодный праздник Чоппе устраивали весной. Около “Камня Чоппы” ставили из жердей козлы и к поперечной перекладине их подвешивали серого козленка. Козленка раскачивали за рога, он кричал, а молящиеся устраивали вокруг хоровод и пели песню “Эллири Чоппа”. По окончании церемонии козленка варили и ели»⁴.

В первой половине XX в. начали появляться многочисленные сведения о культе Чоппы у других народов. Е.М. Шиллинг отмечал: «В Кабарде при наступлении грозы прежде пели: “Еле, Еле елети шопа”⁵; а при поражении человека молнией «поливали землю молоком, где ударила молния и водили хоровод с пением: еле-шоппа»⁶. Бытование этого образа среди кабардинцев можно связать с ролью хазар в их этногенезе. Некоторые исследователи полагают, что и этноним «кабардинцы» имеет хазарские истоки (ср. «кавары из рода хазар»). Необходимо заметить, что в этногенетических преданиях карачаево-балкарцев, наряду с «булгарами» или «булгарами» и «башинерами», в которых нельзя не заметить болгар и печенегов (басианов, бешеню), предками считаются хабарлыла или къабарлыла, а террито-

¹ Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок С. 168.

² Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 109.

³ Там же. С. 83.

⁴ Чурсин Г.Ф. Осетины: Этнографический очерк. Тифлис, 1925. С. 57.

⁵ Шиллинг Е.М. Черкесы // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.–Л., 1927. С. 48.

⁶ Кабардинский фольклор / Под общ. ред. Г.И. Бройдо. М.–Л., 1936. С. 582.

рия современных Урупского и Зеленчукского районов Карачаево-Черкесии именуется ими Хабар Карачай. Эти данные этнографии, топонимии и фольклора дают основания для дальнейшего исследования происхождения этнонимов кабардинцы и хабарлы (хабарцы) и роль хазаро-каваров в этногенезе кабардинцев и карачаевцев.

В памяти карачаевцев в 1930-е гг., как и в более ранние периоды, довольно хорошо сохранялась религиозная практика, связанная с образом божества Чоппа. В собранных М. Дудовым и Х.О. Лайпановым полевых этнографических материалах отмечалось, что «в Учкулане у священного камня Чоппаны-Ташы устраивали жертвоприношения козленка. Перед всей процедурой старик-жрец читал молитву. Первая ляжка каждого животного шла жрецу. Крича “Эллири-Чоппа”, бегали вокруг камня. Хором кричали: “Онгдада Дауле, Солдада Дауле, Кёкдеда Дауле, Джердеда Дауле” (“И справа Дауле, и слева Дауле, и на Небе Дауле, и на Земле Дауле”, — перевод наш. — М. К.), прыгая на месте, затем бегали вокруг камня с возгласами “Эллири-Чоппа”». Или: «Шкуру козленка набивали соломой и клали на “священный” камень. Мужчины и женщины, схватившись за руки, вприпрыжку бегали вокруг камня и кричали: “Эллири-Чоппа, Эллири-Чоппа”. Потом опускали руки, становились на колени, руками два раза гладили лицо и три раза целовали шкуру козленка. Потом, прыгая на месте, хором кричали: “Онгдада Дауле, Солдада Дауле, Кёкдеда Дауле, Джердеда Дауле” — “И справа Дауле, и слева Дауле, и на Небе Дауле, и на Земле Дауле!” — т.е. божество земли — вездесущее. Потом опять бегали вокруг камня, повторяя: “Эллири-Чоппа, Эллири-Чоппа”. В конце устраивали пиршество: ели мясо жертвенного скота. Праздник оканчивался молитвой жреца»¹.

Во второй половине XX в. собрано и опубликовано около 100 гимнических песнопений карачаевцев, посвященных Чоппе. Его именуют «Тейриден сора Сен Тейри» — «После Верховного Бога Тейри — Ты Тейри-Бог» или «Тейри-уду Чоппа-Тейри» — «Сын Тейри Чоппа-Бог» и т.д. В гимне, посвященном священному дереву *Джуртда Джангыз Терек*, поется:

*Ой, ДКесин кимгеда суйдюрген Терек,
Алтын чапркъла къымылдайдыла тѣпбенгде,
Чоппа этедиле сени тѣгерегингде.*

Перевод наш:

*Ой, Джангыз Терек, Душа-Дерево,
Ой, Джангыз Терек, Верховного Бога Тейри Дерево,*

¹ Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. С. 40; Он же. К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1960. С. 40.

*Ой, Джангыз Терек, блага нам дарующий,
Много у Тебя возможностей!
Людям помогающее Дерево,
Заставляющее всех влюбиться в Себя,
Золотые листья шелестят на Тебе,
Вокруг Тебя хоровод водят во имя Чоппа.*

При затмении луны пели:

*Чоппа, Чоппа джокку тебе болгъанбыз,
Кёк-Тейриси, джоппу тебе болгъанбыз,
Чуанагъа баш урабыз, табыныб,
Ай, джутулса, биз каллыкъбыз къарангыгъа абыныб,
Къара къулакъ акъ ирки соярбыз,
Санга юлюшюнгю къоярбыз.
Кёк-Тейриси, ай жарыкъны
Къулларынгдан тыйма Сен,
Джелмауузну ай-гюренге къойма Сен!
Чоппа, Чоппа Санга чокъундукъ,
Аминь, Аминь, джылаб, Санга баш урдукъ.*

Перевод наш:

*Чоппа, Чоппа, собрались мы в кучу (перед тобой),
Бог Неба, сгруппировались мы (перед тобой),
Поклонились священной роце (чуана), помолившись.
Если луна будет проглочена, то мы будем мыкаться в потемках,
Черноухого валуха мы тебе пожертвуем,
Долю твою оставим,
Бог Неба, свет луны не сдерживай от твоих рабов божьих,
Дракона не попускай к диску лунному.
Чоппа, Чоппа мы сделали Тебе чок (ритуал),
Со словами «аминь, аминь», с плачем бьем Тебе челом.*

При первом громае, а также обмолве зерна весной и осенью пели:

*Кёк анасы — Тейри къулу,
Джер анасы — Тейри къулу,
Суу-анасы — Тейри къулу,
От анасы — Тейри къулу,
Элляр-Чоппа, Уа-а Элляр-Чоппа.
Арирей, Арирей, Ирей Арирей,*

Арирей айтады, Чопна джырлайды:

«Чопна Арирей, Чопна Арирей».

Кёк Тейриси — Ахнай Тейри,

Уа, уа Тин Тейриси Эллейим,

Уа, уа, Чоппалагъа тебирейийим,

Чоппалада ындыр бар,

Арирейде къарыу бар,

Анда бизге ашау бар,

Ашау барда тукъум бар.

Арирей айтады, Чопна джырлайды:

«Чопна Арирей, Чопна Арирей».

Перевод наш:

Мать Неба — Слуга Тейри,

Мать Земли — Слуга Тейри,

Мать воды — Слуга Тейри,

Мать огня — Слуга Тейри.

Элляр Чопна, Уа-а Элляр Чопна,

Арирей, Арирей, ирей Арирей,

Арирей говорит, Чопна поет:

«Чопна Арирей, Чопна Арирей».

Бог Неба Ахнай Бог (непонятный термин. — М. К.),

Уа, Основы Бог Мой Элей,

Уа, уа, к великому Чоппе (на поклон) идем,

У великого Чоппы гумно есть,

У Арирея же сила есть,

В этом для нас пища есть,

Если пища есть — род есть,

Арирей говорит, Чопна поет:

«Чопна Арирей, Чопна Арирей».

В лексике карачаевцев сохранился семантический ряд понятий, связанных с образом божества Чоппа. Во время смерти человека от удара молнии устраивали скачки. Получаемый на них приз называли «Чоппа-Ёцю». Посвященное жертвенное животное, козленок, именовался «Чоппа-Улакъ», ритуальный танец в празднество Чоппа-Той называли *Чоппагъа барыу*, а колотушки, сопровождавшие танец, — *Чоппа-Харсы* и т.д. Приведенный этнографический материал показывает, насколько многогранна была функция этого божества в жизни карачаевцев. У других народов Северного Кавказа культ Чоппы не столь разработан. За пределами Кавказа этот культ обнаруживается у татар-кряшен (Чупша) и шорцев

(Алтын Шаппа). О существовании у тюрков (кроме карачаевцев включая балкарцев) культа Чоппы может говорить и наименование жрецов у азербайджанцев *чопчи* (ср.: карач. *чоппачы* или *чоппачыла*, как зафиксировали М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер в XIX в.), и языческие молитвы ногайцев с припевом «Андир-Чоппа».

Типологически святилища Чоппы можно разделить на несколько категорий: 1) родовые (они зафиксированы лишь у известных княжеских и дворянских тухумов); 2) удельные или сельские; 3) племенное или общекарачаевское¹, которое именовалось Чоппа-Тюйюрлюк (Храм Чоппы).

Сведения о божестве Чоппа, зафиксированные в источниках различных эпох, начиная с важного для VII в. свидетельства албанского епископа, делают возможной постановку проблемы о происхождении образа данного божества и связанных с ним терминов в обрядово-культурной жизни народов Северного Кавказа, абхазов, азербайджанцев, татар-кряшен, шорцев. Как-то при разговоре с археологом Х.Х. Биджиевым, в то время, когда он был докторантом Института археологии АН СССР, а автор данных строк — аспирантом Института этнографии АН СССР, мною была выдвинута версия о гунно-хазарских корнях не только божества, что отмечал упомянутый автор в своей книге, посвященной Хумаринскому городищу², но и понятий *элдери* (осет.), *эллири*, *эляри* (карач.), *еле* (кабард.), *андир* (ногайск.), сопровождающих имя данного божества в молитвенных текстах. На языке древних тюрков *шкура козленка*, снятая чулком для ритуальных действий, именовалась *эллири*, или *эдири*. Карачаевцы по сей день мерлушку обозначают понятием *элтир*. Поэтому понятия *эдири* или *эллири* отражали просьбу, обращенную к Чоппе через освященную *шкуру козленка*, жертвуемого данному божеству.

В историко-этимологическом словаре осетинского языка известный иранист В.И. Абаев отмечал, что, несмотря на распространенность данного образа и его имени среди черкесов, осетин, карачаевцев, балкарцев и абхазов, «вопрос о том, какого (слово *чоппа*) происхождения и что оно собственно означает, остается пока открытым»³. Популярность этого культа именно среди тюркских народов Северного Кавказа, за исключением небольшой части народов адыго-абхазской группы северо-кавказской языковой семьи, а также заверченный, сложившийся характер его культа в Карачае позволяет говорить о древнетюркских истоках данного образа.

¹ Приведенные в тексте статьи многими авторами — фольклорные и этнографические материалы см.: Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.

² Биджиев Х.Х.-М. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993.

³ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М., 1996. С. 316.

On Hunni Choppa-Darkunand, from a Description by a 6th Century Albanian Bishop

Abstract: Based on the evidence given by Movses Kalankatwazi about the embassy of the Albanian bishop Israel in the “country of Huns” (681-682), the author offers his own interpretation of information about the Hunno-Savirs’ religious beliefs and cults. The author raises the question of the origin of the image of the deity Choppa, and related terms in the ritual and religious life of the peoples of the North Caucasus.

Key words: *Albanian bishops, Israel, the Hunnes, Choppa, Darkunand.*

Murat Dj. KARAKETOV,

Senior Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow)

*Международная научная конференция
«Кавказская Албания и этнокультурное
наследие» (Ереван, 2007 г.)*

*Международный научный симпозиум
«Кавказская Албания и лезгинские народы:
историко-культурное наследие и современ-
ность» (Москва, 2008 г.)*

*Международная научная конференция
«Место и роль Кавказской Албании в истории
Азербайджана и Кавказа» (Баку, 2011 г.)*

Научное издание

Albania Caucasica I

Ответственные редакторы: А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев

Редактор: Т.А. Аникеева

Технический редактор: Е.Ю. Ендольцева

Корректор: А.А. Конькова

Разработка оформления и компьютерная верстка: С.Н. Чеботарев

Подписано в печать 28.04.2015

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура Palatino Linotype

Тираж 2000 экз.

Институт востоковедения РАН

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Тел./факс (495) 621-18-84

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2

E-mail: idelpress@mail.ru